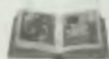

СЛАВЯНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

BIBLIOTHECA
SLAVICA

В. И. ФРЕЙДЗОН

ИСТОРИЯ ХОРВАТИИ

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

BIBLIOTHECA SLAVICA

В. И. ФРЕЙДЗОН

ИСТОРИЯ ХОРВАТИИ

*Краткий очерк с древнейших времен,
до образования республики
(1991 г.)*

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

BIBLIOTHECA SLAVICA

Редколлегия серии:

Член-корреспондент РАН Флоря Б. Н. (председатель),
Абышко О. Л., Савкин И. А., Горина Л. В.,
академик РАН Литаврин Г. Г.,
член-корреспондент РАН Милов Л. В.,
Толстая С. М., Турилов А. А.

Издательство
«Алетейя»
Санкт-Петербург
2001

Российская Академия наук
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

В. И. ФРЕЙДЗОН

ИСТОРИЯ ХОРВАТИИ

*Краткий очерк с древнейших времен
до образования республики (1991 г.)*

Рецензенты: канд. истор. наук *О. А. Акимова*
канд. истор. наук *С. А. Романенко*
канд. истор. наук *О. В. Хаванова*

Издательство
«Алетейя»
Санкт-Петербург
2001

ББК ТЗ(4ЮЧх)

УДК 949.712

Ф 86

Ф 86 В. И. Фрейдзон. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.) -- СПб.: Алетея, 2001. -- 318 с. -- (Славянская библиотека. Bibliotheca slavica)

ISBN 5-89329-384-3

В книге впервые в русской науке изложены основные моменты истории Хорватии за 1400 лет. Потеряв независимость в начале XII в., хорваты обрели ее в XX-ом. История небольшого славянского народа, расположенного на юго-востоке Центральной Европы, в Средиземноморье и на Балканах, исключительно сложна. Мирные и военные контакты со многими народами, совпадение во времени важнейших политических событий с социальными сдвигами, вековая политическая раздробленность, смешение на части территории с сербским населением -- таковы ее некоторые черты. Разбросанность хорватских земель осложняла развитие внутренних связей. Существование разных диалектов, политика мадьяризации и германизации, -- многое из сказанного затрудняло складывание нации. Тем более интересна история преодоления этих трудностей. Непрерывные контакты с центрами европейской цивилизации способствовали формированию оригинальной хорватской культуры.

За исключением редких моментов, хорваты веками отстаивали свою государственность (боролись за расширение автономии, суверенитет), а их отпор двухвековому османскому нашествию полон героизма. В XIX в., находясь под властью Габсбургов, хорваты сформулировали свою национальную идеологию. В монархической Югославии (1918-1941), при всех ее острых противоречиях, все же возникли более благоприятные, чем ранее, условия для хорватского национально-освободительного движения. Во время Второй мировой войны, при нападении на Югославию, фашистские диктаторы Германии и Италии создали на территории Хорватии и Боснии марионеточное «Независимое хорватское государство». Но хорваты вместе с другими народами Югославии отстаивали свободу против нацизма и национальных предателей-усташей. Авторитарная югославская федерация (1945-1991) стала последним этапом на пути хорватского народа к самостоятельной республике. В данном труде раскрывается сложность пути, пройденного хорватами в XX в.

При работе над книгой автор опирался на материалы архивов Загреба и Москвы, хорватские, российские (включая собственные) и иностранные исследования и публикации документов.

ISBN 5-89329-384-3

© Издательство «Алетея» (СПб.), 2001 г.

© В. И. Фрейдзон, 2001 г.

От автора

Понятен интерес российского читателя к недавно получившим независимость, в большинстве славянским, государствам Центральной и Юго-Восточной Европы. Книга по истории Хорватии с древнейших времен до наших дней — первая на эту тему.

Естественно, что в одном томе было возможно представить лишь основные линии, наиболее важные события за тысячу четыреста лет. Надеюсь, что книга даст нечто новое студентам, аспирантам-славистам и всем интересующимся прошлым богатейшего событиями уголка Европы, историей небольшого народа, в которой немало героических деяний и достойных внимания мыслей.

Полагаю, что пособие по истории может содержать дискуссионные моменты, что побуждает читателя мыслить самостоятельно. К дискуссионным проблемам относятся, например, степень достоверности древнейших письменных источников, оценка антигабсбургского движения в Венгрии и Хорватии в XVI в. (анархия или борьба против зарождающегося абсолютизма?), деятельности императора Иосифа II в XVIII в., югославистской идеологии вообще и ее ранней стадии — иллиризма, эволюции югославизма в начале XX в., значения первой (1918—1941) и второй (1945—1991) Югославии для движения хорватов к государственной самостоятельности. Имеются и другие проблемы, заставляющие задуматься. Вероятно, читатель их обнаружит. В книге, посвященной Хорватии, прошедшей один из сложнейших в Европе исторических путей, трудно претендовать на «абсолютный» результат.

С особой признательностью упоминаю коллег-рецензентов: О. А. Акимову, С. А. Романенко, О. В. Хаванову, своими советами и замечаниями способствовавших улучшению книги. Приношу сердечную благодарность также сотрудникам Института славяноведения д-ру ист. наук А. Л. Шемякину, кандидатам ист. наук А. В. Карасеву и Б. В. Носову, которые прочитали рукопись и поделились со мной своими соображениями. Глубоко благодарю канд. ист. наук В. В. Коротееву, много потрудившуюся при подготовке рукописи к сдаче в издательство. Возможные недостатки в многосложном труде такого хронологического охвата — mea culpa.

Введение

Хорватия — небольшая республика на юго-западе славянского мира. Современная Хорватия в географическом отношении четко подразделяется на три основные части: 1) центральную (или северо-западную) компактную древнюю историческую землю, «собственно Хорватию» (города — Загреб, Вараждин, Карловац, Сисак и важнейший порт — Риека). Это горный ландшафт северо-западнее Загреба, залитые солнцем горные долины, виноградники, старинные замки и крепости... Этот регион центральной Хорватии в сущности — предгорье Альпийской цепи, граничит со Словенией, Венгрией, Боснией; 2) юго-восточная часть — Далмация (портовые и промышленные города, виноградники) — сужающаяся к югу полоса на востоке примыкает к Боснии и Герцеговине, на юге — к Черногории, к приморской зоне относится также гряда далматинских островов, полуостров Истрия (его северная часть входит в состав Словении), за неширокой Адриатикой — Италия; 3) восточная часть — Славония (города Осиек, Вуковар и др.), плодородная долина в междуречье Савы и Дравы, на севере граничит с Венгрией, на востоке — с Сербией, на юге — с Боснией. К Славонии примыкает небольшая область Бараня, к «исторической» Хорватии — Меджумурье.

Своеобразное расположение хорватских земель придает республике на карте облик птицы, распростершей крылья на сотни километров. Малая страна, а сколько границ! Наиболее развитой в промышленном отношении и густонаселенной является центральная часть (с миллионным Загребом). Далмация — область моряков, судостроителей, курортов и туризма. В середине XIX в. далматинские моряки совершили кругосветное плавание на парусном корабле. Экономический центр Далмации — Сплит. Южнее расположен всемирно известный Дубровник.

В раннем Средневековье хорваты отстаивали самостоятельность от франкской державы, испытывали нашествия норманнов. Сотни лет они были связаны с Венгрией, Австрией, Венецией, Римом — центром католичества, противостояли османскому нашествию, поддерживали сложные отношения с сербами, с частично исламизированным югославянским населением Боснии и Герцеговины, наконец, с северо-западными сосе-

дями — словенцами. Контакты с югославянами облегчались ввиду крайней близости, а в некоторых областях и единства языка. Хорваты с самого зарождения их государственности не раз становились объектом политической игры сильных соседей, боролись и лавировали, чтобы сохранить свою государственность хотя бы в масштабах автономии.

В течение многовековой истории хорваты пережили длительную политическую раздробленность, центр их государственности смещался, сотни лет они находились в зависимости от других, но при этом — за исключением краткого периода — сохранили политическую автономию. Не миновал их и османский гнет. И в древнее, и в Новое время они использовали любую возможность, чтобы играть самостоятельную роль в международных политических отношениях.

В процессе складывания нации (XVIII—начало XX в.) хорваты должны были решать сложную задачу политического объединения своих земель. В XIX—XX вв. они выдержали длительную борьбу за национальный суверенитет, за независимость.

Периодизировать историю Хорватии целесообразно в зависимости от переломных, скачкообразных политических процессов, ощущавшихся не только ее верхними слоями, но и всем народом. Особенно чувствительны для небольшого народа были смены иноземной государственной власти. Так, в конце XI — начале XII в. Хорватия утратила независимость почти на девятьсот лет, попав сначала в состав Венгерского королевства. В XVI в. — новый перелом: начало четырехсотлетней власти австрийских Габсбургов (при сохранении власти Венгрии) и почти двухвековой власти османов (XVI—XVII вв.). Четыреста лет частью хорватской земли владела Венеция. В начале XX в. — кратковременная власть сербской династии; наконец, авторитарный режим 40-х—80-х годов XX в. в СФРЮ.

Интересным обстоятельством для историка является совпадение (иногда приблизительно) серьезнейших государственно-политических перемен с узловыми периодами в социально-экономической сфере. Так, переход под власть венгерского короля произошел в период созревания феодализма, власть императора «Священной Римской империи» пришлось на время закрепощения крестьянства, развал Австро-Венгрии означал ускорение капиталистического развития Хорватии, конец югославской монархии совпал с социальным переворотом в Югославии.

Ввиду особой сложности (многотемности) материала, обширного хронологического охвата труда (примерно 1,4 тысячи лет) автор опирался на хорватские монографии, обобщающие работы и статьи, на исследования российских историков-славистов и унгароведов, историков США и Чехии. При работе над разделами по Новой истории использованы, в частности, мои опубликованные и неопубликованные труды.

Материалы, на которые даются ссылки в Примечаниях, пронумерованы по главам, при повторной ссылке номер сохраняется. Ссылки на архивные материалы и на опубликованные источники (корреспонденция, статьи в газетах) помещены в тексте.

Принятые сокращения:

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

Глава 1

Раннесредневековая Хорватия. VII–XI века

По-видимому, со 2-го тысячелетия до Р. Х. западная часть Балканского полуострова была населена группой индоевропейских племен, вошедших в историю под греческим и латинским наименованием иллирийцев. Археологические данные свидетельствуют о наличии торговых связей между ними и греками примерно с VII в. до Р. Х. Тогда же по берегам Адриатического моря появились греческие колонии.

Иллирийская государственность возникла в одну эпоху с закреплением римлян на восточном берегу Адриатики. Первый отряд римлян занял о. Керкиру (Корфу) в 229 г. до Р. Х. Иллирийцы выдерживали натиск римлян до 60-х годов II в. до Р. Х., после чего власть Рима постепенно распространилась севернее р. Неретвы. Но иллирийское племя *дельматов* и многочисленные племена южнее Дуная сопротивлялись завоевателям около двух столетий, до начала I в., когда на территории Иллирика были созданы две римские провинции, в значительной мере простиравшиеся на земли современной Хорватии.

Итак, ко времени переселения славян на юг от Дуная римское, а вслед за ним византийское владычество длилось уже примерно половину тысячелетия. Все это свидетельствует о значительном слое цивилизации, с которым хорваты соприкоснулись по крайней мере на части новоприобретенных земель. Не говоря о животноводстве, хлебопашестве, виноградарстве, мореходстве иллирийских племен, славяне застали на побережье Адриатики римские каменные дороги (которыми, кстати, хорватские крестьяне пользовались в XX в.!), многочисленные каменные постройки, в том числе церкви, крепости, жилые здания, колодцы, и выдающиеся архитектурные сооружения (дворец императора Диоклетиана начала IV в., вокруг которого вырос город Сплит), бытовые вещи, произведения искусства, морскую и континентальную торговлю, греческую и латинскую письменность.

Письменные источники, освещающие ранний период истории хорватов, отрывочны и лишь в небольшой мере дополняются данными археологии. Особенность многих сообщений о хорватах VII–XI вв. — их значительно более позднее (в сравнении с упоминаемыми событиями) происхождение. Этот разрыв подчас достигает нескольких веков, поэтому можно полагать, что содержащиеся в них сведения лишь относительно достоверны, а иногда имеют легендарный характер. Например, грамота князя Трпимира от 852 г. сохранилась в записи 1568 г. (!), грамота короля Петра Крешимира IV с перечнем привилегий задарского монастыря, датированная 1069 г., сохранилась в копии конца XII в.; присяга короля «Хорватии и Далмации» папе римскому от 1075 г. известна в записи 1192 г.; в хорватском переводе (XV в.) Дуклянской летописи (возникла во второй половине XII в.) и в латинской копии этого документа (XVI в.) имеется запись легендарного рассказа о смерти короля Звонимира (XI в.) и т. д. Даже запись о знаменитом в хорватской истории договоре (1102 г.) «двенадцати хорватских племен» с венгерским королем Коломаном (Кальманом) — так наз. *Pacta conventa* — сохранилась в рукописи 1377/8 гг. По мнению некоторых историков (Л. Хауптмана), текст этот возник, вероятно, в первой половине XIII в., т. е. более века позднее самого события, а дошел до нас в записи, почти на три столетия (275 лет) отстоящей от события. В связи с этим в историографии нет единодушия относительно обстоятельств объединения Хорватии и Венгрии. Так, классик старой хорватской историографии (первой половины XX в.) Ф. Шишич говорит о «так называемом» (*tobozljji*) договоре, подчеркивая скептическое отношение к самому сообщению.

Современная исследовательница истории раннесредневекового хорватского государства С. Ракова вообще не упоминает о «договоре» 1102 г., а просто говорит о коронации венгерского короля Коломана хорватской короной. Прав ли автор? Вполне возможно. Ведь запись, созданная в XIII в. и сохранившаяся в переписи XIV в., может свидетельствовать только о патриотизме хорватских авторов, стремившихся подтвердить определенные автономные права Хорватии. Но, конечно, нельзя утверждать, что дело обстоит именно так.

Первое известие о славянах в Далмации содержится в письме папы Григория I архиепископу Салоны (в Далмации) Максиму от 600 г. «Из-за славян, столь опасных для вас, я очень переживаю и обеспокоен. Сочувствую вам, а обеспокоен потому, что [славяне] уже стали вторгаться через Истрию в Италию». Вторжения славянских племен вместе с аварами отмечены в VI в., тогда же, возможно, западные приморские районы полуострова заселялись славянами, которых здесь застали хорваты. В начале VII в. некоторые западные города уже находились в руках славян (Диоклея — совр. Подгорица, Скадрона и др.). Романское население укрывалось в укрепленных приморских городах или бежало на острова. По сведениям

автора IX в., папа Иоанн IV (640–642) послал «верного аббата Мартина» в Далмацию и Истрию для выкупа христиан, захваченных язычниками в рабство.

Попытка императора Маврикия вытеснить славян за Дунай оказалась тщетной. Славяне дважды захватывали Фессалоники, а в 623 г. осаждали Константинополь.

Расселение хорватских племен в Далмации происходило несколькими волнами и, по мнению некоторых исследователей, продолжалось до IX в. Крупнейший писатель той эпохи — византийский император Константин VII Багрянородный (X в.) упоминает их в тексте, посвященном 20–30-м годам VII века, и пишет о «семи» (священное число) хорватских племенах или родах и их вождях — пяти братьях и двух сестрах. Доказательств того, что во время переселения все они называли себя хорватами, не имеется. Хорваты смешивались с романским и ранее появившимся здесь славянским населением. *

Древняя Карантания (ныне часть словенских и австрийских земель), которую проходили хорваты, уже в VIII в. оказалась под ударами франков, а в IX в. здесь правили немецкие властители. Словенский господствующий феодальный класс не успел сформироваться, и словенский народ на целое тысячелетие оказался под немецкой властью.

Политическое развитие хорватских земель приобрело иной характер. Согласно франкским источникам, древнее ядро хорватской государственности располагалось южнее хребта Велебит, между реками Зрманя и Цетина, то есть в непосредственном соседстве с Далмацией, где имелись города Задар, Сплит, Трогир и др. Часть этих городов сохранилась с римских времен, другие были основаны хорватами. Это так называемая Королевская Хорватия (в X в. здесь был центр королевства).

По-видимому, именно здесь, в Приморской Далмации, в конце первой — начале второй трети VII в. возник племенной союз, объединивший хорватов, славян, находившихся здесь ранее под господством авар, и остатки аварского населения. Здесь — между Цетиной и Велебитом — в результате консолидации славян к IX в. были утеряны местные племенные наименования и постепенно утвердилось общее название «хорваты» [4], то есть появилась раннесредневековая народность.

В IX в. в состав хорватского государства уже входили северные области (жупы) Гаука, Лика, Крбава, правитель которых именовался баном, а сама территория Банской Хорватией.

* Сложнейшая проблема этногенеза хорватов вне Хорватии выходит за рамки книги. Из новейших исследований этой бескрайней темы см. [3]. Как обычно на подобные темы, работа содержит весьма оригинальные рассуждения.

Судя по сообщению императора Константина, часть хорватов отделилась от осевших в приморской области бывшей римской провинции Далмации и овладела Иллириком и Паннонией. Так со временем возникли две хорватские области: Далматинская (или Приморская) и Посавская (Паннонская) Хорватия. Кроме того, хорваты расселились далее на юг — между реками Цетина и Неретва, и проникли южнее Неретвы, в область, названную в древней рукописи Красной (т. е. южной. — В. Ф.) Хорватией. Это современная Бока Которская (в составе Черногории). На севере хорваты закрепились на части полуострова Истрия, но вплоть до нашего времени в состав хорватского государства эти территории не входили.

Об организации и внутренней жизни Славонии во времена Томислава (X в.) ничего не известно. Есть сведения об «архонте» «Иллирика и Паннонии». Возможно, это свидетельствует об особом статусе Славонии, а также о ее несколько отличавшемся этническом составе. До позднего Средневековья ее называли Славинией, Склавонией, а ее жителей склави́нами, славянами.

Под раннесредневековым понимается государство в процессе становления, т. е. сохраняющее сильные остатки родоплеменных отношений, государство, большинство или значительную часть населения которого составляли люди свободные (в понимании того времени) и вместе с тем держащее в повиновении все увеличивающееся число разных зависимых групп. Государственность — результат социальных сдвигов, развития властных и владельческих структур, состоящих из формирующейся знати. В хорватском случае социальное и имущественное расслоение, распространение индивидуальной собственности после передвижения масс славян за рубеж Центральной Европы на юг (VII в.) ускорились ввиду близости Адриатики, старинных торговых приморских городов, культурного воздействия Византии и Италии. Но в горных скотоводческих районах устойчиво сохранялись патриархальные отношения.

В связи с переселением хорватов быстро росли влияние и богатство военной знати. Ранее, вероятно, избиравшиеся пародом начальники становятся наследственными, т. е. знатью, и приобретают особые социальные устремления, организуют военные дружины, а вместе с тем и власть.

Зарождение знати Ф. Шишич рисует так. Народ состоял из племен, а те — из более мелких коллективов со все более тесным родством (племя — братство — большая семья).* По нашему мнению, центральной ячейкой

* Наличие в древности больших семей («задруг») подвергается сомнению. Д. Павличевич отмечает, что само слово «задруга» позаного происхождения, до этого упоминали о «задружном быте». Он пишет, что в средневековых документах о задруге сведений почти нет (возможно, потому, что застойный быт крестьянина казался само собой разумеющимся). Поэтому неизвестно время возникновения задруги. Возможно, что это древнейший институт. Во время распа-

становились роды. Для подтверждения знатности человек указывал на свой род. «Территория, занимаемая одним племенем, называлась жупа, которая получала название по племени, по реке или по месту. Главой племени был жупан, обычно верховный судья и военачальник племени; как правило, он принадлежал к братству, выделявшемуся храбростью, древностью или численностью. Бывало, что жупанство становилось наследственным в отдельных братствах, это — зародыш славянской знати» [5]. В племенном граде на площади «собирались племенные советы, состоявшие из глав всего племени». При необходимости здесь выбирали воеводу из представителей сильных братств или родов.

Пожалования государя, выслуга перед двором, военные подвиги, грабеж богатств, захват рабов — еще один путь появления знати. Знать — опора формирующегося государства.

В отличие от племени, кровнородственного объединения, жупа становится территориально-административной ячейкой государства. Жупана, как начальника жупы, прежде, по-видимому, избираемого, назначал князь. Это чиновник князя, член администрации консолидирующегося государства.

В плодородных областях Северной Далмации (районы г. Нина, Равних Котарон, р. Крки) в многочисленных находках античной эпохи имеются и данные о хорватах, которые, вероятно, пользовались античными жилищами и предметами быта. Находки у Нина VII – начала VIII в., относящиеся к различным этносам, «доказывают факт устойчивого культурного влияния далматинских автохтонов» (иллирийцев) на переселившихся сюда хорватов. Достаточно указать на то, что иллирийский тип деревенского дома сохранился до сих пор. Имеются доказательства римско-иллирийского влияния на хорватов в ремесле.

Материал хорватских некрополей VIII–IX вв. свидетельствует о далеко зашедшем процессе социальной дифференциации общества. Захоронения знати в районах Нина и Книна доказывают, что именно здесь складывались локальные политические структуры [2], то есть прежде всего княжеская власть.

С VII по начало IX в. в среде переселившихся на Балканы славян происходил процесс этнической консолидации, связанный со становлением раннефеодального общества. Этим процессом были затронуты и племена,

да феодальных отношений была высказана догадка, что задруга была создана (навязана) землевладельцами, так как обеспечивала имение работниками. Еще в большей мере задруга была нужна командованию Военной границы для обеспечения военной службы, ухода за стариками, калеками и пр. Другая теория (XIX в.) рассматривала задругу как проявление исконного духа славян и специфическую форму землепользования, противостоящую «германской» частной собственности и «навязанному» славянам феодализму [6].

создавшие разрозненные хорватские княжества, то есть раннефеодальную государственность. Итак, процесс феодализации становился основой этнической консолидации. Правда, франкские источники первой четверти IX в. свидетельствуют о наличии мелких славянских княжеств в Паннонии и Далмации. Вместе с тем имеются данные о более значительных государственных образованиях.

Первым правителем крупного княжества был Борна, в источниках — «князь Далмации» (этноним «хорваты» не упоминается). Этот *dux Dalmatiae* был вассалом Франкской империи. После его смерти власть перешла к его племяннику Владиславу «по просьбе народа и с согласия императора». Итак, уже зародилась наследственная власть, но власть, избираемая «народом», то есть либо знатью, либо свободным населением. Район поблизости от далматинских городов (Задар, Трогир, Сплит) был центром княжества, постепенно расширявшего свои пределы. Его власть достигла племени «гачан» (современная Лика в приморье), но там и, как видно, в ряде других мест была менее прочной, чем в Далмации (мнение Е. П. Наумова).

Другое славянское княжество размещалось в долине реки Савы и имело центр в г. Сисаке. Оно возникло, вероятно, после разгрома авар франками в начале IX в.

Франки овладели южной Паннонией, бассейном Савы и частью Далматинской Хорватии (с г. Нин) в конце VIII в. В 819–822 гг. против фриульского маркграфа в Сисаке вспыхнуло восстание. Его возглавил «воевода» (или князь) Людевит, вошедший в историю как Посавский. Он пытался создать более обширное независимое государство, но это ему не удалось. Далматинский князь Борна был на стороне франков.

В связи с неустойчивым политическим положением Византии, сохранившей (подчас номинально) сюзеренитет над Далмацией до XII в., хорватскому князю Миславу (835–845), сидевшему в Клисе, пришлось воевать за далматинские города с набиравшей силу Венецией. В источниках зафиксирован мир между Миславом и Венецией (839 г.).

Приморские города представляли большую ценность: они занимали важное стратегическое положение, здесь развивались ремесло и торговля, и в раннее Средневековье борьба за них вспыхивала неоднократно. Города постепенно славянизировались. Но городская знать говорила на романском далматинском диалекте.

Впервые этноним «хорваты» появляется в грамоте князя Трпимира (845–864) от 852 г. К этому времени уже произошла массовая христианизация населения, в начале IX в. возникло самостоятельное хорватское епископство в г. Нине. Учреждение церковной организации означало значительный шаг в оформлении хорватской раннесредневековой народности, территориальными рамками которой являлось Хорватское княжество. В дальнейшем в Хорватское княжество была включена часть Паннонско-

го княжества. К 70-м годам IX в. относится надпись на камне Бранимира, «князя хорватов» (тем самым подтверждается подлинность грамоты Трпимира, дошедшей до нас лишь в копии XVI в.).

Международное значение княжества возрастало, и все же хорватские князья в IX в. еще оставались в вассальных отношениях к королю франков Людовику Немецкому. Совместно с франками хорваты в 871 г. отбили итальянский город Бари у арабов, за что папа обращался к хорватскому князю Домагою (864–876) «*duci gloriozo*». Одновременно хорваты конфликтовали с Венецией, поэтому венецианский автор считал того же Домагою «*slavogum pessimus dux*»...

Несмотря на внутренние неурядицы, положение Хорватии в IX–X вв. укреплялось. Князь Трпимир (845–864) стал основателем династии Трпимировичей, которая с перерывами правила до конца XI в. Христианин Трпимир уже именовался «Божией милостью князем хорватов». Грамота Трпимира 852 г. является древнейшим хорватским государственным документом.

Вскоре после смерти Трпимира зависимость Хорватии от франков прекратилась. В 878 г. князем стал Здеслав «из рода Трпимира». Из этого видно, что Византия признала наследственные права этого рода. Кроме того, Византия передала хорватам право сбора символической дани с городов и островов.

Хотя двор князя находился в Клисе, князья нередко меняли свое местопребывание. Они наезжали в Бихач, Нин, Книн, Солин, Биоград, Шибеник, Омиш. Города Нин, Книн и Клис стали столицами. Здесь в IX–XI вв. были построены большие церкви. В районе этих городов имеются богатые захоронения. Двор князя состоял из высшей знати — придворных жупанов, коморников, духовенства, конюшего, виночерпия, нотариев, сокольничего. Двор постепенно разрастался. Появился «дед» — вероятно, управляющий двором. Особо выдвигается должность бана — первого лица после короля. Банам передавалась вся собранная дань [2], они же были судьями. Трпимир в своей грамоте говорит об «общем совете» князя с жупанами, на котором принимались решения.

Итак, становление феодальных отношений являлось основой развития народности, государственности и христианизации. Уже в IX в. далматинские князья владели доменом, землю которого обрабатывали крестьяне, державшие наделы. Но большинство земледельцев было обязано лишь вносить дань князю. Император Константин писал, что хорваты способны выставить огромное войско, следовательно, народ был еще вооружен. Позднее подобных сведений уже нет. Очевидно, войско стало меньше, то есть происходил процесс становления феодального войска. Много свободных разорялось, пополняло зависимое население. Росло землевладение знати и церкви. Но свободные крестьяне — общинники и самостоятельные владельцы земли (*possessores*) — и в XI в., вероятно, составляли

большинство. Природные условия затрудняли создание в Хорватии крупного пахотного хозяйства с зависимым крестьянством. Зависимость заключалась в уплате подати господину. Но все же это — раннефеодальные отношения.

Документальные материалы, рисующие социальные отношения в Далмации в этот период, скудны и оставляют картину неясной. Определенно, однако, что в XI в. процесс феодализации ускорился, хотя и не завершился [7].

В приморских городах издавна имелась правящая знать (патрициат), владевшая землей, купечество, ремесленники (горожане) и простолюдины. Сильные позиции занимала церковь. Города пользовались широкой автономией.

Представляет интерес, что до середины X в. в местных и иностранных источниках политическое понятие «Хорватия» отсутствует. Есть «земля хорватов», «король хорватов» (или славян). Впрочем, и в древнерусских источниках встречается «русская земля» и лишь позднее название страны.

В IX в. упоминаются «жупы», или «жупании» — административные единицы обычно во главе со знатным землевладельцем и (он же) военачальником (жупаном). В источниках главы жуп иногда именуются *comites* (графы) или *judices* (судьи). Начальники жуп имели право собирать налоги в свою пользу, отдавая большую часть князю. Император Константин Багрянородный говорит об 11 жупах и 1 бановине (во главе с баном) в составе Далматинской Хорватии. Эта цифра «12» — возможно, легендарная. Но существенно, что названия жупаний не связаны с племенными наименованиями — они обозначали территориально-административные единицы Хорватии. Названия жупаний совпадают с названием ряда упомянутых Константином городов (всего числом 9). Вероятно, укрепленные города были центрами жупаний. Кроме них были города, непосредственно подчиненные королю.

В 925 г. глава хорватского государства Томислав впервые был упомянут в письме папы в качестве короля (*rex croatorum*). Этот факт, по-видимому, отражал и дальнейшую консолидацию хорватской народности. Развитие социальной структуры (глава государства, аппарат его власти, знать, духовенство), христианизация и развитие этнонима — явления связанные. При Томиславе Хорватия окрепла, так как король успешно отразил удар Болгарии и натиск венгров, а также временно присоединил к Далматинской Хорватии земли в Славонии. В конце X в. Хорватия вновь предстает как сильное государство.

По свидетельству сплитского хрониста XIII в. архидиакона Фомы, Стефан Држислав (969–997) и его наследники являлись «королями Далмации и Хорватии». Знаки королевского достоинства они принимали от Византии и получили почетные звания «эпархов» (наместников) и патрициев.

Установился обычай наследования престола сыном или братом государя, что, впрочем, нередко нарушалось. Иногда правитель избирался вельможами, богатство и влияние которых возрастало. Земля государства принадлежала князю (позднее королю) и вельможам, приобретавшим ее по наследству или как дарение части домена государя. Обширные дарения в виде драгоценностей и земли получала церковь, особенно монастыри, не только от князя, но и от вельмож.

Что касается народа, то наряду со свободными земледельцами (часть их выбивалась в мелкое «племство», дворянство), а также вольноотпущенниками, существовало несколько низших слоев — отроки (сервы, слуги), колоны, рабы в прямом смысле (рабство сохранялось, постепенно переходя в феодальные формы зависимости).

Свидетельство развития цивилизации у хорватов — появление своих правителей, христианизация и связанная с ней книжность. В связи с появлением феодальной иерархии и увеличением числа зависимых крестьян господам был нужен полновластный авторитет — помазанник Божий, а не патриархальный вождь. Христианин-правитель должен был обеспечить равноправное положение государства среди других христианских государств. Соответственно на хорватской территории появляется собственная Нинская епископия с латинским обрядом.

Хорватия все более входила в западную культурную сферу, укрепляя связи со св. Престолом. Последний осуществлял в отношении Хорватии активную политику. Папа Иоанн VIII обращался к князю Здеславу «дорогой сын и славный славянский князь», подчеркивая, однако, что высшими покровителями хорватов являются св. апостолы Петр и Павел, то есть подвергая князя идеологическому воспитанию. По сообщению Константина, хорваты приняли крещение от Рима. Влияние Рима в Хорватии — церковное и политическое — окончательно укрепляется в первой четверти X в.

В IX в. ученики Кирилла и Мефодия распространяли в Далматинской Хорватии письменность на церковно-славянском языке в его хорватской редакции (изводе). Для письма в некоторых церквях использовалась глаголическая азбука, отличная от кириллицы. О времени ее создания и происхождения дискуссии ведутся до сих пор. Глаголица распространилась и на светскую письменность.

Впервые о распространении в Хорватии и Далмации богослужения на славянском языке упоминается в материалах Сплитского церковного собора 925 г. И хотя на этом и последующих соборах употребление славянского богослужения ограничивалось или вовсе запрещалось, римская курия в конце концов была вынуждена признать право глаголистов на собственные — славянские глаголические богослужебные тексты. Культурное значение глаголической книжности для Хорватии было очень

велико. Уже в XV в. хорватские интеллектуалы пытались придать глаголической литературе роль фактора, интегрирующего хорватское культурное пространство. И в Новое время некоторые деятели национального движения пытались расширить глаголическое богослужение, рассматривая его как традиционное достояние отечественной культуры.

К юго-востоку от хорватских земель разместились племена, из которых впоследствии сформировался сербский народ. Центр их расселения находился в верховьях рек Дрины, Лима, Ибара и Западной Моравы. В Средние века эта область называлась Рашкой. По соседству с Рашкой находились племена, в этническом отношении очень близкие жителям Рашки и постепенно складывавшиеся в сербскую народность. Впервые этноним сербы упоминается в источниках в IX в., более подробно — у Константина Багрянородного. Христианизация сербских племен распространялась из Византии и закрепилась в IX в. Но у сербов долго сохранялись и элементы латинской терминологии. Деятельность учеников Кирилла и Мефодия способствовала распространению среди сербов восточного обряда.

С начала IX в. по р. Цетине установилась пока что неустойчивая граница между западным (римским) и восточным (византийским) политическим влиянием (хотя Византия еще стремилась восстановить господство над всей Далмацией, где империи принадлежал ряд городов). Эта граница приблизительно совпадала с полосой, разделявшей хорватские и сербские земли.

Как отмечалось, политика соседних государств влияла на судьбу раннесредневековой Хорватии. Так, война в Италии, в которой участвовали франки, а также появление в Паннонии венгров (896 г.) привели к уходу франков из Хорватии (IX в.) и освобождению Посавья. «Покровительствовали» хорватам и византийцы. При этом они создали оборонительную полосу (фему) Далмация с центром в Задаре. Но власть Византии в основном осуществлялась в далматинских городах, а в окрестных землях правили хорваты. Вместе с тем за свободу мореплавания по Адриатике, за борьбу с пиратством Хорватия получала дань как от Византии, так и от Венеции.

Появление по соседству венгерского государства изменило внешнеполитическую обстановку в Хорватии и в Центральной Европе вообще. Венгерская конница доходила до Далмации. Вовлеченность Византии в войну с сельджуками, а затем угроза со стороны крестоносцев позволили Хорватии освободиться от сюзеренитета Византии (XI в.).

В 1035 г. Стефан, представитель хорватской династии, но родственник венгерского короля, стал королем Хорватии-Далмации, а Посавье (Sclavonia, banatus) получил от правителя-бана. Эта область от Гвозда до Дравы все более воспринималась как особая часть хорватских земель, тесно связанная с Венгрией.

В X–XI вв. — времени наибольшего подъема, а затем упадка ранне-средневекового хорватского государства — оно включало области бассейнов рек Кулы, Савы до р. Дравы на севере (города Загреб и Сисак) и распространилось на восток до среднего течения Дравы. В X в. эта территория вошла в состав хорватского государства, но называлась Славонией (Склавонией), и лишь в XIII в. на ее часть распространилось наименование Хорватия. Славония приобретает статус «королевства» в первой половине XIII в. Итак, основными частями раннесредневекового государства были Далматинская Хорватия и Славония, позднее (с XIII в.), то есть уже при венграх, — Далмация, Хорватия и Славония, территория которой постепенно расширялась на восток. Это так называемое Триединое королевство.

Создание хорвато-далматинского объединения ряд историков относит ко второй половине XI в. (при сохранении традиционной автономии далматинских городов).

В 1000 г. ряд далматинских островов и городов был захвачен венецианцами во главе с дожем Орсеоло, а дож присвоил себе титул *dux Dalmatiae*. Хорватия повела тяжелую борьбу за города и острова. При Петре Крешимире IV (1058–1073) острова и города были возвращены. При этом короле раннесредневековая Хорватия достигла вершины своей силы. Король называл Адриатику *postum dalmaticum mare*. Королевство в это время состояло из трех крупных областей: Далмации, Славонии и Боснии.

Продолжая традицию хорватских королей, Дмитрий-Звонимир (1074–1089) укреплял связи с Римом. Он принял знаки королевского достоинства из рук папских посланцев и в 1075 г. признал себя вассалом св. Престола, который тогда занимал знаменитый Григорий VII (Гильдебранд). Согласно легенде, Дмитрий-Звонимир был убит на саборе под Книном, когда попытался убедить присутствующих принять участие в крестовом походе за спасение гроба Господня от сельджуков, фактически — за интересы Византии. Перед смертью король якобы предрек, что хорваты обречены на вечное подчинение государям «чужого языка» (т. е. народа).*

В конце XI в. венгерский король Ладислав I (в венгерской традиции Ласло I Святой, 1077–1095), воспользовавшись смутой в Хорватии, захватил Славонию и в качестве своего опорного пункта учредил Загребское епископство (1094 г.). Загреб стал важнейшим центром тогдашней Славонии.

Паннонская Хорватия развивалась относительно медленно. До XIV в. в источниках ее называют *Sclavonia*, Славония, то есть страна славян. Междуречье Савы и Дравы сохранило это областное наименование до сих

* Текст об этом сохранился в виде приписки к Дуклянской летописи. Приписка на хорватском языке относится к XV в., ее латинский текст датируется XVI в.

пор. Не без основания Е. П. Наумов считает, что замедленность этнической консолидации хорватов — то обстоятельство, что этноним хорваты обозначал лишь средневековую народность, которая сложилась в Далматинской Хорватии — связана с различиями в общественной структуре, степени феодального развития разных областей. Ликвидация самостоятельной хорватской государственности в начале XII в. еще больше затруднила формирование хорватского этнического самосознания. Наконец, этническое противостояние, связанное с включением романского населения островов в состав Хорватского королевства, могло содействовать развитию общеславянского самосознания, но в какой-то мере сдерживало укрепление самосознания хорватского.

Договор 1102 г. Перед вхождением Хорватии в состав Венгерского королевства в принятии государственных решений еще принимали участие «знать» и «малые люди», т. е., вероятно, свободные люди более низкого ранга. Следовательно, феодальное классовое образование еще не завершилось.

Раннефеодальное хорватское государство еще не вполне стабилизировалось. Аристократия стремилась к полной собственности на подвластные земли. Короли не обладали правами верховной собственности на территорию страны. Части государства в конце XI в. не были едины в этническом и политическом отношении (Далмация, Далматинская Хорватия, Славония). Позтому в конце XI в. венгры без труда заняли Хорватию. Хорватский король Петр предпринял попытку отстоять страну. По сообщению венгерского источника, в битве с венграми он погиб. После этого венгерский король Коломан заявил о своих правах на хорватский престол. Во избежание недовольства и волнений хорватов Коломан якобы предпочел договориться с хорватской знатью. В 1102 г., выйдя с войском на Драву, то есть на хорватскую границу, Коломан из династии Арпада, основателя Венгерского королевства, якобы встретился со старейшинами 12 племен хорватских и заключил с ними договор (позднее названный *pacis conventa*). Текст договора сохранился в рукописи 1387/88 гг. Здесь сказано, что Коломан решил взять под свою власть всю Хорватию вплоть до далматинского моря. Представители хорватской знати (указано, из какого рода каждый) были посланы «хорватами, собравшимися все вместе на скупшину» (очевидно, посланцы были уполномочены собранием знати). «Старейшины племен», посоветовавшись с большим числом знатных, послали для переговоров жупанов (некоторые знатные фамилии встречаются в последующей истории), и те договорились с королем, что они «со своими ближними без всяких препятствий сохранят свои владения и имущество, что ни один из родов, ни их люди не должны ... королевскому величеству платить налог или доход. За исключением того, что упомянутые обязаны господину королю, если кто-либо нападет на его границы и господин король пошлет за ними, должны пойти не менее чем

с десятью вооруженными всадниками от каждого рода — до Дравы за свой счет, а дальше за счет господина короля, и они должны оставаться, пока продолжается война. И так было договорено в году Господа 1102» [8; 9]. Это сообщение, как отмечалось, не может считаться несомненным, хотя нет и оснований для его игнорирования «с порога». Как в XIII, так и в XX в. оно служило хорватам для построения идеологии отстаивания государственного права. Приводимое ниже заключение серьезного ученого свидетельствует об этом.

После этого Коломан был коронован хорватской короной в приморском Биограде. Ф. Шишич [5] в 1916 г. так толкует договор 1102 г. «Венгрия и Хорватия — два отдельных королевства, будут иметь общего короля, но остаются двумя отдельными королевствами, объединенными в государственном отношении только личностью короля, который поэтому пополняет свой титул королем Далмации и Хорватии. Положение Хорватии как самостоятельного политического и государственного целого, следовательно, не изменилось, но права государя Хорватского королевства перешли к Коломану и его наследникам. А это означало прежде всего: назначение бана, выдачу привилегий и даров, подтверждение на саборе изданных законов, сбор налогов и пошлин, пользование „королевской землей“ вымершей хорватской национальной династии, верховное командование хорватским войском (*exercitus croaticus*) и прежде всего определение внешнеполитического курса. Все остальные внутренние дела — политические, административные, судебные, финансовые и военные — будет и в дальнейшем вести хорватское дворянство, но в согласии с представителем короля в Хорватии — баном, иначе — герцогом, когда он присутствует (в Хорватии. — В. Ф.), дворянству же принадлежит право в случае обороны и самостоятельное распоряжение хорватскими военными силами».

Здесь же Шишич отмечает, что гибель «древнего Хорватского королевства» стала следствием «противоречий, зависти и кровавых конфликтов» в среде знати, «коей племенные интересы все еще были важнее народных». Племяство (знать. — В. Ф.) «в ту эпоху больше было занято своими привилегиями и личной выгодой, чем национальным характером государства». Другая причина — романские приморские города, не дававшие государству окрепнуть (вероятно, имеются в виду войны из-за них, их этнический состав и автономные права. — В. Ф.). Далее, «роковая борьба между хорватской народной церковью и космополитической латинской».

Итак, Шишич утверждает, что Хорватия в основном сохранила суверенитет, но вместе с тем говорит о трагических обстоятельствах гибели древнего королевства (см. также [10]).

В связи с разногласиями в историографии относительно метода присоединения Хорватии к Венгрии в 1102 г. (завоевание или договор) В. Шушарин, автор соответствующего раздела «Истории Венгрии» [11], обоснованно

отмечает, что «сам факт сохранения в неприкосновенности совокупности привилегий хорватских феодалов, их полной социальной и несколько урезанной политической самостоятельности едва ли позволяет говорить о венгерском завоевании раннефеодального государства, каким являлось Хорватское королевство. В 1102 г. были оформлены, очевидно, отношения взаимовыгодного классового союза между феодалами Хорватии и венгерской раннефеодальной монархией». Аргументация убедительная. Надо добавить, что все это, по-видимому, происходило под сильным венгерским давлением.

Несомненно, что Хорватия сохранила определенную автономию. В частности, в 1273 г. «бан всей Славонии» Матвей, по происхождению венгр, собрал славонский сабор (документ сохранился в копии 1350 г.). На нем дворяне и служилые люди укрепленных городов вручили бану перечень традиционных прав королевства и бановины с просьбой придерживаться их, что было принято баном.

Расширение венецианских владений в далматинском приморье отрезало материковую Далмацию от морских путей, а связь Далматинской Хорватии с Венгрией, заинтересованность венгров в доступе к морю обеспечивала и хорватские интересы. Эта заинтересованность побуждала мадьяр мириться с автономией хорватских земель, поддерживать благоприятные отношения с хорватами. Таковы были внешние условия возможного договора 1102 г. И все же со временем венгерские власти стали меньше считаться с интересами хорватов и хорваты все более ощущали зависимость от Венгрии.

С начала XII в. хорватские земли оказались в государстве, где относительно быстро развивался феодальный строй. Хорватское дворянство приспособилось к новым обстоятельствам.

В культуре раннесредневековой Хорватии наряду с народной традицией решающее место занимали византийские и итальянские влияния. Византийская традиция сказалась прежде всего в архитектуре (Задарский собор IX в., церкви в Сплите, Трогире, Нине с их характерным орнаментом IX–X вв.) и предметах быта (сосуды-крестильницы, золотые и серебряные украшения и др.). Хорватская христианская культура отличалась распространением глаголической письменности. В разных местах было найдено несколько каменных памятных досок с надписями глаголицей на старохорватском языке. Наиболее знаменитая из них — Башчанская плита (или доска) с о. Крк (1100 г.). Созданная в XI в. рукописная глаголическая книга ныне хранится в музее в Южном Тироле.

Хорваты — единственный католический народ, воспринявший кириллическую (на краткое время) и глаголическую письменность, хотя официальным языком был латинский (до середины XIX в.). В церкви и переписке хорваты никогда не забывали родной язык.

Носителями и хранителями западной католической культуры являлись прежде всего бенедиктинские монастыри, которые создавались по итальянским образцам. Каждый монастырь собирал библиотеку, где рукописи создавались и переписывались. Однако государственное летописание еще организовано не было. При монастырях учреждались школы, где преподавался латинский язык. Но уже в IX в. упоминаются учителя, обучавшие горожан (купцов, нотариусов) [12].*

* Убедительную версию создания глаголицы см.: *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2000.

Глава 2

Хорватская феодальная автономия в Венгерском королевстве.

XII — начало XVI в.

Хорваты и Венеция. Дубровник

Время с середины XIII по начало XVI в. — эпоха зрелого феодализма в Венгрии. Природные условия благоприятствовали развитию земледелия, животноводства, виноградарства, рыболовства. Но «развитие производительных сил в сельском хозяйстве, в частности деревенского ремесла, не привело к крупномасштабному отделению ремесла от земледелия, быстрому развитию товарного производства» [1]. Это обычно связано с подъемом хозяйства городов, то есть поселений ремесленников и торговцев, освободившихся от феодальной зависимости. Города в Венгрии были развиты слабо, во 2-й половине XV в. к тому же обозначился их упадок, в начале XVI в. в городах находилось 2 % населения. Большинство горожан составляли немцы, принесшие в Венгрию западную культуру производства.

Среди поселений городского типа большое место занимали местечки — особый тип аграрных городков, жители которых — крестьяне и ремесленники — оставались феодально-зависимыми, хотя и пользовались самоуправлением. На несколько десятков свободных королевских городов в Венгрии приходилось 800 местечек, обычно 500 человек в каждом (XV в.); ремесленники составляли в них до 20 %. С середины XV в. города, расположенные на земле феодалов, и местечки платили десятину (ренту) феодалам.

С начала XIV в. все земледельцы Венгрии были определены законом как зависимое крестьянство. В развитии феодальных повинностей сказалось общее направление социально-экономической эволюции Венгерского королевства. В первой половине XV в. росла денежная рента (королю, феодалу, церкви), барщина была незначительной, но к концу эпохи

все более распространялась. Из заметных событий XIV в. было учреждение в Венгрии монетных дворов и финансовых палат, одна из которых разместилась в Загребе (1329 г.). Это свидетельствовало об оживлении денежного обращения. Но преимущественно деньги шли на содержание солдат.

Во второй половине XV в. обозначился процесс натурализации ренты: денежные взносы заменяются натуральными. Крестьяне были не в состоянии вносить деньги, так как не могли добыть их продажей продуктов. Это вело к падению военных сил королевства и сказалось на внутривнутриполитических событиях. Натурализация экономики вела к закреплению крестьянства: в начале XIV в. оно имело право выхода из имений. В XV в. это право систематически ограничивалось, вводились заповедные годы (1452, 1454, 1459, 1462, 1476). В 1514 г. выход крестьян был запрещен.

Цель закрепощения — обеспечение феодалам свободы торговать продуктами сельского хозяйства внутри и вне страны. Развитие барщинного хозяйства означало процесс утверждения зрелого феодализма. С конца XV в. венгерские феодалы закрепили за собой право казнить крестьянина (это удостоверялось королевской грамотой).

Социальные процессы привели к крестьянским войнам в Венгрии в 1437–1438 и 1514 гг.

В XII–XVI вв. в Хорватии земледелие и животноводство оставались основой хозяйства. На продажу шли зерно, рогатый скот, свиньи, овцы, кожа, воск, мед, шерсть, конопля, растительное масло, маслины, вино [2]. В наибольшей мере способствовали усовершенствованию хозяйства монастыри и церкви, владевшие образцовыми имениями. Посредством Дубровника, Венеции и некоторых городов Далмации получила развитие морская торговля. С XIII в. организуются ярмарки — ежемесячные и ежегодные (Градец). На них появляются торговцы и ремесленники также из соседних стран. Распространяется цеховое ремесло.

После присоединения к Венгрии хорватские земли официально продолжали называться «Королевством Хорватии и Далмации». Это наименование было включено в титул короля Венгрии. Но одновременно, особенно с конца XII в., как в Венгрии, так и в городах Далмации, территорию от р. Неретвы до р. Дравы называли Славонией. Именно это наименование — *Slavonia*, Славянская земля — было широко известно на Западе. Славонией управляли наместники — баны и герцоги — *dux Slavoniae* (с 1184 г.), *banus Slavoniae* (с 1215 г.).

Вскоре после *pacta conventa* Коломан занял ряд городов и островов Далмации, в том числе города Задар и Трогир, острова Крк, Осор, Раб — все они перешли к королю добровольно. Как и «12 племенам», новоприобретенным городам и островам были гарантированы прежние права.

Но король оставил за собой право утверждать избранных епископов и глав городского самоуправления, а также получать $\frac{1}{4}$ от таможенного сбора городов.

Автономия городов была учреждена по римскому образцу. Горожане были освобождены от обязанности содержать королевскую свиту или сабор во время пребывания короля в их городе. Эти привилегии были для своего времени обширными (превосходили привилегии городов Франции или Италии). Автономии получил и ряд городов Далмации, ранее ею не располагавших.

Главной опорой короля стало высшее духовенство. Тем не менее для закрепления своей власти Коломан послал в Далмацию венгерских священников. В Сплите и Задаре — основных центрах Далмации — были размещены венгерские гарнизоны. В XIII в. в городах усилились антивенгерские (антикоролевские) настроения, поддерживаемые Римом. Городская знать выступала за более широкую автономию, за широкие «коммунальные права», то есть власть городских советов. В связи со всем этим утверждения о равноправии Хорватии и Венгрии после 1102 г. вряд ли обоснованны. Но хорватско-далматинские учреждения, включая символ государственности — сабор, сохранились, и позднее это давало дополнительные основания хорватам утверждать, что по историческому праву хорватские земли — не «подчиненные» (*adjecta*), а союзные (*socii*) Венгрии. (Венгерские историки и публицисты в XIX–XX вв. утверждали противоположное.)

В 1167 г. часть Далмации, Боснии и Срем оказались под властью Константинополя, т. е. Византия, потеснив Венгрию, овладела частью побережья Дуная. Тогда же Венеция захватила острова Брач, Хвар, Вис, затем Крк, Раб и Осор. Но конец XII — начало XIII в. ознаменовались новым наступлением Венгрии. Король Андрей (Эндре) II (1205–1235) овладел Далмацией, но на короткое время. Все большую мощь на море и побережье приобретала богатая Венеция, а Византия приходила в упадок. В XIV в. венгерскому королю Людовику I (в венгерской традиции Лайош I Великий, 1342–1382) из новой, Анжуйской династии (с 1301 г.) в войне с Республикой Св. Марка удалось вернуть власть над Далмацией вплоть до части Кварнер (Задарский мир, 1358 г.). Это означало и временное возвращение территории Хорватского королевства в состав Венгрии. Но после смерти Людовика венецианцы вновь приобрели опорные пункты в Далмации.

В связи со внутренними смутами в Венгрии претендент на венгерский престол Ладислав (Ласло) (1386–1409), терпевший неудачу, перед бегством из Венгрии продал Венеции несколько городов и «все права» на Далмацию за 100 тыс. дукатов (1409 г.). Все острова севернее Задара (до Крка) также перешли к Венеции.

Свой успех 1409 года Венецианская республика закрепила миром 1420 года. Хорватия утратила важную в экономическом и культурном отношении часть своей территории, сохранив выход к морю в районе г. Сень. Центр хорватского государства переместился на север, причем возросла роль г. Загреб. Административно-политическая связь Паннонской Хорватии с Далмацией, попавшей под власть Венеции, прервалась. В дальнейшем борьба за Далмацию развернулась между Венецией и Османской империей и продолжалась сотни лет.

«Золотая булла». Заметным событием периода государственного строительства феодальной Венгрии (вместе со Славонией) стало издание королем Андреем (Эндре) II (1205—1235) в 1222 г. «Золотой буллы» (названной так по золотому футляру, в котором находилась королевская печать*). Ее целью было как обеспечение регулярных доходов казны и укрепление королевской власти, так и защита прав низших слоев дворянства — военной силы государства; булла была направлена против произвола крупнейших магнатов, которые приобрели значительное влияние. Булла гарантировала имущество мелких дворян, многие из которых вышли из среды королевских служащих; конфискация их собственности была возможна только по решению суда. Дворяне были освобождены от налогов. Воевать вне королевства они должны были только за счет казны. Должности чиновников могли замещать только местные уроженцы. Но король не намеревался противопоставить магнатов мелким дворянам. Судить магната мог только король, а рядовых дворян — палатин. В случае нарушения буллы магнаты получили «право сопротивления» (*jus resistendi*) королю. Крупные феодалы могли «все вместе и поодиночке ... сопротивляться и прекословить, и за это их нельзя обвинять в неверности» [3]. В Южной Хорватии (от Гвозда до Неретвы) мощь крупнейших хорватских феодалов, имевших свои войска (крчские князья — позднее принявшие фамилию Франкопаны, Брибирские, Шубичи и др.), королям удалось несколько ослабить лишь в середине XIV в. «Золотая булла» — свидетельство уступок королевской власти как магнатам, так и массе дворян. Действовала она только в Венгрии и Славонии, то есть севернее Гвозда, и не имела силы в Хорватии — южнее Гвозда.

В 1231 г. Андрей издал новую «Золотую буллу», в основном повторявшую текст старой, но расширявшую права церковных феодалов; церкви передавались важные функции нотариата; церковники освобождались от судебной власти палатина и др. (там же). «Золотая булла» — этап в развитии социально-политического устройства феодальной Венгрии, а также Славонии, в основном завершившийся в XIII в.

Вместе с тем реформы XII—XIII вв. превратили свободных (королевских) крестьян в зависимую от дворянства массу — *misera contribuens plebs*.

* Сохранилась единственная копия буллы, сделанная в 1318 г.

как традиционно называли зависимое население в более поздних источниках.

Дворянское самоуправление всего Венгерского королевства сосредоточивалось в государственном собрании, а в Хорватии и Славонии — в саборах. Так складывалась венгеро-хорватская феодально-конституционная сословная система, что свидетельствовало о растущем политическом сознании и влиянии феодального сословия. Знать не ощущала себя холопами короля. В особых случаях (прекращение династии) знать выбирала короля.

Хорватская дворянская конституционность. Сабор, то есть собрание представителей дворянства, появился в XIII в. Это время ослабления власти монарха, отмеченное, в частности, «Золотой буллой» 1222 г. Тогда же хорватская территория была разделена в административном отношении на две бановины — хорватско-далматинскую (ее называют просто хорватской) и славонскую (с границей по Гвозду). Сначала каждая из них имела свой сабор (*congregatio generalis regnorum Dalmatiae et Croatiae* и соответственно *regni Slavoniae*). Первый упоминаемый в источниках Славонский сабор (в Загребе) состоялся в 1273 г. Здесь собрались дворяне (*nobiles*) и служащие королевских городов (*jobagiones castri*). Председательствовал бан.

Первый Хорватский сабор (т. е. области южнее Гвозда) собрался в 1351 г. в Лике. Саборы состоялись и в целом ряде других мест, включая Бихач в Боснии (кстати, одной из столиц хорватских королей до 1102 г.). Кроме магнатов, дворян и прелатов на них присутствовали представители королевских городов, имевшие все вместе один голос. На саборах производился суд, рассматривались вопросы управления, обороны, финансов. Представитель короля (*orator*), если не сам король, вносил необходимые предложения.

С 1442 г. сабор Славонии направлял своих послов (*puncii*) в Государственное собрание Венгрии. Хорватия не направляла, что свидетельствует о более тесной связи Славонии с Венгрией.

Вторжение османов в первой половине XVI в. нанесло наиболее тяжелый удар Хорватии и вынудило дворянство переселяться на север. Поэтому в 1533 г. оба сабора впервые заседали вместе в Загребе, а с 1557 г. Хорватский сабор вообще не собирался. С 1567 г. сохранились протоколы общего сабора — туда заносились его решения и инструкции нунциям.

Сабор созывал по указанию короля бан или исполняющий его обязанности загребский епископ или герцог (*dux*) из королевской семьи (это случилось уже в XIII в.). В XVI в. сабор предлагал королю кандидатуру бана. Депутатов-дворян посылали жупании (дворяне выбирали своих представителей), а магнатов, церковных и светских, лично приглашал бан.

В Венгрии государственное собрание состояло из нижней и верхней палат (палата господ, магнатов). В Хорватии дважды магнаты заседали отдельно, но палату создать им не удалось.

Бела IV (1235—1270) пытался затормозить распад королевского домена и захват земель феодалами назначением на должность бана Славонии, Далмации и Хорватии своего сына (1248 г.) и изданием новой «Золотой буллы» (1267 г.), направленной на упрочение положения низшего дворянства. Королевским служилым людям, обязанным воевать только на территории Венгрии, были даны новые привилегии (освобождение от налогов, наследственное право на земельные участки, право посылать представителей на комитатские собрания).

Однако власть продолжала сосредоточиваться в руках магнатства. В Хорватии и Славонии особое влияние приобрели графы Франкопаны, находившиеся с ними в родстве Зринские, Шубичи (владевшие Шибеником, Сплитом, Трогиром в Далмации), Бабоничи, Качичи. Так, Бабоничи часто занимали должность бана Славонии, а Шубичи — Далмации. Все действовали в своих интересах, влияли на выбор короля, договариваясь при этом с иностранными дворами.

Политическая и экономическая мощь хорватской аристократии свидетельствовала о сохранении некоторых традиций старинной хорватской государственности. Но сила местных землевладельцев свидетельствовала также о непрочности венгерского государства, успехи или неудачи которого во внешней политике во многом зависели от энергии и авторитета того или иного короля, его способности подчинить магнатов.

Славония, ранее называвшаяся «банат», в XIII в. приобрела титул королевства и была подчинена непосредственно королю. В 1235 г. была ликвидирована особая хорватско-далматинская коронация: король Бела IV ввел одновременную коронацию венгерской и хорватской короной. Это была политика централизации власти. Король предпринял меры для возвращения домену ряда захваченных знатью земель. Были предприняты меры для поднятия авторитета короля: введен порядок, при котором в присутствии короля могли сидеть только сановники церкви и высшие чины государства.

Система жупаний. Венгерские короли, считавшие территорию севернее Гвозда своим доменом, уже в XII в. называли административные единицы «королевскими жупаниями». Но в период после издания «Золотой буллы» 1222 г. дворянство добилось превращения их в сословные автономные самоуправляющиеся организации. Носителем административной и судебной власти кроме жупана стала жупанийская скупщина.

В результате в жупанийском устройстве Хорватии произошли изменения, аналогичные венгерским: жупы, которые упоминались в главе 1, по всей вероятности, объединялись в области, или жулании (венг. — комитаты), вокруг более значительных городов. В этих городах сосредоточивалась дворянская администрация, нотариат, судебная власть. Жупаниями управляли жупаны, подчинявшиеся бану.

Внутренние дела жупаний рассматривались на жупанийских собраниях знати. Устройство судов было почти одинаковым в Хорватии и Славонии. Верховным судьей являлся бан или герцог. В Славонии кроме того существовал «банский суд», собиравшийся два, позднее — четыре раза в году, наконец, апелляции можно было подавать королевскому суду. Низшей инстанцией был жупанийский судебный стол, состоявший из нескольких дворян-заседателей, возглавлял его жупан.

В Хорватии кое-где процесс складывания жупаний затянулся до XIV в. В Славонии новый порядок установился раньше. Некоторые славонские жупании частично охватывали территорию Боснии. Оставаясь в ведении загребского епископа, часть жупаний оказалась под властью Боснийского государства (до XV в.). Хорватию и Славонию составили крупные жупании — Загребская, Крижевацкая (крупнейшая в Средние века). Пожегская, Вуковская (с центром в Вуковаре), Баранская жупания простирались по обе стороны Дравы до Осиека.

В основном южнее Гвозда наиболее крупные феодалы получали территорию в наследственную собственность (с правом получения всех доходов) в обмен на военную службу и с условием сооружения крепостей. И эти земли назывались жупаниями (*comitatus*), а их владельцы — «вечными жупанами». Так, князья Крчки уже в 1193 г. получили жупанию Модруш, а в 1225 г. — Винодол. Некоторые «вечные жупаны» становились князьями и графами. Крупные феодалы держали в крепостях гарнизоны и в свою очередь раздавали землю мелкому дворянству на основе вассалитета (эта система распалась после разгрома Венгрии османами в 1526 г., да и большая часть земель попала к османам). Административно-политическое развитие было нарушено нашествием монголо-тюркского войска во главе с ханом Батыем (1241 г.). Оно вторглось в Венгрию и под Мишкольцем разгромило его защитников. Бела IV нашел убежище в Загребе, а затем в Сплите и Трогире. Овладеть укрепленными городами на морском берегу монголам не удалось. Весной 1242 г. их конница через Боснию, Болгарию, Сербию и юг России ушла в Азию. Разорение Хорватии повлекло за собой голод и чуму. Со времени этого нашествия в Венгрии расширилось строительство укрепленных городов, ранее имевшихся преимущественно в гористых районах Хорватии. Именно тогда появились крепости Буда, Вишеград в Венгрии, Калник, Медведград и др. в Хорватии.

Король присвоил дворянские звания высшим чиновникам королевских городов и наделил их землей.

Ряд хорватских городов получил особые привилегии и наименование «свободных королевских городов». Они должны были стать опорой центра — власть магнатов на них не распространялась. Это — Градец (позднее — Загреб), Вараждин (1220 г.), Вуковар (1231 г.), Петриня и Самобор (1233 г.). Они пользовались самоуправлением, имели собственный суд и пр. и получили развитие как центры ремесла и торговли. Сюда пригла-

шали ремесленников (среди них — много немцев), хорватских дворян, свободных крестьян. Королевскими городами с XIV в. управляли каштеланы (градшики).

В 1260 г. Бела IV разделил Хорватское королевство на две части: Хорватию с Далмацией и Славонию. Далмацию составляли острова и приморские города, а Хорватию — пространство между реками Неретвой, Врбасом (в Боснии), горами Капелла (Гвозд), р. Купой и морем. Славонией (или бановиной) называли земли между Капеллой, реками Дравой, Уной, Врбасом и Босной. Хорватскими землями стал править герцог из королевского рода (*dux totius Sclavoniae, Croatiae et Dalmatiae*). В отсутствие герцога всеми землями управлял бан «всей Славонии», которому подчинялся бан хорватско-далматинский. Раздел сохранялся до османского нашествия. В XIII в., в условиях ослабления королевской власти хорватские феодалы расширяли свои владения. Они стремились к централизации, иначе — возрождению хорватского государства. Так, крбавские князья стали влиятельными вассалами короля, потеснили соседей — Качичей, захватили город Омиш. В 1293 г. Павел Шубич провозгласил себя «баном хорватов», часть Боснии передал в правление своему брату Младену, брата Юрия посадил править приморскими городами. П. Шубич стремился к самостоятельности, чеканил монету, раздавал земли.

В конце XIII в. король передал всю хорватско-далматинскую бановину вместе с должностью бана в наследственное владение князьям Брибирским (Шубичам), что сделало последних крупнейшими феодалами Хорватии. Они получили власть над частями Боснии. Один из них в начале XIV в. владел территорией от Гвозда до Неретвы и от моря до Дрины (на побережье лишь в Задаре держались венецианцы). Дубровницкий автор конца XVI — начала XVII в. Мавро Орбини считал Брибирских фактическими королями Хорватии. Но венгерский король Карл Роберт Анжуйский (1301—1342) в начале XIV в. воспрепятствовал этой тенденции, фактически направленной на восстановление Хорватского королевства. В отличие от Западной Европы в Хорватии не имелось обширного домена и единого центра, хорватское государство само переживало сепаратистские устремления своих частей, приморские города не поступались автономией, а часть феодалов была связана с Венгрией, которая повела политику раздробления нового политического образования.

Раздробленность Хорватского королевства была характерна как в политической, так и церковной областях. Хорватия находилась в ведении Сплитской архиепископии (епископства: Книн, Трогир, Нин, Скрадин, Шибеник, Хвар и др.). В 1154 г. венецианцы учредили архиепископство в Задаре. В Славонии имелось три епископства — в Загребе, Печуе (основная часть современной Славонии) и Среме. В Джакове находилось Боснийское епископство (с 1264 г.). Славонские епископства подчинялись архиепископству в Калоче (Венгрия).

Церковные капитулы являлись центрами духовной жизни, в здешних школах готовили священников. С XIII в. капитулы занимались различными делами из юридической сферы (которыми в некоторых далматинских городах ведали публичные нотариусы) — они фиксировали владение собственностью, хранили оригиналы документов, выдавали заверенные копии. Это был один из источников их доходов. Епископы и капитулы владели имениями, получали церковную десятину натурой как от дворян, так и от недворян. В Далмации епископы избирались из горожан, но с XIV в. часто назначались папой как в Далмации, так и Славонии. В XV в. это право перешло к королю, а папы утверждали назначенных.

Коронация короля Хорватии происходила отдельно от венгерской до Андрея II и Белы IV (XIII в.), затем одновременно, хотя присяга читалась как венгерская, так и хорватская. В Хорватии при необходимости короля заменял герцог (*dux*) — сын или брат короля — с местопребыванием в Загребе, Книне, Задаре, позднее и в Бихаче. Обращались к нему «герцогское величество» (*ducalis majestatis*). Он имел особый двор и канцлера. Герцог назначал банов, созывал сабор, присваивал дворянское звание за заслуги, командовал войском, подтверждал старинные королевские привилегии городам и дворянам, имел особый монетный двор.

При отсутствии герцога почти все эти обязанности выполнял бан. Со времени Белы IV их было два — отдельно для Хорватии и Далмации, отдельно для Славонии. Со времен короля Матвея (Матьяша) Корвина (XV в.), когда Далмация была утрачена, нередко назначался один хорватско-славонско-далматинский бан или два равноправных. Но славонский бан должен был обладать имением в Славонии. Каждый бан назначал себе заместителя (бановаца) — одного из жупанов. В Славонии еще была учреждена должность протонотария — хранителя печати (подобно канцлеру в Венгрии).

В социальной структуре хорватских земель в XII в. и позднее происходили перемены. Свободные подразделялись на церковных (*prelates*) и светских магнатов (*barones, magnates*), а также низшее дворянство (*servientes*, позднее — *nobiles*), горожан (*cives*), свободных крестьян (*liberi*), вольноотпущенников (*libertini*), несвободных составляли кметы (*coloni*) и рабы (*servi*). Рабы в основном были заняты в имениях; сохранилось много документов о покупке рабов. В отличие от предыдущей эпохи в Славонии быстро развивался феодализм. В Славонию переселилось множество венгерских дворян, что сказалось в облике страны, которая, казалось, была более связана с Венгрией, чем с Хорватией. В Хорватии (южнее Гвозда) венгерских землевладельцев не было [4].

Различия между Хорватией (с Далмацией) и Славонией частично находят объяснение в направленности их торговых связей. Славония торговала с Венгрией, Штирией, Крайной, Хорватией, Боснией, а Хорватия — с Боснией и Сербией на материке и — морским путем — с Итали-

ей, особенно с Венецией. Эту торговлю обслуживал флот далматинских городов. Имелись и другие причины административной раздробленности хорватских земель: интересы венгерского дворянства, тесно связанные со Славонией, и интересы славонцев, связанные с Венгрией. В отличие от Хорватии и Далмации Славония, особенно междуречье Дравы и Савы, все более сближалась с Венгрией в социальном и экономическом отношении. (Впрочем, область Загреба отличалась связью с немецко-словенскими провинциями Австрии и с северной Италией.) Возможно, ввиду всего этого Бела IV разделил Хорватское королевство на две части (1260 г.), о чем уже упоминалось.

Еще в 1102 г. «хорватско-далматинский» король Коломан освободил дворянство Хорватии-Далмации от поземельного налога или налога шкурками куниц (куновина), последний являлся только «славонским» налогом. Освобождение от налога Хорватии в сущности подтверждало ситуацию времен «народной династии». Ведь «12 племен» договорились в 1102 г. о необложении только хорватско-далматинского дворянства (налог этот оставался у дворян, собиравших его с крестьян.). Постепенно короли освобождали от этого налога магнатов и некоторые корпорации (так, в 1217 г. Андрей II освободил от поземельного налога загребский капитул). Наряду с куноввиной Славония платила налог на выпуск металлических денег («прибыль монетного двора»). Куноввину (двадцать динаров с кметского надела) Славония платила вплоть до битвы при Мохаче (1526 г.). Войны с турками вынудили в XV в. ввести в Славонии «военную подать» (*riz* — *хорв.*; *taxa, contributio* — *лат.*), но только с разрешения государственного собрания и славонского сабора, причем сословия сами определяли размер налога. Этот налог вносила и Хорватия, пока король Владислав II ее от этого не освободил. Несколько ранее Славония получила привилегию платить половину военного налога (1472 г.) в сравнении с Венгрией (от кметского надела в Венгрии — дукат, в Славонии — полдуката). Это было связано с нарастанием турецкой угрозы. Но вскоре от этого налога были освобождены владения церкви (епископов, капитулов, монастырей, настоятелей приходов), высших чинов (герцога, бана, бановаца, жупанов, дворян-судей) и отдельных магнатов. Стало быть, налог остался на плечах мелких владельцев или их кметов.

Кроме этих главных податей в Хорватии и Славонии существовали налоги на торговлю в портах и тридцатина с иностранных товаров (таможенный сбор). Наряду с налогами имели место «почетные дары»: угощение короля, герцога, бана во время их поездок [4].

Значительные перемены произошли в хорватском войске. Сначала сохранялось войско, выставяемое «племенами», как и ранее. Новая, Анжуйская династия (с 1301 г.) ввела строгое феодальное устройство. Магнаты выставляли свои отряды (бандерии), помогать содержать которые были обязаны бан и дворянство. Капитулы и аббатства — крупные

землевладельцы — также отряжали конные и пешие отряды, та же обязанность лежала на свободных королевских городах. Не случайно поэтому во время войн против османов во главе войск оказывались епископы и аббаты. Наконец, появились наемные войска, оплачиваемые сословиями.

Во главе хорватского войска находился бан как главнокомандующий — капетан (*capetaneus*), но в некоторых случаях, согласно привилегии короля Матвея Корвина от 1477 г., капетана могли избирать сословия. Военный флот был наиболее сильным при Людовике I (XIV в.), который назначил хорватского адмирала (*admiratus regnorum Dalmatiae et Croatiae*). При Корвине была создана дунайская флотилия, в которой служили главным образом сербы-переселенцы [4].

Венгерско-хорватские короли на длительное время (XII — начало XV в.) унаследовали от хорватских борьбу за далматинские города. Главным претендентом на господство на Адриатике являлась Венеция, а в XV в. — Османская империя. По замечанию хорватского автора, «в жизни средневековых далматинских городов постоянно присутствовало страшилище Венеции» [5]. Так продолжалось сотни лет.

Приморские города. Славяне в приморских городах стали преобладать, по-видимому, с XII в. Но они подвергались сильному культурному воздействию романского населения. Романо-далматинские диалекты сохранялись долго, особенно в элитарной среде, и являлись особым социальным признаком [6].

В XII—XIII вв. формировались социальные и политико-административные структуры: патрициат и организованное знатью самоуправление городов (Большой совет, курия, магистратуры). Происходила кодификация права. Коммунальное управление вело к правовой замкнутости городов: верховный суверенитет менялся — он принадлежал то Венгрии, то Венеции или Византии, а внутренний порядок в городах оставался, как и свои законы. Коммунальное сознание обособлялось, жители идеализировали свое прошлое. Под «родиной» понимался город (мы — «сличане» и т. п.). Несмотря на славянизацию городов, эта замкнутость тормозила формирование единого этноса из горожан («латинян» — это название сохранялось, хотя масса говорила по-хорватски и носила славянские имена) и населения сельской округи (хорватов или «славян»).

«Хорватия», или *Sclavonia*, начиналась сразу за городом, «славянин» в городе — чужак, но становясь горожанином, превращался в «латинянина». Уже в XII в. все горожане — славяне, они имели право на все выборные должности, этническая рознь в городах источниками не отмечена. «латиняне» в смысле горожане остался как традиционный термин со времен византийского правления. Константин Багрянородный отмечал, что жители городов «и теперь зовутся римлянами». Общественное положение «славян» (сельского населения) было переходным: их то считали неотесанными (даже протестовали против их показаний в судах), то отно-

сились к ним с уважением. Но еще в конце XIII в. Сплит, Задар и Трогир договорились не иметь князя «из Склавонии». В этом проявлялось стремление сохранить далматинскую историко-культурную традицию: «мы — латиняне», «мы — далматинцы», «у нас далматинский язык» (в действительности городской диалект). Имелось даже представление о родстве всех далматинцев. Чувству общности горожан-далматинцев способствовали частные деловые контакты, наличие собственности в других городах.

В эпоху венгерского владычества в сознании далматинских горожан совмещались городская, хорватская традиция с официальной государственной, но вместе с тем в городах жила память о былом политическом единстве далматинских городов, составлявших византийскую провинцию Далмацию. Это политическое единство в рамках провинции сказалось на этническом самосознании горожан и в обращении как к «общему» легендарному и историческому прошлому такого автора XIII в., как сплитский историк архидьякон Фома; в источниках жители городов именовались «далматинцами», «латинянами», «членами провинциального сообщества». В дальнейшем разная политическая судьба городов и развитие их коммунального устройства приводили к обособленности сознания.

В хронике Фомы Сплитского также отразился процесс соединения романской и хорватской исторической традиции. Общая традиция могла стать следствием этнических процессов, приведших к оформлению хорватско-романского единства, а позднее — к возникновению хорватской этнической общности в Далмации [7].

В XIII в. намечается сближение городов, основанных латинянами и славянами. К 1324 г. относится восклицание: «И задарцы, и шибенчане, и мы сами (написано в Трогире, древнем римском городе) — все мы далматинцы» [6]. Итак, к XIV в. стабилизируется далматинский хорватский этнос, позднее осознавший себя частью хорватской народности. Было преодолено серьезное препятствие на пути формирования хорватского народа.

Но продажа далматинских городов и островов венецианцам воздвигла новое препятствие развитию хорватского этнического процесса.

Процесс сплочения областей Хорватии взяли в свои руки венгерские короли. Во время противостояния Брибирским король Людовик I отвоевывал земли у феодалов, укреплял свой домен, подчинял себе крепости — опорные пункты королевской власти, формировал верное себе дворянство — присваивал рыцарские звания.

Пристального внимания достойны сведения XIV в. о «двенадцати знатных родах», об их объединении в королевстве Хорватия во главе с венгерским королем. Король Людовик стремился объединить Хорватию и Далмацию. Так, после победы над Венецией в 1358 г. он соединил должности князя Задара и бана. Те свободы, которыми пользовались «нобили

12 родов королевства Хорватии», он предоставлял и другим. В 1371 г. «в нашем столичном Нине» король собрал «всех нобилей и горожан наших королевств Далмации и Хорватии». В XIV в. хорватские города Нин, Скрадин, Шибеник уже перечисляются среди далматинских, а «Задар, Сплит, Рагуза, Трогир — в области Славонии».

По мнению О. А. Акимовой, в XIII–XIV вв. выявились два пути сплочения хорватских земель — на основе независимости или под эгидой венгерского монарха. Известную легенду о смерти Звонимира (XI в.), содержащуюся в приписке к переводу, сделанному, по-видимому, в XV в., и в другом документе (в сокращенном виде по-латыни, XVI в.), можно отнести к господствовавшим тогда настроениям — тяге к единению. Текст договора Коломана с «12 племенами» Хауптман, как отмечалось, датирует XIII в., а сам документ — XIV в. Все это, думается, позволяет судить об общественных настроениях в Хорватии в XIII–XIV вв. Возможно, это свидетельства складывающегося этнического сознания, представлений о единой судьбе Далмации, Хорватии и Славонии.

Но в XIII–XIV вв. этническая особенность двух близких групп (Хорватии и Славонии) еще осознавалась. Известен договор нобилей «из Хорватии» с «нобилями из-за Гвозда». Возможно, этому сознанию способствовали диалектные различия, а возможно, и административно-политические. В то же время в городах Далмации сменились представления о происхождении хорватов: ранее — «пришельцы», теперь — «автохтонное население», и постепенно укоренились представления об общности происхождения далматинцев и хорватов.

По-видимому, в XIII–XIV вв. не только идея единства Далмации пускает корни, но и идея единства Далмации со всей хорватской округой. Это был процесс формирования хорватской народности. Отголоском процесса является, например, письмо папы римского (XIII в.) относительно дошедших до него слухов, что св. Иеронима считают славянином, изобретателем особых письмен для славяно-хорватского языка.

Забегая вперед, приведем содержащееся в работе цитированного нами автора сообщение о далматинских гуманистах XVI–XVII вв., полагавших, что Хорватия тождественна Иллирии или Далмации и что она издавна заселена «славянами или хорватами» [6]. По времени эти воззрения совпадали с распространением в приморских городах славянской письменности (глаголицы и кириллицы), в том числе светских славянских сочинений.

Задар отстаивает свободу. Как известно, Задар еще в первом тысячелетии был местом пребывания стратега (проконсула Византии — звание это было передано хорватским государям). После недолговременной власти Венеции (1000–1024) византийцы вновь вернули город. Хорватский король Петр Крешимир IV владел им до 1097 г. После нового правления

венецианцев город в 1107 г. признал власть венгеро-хорватского короля Коломана на условиях широкой автономии. Задар установил тесные связи с окрестным хорватским населением, хорваты постепенно вливались в среду горожан.

Для венецианского судоходства Задар был важным пунктом, и Венеция стремилась прочно овладеть им. Но гражданам Задара такая зависимость наносила вред, поэтому отношения Венеции и Задара полны драматических конфликтов, нередко совпадавших по времени с хорватско-венгерскими, а с XII в. с хорватско-венгерско-венецианскими войнами. В 1154 г. венецианцы поддержали учреждение в Задаре архиепископства, а в 1155 г. добились подчинения его Аквилейскому патриархату, то есть опять-таки венецианцам.

После очередного восстания (1164 г.) город освободился от венецианской власти, но венецианцы вскоре вернулись. В 1168 г. — новое восстание и признание государем венгерско-хорватского короля Стефана (Иштвана) III (1163—1172), который сразу послал в Задар 30 тыс. солдат. Попытка венецианского флота отбить город не удалась. Правда, в 1170 г. большой флот и десант Республики Св. Марка заставили Задар сдаться на тяжелых условиях. Но через 10 лет, в 1180 г., Задар признал королем Белу III (1172—1196). Венгерско-хорватский гарнизон удерживал город до 1188 г., а в 1190 г. задарский флот в схватке с венецианцами даже одержал победу.

В 1202 г. дож Энрико Дандоло с помощью французских крестоносцев захватил город. Укрепления Задара и ряд больших зданий были разрушены, а на соседнем острове воздвигнута венецианская крепость. В обмен на богатый и самый знаменитый из далматинских городов, отданный крестоносцами Венеции, республика на своих кораблях перевезла рыцарей в Святую землю. Но в 1203 г. город был восстановлен. Тем не менее в 1205 г. Задару пришлось заключить договор с Венецией на условиях автономии: горожане сами могли избирать епископа и князя (но из венецианцев). Наконец в 1216 г. Венеция добилась отречения венгерско-хорватского короля Андрея II (1205—1235) от всех прав на Задар.

Новое восстание в Задаре вспыхнуло в 1242 г., и вновь горожане вывели венгерский флаг, а в 1243 г. венецианцы вновь осадили город. Обороной руководил хорватский бан, но после его ранения защитники покинули город, и венецианцы заняли его, разрушили все укрепления и построили крепость для венецианского гарнизона. Город потерял право избирать князя, которого отныне посылала Венеция. Были запрещены браки с хорватами и поселение хорватов в городе, наложены большие штрафы, вооруженные защитники Задара должны были в Венеции покаяться и просить прощения... В Задар было послано много венецианцев.

В связи с прекращением династии Арпада магнаты Венгрии и Хорватии призвали Анжуйскую династию (1301 г.). Король Людовик способствовал

передвижению хорватского центра к северу, который все еще назывался Славонией. В 1370 г. Людовик короновался в Кракове польской короной.

Между тем драма Задара продолжалась. В 1311 г. горожане Задара вновь восстали, захватили в плен все венецианское чиновничество и солдат и обратились к венгеро-хорватскому королю Карлу Роберту (1301–1342) с просьбой принять их в подданство, вернуть им старинные привилегии, прежде всего свободу выбора городской власти. Хорватский бан Павел Брибирский поддержал Задар. Его сына город избрал князем. Лишь в 1313 г. венецианцам удалось, сломив геройскую оборону горожан, захватить Задар.

В Хорватии происходили феодальные усобицы. Чтобы защититься от насилия магнатов, Сплит и Нин обратились к Венеции, которая в 1329 г. овладела средним побережьем Далмации от р. Зрмани до р. Цетины. Вне власти венецианцев в то время остались некоторые города на севере Далмации и южный порт Дубровник. Королю Людовику I (1342–1382) удалось утихомирить магнатов и занять главный город Хорватии Книн (1345 г.). После этого несколько далматинских городов перешли на сторону короля. Лишь под Задаром его постигла неудача. Венецианцы снова захватили Задар (1345 г.). Однако во время войны Венеции с Генуей Сплит, Шебеник, Трогир и Задар восстали против венецианцев, и король восстановил свою власть в Задаре (1357 г.). Людовик предпринял прямое наступление на север Италии, и Венеция подписала тяжкий Задарский мир (1358 г.): дож отрекся от титула государя Далмации и Хорватии, передал королю побережье от Кварнера до Драча и был вынужден выселить венецианцев из Задара и Книна. Обширное приморье перешло под власть Венгерского королевства. Городам были возвращены традиционные привилегии. Угроза захвата Далмации Венецианской республикой была отодвинута на полвека. Дубровник отказался от опеки Венеции и перешел под защиту венгерско-хорватского короля. Именно тогда в Далмации был создан хорватский флот и назначен адмирал.

Упорное — длившееся сотни лет — сопротивление Задара и других городов венецианцам было вызвано политикой республики, уделявшей далматинским городам роль перевалочных пунктов восточной торговли и стоянок своего флота. Всеми товарами с великой выгодой распоряжалась Венеция. Города приходили в застой и упадок (из адриатических хорватских городов исключение составил лишь Дубровник).

Так, в 1422 г. венецианцы издали указ, согласно которому за вывоз товара куда-либо, но не в Венецию, город должен был платить венецианцам таможенный сбор (фактически штраф), равный сбору в случае ввоза в Венецию. Всеобщее негодование вынудило владычицу Адриатики отменить указ, но добиваться еще более далеко идущих целей, применяя

иную тактику: запрет торговли некоторыми товарами, запрет торговли между городами и др. Наконец с 1452 г. вся торговля городов (ввоз и вывоз) должна была идти через Венецию. Это означало смертельный удар по торговле далматинских городов. Новые протесты заставили Венецию признать, что последний указ «уничтожает Далмацию», но... обогащает Дубровник, «увеличивает число его торговых кораблей и усиливает его военный флот». Тогда власти Венеции ограничились запретом далматинцам покупать корабли, ездить самим и перевозить товары на иностранных кораблях. Обнищание городов, вызванное этой политикой, привело к тому, что, например, Сплит около 1540 г. был не в состоянии содержать врача.

Хорватское этническое самосознание феодальной эпохи ранее всего проявилось в Далмации. В XV в. здесь образование насаждали итальянские учителя, они являлись проводниками итальянского гуманизма. Венеция, Падуя в этом отношении играли посредническую роль. Славония же ощущала гуманистические импульсы через королевский двор в Буде. Так как в Далмации идея автохтонности (хорваты-иллиры) вытесняла предания о переселении, то пафос гуманистов усваивался легко. Античность становилась близкой, родственной. Даже в глаголической среде проявлялись элементы античной культуры. Так, распространялась легенда, что Кирилл и Мефодий принадлежали роду Диоклетиана, который сам был далматинцем (эта идея проникла в славонскую традицию, а через нее в польско-венгерскую хронику). Св. Иеронима, как происходившего из Стридона — на границе Далмации и Паннонии, считали несомненным славянином, более того, «славой и светом, венцом хорватского языка». Далматинцы писали на латыни, как исконном далматинском языке (гуманист Элий Цервин), и даже переводили Данте на латынь...

Одновременно углубился интерес к своему языку *volgare* (простонародному). Э. Цервин, правда, считал его скифским, но другие гуманисты мечтали поднять его до уровня латыни путем переводов с него на латынь и обратно. Так Марко Марулич из Сплита переводил и с латыни, и с *postgra vetrasula lingue* (причем под «нашим» понимался славянский, хорватский), чтобы о нем знали в мире.

Появляется гордость за свой язык вместе с интересом к народной сельской жизни. Итальянским пользовались в сношениях с венецианцами, в торговле, но в XV–XVI вв. уже господствовал, как каждодневный, славянский язык. Сознание далматинских авторов XV в. уже окрашено хорватски, но самоидентификации («хорват») еще нет. Это появляется в XVI в., когда поэт Антун Вранчич был полон гордости от «принадлежности к нашему народу хорватов» [8]. Венецианцы стремились поддерживать изоляцию итальянцев (венецианцев), очевидно, в политических целях: в 1458 г. дож запретил допускать в венецианское войско хорватов, венгров и немцев,

запретил браки венецианцев с хорватками. Венецианское господство в Далмации еще было непрочным.

В XV в. в Славонии себя называли славянами (*slavi*), а пришлых из Далматинской Хорватии называли хорватами, хорватинами (*croatus, de Croatia*). Свою землю часто предпочитали называть Савония — от р. Савы. Славония еще с древних времен означала и Далмацию, и Паннонскую Хорватию, себя же все чаще называли «савонцы» (но не хорваты).

Независимо от представлений о прародине хорватские и далматинские авторы проповедовали родство, даже единство славян (в том числе далматинцев с чехами, поляками). Но старинной литературой считали православную. Среди католиков такой взгляд был распространен только в Далмации-Хорватии. Более того, в XV в. наступил расцвет глаголической литературы, началось глаголическое книгопечатание (первый миссал — 1483 г.). Глаголица стала интегрирующим фактором в Далмации-Хорватии. Якобы обычаи и предписания католическая церковь получила от св. Иеронима, а именно «право на святые службы нашего языка, отеческого» (написано латинскими буквами по-хорватски). Епископ Николай Модрушский записал в 70-х годах XV в.: право «*svetihi služavъ našego ězika otačaskoga*». Модрушский епископ Симон Кожичич издал «*Misal Hrvacki*» (1531 г.), составленный «во славу Божию и хорватского языка просвещение» (*hrvackago ězika prosvetečenje*). Оба автора — гуманисты, а Кожичич организовал в Риеке глаголическую типографию, издавал также латинские речи против османов. Средства на это церквам и монастырям давали Зринские и Франкопаны. Возможно, Франкопаны стремились поднять статус глаголицы и «объединить население, говорившее на хорватском языке» [8]. Еще с XIV в. Кирилл и Мефодий в Хорватии считались святыми, утверждалось, что они перевели «все книги хорватские», — то есть хорваты пытались укрепить глаголицу авторитетом Кирилла и Мефодия. Поэтому же в миссалах параллельно шли тексты латинские и глаголические.*

В связи с этим можно отметить, что главное в развитии хорватского языка в XV в. — проникновение народного языка в язык письменности. Перевод латинских церковных текстов на хорватский язык делали священники латинского обряда. Наиболее старый хорватский текст латинцей — задарский доминиканский статут 1345 г. В далматинских городах XV в. имелись славянские тексты и латинской и славянской азбукой. Наконец, в Венеции в 1435 г. был издан «Евангелистар» — первое произведение на живом хорватском языке средней Далмации (чакавско-икавском говоре).

* Факт, поясняющий некоторые обстоятельства популярности глаголицы: в XIII в. папа Иннокентий IV позволил бенедиктинцам из Омиша вести службу по славянским текстам ввиду незнания латыни.

Глаголяштво сохранилось в епископствах Сеньском, Крчком и Крбавском, много глаголяшей было в Сплитском архиепископстве, а позднее — со второй половины XV в. — и в Загребском епископстве — это главным образом беженцы от турок. Из Хорватии славянское богослужение распространилось кое-где в монастырях Чехии и Польши.

Глаголическая азбука, глаголическая письменность и богослужение играли особую роль в самосознании хорватов: ведь в славянском католическом ареале только в Хорватии наряду с официальной латынью использовалась глаголическая (славянская, народная) письменность. На глаголице были составлены некоторые важные памятники хорватской культуры. Все это способствовало формированию особого хорватского этнического сознания.

Успехи народного языка отражали социальные сдвиги в городах. XIV–XV вв. отмечены активными городскими движениями за ограничение прав, могущества патрициата (в суде, администрации, исполнительной власти). Важным аргументом оппозиции патрициату было понимание этнического единства населения, с чем несовместимо было отношение знати к народу как к невольникам. Нобили ссылались на исключительность своего происхождения, как правило — от троянцев. Так в «Статуте Сплита» (1312 г.) утверждалось, что нобили Сплита, как венецианские, падуанские и многие другие, «ведут происхождение от троянцев и других нобилей того мира».

Славонские авторы связывали свое чувство родины с Паннонией, Венгрией, подчас Славонию включали в понятие Венгрии. «Славонию Аттила, которого мадьяры считали своим первым правителем, называл Венгрией», — утверждалось в венгерско-польской хронике XV в.

Османское нашествие ускорило проявления хорватского национального сознания, возникла антитурецкая эпическая литература, частично заимствованная от сербской, появившейся раньше. Широким распространением пользовались песни о Крбавской битве 1493 г., «о молодом пане Деренчине» и др. Хорватия — *antemurale christianitatis*, об этом говорили в Европе в XVI в.

В XV в. «своим» государственным образованием считались Далмация, Хорватия, Славония, — последнее важно, так как там глубоко осознавалась принадлежность к Венгрии. В XV в. произошел глубокий поворот в сознании далматинцев: раньше далматинские авторы ощущали этническую связь с «латинянами», а Хорватия относилась к «славянам». «Поэтому признание ими хорватского языка „своим“... следует признать первым проявлением их хорватского сознания...» [8].

Одновременно «балканские хорватские земли» рассматривались как прародина всех славян. Акад. Ю. В. Бромлей, российский исследователь,

отмечает: «Основным социальным фактором, связывающим народность-эсо* воедино, выступают не брачно-родственные отношения (автор сравнивает народность и племя. — В. Ф.), а такая политическая сила, как государство, со всеми его атрибутами... И в тех случаях, когда народность возникала, не имея еще своего единого государства, роль своеобразного политического фактора, выполняющего объединительную функцию, принадлежала... освободительной борьбе...» [9]. О. А. Акимова пишет: «Вопрос об этнической идентификации хорватов в XV в. ... определяется тем обстоятельством, что хорватское общество того времени не составляло культурного единства, а хорватские земли... находились под суверенитетом различных внешних сил» [8].

Несмотря на наличие собственного класса феодалов (фактора важнейшего для формирования феодальной народности), политическая раздробленность хорватов препятствовала становлению единой народности с единым этнонимом (свидетельство осознания этого факта).

Османское нашествие. Трагический поворот в судьбе всего Балканского полуострова и соседних с ним стран обозначился в XIV в. Потерпели катастрофу греки, болгары, сербы, албанцы. Нашествие сотни лет сказывалось на всей жизни Хорватии, изменило ее границы, повлияло на внутреннее устройство страны. История народов Центральной Европы — австрийских немцев и словенцев, мадьяр и словаков — приобрела новое направление, не следовавшее из внутреннего развития этих народов. Кровопролитные сражения, опустошение целых областей, изменение этнической и социальной, а на некоторой части Балкан и религиозной, структур, вековая социально-политическая отсталость — таковы последствия распространения власти Османской империи в Юго-Восточной и Центральной Европе.

После битвы на Марице (1371 г.) пало болгарское государство, с битвы на Косовом поле (1389 г.) началось быстрое разрушение сербского государства. В 1396 г. объединенное войско христианских государств потерпело поражение при Никополе. С этого времени, то есть уже с конца XIV в., османы оказались на границах Венгрии. В 1408 г. турецкая конница вихрем пронеслась до предгорий Альп. В 1439 г. османы опустошили Сербскую деспотовину на севере полуострова. В 1444 г. потерпела крах в битве под Варной попытка венгерско-польского похода, при этом венгерский король погиб. В 1453 г. Константинополь, окруженный со всех сторон войском султана, пал почти без сопротивления. Это означало конец тысячелетней Византийской империи. В 1459 г. османы захватили крепость Смедерево на Дунае и ликвидировали Сербскую деспотовину.

* Эсо — этносоциальный организм, реальное, неразрывное единство культуры, самосознания и социальной структуры этноса.

В 1463 г. большая часть Боснийского королевства оказалась в руках турок, в 1499 г. произошел захват Черногории. 1521 год был отмечен штурмом османами важнейшего стратегического пункта на Дунае — Белграда, который сербы и венгры упорно отстаивали с 1440 г. (Белград называли «золотым ключом» к Славонии и Венгрии.) После этого османы начали готовить вторжение в Центральную Европу.

Время правления короля Матвея Корвина (1458—1490) ознаменовалось усилиями с целью укрепления венгеро-хорватского государства. Главной задачей было обеспечить противостояние османам.

Систематические прорывы османской конницы вглубь хорватской территории начались во 2-й половине XV в., но уже в конце XIV в. (1396 г.) турки проникли в нижнее междуречье Савы и Дравы. В 1468—1483 гг. они опустошили Хорватию и Славонию. В 1474 г. османы дошли до крепости и города Вараждин на северном рубеже Хорватии. В 1477 г. король предоставил хорватскому сабору право избирать командующего хорватским войском. Фактически будучи не в состоянии повсеместно защищать границу, Корвин передал часть ответственности местной власти. На короткое время османы прорвались в австрийские (немецко-словенские) земли (1478 г.).

Падение Боснии. Провинция, называвшаяся так по реке Босне, долго оставалась глубинной и менее населенной областью Балкан. На той или иной ее части власть захватывали то византийские, то хорватские, то сербские правители, а в XII в. здесь временно господствовала Венгрия. Боснийское государство, возникшее в XII в., первоначально состояло из нескольких жуп во главе с банами; при бане Кулине Босния окрепла и расширила свои пределы. Как и у соседей, здесь сформировался феодальный класс — крупных землевладельцев и мелких дворян.

С конца XII в. сохранились известия о так называемой богомильской ереси, занесенной в Боснию из Болгарии через Сербию. Богомилы признавали силу бога и дьявола, добра и зла — последнему принадлежал мир человека. Возникла «боснийская церковь». В 1203 г. Кулин, обвиненный папством в защите ереси, был вынужден отречься от богомильства и признать верховную власть католической Венгрии. Но «боснийская церковь» сохранилась и поддерживала связи в северной Италии и южной Франции. Католицизму не удалось приобрести прочное влияние в Боснии.

В 1250 г. Бела IV захватил Боснию. В 1284 г. восточная ее часть досталась сербскому королю Драгутину. В 1298 г. западной частью завладел хорватский бан Павел Шубич. Его сыну удалось вновь объединить Боснию. В 1353—1391 гг. Боснией правил бан Тврдко I Котроманич, союзник и вассал Венгрии. Это — период венгерско-хорватского господства в Боснии. В последний период своего правления Тврдко I ввиду анархии в Венгрии (связанной со смертью короля) овладел большой хорватской территорией:

областью Книна, частью побережья — Котором, Сплитом, Трогиром, Шибеником, островами Брач, Хвар и Корчула. Под властью Тврдко оказались как некоторые хорватские, так и сербские земли. Таким образом, конец XIV в. — время могущества Боснийского королевства. Уже в 1377 г. Тврдко короновался «королем сербов, приморья и западных земель» и присвоил титул «Божией милостью короля Рашки, Боснии, Далмации и Хорватского приморья». Но государство Тврдко было конгломератом слабо связанных частей и вскоре после него распалось. Представляет интерес сам факт объединения Тврдко разных в историко-культурном отношении территорий. Последний король Боснии Степан Томашевич (1461–1463) был коронован папой, но боснийское государство вскоре погибло в результате вторжения османского войска во главе с султаном Мехмедом II. В этот момент Матвей Корвин успел удержать боснийские крепости Сребрник и Яйце. В 1465 г. турки, продолжая экспансию, захватили часть Герцеговины, а в 1482 г. — ее остаток.

Крепости Сребрник и Яйце упорно оборонялись до 1515 и 1528 г. В последний раз Крсто Франкопан с отрядом героически прорвался в Яйце [2].

Кризис Венгрии. Между тем с конца XV в. Венгерское королевство переживало очередную волну феодальных противоречий. Знать лишила короля Владислава II (1490–1516) права самостоятельно решать вопросы войны. Борьба феодалов проводилась под лозунгом уважения «старых прав» Венгрии и «других королевств, а именно Далмации, Хорватии и Славонии» (утвердилась эта триединая формула, хотя Далмация была уже утрачена). В частности, было восстановлено право Славонии (речь уже идет о междуречье Савы и Дравы. — В. Ф.) платить налог в половинном размере. Венгрия переживала упадок финансов, что повлекло за собой военные неудачи и активизировало местных крупных феодалов.

Всем этим воспользовались османы. Вторжение боснийского паши в 1491 г. кончилось неудачей, но в 1493 г. паша вновь вторгся в Хорватию, Крайну, Каринтию. При возвращении турок хорваты пытались преградить им путь под городом Крбава (совр. Удбина) — но «на Крбавском поле» в кровопролитной сече 9 сентября 1493 г. хорватское войско было разгромлено. Священник Мартинец тогда записал: «...и скорбь была великая ... небывалая со времен нечестивых татар и готов, и Аттилы». «Поражением на Крбавском поле начинается долгий период (примерно два века. — В. Ф.), когда хорватский народ находился в непрестанном и отчаянном бою с турками» [4].

С этого времени боснийские мусульмане систематически вторгались в Хорватию и Славонию. Некоторые местные вельможи даже платили им дань и пропускали их отряды через свои владения.

Во время вторжений турок в Боснию и Герцеговину продолжалась борьба Венеции с хорватским войском за Далмацию. Хорватов возглавлял

князь Никола Франкопан (князь взял в заклад у короля Венгрии Сигизмунда крупные центры Хорватии, Боснию и всю Полицу, заплатив 26 тысяч форинтов, и тем самым стал соседом Венеции).

С 1464 по 1521 г. крупных изменений границ на юге Венгерского королевства не произошло. Порта осваивала завоеванные земли и с 1495 по 1521 г. семь раз продлевала мир с Венгрией. Но несмотря на это турки с 1467 г. небольшими отрядами вторгались в Хорватию, доходя до далматинских приморских городов. Далматинцы молили о помощи венецианцев (еще в 1463 г. Корвин заключил союз с Венецией против османов). В 1468 г. республика направила помощь Шибенику и Задару. Но османы кусок за куском отрывали хорватскую землю. В начале 70-х годов в их руках оказалась почти вся Далмация между реками Цетина и Неретва. В 1474 г. османы осадили Скадр (или Шкодер, в Албании), которым владела Венеция, а на северном фланге прорвались в Хорватию, Славонию и, грабя и сжигая все на пути, дошли до Любляны (в Крайне, принадлежавшей Австрии). Тысячи людей были уведены в рабство. На следующий год король Матвей нанес контрудар и овладел сильной крепостью Шабач на Дунае, а его войска наступали в Боснии и Валахии.

В 1479 г. Венеция заключила мир с Османской империей и захватила хорватский город Крк. Венецианцы сохранили некоторые приморские города, но материковая часть Далмации надолго осталась у турок. Тем временем османы опустошили Хорватию, Славонию, Крайну и Штирию, т. е. ударам подверглись уже две провинции Австрии. В 1493 г., как отмечалось, османы одержали победу на Крбавском поле. В 1499 г. вновь вспыхнула война между Турцией и Венецией. Скендер-паша прошел венецианские владения в Далмации, подвергнув их разграблению, и через Хорватию проник в венецианскую Фурланию. В 1520 г. турки вновь оказались в предместьях Сплита, Трогира, Шибеника и Задара. В одной из стычек в 1520 г. погиб бан Петар Бериславич, несколько лет упорно оборонявший хорватскую землю.

При султане Сулеймане I Великолепном (1520–1566) Османская империя была на вершине могущества. После взятия Белграда и Шабача султан начал готовить поход против Венгрии. Между тем были захвачены хорватские города Книн и Скрадин. Дважды подвергался осаде Клис, а его каштелян умолял о помощи папу.

В августе 1526 г. на Мохачском поле турки собрали 150000 войска, что в пять раз превышало по численности венгерские силы. Легкомысленный король Людовик II, не дожидаясь значительных подкреплений, ввязался в битву.. Венгерское войско было уничтожено (погибло до 20 тысяч человек), а король утонул при бегстве. Наконец, в 1541 г. османы захватили Буду, и Венгрия как сильное центральноевропейское государство перестала существовать. Королевство было раздроблено широким османским клином на две части. Характерно, однако, что османы не имели решающих

успехов в гористых областях — северо-западной Хорватии, северной Венгрии (территория словаков), княжестве Трансильвания.

После битвы на Косовом поле (1389 г.) и дальнейшего продвижения османов решающие изменения произошли в расселении сербов — вместо районов Рашки и Косова их центры в XV–XVII вв. возникли в Придунавье, районах Нижней Савы и Тисы. Сербь (*rasciani*) появились на Нижней Драве, в Среме, анклавами расселялись в Славонии и Хорватии.

С конца XIV в. начали перемещаться на север хорваты. Под давлением Венеции и османов хорватское дворянство и крестьяне концентрировались в области севернее Капеллы, в районах Кулы, Савы, Нижней Уны и на восток вдоль савско-дравского междуречья. Здесь со временем утвердился политоним Хорватия: в XVI в. это область городов Сисак и Ясеновац, иначе — территория вокруг Загреба.

В хорватских городах появились немцы, итальянцы, даже французы. Но массу населения по-прежнему составляли хорваты (*Croatae, Sclavi*). В XV в. в хорватские земли перекочевало много владов, скотоводов романского происхождения, выходцев из южных областей Балкан. Часть их славянизировалась. Охватившая обширную территорию эмиграция имела значительные последствия для Венгрии и особенно Хорватии и Славонии. Уже в конце XV — начале XVI в. османы захватили Срем, затем часть Славонии (до Джакова и Осиека), южную часть Хорватии. Затем Хорватия сокращается до полосы вдоль границы наследственных земель Габсбургов. Именно тогда в источниках появляется формула: «князья и остатки знати нашего королевства Хорватии» (*comites et reliquae nobilium regni nostri Croatiae*).

Отметим, что именно в трудную для хорватской государственности эпоху в Хорватии и Далмации появились государственные гербы (1525, 1406 г.). Современники стремились закрепить в сознании людей факт существования своего «тройственного», или триединого, государства (герб Славонии более древний).

Приход Габсбургов. На рубеже XV–XVI вв. одними из самых могущественных правителей Европы стали Габсбурги — австрийские эрцгерцоги, фактически закрепившиеся на выборном престоле Священной Римской империи, получившие благодаря выгодным династическим бракам права на Испанию с ее обширными европейскими владениями и богатейшими заморскими колониями. Универсальная империя Карла V Габсбурга (1516–1556) простиралась от восточных предгорий Альп до Испании и от Нидерландов до Италии.* Австрийскими наследственными владениями, оказавшимися под угрозой османов, управлял младший брат

* Поэтому венских государей с XVI в. величали императорами или римскими императорами.

императора эригерцог Фердинанд. «Наследственные земли» Габсбургов (Штирия, Каринтия, Крайна, Верхняя и Нижняя Австрия и др.) иногда называют «Австрией», хотя формально до 1804 г. государства с таким названием не было. В Чешских землях (с XVII в.) император, так же как в Венгрии и Хорватии, имел титул короля.

Ко времени катастрофы 1526 г. в Хорватии соперничали две группы крупных феодалов. Одна ориентировалась на габсбургский двор, другая — на наиболее могущественных отечественных магнатов, прежде всего на князя Крсто Франкопана. Последний созвал сабор в Копривнице, который провозгласил Франкопана «попечителем и защитником королевства Славонии». Но и сторонники Франкопана видели необходимость переговоров об условиях сотрудничества с Веной. В это время венгерское дворянство на своем государственном собрании, представлявшем теперь меньшую часть королевства (остальное находилось в руках османов), сначала избрало королем Венгрии Яноша Запольяи, герцога Трансильвании, и лишь меньшинство поддержало Фердинанда. Но в декабре 1526 г. королем Венгрии все же был избран эригерцог Фердинанд.

Хорватские сословия, собравшиеся во францисканском монастыре в Цетине (на берегу Адриатики; другой пункт с таким названием стал столицей полунезависимой Черногории), в начале 1527 г. все же вопреки сторонникам Франкопана склонялись к избранию Габсбурга. Посланцы последнего согласились содержать в Хорватии за счет австрийской казны 1000 конных и 200 пеших воинов, а также держать наготове в Крайне значительное войско для помощи Хорватии и, наконец, подтвердить все права и привилегии королевства. На этих условиях представители сословий «вполне свободно и без чьего-либо влияния» избрали «королем всего королевства Хорватского» Фердинанда I (1527–1564), «короля чешского и австрийского». В полном титуле Габсбурга — хорватского короля не значился «король Венгрии», но имелся «король Богемии». Тем самым хорватские сословия, находившиеся в фактической зависимости от Венгрии в 1102–1526 гг., подчеркивали политическую самостоятельность их выбора [4]. Тогда же Цетинский сабор присягнул Фердинанду. Этот сабор — важное событие в истории «хорватского государственного права», на него неоднократно ссылались политические деятели Нового времени.

Однако на саборе Славонии, заседавшем неподалеку от Чазмы, королем был избран Янош Запольяи (1527–1540). Сабор проходил под сильным влиянием Франкопана, получившего от нового короля титул бана, и загребского епископа (ему была обещана должность канцлера). В ответ Фердинанд назначил своего бана. Попытка хорватов все же договориться с Габсбургом была неожиданно прервана вторжением в Венгрию войск Фердинанда, разбившего Яноша и утвердившего за собой венгерскую корону. Тем не менее война продолжалась. Этим воспользовались османы: они захватили хорватские области Лиду и Крбаву, дошли до Сены и Клиса. Тем самым связь между севером и югом Хорватии была прервана.

После занятия Клиса (1537 г.) турки овладели всей современной южной Хорватией, т. е. тогдашней Далмацией до р. Неретвы. Венецианцы, в XV в. завершившие захват далматинского побережья, теперь сохранили лишь несколько островов. Со временем Венеция вновь овладела островами и приморскими городами Далмации, но значительно расширить свои владения на материке ей удалось лишь в конце XVII в. (до стыка с хорватско-боснийской границей — город Книн и др.) и в XVIII в. (линия Мочениго, 1730 г.), во время упадка империи османов.

Дубровник. Римское поселение Эпидавр было разорено славянами в начале VII в., и его романское население основало неподалеку на заросшем лесом скалистом берегу моря новое селение Рагузиум, которому славяне дали название Дубровник. С VII в. по 1205 г. Дубровник находился под властью Византии. В 867 г. Дубровник упоминается в связи с осадой его арабами. Католики и православные славяне широко расселились в городе и окружающей местности в XII в. Неподалеку протекала р. Неретва — путь в Боснию, Сербию, Болгарию, Византию. В XV в. Дубровник — в основном славянский город с весьма выгодным положением. Он был открыт связям с Востоком и Западом. Рыболовство, мореплавание, торговля, как и в соседних далматинских городах, стали главными занятиями жителей. Свое производство на крошечной территории ограничивалось в основном оливковым маслом и вином.

Уже в XI в., когда дубровчане связали итальянские города с балканскими славянами, торговля вышла на первый план интересов удивительно предприимчивых горожан, а в XII в. они заключили ряд договоров со славянскими властителями. Особый интерес представляет договор с боснийским баном Кулином 1189 г.: Дубровник получил право торговли во всех владениях Кулина. Этот договор — старейший документ, написанный кириллицей на хорватском языке, и наряду с Башчанской надписью — важный и древний документ хорватского средневековья. Тогда же дубровчане заключили договор с сербским великим жупаном Неманей и получили от него защиту. Уже в XII в. Дубровник под покровительством местных властей торговал от р. Савы на севере до р. Дрим на юге и р. Моравы на востоке [10]. Одновременно были заключены договора с заморскими Пизой, Равенной, Анконой и др., даже с Лондоном. В ряде городов Италии и важных пунктах Балкан дубровчане имели колонии.

В XIII в., попав в нетяжкую зависимость от Венеции, город продолжал испытанную тактику: заключал договора с Сербией, Болгарией, деспотом Эпира, а боснийский бан Нинослав освободил дубровчан от всяких налогов. Сербская королева Елена даже поклялась сообщать дубровчанам, если государь задумает напасть на их город... В XIII в. Дубровник овладел всей торговлей балканских славянских стран с Западом. Торговле была подчинена вся жизнь дубровчанина — от князя до простого ра-

ботника. Кроме того они занялись рудным делом в Боснии, Сербии и Болгарии. Итак, смелые, нередко жестокие и опытные купцы естественно приобрели и дипломатический опыт. Они принимали верховную власть сильных соседей на основе реальной самостоятельности, так как были весьма полезными для этих соседей.

Дубровчане сразу увидели в османах большую силу и в XIV вв. стали сближаться с ними. В 1365 г. договор с Портой открыл им безопасный путь в Левант [11]. С приходом османов султанам также оказалось выгодным сохранить фактическую самостоятельность Дубровника, снабжавшего Стамбул европейскими изделиями. С 1482 г. Османская империя стала единственным соседом Дубровника. В течение сотен лет (с 1442 г.) республика платила османам 12,5 тыс. дукатов ежегодно. Это обеспечило ей свободу торговли на Балканах, ее колония имела в Стамбуле. Во время войн Запада с османами республика оставалась в стороне. Ей удалось устоять против Венеции. Сохраняя связи с Портой, дубровчане одновременно снабжали императора Карла V кораблями во время войны за Тунис (1535 г.). Мохачская битва мало коснулась Дубровника.

В XIV–XV вв. Дубровник расширил свою территорию путем покупки земель и островов, а иногда применяя силу (так были присоединены Конавли вплоть до Боки; кстати, эта война 1427 г. была последней в истории самостоятельного Дубровника).

Дубровчане хорошо осознавали свою связующую роль между христианским Западом и мусульманским Востоком. Они были для империи словно живая вода для пустыни. Характерен следующий случай. После катастрофического землетрясения XVII в., разрушившего город, османские чиновники, нуждавшиеся в средствах, потребовали у Дубровника огромную сумму, по современным меркам соответствующую цене тонны золота. Дубровнический дипломат был в отчаянии: столько собрать город не мог даже в благополучные дни. «Но в таком случае нам не останется ничего иного, как погрузить все население на корабли и отплыть в Италию», — сказал дубровчанин. Эти слова сразу заставили османов сбавить тон: им не нужны были пустые стены Дубровника! [11]

Первый городской устав был принят в 1272 г. На скупшину собирались все горожане, здесь принимались законы. Но разбогатевшие торговцы, менялы, судовладельцы, ювелиры постепенно составили знать и лишили влияния простой народ. В 1395 г. скупшина была ликвидирована. Город превратился в патрицианскую республику. Ее дела вел большой совет (*consilium maius*) патрициев (*nobili*). Он назначал чиновников, формировал «совет предлагающих» (*consilium rogatum*) проекты законов (до 45 чел.). Этот совет избирал правительство — малый совет из 7 человек. Оно вершило суд по должностным преступлениям, с 1358 г. избирало из своих членов князя сроком на месяц. Это была в основном представительная должность. Князь поражал посетителей роскошью своей одежды.

Все должности были бесплатными. Постоянной армии не было, в случае необходимости нанимали солдат.

Первая половина XV в. — вершина богатства и блеска Дубровника, насчитывавшего тогда 40 тыс. жителей (позднее до 50 тыс.). Республике принадлежало 300 морских кораблей. Среди команды Христофора Колумба были и дубровчане. В городе производили стекло, краски, колокола, пушки, изделия из кожи, золота и железа. На о. Млет был построен бенедиктинский монастырь. Сельское хозяйство, преимущественно виноградарство, основывалось на труде колонов — наследственных арендаторов — и кметов, арендовавших землю знати на более тяжелых условиях (отработки и др.).

Богатство, связи с Италией и «вечный» мир способствовали развитию культуры республики: здесь расцвела литература на итальянском (ставшем языком торговли) и хорватском языках. Сам город — выдающееся произведение архитектуры.

Однако с XVI в. в связи с переносом мировых торговых путей на океан торговля Дубровника стала хиреть, как, впрочем, и Венеции. Упадок Дубровника ускорило катастрофическое землетрясение 6 апреля 1667 г. Тогда погибло до 4 тыс. человек. Город медленно восстанавливался, но так никогда и не достиг былого блеска.

Общие тенденции развития Дубровника в Средние века в некоторой мере были присущи и другим приморским городам, где власть также находилась у патрициата, а относительно небольшие сельскохозяйственные площади обрабатывались колонами. С XV в. городами, ранее входившими в состав Венгеро-Хорватского королевства, а по населению преимущественно хорватскими, овладела Венеция.

Культура. Главной интеллектуальной силой была церковь — Сплитское архиепископство, Загребское епископство, с 1349 г. — Джаковское епископство. Лишь отдельные интеллектуалы были дворянами или горожанами. С XIII в. в Хорватии оседают монашеские ордена — кроме францисканцев, находившихся здесь издавна, появляются доминиканцы, тамплиеры, павликиане и др. Монастыри открывают школы не только для духовников. Многие священники защищали глаголическое богослужение на народном языке (Сеньское, Крбавское, Крчское епископства, а с XV в. — кое-где в Загребском епископстве).

В церковно-монастырской и светской архитектуре XII—XVI вв. имели место значительные достижения, в том числе мирового масштаба (романский стиль сменился готикой, а с XVI в. заметны первые влияния Ренессанса). Особо знаменит Кнежев двор в Дубровнике (XV в.). Оригинальны — не имеющие себе подобных в данной части Европы — так наз. стечки (надгробия) в Боснии, Герцеговине, Далмации.

В XIV–XV вв. появилось много глаголических книг, особенно миссалов, а также Реймское евангелие, писанное кириллицей и глаголицей (1395 г.). Первопечатные книги появились в конце XV в., вскоре после изобретения книгопечатания: Сеньский миссал, 1494 г.; миссал 1483 г. — первая хорватская книга неизвестной типографии.

Уже до 1526 г. проявили себя несколько хорватских авторов международного класса. Герман Далматин (XII в.) — переводчик с арабского на латынь, познакомивший Европу с сочинениями Птолемея. В XV в. общеевропейской известности добился Ян Панноний (Иван Чесмичкий, 1434–1472) — один из лучших неолатинских поэтов своей эпохи, переводчик с греческого, выдающийся гуманист. Жизнь поэта оборвалась рано. Панноний принял участие в заговоре 1470 г. против короля Матвея, с которым прежде был дружен и кому не мог простить усиления личной власти и пренебрежения сподвижниками. Не дожидаясь ареста, Ян бежал и умер близ Загреба на пути в Венецию. Литературное наследие поэта было собрано и сохранено по приказу Корвина.

В конце XV — начале XVI в. писал спличанин Марко Марулич, «отец хорватской литературы» («Judita» и др. на хорватском яз.). В конце XV — первой половине XVI в. обозначилось начало богатой хорватской литературы в Дубровнике (М. Држич, Ш. Менчетич, М. Ветранович); в XVI–XVII вв. хорваты достигли европейского уровня литературы (П. Хекторович из Хвара, Ю. Шижгорич из Шибеника). В живописи стал известен художник Ю. Клович (с 1515 г.) (Gulio Clovio) — имеется его портрет работы Эль Греко, в Дубровнике — Никола Божидаревич (1460–1517).

В сфере юриспруденции наиболее раннее произведение на хорватском языке — Винодолский статут (1288 г.). Очень важен Полицкий статут (ранее 1440 г.) — эти и другие документы были созданы на основе обычного права. Надо иметь в виду, что многие названные и неназванные произведения появились в трагическую эпоху иноземных завоеваний, феодальных смут и пр. [5: 2].

«Утвердившись в Боснии и Герцеговине, османы отрезали Хорватию от ее естественного и сырьевого тыла, прервали традиционные пути, артерии экономического развития, захватили три четверти прежней хорватской территории, свели страну к „остаткам остатков“ в виде полумесяца и угрожали затопить ее полностью, как Византию, Болгарию, Сербию и Боснию» [2]. Но историческое различие между Хорватией и этими странами как раз заключалось в том, что поглотить ее, оторвать от европейской цивилизации османам не удалось. Включение Хорватии в состав центральноевропейской державы в конечном счете повлекло изменения цивилизационного масштаба.

Глава 3

Под властью Габсбургов и в борьбе с османами. XVI—XVIII века

Под властью Османской империи. С первой половины XVI в. под турецкой властью оказалось большинство хорватского народа.

Османское общество являлось своеобразной феодальной конструкцией. Формально все мусульмане были равноправны перед законом. Некоторые великие визири происходили из рядовых семей или из христиан, принявших ислам. Но фактически большим влиянием пользовались крупные землевладельцы. Боснийские феодалы-богомилы и христиане, приняв ислам, сохраняли свои владения. Большинство же феодалов бежало в Венгрию и Хорватию. В целом мусульманское общество, особенно в первое время, в период военных успехов, сохраняло сплоченность.

Все покоренное хорватское население было объединено в беглербегат Боснию (округ, основанный в 1580 г.). В XVII в. в империи имелось 22 беглербегата, или пашалыка. Каждый паша распоряжался собственным войском и казной. Боснийский паша обладал особым политическим весом, так как с конца XVII в. возглавлял пограничный округ. Беглербегаты делились на санджаки, в Боснии их было восемь, в том числе Герцеговина. Клис, Лика, Бихач, Церник, Пожега (с городами Пожега, Вировитица. Осиек, Вуковар, Джаково, Брод, то есть до поражения турок в войне 1683–1699 гг. этот санджак включал основную территорию современной Славонии).

Устройство империи было подчинено военным целям. Каждый санджак выставлял отряд с особым знаменем. Чиновники не получали денежного содержания. Они получали вознаграждение землей, которую распределяла казна. Военные землепользователи назывались сипахи. Получатели больших доходов — зиаматы. Их имения по наследству не передавались. Лишь тимариоты — владельцы крупнейших участков — пользовались правом наследования с разрешения султана. Со второй половины XVIII в. все землевладельцы стали наследственными. Во главе сипахов (войска)

каждого беглербегата находился ага, во главе войска санджака — алайбег. Беглербег имел советников (диван).

Кадии (судьи) руководствовались Кораном, поэтому системы апелляций не было. Оплаты судей также не было, их доход состоял из подношений сторон. Христианину выиграть спор с мусульманином было практически невозможно. Обычное наказание состояло в штрафе в пользу кадии, более тяжкие наказания предусматривали членовредительство (лишение руки, языка, носа). Смертная казнь осуществлялась сажанием на кол.

Правоверный и райя (стадо) — таково было основное разделение по «сословиям». Язык или народность не давали привилегий. Отождествление религии с народностью сильно повлияло на сознание южных славян, но не являлось главной причиной этнического раздела южных славян, близких (или единых) по языку.

Общественная жизнь христиан Боснии концентрировалась вокруг церкви. Католики обучали детей в монастырях. Здесь готовили священников (Сутьеска, Крешево, Фойница). Особым авторитетом пользовался орден францисканцев. Лишь в отдельных случаях молодежь получала образование в Италии.

Село и задруга являлись главными очагами крестьянского общения. Село избирало старейшину (он же судья). Задруга содействовала укреплению чувства безопасности и облегчала бремя налогов (налог с очага). Христиане платили десятину от всего урожая сипахи и харац султану для армии (дукат с очага). При сборе хараца творились насилия и грабежи. Тяжелейшей была дань детьми: по указу султана раз в несколько лет забирали наиболее здоровых и смысленных мальчиков от 10 до 16 лет. В Стамбуле их переводили в ислам и готовили из них солдат и чиновников. Девушек забирали в гаремы. Откупиться могли лишь очень богатые семьи [1].

Длительная — двухсотлетняя — борьба с османским нашествием изобиловала подвигами хорватского народа и хорватов-военачальников. Так, с войной 1532 г., когда султан Сулейман пытался захватить столицу монархии — Вену, связан подвиг небольшого (700 человек) венгерско-хорватского отряда во главе с хорватом Николой Юришичем. Отряд укрепился в небольшой венгерской крепости Кёсег, находившейся на фланге наступавшей османской армии. Турецкий командующий решил избавиться от опасности, которую представлял гарнизон Кёсега. Большое войско осадило Кёсег, но неожиданно осада затянулась. Близилась зима, и турецкому войску надо было возвращаться. Поход на Вену был сорван.

Готовя новое наступление на Вену, османы в 1565 г. вторглись в Хорватию и захватили Крупую (на реке Уна). Укрепление Крупую защищал гарнизон из 28 воинов во главе с капетаном М. Бакичем. Число нападавших доходило до 2000. Однажды огонь по нападавшим не был открыт. В удивлении османы отошли. Назавтра штурмующие свободно вошли внутрь

«града» и увидели, что все защитники мертвы — одни умерли от ран, другие с голода [3]. Эта местная операция получила неожиданное значение. Бан Петар Эрдеди под крепостью Иванич полностью разбил вторгшиеся войска. В связи с этим император Максимилиан I (1493—1516) присвоил бану титул графа. Таким образом, П. Эрдеди стал первым представителем хорватско-венгерской знати, кому Габсбурги присвоили наследственный графский титул.

Знаменитым событием была оборона венгерской крепости Сигета. В 1566 г. 150-тысячная армия Сулеймана двинулась на Вену. Перейдя Драву, султан отрядил 90 тысяч войска с 300 орудиями против Сигета. Гарнизон командовал Никола Зринский, не раз успешно вторгавшийся в османские владения, а сейчас изготовившийся к обороне. В крепости было всего 2500 хорватов и венгров. Задача Зринского состояла в том, чтобы задержать османов и дожидаться помощи короля. Несколько штурмов Сигета, предпринятых после жестоких обстрелов крепости из пушек, кончились неудачей. После трех недель осады посредством подкопа нападающим удалось проделать брешь в стенах, после чего отряду Зринского оставалось сдаться или погибнуть. Во главе отряда Зринский предпринял вылазку и героически погиб. Слава защитников Сигета пронеслась по всей христианской Европе.

Крепость Сисак при впадении Купы в Саву в конце XVI в. составляла звено оборонительной линии хорватов и вместе с тем австрийского государства (Огулин, Карловац, р. Купа, Сисак, Бихач). Захватив Бихач, боснийский Хасан-паша осадил Сисак, но ввиду упорной обороны гарнизона во главе с каноником Микацем ушел в Боснию, разорив и разграбив окрестную территорию. В 1593 г. Хасан вновь осадил Сисак, чтобы после его взятия овладеть Загребом. Тем самым вся старая Славония оказалась бы в османских руках. Но 22 июня 1593 г. к Сисаку примчались отряды из Загреба, Карловаца и Штирии общим числом в 5 тыс. конных и пеших воинов.

Донесение славонского бана Т. Эрдеди эрцгерцогу Эрнсту от 23.06.1593 г. о битве под Сисаком представляет интерес по нескольким причинам (приводим его текст с небольшими пропусками). «Светлый государь! Хасан-паша... осадил Сисак и непрерывно обстреливал его из шести медных пушек... Узнав об этих нападениях паши, господин генерал Хорватии, господин Эггенберг,* я и генерал славонской Границы объединенными силами и с бесстрашным сердцем направились на помощь Сисаку... паша с отборными десятью тысячами конных и пеших пришел навстречу, чтобы померяться с нами. Мы, готовые к бою и защите королевства, на сель-

* Руперт фон Эггенберг командовал вспомогательными императорскими силами (*Прим. редакции сборника*).

мой день осады развернули знамена и вступили в лютый бой с неприятелем. Некоторое время он храбро выдерживал наши атаки, но в конце концов частым огнем карловацких стрелков был сбит со своих позиций и бросился в бегство. Когда он бежал в свой лагерь, расположенный на другом берегу Купы, мы его гнали и загнали в названную реку Купу. Он с четырьмя беглыми и почти со всем войском утонул в воде и погиб. Тело паши, вытащенное сегодня из воды, признали пленные... Если б мы пашу не разбили, крепость Сисак была бы захвачена или сдана неприятелю. И это сделано под покровительством вашей светлости и с Божьей помощью и милостью. Мы захватили у неприятеля семь больших пушек и несколько малых фальконетов, и несколько новых кораблей. В лагере под Сисаком июня 1593» [4].

Битва под Сисаком означала для хорватов конец оборонительного периода войн с османами (1493–1593). Инициатива стала переходить к Габсбургам и их авангарду — хорватам. Мошь Османской империи сперва едва заметно стала клониться к упадку.

Позднее, в XIX в., о Н. Зринском и битве под Сисаком в Хорватии были созданы литературные произведения. Так развивалась национальная историко-культурная традиция.

Спустя столетие Никола Зринский, отдаленный потомок героя Сигета, совершил дальний кавалерийский рейд вдоль Дравы до Осиека и сжег стратегически важный турецкий мост на Драве (1664 г.). После Сисака османы жаждали реванша. Началась 14-летняя война с Османской империей (для хорватов — 16-летняя).

Поражение под Сисаком (22. 06. 1593) турецкие хронисты называли «годом гибели». Это событие было подготовлено хорватами путем напряжения всех сил. Дело шло о победе или гибели «остатков» королевства. В 1592 г. сабор принял постановление о всеобщей мобилизации (*insurgentio*): это означало приход в войско всех дворян и всего духовенства, а также горожан и части крестьян (от дома-задруги, или «дыма» — по два пеших воина и от десяти домов — один конный). Сражению 1593 г. предшествовали в 1591 и 1592 годах две безрезультатные для османов осады Сисака. После поражения 22.06. 1593 г. (третья осада) османы послали под Сисак 40-тысячную армию и на краткое время захватили крепость (четвертая осада). Жестокие сражения в этом районе (Сисак-Петриня) продолжались в 1595 и 1596 годах и закончились окончательным поражением османов. Направление на Крайну, Штирию, Каринтию (и Италию) было закрыто.

Австро-турецкий мир был заключен в 1606 г. Договор отменил ежегодную дань венгерско-хорватского короля (Габсбурга) султану, то есть признал равноправие Австрии и Турции (дань была установлена в 1547 г.). Это свидетельствовало о медленном, но неуклонном ослаблении моши османов.

К концу XVI в. хорваты потеряли до $\frac{1}{3}$ былой территории и около половины населения. Хорваты переселялись в немецко-словенские австрийские земли, Венгрию, Моравию, Италию. Но в Хорватию приходили и постепенно сливались с ними венгры, немцы, итальянцы, часть влахов и сербов, албанцы-католики. Хорватизировалась часть иноземных дворян (иногда они меняли фамилии). Новые поселенцы дали Хорватии ряд специальностей, способствовали развитию ремесла, денежного обмена, торговли, военного искусства (офицеры, солдаты). Среди пришельцев были и представители аристократии, фамилии которых известны в позднейшей истории страны (вплоть до банов).

С конца XVI в. основные хорватские земли, ранее составлявшие два королевства: Хорватию (с фактически утерянной Далмацией) и Славонию, в государственно-правовом отношении считались Триединым королевством «Хорватией, Славонией и Далмацией». Термин «королевство» (*regnum*) в отношении Славонии стал применяться в документах уже в первой половине XIII в., в королевский титул Габсбургов Славония была вписана в 1529 г., то есть после оккупации восточной части старой Славонии османами. Что касается западной части былой Славонии, то вместе с передвижением под натиском османов хорватского дворянства и массы крестьян на север в XVI в. геополитическое наименование «Хорватия» стало означать область с центром в Загребе, где находился бан, епископ, временами собирався сабор.* Эту полосу вдоль границы австрийских земель сами хорваты называли «остатками остатков некогда славного Хорватского королевства». Эта «*reliqua reliquatum*» состояла из трех жупаний — Загребской, Вараждинской и Крижевацкой. Их население говорило на кайковском диалекте, близком словенскому языку. Не стало системы двух банов, остался лишь герб Славонии — куница, бегущая по междуречью Савы и Дравы (этот герб сохранился до 1847 г.) С 1577 г. в Пожони заседало общее венгеро-хорватское собрание, но в Хорватии имели силу лишь те решения, за которые выступали хорватские делегаты.

Положение в XVII в. отличалось от XVI в. «Спокойствие» XVII в. заключалось в том, что население уже систематически не подвергалось глубоким разорительным вторжениям мусульман, а лишь нападениям небольших групп турецких граничар (в том числе христиан) с целью угона скота. Австрийская сторона отвечала тем же.

Военная граница. С конца XIV в. Венгрия являлась главной силой, противостоявшей продвижению османов на север. После падения Боснии (1463 г.) Хорватия оказалась лицом к лицу с великой державой султанов. Король Матвей Корвин, передав в руки государства Сень, принадлежавший хорватскому магнату Франкопану (1469), организовал Сеньскую «ка-

* В старой средневековой Хорватии сабор последний раз собрался в 1558 г. недалеко от Вргинмоста, после чего он слился с сабором Славонии.

петанию», укрепленный участок, — первый значительный военный рубеж на пути османского нашествия. В дальнейшем именно из этого устройства развилась Хорватско-славонская Военная граница.

Набеги османских отрядов и опустошение хорватских земель продолжались, особенно после смерти Корвина (1490 г.), когда в Венгрии вновь возобладала феодальная анархия. Напомним, что хорватские земли в это время были разделены на собственно Хорватию и Славонию. Славонское дворянство отказывалось воевать вне Славонии. Именно в это время произошла Крбавская битва (1493 г.), после которой хорватское дворянство стало настойчиво искать поддержки у Габсбургов. Для последних Хорватия была предпольем (*antemurale*) «наследственных земель» Габсбургов — Крайны, Каринтии и Штирии. В 1522 г. австрийские войска вступили в Хорватию и прикрыли путь в центральные провинции Австрии и в Италию. Так было подготовлено избрание королем Хорватии и Славонии эрцгерцога Фердинанда Габсбурга (1527 г.) [5].

В разгар войн с Сулейманом I, в первой половине XVI в., в Хорватию проникла Реформация, распространявшаяся из Германии и Венгрии. В хорватских землях Реформация была слабой и отступила под давлением католических орденов, особенно иезуитов. Социальные и политические условия не благоприятствовали реформационному движению: сугубо феодальная структура хорватского общества; зависимость Хорватии от правящих кругов Австрии в борьбе с османами (сама эта борьба имела религиозную окраску и нуждалась в воинствующем христианстве), сильное влияние Рима, экономические связи с Италией. Протестанты подверглись судебным преследованиям и по решению сабора (1604 г.) должны были покинуть Хорватию. Католической стала вся Австрия. Это положение сохранилось до реформ Иосифа II в XVIII в.

Набеги мусульман из Боснии, увод населения в плен, уход хорватских крестьян на север опустошали страну. Землевладельцы оказывались не в состоянии содержать укрепленные пункты на границе. Своих средств для организации обороны Хорватии, несмотря на крайнее напряжение сил народа, не хватало. Поэтому влияние австрийского правительства на состояние обороны возрастало. В XVI в. австрийцы организовали новые капетании (две в Хорватии и три в Славонии). С середины XVI в. капетаний в междуречье Савы и Дравы стали называть Славонской границей, а от Савы до моря — Хорватской. Первую, ввиду более солидных укреплений, называли Вараждинским генералатом, вторую — после возведения крепости Карловац — Карловацкой границей (с 1579 г.) [2]. Но после этого требовались средства на содержание наемных солдат (местных, немцев, испанцев). Австрийские власти усиленно переманивали на свою сторону христиан (влахи, сербы, католики и др.), служивших «по ту сторону» — на охране границы Османской империи.

Большинство перебежчиков — преимущественно влахов — размещалось на королевской земле, но немногие — на помещичьей, освобождаясь по договору с дворянином от барщины (однако часть повинностей была сохранена). И на новом месте вlahи занимались скотоводством и земледелием. В качестве оплаты за охрану границы они получали хлеб, сукно и др., а также небольшой участок земли. Обычно они также занимались грабежом населения по ту сторону границы. В значительной мере вlahи сами себя содержали.

В конце XVI в. под ударами османов оказались наследственные земли Габсбургов (Каринтия, Крайна, Штирия).

Большие средства, поступавшие из наследственных земель (правительство в связи с этим снижало им налоги), плюс служба перебежчиков давали возможность содержать всю систему защиты Границы от Адриатики до Дравы. Расходы на содержание Военной границы, составлявшие в 20-х годах XVI в. около 10 тысяч форинтов, в 70-х годах достигли 550 тысяч. Зато немецкое дворянство наследственных земель заняло доходные места в управлении Границей, командирские должности. Всю массу граничар составляли хорваты (католики) и сербы (или вlahи).

В 1578 г. военный совет Границы разместился в Граце, его возглавил эрцгерцог Карл. К этому времени Граница уже насчитывала 88 укрепленных пунктов на протяжении примерно 100 км. Часть Границы в районе Покупля называлась Банской. Здесь службу несли крепостные крестьяне, не раз бунтовавшие против этого.

Более значительные укрепления строились из камня, в них находились гарнизоны. Между ними размещались деревянные наблюдательные вышки (чардак), откуда при появлении неприятеля подавались сигналы (при помощи факелов и стрельбы). Большое значение придавалось разведке. Между передовыми линиями османов и австрийцев пролежала «ничейная» незаселенная полоса [см. также: 6]. В этом новом образовании Габсбурги получили военную силу, независимую от дворянских органов власти Хорватии и Венгрии, от влияния местной аристократии, силу, послушную только двору.

Бичом этой системы стало казнокрадство начальства, тогда как граничары нередко голодали и не имели одежды. Командиры нередко использовали солдат как крепостных. Начальники не считались с законами Хорватии, вмешивались в гражданские дела, что вызвало конфликты с местным дворянством. Долгое время военные поселения не были отграничены от помещичьих хозяйств. Помещики были обязаны посылать своих крепостных для работы в укрепленных пунктах. Правда, местное дворянство постепенно приобретало все больше должностей на Военной границе, а офицерские должности приносили немалый доход.

Наконец, от Дравы до Пожони протянулась Венгерская граница; множество граничар здесь составили хорваты, переселявшиеся с родины.

Ввиду невыносимых условий из Хорватии только на северо-запад в XVI в. переселилось до 200000 человек.

В связи с окончанием войны 1593—1606 гг. хорватские сословия почитали, что Военная граница стала ненужной. В действительности феодалы мечтали вернуть пограничные территории под свою власть. В этом, кстати, прозаическая причина их патриотических заявлений; отрывать патриотизм от интереса нет оснований, но и сводить патриотические чувства к карьеризму, обогащению и т. п. было бы нелепо. Но у Габсбургов были противоположные планы: ведавший Военной границей герцог Фердинанд, штаб которого находился в Граце (Штирия), добивался милитаризации всей Хорватии и Славонии. Хорватский сабор мечтал о возвращении под власть бана всей территории от Дравы до моря и увязал эту проблему с требованием назначать граничарских офицеров только из местных уроженцев. Император Матвей (Матиас) II (1608—1619) назначил баном хорвата, но в остальном все оставил по-прежнему. Кроме того, вопреки обычаю, сабору было запрещено торжественно вводить бана в должность (*installatio*). Борьба за автономные права Хорватии продолжалась до 1914 г., но с конца XVIII в. дворянство утерало при этом ведущую роль.

Благодаря Военной границе в XVI в. продвижение турок было замедлено или приостановлено. После боя под Сисаком (1593 г.) и последовавшей войны 1593—1606 гг. наступило длительное затишье. С этого времени начался новый период в истории Военной границы, которая была выделена в особую территорию, административно не связанную с «гражданской» Хорватией.

Это стало возможно ввиду массового переселения влахов из османских владений: в Славонскую границу переселение произошло быстро (1597—1600 гг.). Правитель «Внутренней Австрии» эрцгерцог Фердинанд, штаб которого находился в Граце (Штирия), добивался милитаризации для привлечения влахов, издал манифест с перечнем прав переселенцев: освобождение от всех «налогов, работ и подобных тягот». Но ввиду нехватки казенных земель власти селили влахов в имения помещиков и церкви (Загребского епископства). Землевладельцы соглашались признать привилегированное положение переселенцев, но требовали от них ренту и признания феодалов «господами земли» (так называемые «частные вlahи» уже были ранее). Но вlahи-переселенцы соглашались быть только «работниками и войниками». Зависимость от помещика они считали шагом в несвободное сословие. Сабор и бана вlahи не признавали.

В XVII в. венгерское государственное собрание неоднократно требовало от влахов подчиниться господам, а трижды даже принимало постановление об отмене всяких привилегий влахов. В XVII в. «влахский вопрос» затянулся надолго. Король был не в состоянии убедить помещиков выделить землю вlahам, а влахов — нести какую-то денежную повинность помещикам.

Однако положение влахов-граничар и без того было отчаянным. В жалобе от 1615 г. местный епископ сообщал государю, что военное начальство гонит граничар на работу железными палками. После длительной борьбы часть влахов добилась издания указа короля, получившего впоследствии неофициальное наименование *Statuta valachorum* (1630 г.). Подавляющее большинство влахов были православными, они перенимали сербский язык (и в XVIII—XIX вв. среди них утвердилось сербское национальное самосознание). Но в Вараждинском генералате (Славонская граница) католики составляли 30%. Однако в вопросе о правах между ними царило единодушие.

Указ 1630 г. был издан Фердинандом II как королем Венгрии и предназначен был валахам трех капетаний между Савой и Дравой. Согласно указу, каждое село ежегодно избирает *кнеза* (начальника с административными и судебными правами), а каждая капетания — *великого судца* и восемь заседателей — их выбирают кнезы и несколько стариков — представителей сел. Великого судца утверждает генерал (или докладывает королю, почему не утвердил). Военный суд (состоящий из нескольких офицеров) имеет право присуждать только к телесным наказаниям, но не к штрафу. Только при гражданских спорах возможны штрафы, величина которых ограничена или определяется «законами королевства» (вероятно, для граничара штраф был тяжелее, чем порка). Между прочим отметим, что в указе фактически признавалось наличие связи Границы с хорватскими землями («законы королевства»). Далее: все граничары были обязаны строить укрепления, а в случае военной тревоги поголовно (с 18 лет) становиться под ружье. В 1619 г. хорватский сабор потребовал обеспечить хорватскому дворянству половину офицерских должностей в Карловацком генералате, оставив немцам (из наследственных земель) лишь половину. Хорваты добились даже $\frac{2}{3}$ мест, но второстепенных. Лишь на Банской границе все управление находилось в руках местного дворянства. Во время османского натиска в XVI в. крепостные (кметы), несшие военную службу, были освобождены от значительной части повинностей. В XVII в. дворяне хотели восстановить прежние обязанности крепостных. Это вызвало волнения кметов (1633–1634, 1653–1659, 1670–1671). С другой стороны, дворянский сабор систематически выступал с петициями о воссоединении Военной границы с королевством.

Для Хорватии *Statuta valachorum* имел важные последствия: «Граница стала особой территорией, полностью исключенной из сферы власти бана и сабора» [7]. В среде дворянства это усилило провенгерские настроения. Но позиция хорватского дворянства определялась противоречивыми обстоятельствами: оно мечтало о присоединении граничарских земель и вместе с тем стремилось сделать карьеру на Военной границе. О ликвидации Границы двор не захотел и слышать. После окончания 30-летней войны (1618–1648) в Вене мечтали о превращении Венгрии и Хорватии в обычные провинции империи, подобные наследственным землям.

После войн с Османской империей конца XVII — начала XVIII в. и во время и после войны за Австрийское наследство (1740—1748) реформы Военной границы были необходимы, чтобы превратить граничар в боеспособное европейское войско. Центральная власть — австрийский абсолютизм — решила покончить с элементами самоуправления граничар. Вена пыталась также навести здесь элементарный порядок: на Границе господствовал произвол офицеров и чиновников, видевших цель своей службы в обогащении. Нищета граничар ввиду разных трудовых повинностей, в том числе «барщины» на земле офицеров, была крайняя, но в помещичьи крестьяне они идти не хотели, так как формально считались свободными людьми.

Правительство стремилось, чтобы Граница себя полностью содержала и поставляла дешевых солдат. В поисках решения этих проблем в XVIII в. на Границе было проведено 30 только крупных реформ.

Социальной основой Военной границы продолжала оставаться большая семья — задруга. Экономической базой задруги считался основной, наследственный участок, неотчуждаемый кроме исключительных случаев (и с разрешения начальства). Существовал и отчуждаемый «überland». Продать землю можно было только граничару — а именно малоземельной задруге.

Разделу задруг, стремление к чему проявилось в XVIII в., ставились препятствия, ибо начальство было заинтересовано в сохранении хозяйственной единицы, а для этого было необходимо присутствие в доме хотя бы одного мужчины-хозяина. Малая задруга могла оказаться не в состоянии обеспечить властям солдат. Раздел разрешался, если новые хозяйства сохраняли не менее $\frac{1}{2}$ семьи и возможность выделить хотя бы одного солдата. Раздел разрешался лишь с согласия всех полнолетних мужчин или при признании начальства полка, что он необходим ради «порядка и мира».

Но несмотря на все меры, граничары ухитрялись тайно делить задругу. В 1825 г. император Франц разрешил утвердить совершившиеся разделы, если новые задруги выполняют закон. А с прочих брать солдат как с неразделенных.

Закон 1807 г. подтвердил принцип, что Граница должна сама себя содержать. Граничары несли государственную и общинную трудовую повинность, платили поземельный налог. Граница рассматривалась как часть австрийской армии. Граничарам разрешалось заниматься ремеслом, но сверх основных работ, а также торговать своими продуктами, однако иметь лавку можно было только с разрешения командования [5].

Военная граница почти всегда была недовольной, особенно досаждал граничарам произвол начальства. В 1658, 1665—1666 гг. происходили волнения, иногда связанные с волнениями помещичьих крестьян.

В 1717 г. статуты были «подтверждены», но требования назначить гражданских судей не выполнены, более того, гражданский суд был отменен и тем самым одна из основ самоуправления подорвана. В 1679 г. вараждинский генерал докладывал королю о том, что в судах господствуют «капетаны» (командование) и царит грабеж. В ответе капетаны утверждали, что граничары хотят... республики.

В отличие от Славонии, в Хорватию влады переселялись постепенно, группами, с 1614 по 1672 гг., и договаривались с землевладельцами, в основном с магнатами Зринскими и Франкопанами. Поэтому общие привилегии для владов Карловацкой границы не были сформулированы. Наконец, часть владов купила у Франкопана территорию Гомирье, и для них были изданы привилегии (1660 г.) — право выбирать судей и организовывать общину. Свободной земли в Хорватии было мало, и стать полноправным граничаром было трудно — приходилось давать землевладельцу «дары», даже часть собственной платы.

В Хорватии загребский епископ пытался распространять среди владов униатство, что вызвало волнения в 1672 г. Наконец, когда масса сербов переселилась в Воеводину (1690 г.), влады в церковном отношении присоединились к ним.

На основе анализа закона 1807 г. можно сделать вывод, что социальное развитие уже в эпоху феодализма создавало напряжение в железных рамках военного режима Границы. Тем более эти рамки стали нетерпимыми после 1848 г., когда устройство Военной границы стало ощущаться граничарами как тюрьма и казарма для всего населения.

Политически и психологически важные перемены в Хорватии были связаны с войной Венеции против Османской империи за остров Крит (Кандийская война, 1645—1669). Война велась на море и суше — в континентальной части Далмации. Здесь — главным образом силами хорватов, к которым присоединились влады — православные и католики. Венецианцы заняли ряд городов Далмации и в 1648 г. вторглись в Боснию. По миру 1669 г. Венеция отдала Крит, но приобрела прибрежную полосу Далмации от Новиграда до Омиша. Задар, Шибеник и Сплит расширили свой континентальный тыл. Владения Венеции превысили 5000 кв. км. В сознании далматинцев эта война стала освободительной борьбой христианского населения. По оценке хорватского историка, результаты войны, хотя отвоеванная земля отошла к Венеции, стали «первым шагом к освобождению хорватского народа и началом интеграции национальной территории» [2].

Широкомасштабное наступление османов на Венгрию в 1663 г. вызвало обеспокоенность по всей Европе, на помощь имперским войскам пришли германские князья, и даже король Франции направил вспомогательный корпус. Обороной хорватских земель командовал бан Никола Зринский, потомок легендарного защитника Сигета. Зринский был одним из самых

ярких политических деятелей эпохи — политик, полководец, поэт и мыслитель. Его героическая поэма «Сигетское бедствие» — одно из лучших поэтических произведений венгерской литературы XVII в.

В годы перемирия с Портой он неоднократно побуждал Габсбургов к более решительным действиям и теперь, в 1664 г., возглавил так называемый «зимний поход», вопреки всем тогдашним постулатам военного искусства, отрицавшим возможность воевать зимой. Но османы поздней осенью уходили на зимние квартиры в Малую Азию, и Зринский решил этим воспользоваться. Именно он совершил дальний кавалерийский рейд вдоль Дравы до Осиека и сжег стратегически важный мост на Драве, о чем мы кратко упоминали в разделе, специально посвященном хорватскому отпору османам. Однако развить успех не удалось, и фактически оставленному своими имперскими и французскими союзниками Зринскому пришлось сдать возведенную им по собственной инициативе и на собственные деньги крепость Зрини-Уйвар. Когда продвижение османов вглубь владений Габсбургского дома начало грозить штурмом Вены, австро-французские союзники разбили османов при Сент-Готхарде (Могерсдорфе) и заключили двадцатилетний Вашварский мир (1664 г.), по которому Порта получала обратно все свои недавние потери.

Хорваты и венгры восприняли мир как «позорный». Они мечтали об освобождении своих земель. Но венский двор, по-видимому, опасался усиления венгерского и хорватского дворянства, в среде которого бродили оппозиционные Габсбургам идеи. Тем не менее эта война положила начало ряду успешных войн против Османской империи. Вашварский мир обеспечил Габсбургам спокойствие на востоке и западе, но игнорировал интересы Венгрии и Хорватии: османам были сданы две важнейшие венгерские крепости, что нанесло удар по венгерской торговле, так как удлиняло путь до границы, кроме того, в Венгрии были резко повышены налоги и установлен более тяжелый режим. Габсбурги стремились полностью отделить Военную границу от Хорватии и послали на границу немецких генералов, что еще до Вашварского мира вызвало недовольство хорватских магнатов.

Антигабсбургский заговор хорватских и венгерских аристократов. Абсолютистские и централизаторские тенденции двора породили тревогу в Венгрии и Хорватии. В частности, по старой традиции при подготовке условий мира привлекались представители Венгрии и Хорватии. Теперь это сделано не было.

Составился заговор католических венгерских магнатов, стремившихся освободиться от Габсбургов и поставить Венгрию в положение, аналогичное Трансильвании — автономия во главе с венгерским магнатом, зависимым от Османской империи [8]. В Хорватии во главе недовольных находился бан Никола Зринский. Заговор поддержал ряд высших венгерских чинов и магнатов во главе с венгерским палатином Ференцем

Вешшелени, архиепископ Эстергомский, государственный судья Венгрии Ференц Надашди, а также брат бана Петар Зринский и его жена поэтесса Катарина Франкопанка и др. Заговорщики вступили в контакт с французским посольством в Венеции, где переговоры вела Катарина. Хотя хорватский бан погиб на охоте в декабре 1664 г., переговоры продолжались. Но заговорщиков стали преследовать неудачи. В марте 1667 г. умер глава заговора Ф. Вешшелени. Людовик XIV в помощи отказал. Без результата оказались обращения к Польше и Венеции. Решено было отправить посланца в Турцию. В 1669 г. капитан Ф. Буковачкий, поехавший в сопровождении двух знатных хорватских дворян, был принят султаном и его приближенными. Был утвержден проект: Венгрия и Хорватия переходят под покровительство султана и платят ему дань. Султан обеспечивает им прежнюю свободу и конституцию. Именем султана Венгрией и Хорватией будет править Петар Зринский (и его наследники). Будайский паша с 30 тысячами войска поддержит Зринского, а при необходимости — и вся турецкая армия. Города, занятые турками, будут переданы венграм и хорватам.

Петар Зринский и его шурин Ф. К. Франкопан начали готовить восстание. Обо всем был информирован их союзник в Венгрии зять Петара Зринского Ференц Ракоци. Однако все это стало известно австрийцам, поскольку великий визирь был настроен против предприятия. Между тем Ф. К. Франкопан, появившийся в Загребе в сопровождении конного отряда, призвал горожан присоединиться к Зринскому, так как турки «оставят нетронутыми веру, свободу и конституцию страны». Франкопана поддержала часть дворян: Зринский выбрал из двух зол меньшее, — убеждал Франкопан слушателей. Но загребский капитул резко возражал против всего плана.

Лидерам заговора стало известно, что с турками договоренности нет. В отчаянии Зринский и Франкопан поспешили к королю каяться и просить прощения, но сразу были арестованы (12.04.1670). После нескольких месяцев следствия оба знаменитых хорватских магната были приговорены к смерти. 30 апреля 1671 г. Зринский и Франкопан были казнены в Винер-Нейштадте. Такая же судьба постигла их друзей — мадьяра Ф. Надашди и штирийца Э. Таттенбаха. Помилован был лишь Ф. Ракоци. Катарина Франкопанка умерла в заключении. В тюрьме же умер сын Петара Зринского. После гибели в бою с турками сына Николы Зринского прекратились два самых знаменитых хорватских рода. Их несметное имущество — земля, замки, драгоценности и пр. было захвачено казной, разграблено дворянством, генералами Военной границы. По экономике Хорватии был нанесен удар, от которого она долго не могла оправиться [2].

Большой ущерб был нанесен и социальной структуре хорватского господствующего класса. Никогда ранее австро-немецкое чиновничество

не приобретало такого влияния в Хорватии. Новый бан был назначен королем и возведен в достоинство сабором лишь в 1680 г.

Погибшие Николай, а затем Петар Зринские и Ф. К. Франкопан отстаивали самостоятельность крупнейших хорватских и венгерских феодалов против наступления центральной власти на старинную автономию Венгрии и Хорватии. Историческое предание оценило их деятельность как национальную, как борьбу за восстановление самостоятельного государства. План Габсбургов превратить Хорватию в одну из наследственных земель осуществлен не был. Элементы хорватской государственности (сабор, бан) оказались полезными для сохранения влияния Австрии на местное дворянство. Тем более что надвигалась новая война с османами.

Освободительная война. В 1683 г. султан Мехмед IV объявил войну императору-королю Леопольду I. Великий визирь Кара-Мустафа во главе 250000 войска с 300 пушками появился под Веной и осадил город. Население отчаянно защищалось. 12 сентября 1683 г. османский лагерь был разгромлен подоспевшими войсками польского короля Яна Собеского и герцога Карла Лотарингского. В этой битве погиб знаменитый хорватский историк иезуит Юрай Крижанич, возвращавшийся из России. Османы бежали, бросив тяжелое вооружение и множество имущества. От этого поражения Османская империя уже вполне оправиться не могла.

Битва под Веной стимулировала восстания в Венгрии, Хорватии, на Балканах. В 1684 г. по инициативе папы был создан союз Австрии, Польши и Венеции («Священная лига») с целью изгнания османов из Европы. Хорватское войско в Хорватии, венецианцы — в Далмации, австрийская армия — в Венгрии развернули наступление. К 1687 г. была освобождена большая часть Венгрии, Славонии и Хорватии. Еще в 1686 г. была взята Буда и австрийцы подошли к Белграду.

Воспользовавшись ситуацией, Леопольд с согласия представительных учреждений Венгрии и Хорватии в 1687 г. провозгласил наследственное право династии (по мужской линии) на престол Венгрии и Хорватии и отменил право магнатов «сопротивляться» королю (статья 31 «Золотой буллы» 1222 г.).

В 1697 г. австрийский полководец Евгений Савойский нанес османам решительное поражение под Сентой, уничтожив на переправе через р. Тиса около 30000 турецкого войска. К 1699 г. была освобождена вся Славония, кроме части Срема, территории Хорватии до р. Уна, Сава, Корана, Глина, а также области Лика и Крбава. Территория Хорватии возросла более чем вдвое (с 18 до 40 тыс. кв. км, включая Военную границу). В Славонии и Среме были назначены великие жупаны. После 167 лет турецкой оккупации австрийцы заняли Белград, прорвались в Боснию, Сербию и Македонию. Победы австрийцев вызвали восстание вдоль границ венецианских владений. При поддержке Венеции были освобождены города в долине р. Зрмания. Повстанцы дошли до Сенья, Имотски и Книна (на стыке

Хорватии, Далмации и Боснии).^{*} Эти земли присоединила Венеция. Но война с Францией заставила Австрию вывести войска из Македонии, Сербии и Боснии.

Карловацкий мир 1699 г. был первым победным миром Австрии (и «Священной лиги») с Османской империей. Хорватский писатель и историк П. Риттер Витезович в связи с этим посвятил императору Леопольду латинское сочинение «Возрожденная Хорватия» (1700), где напоминал, что не все хорватские земли освобождены.

В 1718 г. Пожаревацкий мир завершил новую австро-турецкую войну. К Австрии отошли Банат, остававшаяся у турок часть Срема, север Сербии и Боснийская Посавина, то есть полоса южнее Савы (ширина полосы равнялась расстоянию, которое преодолевала лошадь за два часа езды). Но по Белградскому миру 1739 г., завершившему войну 1737–1739 гг., Османская империя вернула Боснийскую Посавину и часть Сербии. С этих пор австро-турецкая граница стабилизировалась надолго.

Во время войны 1683–1699 гг. Дубровник, чтобы не попасть под власть Венеции, признал верховную власть Габсбургов (1684–1806), а в 1699 г., чтобы не иметь общей границы с Республикой Св. Марка, передал Османской империи выходы к морю севернее (Неум) и южнее (Суторина) своих границ.

С войной 1683–1699 гг. связаны два события, изменившие этническую картину Подунавья. 1) В 1686–1687 гг. из Далматинской Загоры переселились в Бачку (комитат тогдашней южной Венгрии; современная Воеводина) католики-буневцы, еще ранее, в XVII в., группы буневцев поселились в Хорватском приморье и Горском котаре, затем в Лике. Группы католиков-шокцев поселились в Славонии. Обе этнические массы позднее влились в состав хорватского народа. 2) Вместе с отходившими австрийскими войсками австрийский полководец принц Евгений, взявший Сараево в 1697 г., увел в Бачку 10000 католиков; вместе с австрийцами в 1699 г. ушли из Косова десятки тысяч православных во главе с патриархом Арсением — также в Бачку, опустошенную войнами. Во множестве они влились в ряды граничар. С другой стороны, из Венгрии и Славонии, тысячи турок и славян, принявших ислам, перешли в Боснию.

В начале XVIII в. проявились определенные симптомы венгеро-хорватских противоречий. В 1703–1711 гг. в Венгрии шла война против власти Габсбургов. Возглавлял движение Ференц II Ракоци. На предложение присоединиться к восстанию хорваты ответили отказом. В 1708 г. они воспротивились требованию венгерского государственного собрания согласовывать решения сабора с венгерскими законами. Хорватское дворянство вновь попыталось укрепить самостоятельность страны в пределах монархии. О том же свидетельствовала попытка (пока что неудавшаяся

^{*} Эта граница между Далмацией и Боснией существовала до 1918 г.

ся) загребского епископа М. Брайковича учредить в Загребе архиепископство, то есть обеспечить хорватской церкви независимость от венгерской. Наконец, когда император Карл VI (в хорватской и венгерской традиции Карл III, 1711–1740), не имевший сына, предложил всем представительным органам владений Габсбургского дома признать право на престол за женской линией династии, хорватский сабор независимо от венгров в 1712 г. согласился с этим при условии, что претендент(ка) будет иметь престол в Австрии и управлять соседними с Хорватией землями — Штирией, Каринтией и Крайной. Этот документ позднее получил наименование Хорватской прагматической санкции. Хорватия упорно стремилась ограничить отношения с Венгрией личной унией и подчеркивала свою заинтересованность в связях с Австрией, — все это вместе означало защиту своей государственности. Но Карл VI не утвердил решения сабора. Венгрия приняла Прагматическую санкцию в 1723 г. Здесь указывалось на нераздельность земель венгерской короны (то есть Венгрии, Трансильвании и Хорватии). Это было принято императором-королем.

Патриотические и оппозиционные венгерскому правлению настроения хорватского дворянства, которые осязаются в самом стремлении — после 600 лет связи с Венгрией — самостоятельно заключить договор с королем, откровенно были выражены в записке королю (от 13.03.1712), содержащей объяснение этой позиции. «Мы, в соответствии с законом — страны, присоединенные к Венгрии, но мы не подданные ее. Некогда мы имели своих урожденных, а не венгерских королей. Нас венграм не отдали никакая сила, никакое рабство, мы сами добровольно покорились, но не королевству, а их королю. Их короля мы признаем и ныне до тех пор, пока он будет австрийским государем. В противном случае... мы не можем исходить из того, будто мы всегда должны следовать Венгрии. Мы свободные, не рабы... Пока мы аванпост австрийских государей, мы всегда добровольно покоряемся всему их славному роду без различия пола, как верный народ и верное королевство...» [4].

В 1745 г., после настойчивых просьб, *хорватское дворянство добилося воссоединения Славонии с собственно Хорватией*. В гражданской Славонии были учреждены три жупании. Однако непосредственного контакта Хорватия и Славония не имели, так как между ними вклинивалась часть Военной границы (район гор. Беловара). Венгрия настаивала на включении Славонии непосредственно в Венгерское королевство (доказывая, что так было еще с XII в.) и участии послов от славонских жупаний в заседаниях государственного собрания в Пожони (по два посла от каждой, как от всех венгерских комитатов). Вопрос был решен компромиссом: жупании стали посылать делегатов и в Венгрию, и в Хорватию. Но для хорватов это событие стало сигналом об угрозе мадьяризации страны.

Так, поскольку по мере роста вывоза венгерского зерна хорватский порт Риека приобретал все большую важность, прибрежная часть Хорватского приморья была передана под власть венгерского правительства и стала называться Венгерским приморьем.

В Венгерском королевстве процесс складывания позднефеодального крепостничества, начавшийся в XV в., завершился в следующем столетии. Феодалы перешли к ведению домениального хозяйства силами барщинных крестьян. В начале XVI в. оформилось их закрепощение. После подавления мощного крестьянского восстания это было зафиксировано в законе 1514 г. и «Трипартитуме» юриста И. Вербёци, составленном в начале XVI в. кодексе дворянских прав. «Трипартитум» был представлен государственному собранию и одобрен королем, но комитатам в качестве законодательного акта не был разослан. Тем не менее до середины XIX в. дворянство руководствовалось им как законом. Этот свод был переведен на венгерский (1565 г.) и хорватский (1574 г.) языки [9, 10] — факт, свидетельствовавший об особом значении, которое ему придавалось. Возможность вывода крестьян или запрет этого в разное время являлись результатом соперничества интересов крупных (за вывод) и мелких (против вывода) феодалов. По-видимому, аналогичные тенденции имели место в части Хорватии, не попавшей под власть османов. Но здесь положение было исключительно сложным.

Войны, грабежи, трудовая повинность добивали крестьянское хозяйство. Свобода перехода все более ограничивалась. В XVI в. возросла барщина. В XVI в. обострились противоречия крупных землевладельцев и с городами: помещики стремились подавить торговую активность городов (Крапина, Вараждин, Самобор и др.). Население торгово-ремесленных городков было превращено в крепостных (кметов). Дифференциация крестьян выразилась во владении от целого до четверти надела (сессии). Не владевшие наделами желиры иногда составляли целые села, они имели до 2 ютров (1 ютро — 0,57 га).

В Славонии в начале XVI в. 950 владельцев имели до 30 тысяч крепостных. Крупнейшим владельцем была католическая церковь ($\frac{1}{3}$ владений). В начале XVII в. были основаны новые монастыри. Приходское духовенство получило несколько кметов и участок магнатской земли. Поэтому господин имел право патроната над местной церковью.

В собственнo Хорватии крупнейшим владельцем был Франкопан. В XVI в. разбогатели Зринские. Средние и мелкие дворяне составляли до 95 % владельцев (и имели 28 % земли), в том числе низшее дворянство — до 78 % владельцев. Многочисленной была группа дворян-однодворцев, не имевших кметов. Существовали общины однодворцев, возглавлявшиеся «избранным» жупаном — обычно из магнатов. С XIII в. появился слой предиалистов — церковных вассалов, часть их имела кметов.

Социальные отношения. В XV – начале XVI в. барщина была невелика. Наибольшую часть повинностей составляла денежная рента. Росло число поселений городского типа. В Славонии около 70% из них возникло в XV – начале XVI в. — все во владениях феодалов. Их население пользовалось судебной и административной автономией, занималось ремеслом, владело участками земли, создавало рынок для крестьян.

В XV в. появились районы, специализировавшиеся на виноградарстве, свиноводстве. Выделился слой крестьян, скупавших скот для продажи, и слой безземельных (желиров). Ввиду нехватки земли животноводство было выгодней земледелия. Инициатива крестьян расширялась. До 1514 г. крестьянин свободно переселялся, мог продать участок.

В XVI в., во время непрерывных войн, продолжалось переселение крестьян в Венгрию, Италию, Австрию, на северо-запад Хорватии. В Вараждинской и части Загребской жупании находилось 80% зависимого крестьянства Хорватии.

С 40-х годов XVI в. во всей Центральной Европе началась революция цен на продовольствие. Деньги обесценивались, поэтому помещики стали сами заниматься торговлей. Водные пути были перерезаны османами, поэтому росла торговля через словенские земли (скот, вино, зерно, мед). Дворянство было освобождено от таможенных сборов со всего ввоза и вывоза. Зринские и Франкопаны господствовали в портах Приморья.

Феодалы добились права первыми покупать продукты кметов и перепродавали их по 5-кратной цене. Они же пользовались монополией винной торговли. Крестьянин вытеснялся из торговли. Выросли и натуральные поборы, достигнув 0,6–0,9 всех повинностей.

В XVI в. ситуация в деревне обострилась. Случалось, крестьяне, не вынеся гнета, уходили к туркам. Эстергомский архиепископ сообщал королю, что в Хорватии господа обходятся с крестьянами «хуже, чем со скотом». В 50–70-х годах вспыхнуло несколько восстаний. Самое крупное произошло в 1573 г.

Восстание это отличалось от других. Оно «переросло в антифеодальную крестьянскую войну» [11]; вместе с тем выдвигались требования отмены ограничений торговли крестьян и облегчения повинностей.

Владелец имения, которому принадлежали села Стубица и Суседград, неподалеку от Загреба, Ф. Тахи отличался особо жестоким отношением к кметам. Крестьян, жаловавшихся сабору, объявляли изменниками родины. Подавлением восстания руководил бан, он же загребский епископ Ю. Драшкович. На суде крестьяне говорили, что выступили за «старые права», «сословное равноправие», чтобы «самим собирать налоги и подати и самим охранять границу» (от турок. — *В. Ф.*). Заслуживает внимания требование крестьян устранить местные таможи «в пользу торговли и свободы передвижения». Возглавлял восстание Матия Губец, а командовал отрядами Илия Грегорич, знавший военное дело. Их имена сохранились

в народной памяти. О стремлении крестьян распространить восстание вишь свидетельствует вторжение повстанцев в Крайну и Штирию и агитация в г. Сене, где было гнездо ускоков — вооруженных беженцев из османских земель.* Целью восставших было занятие Загреба. Восстание продолжалось более месяца и было подавлено дворянским ополчением. Казни совершались в центре старого Загреба (Градеца) на площади Св. Марка [12, 13].

С окончанием войны 1593—1606 гг. (после отпора османам под Сисаком) условия для хозяйства стали более мирными, прекратились бесконечные разорения. Феодализм консолидировался на основаниях, созревших в XVI в. Поземельная денежная подать (землярина) продолжала снижаться, а кое-где была отменена. Важным источником дохода феодалов стала горница (до 40% дохода от вина). Систематической стала натуральная повинность зерном, свиньями. Одной из главных была десятина (зерно, вино, свиньи, мед). Это была повинность в пользу церкви, но в XVI в. феодалы смогли дешево ее выкупить у церкви и оставлять себе.

Натуральные повинности в XVII в. постепенно заменялись барщиной. В XV в. трудовая повинность исполнялась общиной, в XVI в. барщина не превышала два дня в неделю с надела (селиште). В XVII в. она стала основной формой эксплуатации. Барщина была ежедневной (в Стубице — «с четырьмя волами и своим плугом», 1660 г.). Особенно тяжелой барщина была в небольших поместьях. В целом барщина покрывала $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ всех повинностей. Эти изменения еще более ухудшали положение кметов. В Хорватии проявилась закономерность, общая для Центральной и Восточной Европы. Господствовала дворянская монополия в торговле, крестьянин должен был продавать свои излишки помещику. Тем самым было подорвано развитие товарно-денежных отношений в деревне. Право крестьянина распоряжаться имуществом было ограничено. Внеаграрные работы (и заработки) запрещены [14].

В XVIII в. постепенно нарастали противоречия между хорватскими условиями, отстаивавшими сохранение сословных «муниципальных прав», то есть автономии, которой распоряжались местные феодалы, и абсолютистскими тенденциями венского двора, стремившегося реформировать закоснелые основы общества, унаследованные от средневековья. Австрийские власти нередко стали назначать в Хорватию не бана (традиционного верховного судью, главу автономии, предводителя части войска), а «носителя банского достоинства» (namjesnik banske časti). Борьба за феодалскую автономию приобрела некоторые черты этнической оппозиции хорватов австрийской власти. Выступление крестьянства против наи-

* Ускоки находились в Сене с 1537 г. Они охраняли границу, пиратствовали на море, захватывая турецкие корабли, а иногда и венецианские.

более консервативных форм эксплуатации являлось выражением общего кризиса общества. После крестьянских восстаний 1755 г. правительство навязало хорватскому дворянству реформы в рамках феодального строя. Но эти необходимые реформы были связаны с урезыванием старых дворянских вольностей (в том числе «вольности» безгранично давить на крестьянина кмета) и воспринимались феодалами как наступление на их «конституционные права». Венское правительство при этом опиралось на интересы крупной торговой и финансовой буржуазии и обуржуазивающейся аристократии австрийской, более развитой, части империи.

В конце XVIII в. в Хорватии (со Славонией и Сремом) насчитывалось около 10 тысяч дворян (мужчин), но в середине века только 530 магнатских и дворянских семей владели крепостными. 84 % дворян земли с зависимыми крестьянами не имели и по бедности не могли нести военной службы в дворянском ополчении. Большинство из них были однодворцы, о которых уже говорилось.

В XVIII в. возросло число дворян-армалистов, выходцев из чиновников, мещан и богатых крестьян, купивших дворянские дипломы и тем самым освободившихся от налогов (в конце XVI в. их было два десятка, а в начале XIX — примерно 900 семей). Многим дворянам военная или чиновничья служба давала основу для существования. На Банской границе в первой половине XVIII в. хорватские дворяне занимали большинство офицерских должностей. «В кругах чиновного дворянства и духовенства во второй половине XVIII в. начинает формироваться интеллигенция. После ликвидации церковных орденов большую роль в области просвещения приобрели образованные дворяне. Из низшего дворянства также вышли многочисленные литераторы и другие общественные деятели» [15].

В XVIII в. окрепло экономическое влияние крупных землевладельцев и увеличилось число принадлежавших им крепостных. Немало магнатов переселилось из других стран, что сказалось на политической обстановке в Хорватии. Бóльшей частью конфискованных имений Зринских и Франкопанов владела казна, создав из них нечто вроде государства в государстве.

В результате войны за освобождение (1683–1699) Славония была провозглашена владением короны. Здесь были созданы латифундии и проданы или подарены иноземным магнатам (всего 20 имений). В Славонии на одного владельца пришлось в 12,5 раз больше кметов, чем в Хорватии. Среднего и мелкого дворянства в Славонии не было.

В среде магнатов царил роскошь, что уже во второй половине XVIII в. много привело к разорению. Вместе с тем знакомство с жизнью в Европе (особенно во время Семилетней войны 1756–1763 гг.) способствовало повышению культурного уровня, проникновению в дворянскую среду идей просвещения.

Первая половина XVIII в. — вершина процесса закрепощения крестьян и распространения барщинных повинностей (вводилась и «сверхнормативная» барщина). Это вызвало крестьянские восстания в Крижевацкой жупании в 1755 г. Расследование королевской комиссией их причин сохранило для историка ценнейший материал о развитии феодальных отношений в XVIII в. и причинах протестов крестьян. Кое-где крестьяне требовали присоединения их земель к Военной границе. Бунты граничар стимулировали движения кметов.

В начале XVIII в., после освобождения, в Славонии не было барщины, так как казне была удобней денежная рента. Такое положение сохранилось десятилетия. В отличие от Хорватии, в Славонии имения были слабо связаны с рынком. На дорогах сновали гайдуки, проезд был опасен. Феодалам постепенно удавалось заводить крепостнические порядки. Протесты крестьян стали причиной издания первого королевского урбария (перечня повинностей) для Славонии (1737 г.) («Карлов урбар»). Отнимать землю у крестьян и переводить ее в аллод помещикам было запрещено, как и требовать барщины (была установлена денежная и натуральная рента). Но в дальнейшем этот закон нарушался: барщина стала «добавкой» к тяжелой денежной повинности. Ответом крестьян стали восстания в Вировитицкой жупании в 1754—1755 гг. Во главе его находились мещане, стремившиеся освободиться от феодальной зависимости.

Австрийский просвещенный абсолютизм. Восстания придали решимости двору провести в Хорватии «терезианскую урбариальную регуляцию», которая придавала отношениям крестьян и помещиков *публично-правовой* характер. Была издана серия инструкций, в рамках которых феодал мог требовать несения повинностей с зависимых крестьян. Эта система действовала до 1848 г. Авторы реформы исходили из того, что государство заинтересовано в благополучии кмета как налогоплательщика. Таким образом, государство в XVIII в. пыталось регулировать социальные отношения. Модернизация государства вызвала рост налогов, поэтому феодальную ренту землевладельцев следовало ограничить определенными рамками. Впервые структура повинностей была унифицирована. Крестьянин получал право обращаться в суд в случае ее нарушения.

8.11.1755 г. Мария Терезия издала временный урбарий для Хорватии. Закон существенно не менял положения, но запрещал некоторые нетерпимые повинности (чрезмерный извоз, прядение, участие в барской охоте и др.).

Существенные перемены принесла регуляция 1773—1780 гг. Была определена площадь селища (сессии) в зависимости от качества земли (четыре класса) — от 12 до 22 ютров. Но целую сессию имели немногие, поэтому было разрешено иметь $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ сессии. Был произведен передел земли, иногда даже за счет помещика. Урбариальная земля стала неприкосновенной, забирать ее в помещичий аллод запрещалось.

Барщина была ограничена 1 днем с сессии в неделю (со скотом и инвентарем крестьянина) (закон 1779 г.) и 2 днями (без скота). Желеры должны были отработать 18 дней в году. Положение кмета серьезно изменилось (ранее его подчас заставляли работать 6 дней в неделю). Но помещик, нуждающийся в баршине, мог нанимать кмета и оплачивать работу сверх установленной законом. Итак, свобода крестьянина оставалась ограниченной. Это положение было отменено указом Иосифа II от 1785 г., предоставившим крестьянину личную свободу — право ухода, смены занятий, обучения детей.

До этого урбарий 1756 г. для Славонии легализовал барщину в размере: со скотом — 24 дня с сессии в год, без скота — 48 дней. В дальнейшем в Славонии возросло значение сверхнормативной платной барщины: в конце XVIII в. она превзошла нормативную. Но в 1810 г. ее ограничили 56 днями в году с сессии. Со второй половины XVIII в. барщина обеспечила славонским помещикам возможность широкого вывоза зерна. Но $\frac{2}{3}$ зерна на вывоз давала натуральная рента.

Уже к XVI в., несмотря на тяжелые условия перевозки грузов (как отмечалось, ввиду вторжения османов были утеряны речные пути к морю), относится начало торговли зерном, лесом (вывоз), солью (ввоз) и др. После ухода турок, особенно в XVIII в., прокладывались дороги к морю: Каролина (1726) и Йозефина (1770–1779) (назывались в честь королей), они обеспечили связь с портами Бакар, Риека, Сень [16]. Появились рудники, железодельательные мануфактуры, развивалось кузнечное дело, строились мельницы. Их владельцами, как правило, были земельные магнаты, владельцы латифундий.

Славония постепенно оживает экономически только после ухода турок в конце XVII в. Особое значение приобретает большой речной торговый путь по Саве, Драве, Тисе. *Уже в начале XVIII в. р. Сава стала важнейшей коммуникацией Славонии и Хорватии*, связавшей Подунавье с западом Хорватии. В 1770 г. по речному пути прошло до 1000 барж. Это было важнейшее направление вывоза зерновых из Паннонии. Окрестное крестьянство — кметы и граничары — все более уходило работать на речной торговый путь (бурлаки, плотники и др.). Это стимулировало расслоение деревни. Застойные аграрные отношения медленно уходили в прошлое. Вдоль Савы возникло много мелких предприятий по обработке леса и др., по транспортировке грузов. Эта полоса вплоть до Карловаца была питомником мелкой хорватской буржуазии и немногих крупных купцов. Дорога вела к г. Карловацу, ставшему узлом сухопутных путей к морю, или в Крайну (Австрию). С 1777 г. Карловац — свободный королевский город. Средоточием национального мелкого предпринимательства стали также небольшие приморские города южнее Риеки, тогда как сама Риека — хорватская и итальянская по населению — наиболее крупным центром

торговли и производства, уступая лишь Триесту (в Австрийском приморье) с его словенским и итальянским населением. Рост городов ускоряется (Осиек, Вуковар, Илок, Земун, Петроварадин). На востоке Славонии в конце XVIII в. идет интенсивная немецкая колонизация.

Для Хорватии вновь становятся важными старинные пути из Пешта через Загреб и Карловац к морю. Загреб и Вараждин приобретают значение экономических центров.

В конце XVIII в. в Хорватии и Славонии было 8 королевских городов и 44 торговых местечка (*trgovišta, oppida*). В Загребе, Вараждине, Копривнице, Карловаце, Пожеге, Риеке и Бакаре в 1787 г. проживало 11 тысяч мужчин, а вместе с жителями местечек горожане составляли до 15% населения. Ремесленники и торговцы насчитывали 17% в 1787 г. и 22% в 1805 г. взрослого мужского недворянского населения городов. Беднота — слуги, поденщики, ученики, люди без определенных занятий — составляла большинство (в 1805 г. — 58%). В местечках часть населения, в том числе ремесленников, занималась сельским хозяйством.

Богатое дворянство владело дворцами в Вараждине и Загребе. Но большинство дворян в городах были чиновниками. В 1787 г. дворяне составляли около 6% населения королевских городов. Вараждин тогда насчитывал вдвое больше жителей, чем Загреб, и был самым крупным городом Хорватии. Здесь имелись мануфактуры. Но с середины XVIII в. Загреб стал заметно расти. (В XVIII — начале XIX в. цифры весьма скромные: 1787 — 2,8 тысяч, 1805 — 2,97 тысяч человек). Карловац стал пунктом перевалки грузов с Савы и Купы на гужевой транспорт, идущий в Риеку и Бакар. В Карловаце были склады и небольшое судостроительное предприятие. «Хозяева» города — купечество. Но быстрее всех росла Риека: в начале XVIII в. — 3,5 тыс. человек, в 1787 г. — 5,9 тысяч., в начале XIX в. — 6,8 тысяч. В XVIII в. это важнейший порт Венгрии, с 1719 г. — свободный город (с 1776 г. некоторое время — в составе Хорватии). Порт Риека с округом (с 1786 г. — «Венгерское приморье») управлялся губернатором, подчиненным Венгерскому наместническому совету. Поднималась и промышленность. В 1750 г. в Риеке был пущен первый крупный сахарный завод. Кроме того, в городе делали свечи, мыло, кожу, сукно, поташ. В Бакаре в 1766–1781 гг. работала полотняная мануфактура с 400 рабочими.

В Славонии наиболее значительными были горда Осиек и Пожега. Во время войны за освобождение в населении городов Славонии произошли большие перемены: бежали мусульмане. Некоторые поселения городского типа находились в составе латифундий и превратились в крупные села; хотя население занималось торговлей, магнаты считали его крепостным.

Еще в XIV в. в Хорватии появился медный рудник (в Рудах). Он принадлежал феодалу, который нанимал работников-специалистов. В конце XVI в. их было 25, в начале XVIII — 134. В Чабаре в XVI в. в имении Зрин-

ских начала производство железодельная мануфактура (от добычи руды до готовых изделий). В 1670 г. здесь было 209 наемных рабочих, 11 мастеров, 10 служащих. Специалистами обычно работали иностранцы. Было занято и 18 кметов. Мануфактура феодально-капиталистического характера давала прибыль, почти равную доходу с виноградников Винодола. Немало Зринские зарабатывали на продаже продовольствия рабочим. Предприятие было закрыто в 1785 г. ввиду истощения запасов руды. Попытки добычи руды в XVIII в. предпринимались и в других местах. Граф Т. Баттани в 1770 г. установил плавильную печь в Броде (на Купе).

С середины XVIII в. крупными помещиками — графами, баронами, а также командованием Военной границы предпринимались попытки создать текстильные мануфактуры, но действовали они только по несколько лет. Они не могли преодолеть конкуренцию предприятий Чехии, Моравии, Австрии. С 60-х годов более успешно действовали поддержанные государством шелкомотальные и прядильные мануфактуры (Пожега, Осиек, Беловар). Началась выделка кожи; производство стекла обычно заканчивалось неудачей (также ввиду конкуренции). Обычно и эти предприятия принадлежали земельным аристократам. Краткое время в XVIII в. производились поташ, бумага.

Итак, во второй половине XVIII в. попыток создания промышленности было немало, но успех приходил редко. До конца XIX в. Хорватия оставалась страной крайне отсталой. Губительно действовала венская политика покровительства западным (австрийским) землям. Характерно, наконец, что среди основателей предприятий не было горожан.

В 1786 г. Иосиф II освободил от пошлин ввоз важнейших австрийских товаров в Венгрию и Хорватию, а вывоз из этих стран в Австрию обложил пошлиной до 30%. В этих условиях промышленность не могла развиваться. Капиталистическое развитие не стало устойчивым и имело в экономике второстепенное значение. Это сказалось и на развитии городов: они остались, как правило, центрами цехового ремесла. Несколько скорее развивалось Приморье.

Особенность XVIII в. заключалась в зарождении лишь раннекапиталистических отношений. Этому благоприятствовала ликвидация османской опасности. Начинается значительная торговля неаграрными изделиями. До 70-х годов это стимулировалось меркантилистской политикой Вены. Император Карл VI (1711–1740) отменил пошлины между хорватскими землями. В монархии возникли крупные торговые компании (с 1719 г.) — средства дали земельные магнаты и купечество. «Привилегированная компания в Риеке» (1750) производила и вывозила сахар. Во второй половине XVIII в. важнейшим товаром стала венгерская и славонская пшеница.

Оживление торговой буржуазии в Хорватии — важная черта экономической жизни второй половины XVIII в.

На Военной границе в 1737 г. были провозглашены новые статуты, нанешие удар самоуправлению граничар. Распоряжение имуществом граничар было ограничено. Продажа, заклад, дарение участков стали возможными только с разрешения начальства. Суд был передан военным аудиторам. Введены новые штрафы. Впервые была сделана попытка регулировать задружную жизнь. Уже тогда развитие товарно-денежных отношений стало воздействовать на задругу, способствуя ее распаду. Власти в интересах армии пытались этому препятствовать: задруга — большая семья — могла содержать солдат, ветеранов, инвалидов, обеспечить поголовную мобилизацию запасников и вместе с тем сохранить хозяйство, правда, на очень низком уровне.

Вступая на трон, Мария Терезия (1740—1780) сразу оказалась в обстановке войны за Австрийское наследство (1741—1748). Ей пришлось вести также Семилетнюю войну (1756—1763). Граничарское войско участвовало в обеих войнах, и хорваты пролили много своей и чужой крови во имя Габсбургов. Чтобы граничары были в состоянии противостоять тогдашним европейским армиям (войны с Турцией в основном были позади), на Военной границе, поставлявшей до $\frac{1}{3}$ всех вооруженных сил Австрии, были необходимы реформы. По мнению сына императрицы Иосифа, ставшего в 1765 г. императором Священной Римской империи и соправителем Марии, коренные реформы были нужны всему государству.

В 1743 г. Военный совет в Граце был ликвидирован, все ведение Границей перешло к гофкригсрату в Вене. В 1746 г. Хорватско-славонская Военная граница была разделена на 11 полковых округов (регimentов). Регимент делился на роты, последние — на общины во главе с офицером. Проводилось регулярное обучение граничар. Официальным и командным языком стал немецкий. Граничар был военнообязанным с 16 до 60 лет и воевал повсюду, где требовала держава. В частности, Наполеон, овладевший частью Границы, повел граничар на Москву. В мирное время муштра, служба в охране и трудовая повинность были основными занятиями граничара. Солдаты почти не работали. Их обеспечивала семья. По сигналу в течение 2—3 часов в определенных местах должно было собираться 6—7 тысяч солдат и офицеров, что по тем временам было очень много. Военная граница стала грозной силой в руках Габсбургов и к тому же сама себя содержала. Обмундирование полагалось выдавать только для военных походов.

В Славонии «регуламент» 1753 г. состоял в увеличении площади граничарских участков и сокращении войска. Но множество трудовых повинностей осталось. У казны средств не хватало, поэтому еще долго половина оплаты низших офицеров выражалась в земельном участке, и граничар заставляли его обрабатывать.

Казарменному распорядку и приказам офицеров подчинялось все население. Старшими офицерами были преимущественно немцы, младши-

ми — хорваты и сербы. Но некоторые славяне дослуживались до генеральского и фельдмаршальского звания. В результате реформ гражданские и военные области в основном были отделены друг от друга.

Реформе была подвергнута и Карловацкая граница, где из-за невыносимых условий до середины XVIII в. не проходило десятилетия без бунтов и волнений граничар. Волнения вызвала также реформа Банской границы (1751 г.).

Так как в XVIII в. османская опасность исчезла, на граничар были возложены новые обязанности: ветеринарный контроль за границей (так как из турецких владений распространялись болезни скота), таможенный контроль.

Обученные в региментах солдаты составляли дешевое войско, которое Габсбурги использовали во всех войнах в Европе. Это было главным результатом реформ. В 70-х годах XVIII в. в каждом генералате был учрежден ремесленный цех, объединявший всех полковых ремесленников. Но экономика Границы отставала в своем развитии даже от весьма скромного прогресса гражданской Хорватии и Славонии.

С целью полной унификации Военной границы абсолютистским режимом Марии Терезии в 1754 г. были изданы *Millitar Graenitz Rechten*. Остатки автономии были отменены. Объем всякого рода обязанностей был увеличен; засилье, особенно пришлых, офицеров, милитаризация всей жизни — все это вызвало в январе 1855 г. крупнейшее движение в Вараждинском генералате, где отмена привилегий, существовавших с 1630 г., была особенно чувствительной. Недовольство царило и среди старых офицеров, не имевших необходимых новых знаний. Некоторые новые офицеры были убиты. Масса граничар отказалась платить за новую униформу. Граничары стали хозяевами генералата. В Загребе дворянство опасалось присоединения кметов к граничарам и крестьянского восстания. Однако участники мятежа ограничились посылкой петиции в Вену, требуя старых прав. Местные офицеры добивались равных прав с иностранцами в оплате, продвижении по службе и т. п. Православные и католики (!) протестовали против попыток ввести унию, так как это вело к конфликтам.

В период политики всеобщей унификации в государстве окрепший абсолютизм видел в требованиях граничар грубое противодействие власти. Придворный военный совет согласился удовлетворить лишь требования, соответствовавшие государственной политике, например, установления равной оплаты офицерам, занимающим одинаковые должности. В 1755 г. после следствия в генералат было послано регулярное войско. Целая армия была приведена в состояние готовности. Но сопротивления не было. Начались аресты. Первым был схвачен капетан Петар Любоевич, возглавлявший движение. Военный суд приговорил к наказаниям 108 граничар (63 католика, 38 православных, вероисповедание 7 не было

указано). В их числе 6 офицеров были приговорены к пожизненной каторге (с инсценировкой смертной казни), 17 граничар — к смерти.

В 1755 г. Мария Терезия утвердила «пограничный регламент» для Вараждинского генералата, соответствующий указу 1754 г. Начался новый период в истории Военной границы. С 50-х годов постепенно проводилось разграничение милитаризованной и гражданской территорий Хорватии и Славонии. Граница приобрела географические очертания, сохранившиеся до ее ликвидации в 1871 г. В 1786 г. Иосиф II учредил в Загребе Генеральное командование Военной границы, подчинив ему всю милитаризованную территорию.

Полностью укомплектованная и изолированная в административном отношении от Хорватии область — Хорватско-славонская Военная граница при всеобщей мобилизации могла выставить армию численностью более 100000 солдат. В XIX в. во всех войнах, которые вела монархия до 1866 г., участвовали десятки тысяч граничар.

С середины XVIII в. постепенно складывается тонкий слой интеллигенции, которую составляли офицеры, духовенство, часть купечества, учителя. Духовно изолировать Границу от Хорватии оказалось невозможным. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в пятилетии 1826—1830 гг. в составе учащихся Загребской академии выходцев из Военной границы было вдвое больше, чем из Славонии.

В заключение раздела отметим, что российский император Александр I, будучи в Австрии во время Венского конгресса, весьма интересовался институтом Военной границы и, побуждаемый истощением казны в результате наполеоновских войн, пытался использовать австрийский опыт при организации военных поселений в России [17].*

* Позволю себе отступление, интересное для читателя. Среди лиц, возражавших против военных поселений в России, был фельдмаршал М. Б. Барклай де Толли. В «рапорте» Александру I от 29 апреля 1817 г. он писал: «Известно, что хлебопашество, сельская экономия и сельская промышленность только там может иметь хороший успех и желаемые последствия, где земледельцам дана совершенная свобода действовать в хозяйстве своем так, как они сами за лучшее для себя находят, где поселянин не подвержен никакому стеснению в распоряжении временем как для земледельческих работ, так и для других занятий и позволенных промыслов». ... Далее, продолжал герой 1812 года, успех возможен там, где есть уверенность, что связь с землей и имущество, созданное трудом, останется наследникам крестьянина. Только тогда у него появляется «бодрость, решительность, старательность и добрая воля к увеличению своего имущества». Этого не будет в военных поселениях. Впрочем, закончил автор, «кому не известно, что помещичьи крестьяне под бичом барщины не находятся в цветущем состоянии». Барклай выступил против крепостного права, и его записка характерна для времени формирования декабристского движения. На архивном деле помета А. А. Аракчеева: «Донесение генерал-фельдмаршала Барклая де Толли государю».

С середины XVIII в. настоятельной стала потребность в *центрах торговли и ремесла*. Власти Границы начали создавать свободные «военные коммунитеты» (с 1748 г.) — поселения городского типа. Ими стали места расположения штабов полков и другие важные пункты. Большинство коммунитетов и основная масса их населения находились на Славонской границе (Сремские Карловцы, Земун — т. е. в современной Воеводине), в других местах они обычно оставались крупными селами. Население коммунитетов было освобождено от барщины, а солдат поставляло по рекрутскому набору — как во всей монархии. Более богатые жители получали за плату звание граждан, избравших магистрат. «По обычаю» возглавлял его в должности градоначальника офицер. В коммунитетах зарождалась буржуазия. Но Военная граница экономически отставала от Провинциала.

Мария Терезия стремилась создать классическую абсолютную монархию. Для этого надо было устранить венгерскую и хорватскую сословную автономию и обязать дворян платить налог. Особый бюджет Хорватии был ликвидирован, налоги поступали непосредственно в государственную казну. Проводилась политика покровительства немецкому языку, рассчитанная на унификацию управления империей. С момента назначения Иосифа II, сына императрицы, соправителем государства (1765) наступил период «мариотерезианских и йозефинских реформ», или «просвещенного абсолютизма».

Экономический и культурный прогресс государство навязывало путем указов (патентов) центральной власти, политики централизма. В этом заключалась противоречивость новой политики. Началось с конфликта с венгерско-хорватским собранием, отказавшимся ввести новый налог. Правительство перестало созывать государственное собрание и сабор, а патенты посылали непосредственно комитатам. Дворянство считало эти акты незаконными, но в основном их исполняло.

В 1767 г. императрица учредила в Вараждине (позднее — в Загребе) Хорватский королевский совет — правительство Хорватии, подчиненное монарху. То же было сделано в Венгрии. При дворе в Вене была создана венгерская лейб-гвардия, состоявшая в основном из провинциальных дворян. В Вене была открыта первая дворянская академия — Терезианум, призванная консолидировать господствующий класс различных земель монархии вокруг идеи верности Габсбургской династии, дать молодым дворянам, в том числе из Хорватии и Венгрии, сумму знаний, необходимую для успешной карьеры в государственном аппарате и армии. В Терезианской Военной академии обучалось немало детей офицеров с Военной границы.

императору 1817 года о невыгодности военного поселения» (РГВИА, фонд 405. Опись 1, дело 507). См. также: «Военный сборник». 1861. № 6.

Здесь господствовал немецкий язык, который насаждался также в городах и на Военной границе. В 1779 г. Хорватский королевский совет был ликвидирован и Хорватия впервые формально подчинена венгерскому правительству также и во внутренних делах.

После смерти Марии Терезии власть перешла к Иосифу II (1780—1790), который с большой решимостью взялся за продолжение реформ для создания «идеального государства». Невзирая на традиции Венгрии и Хорватии, Иосиф стремился утвердить строго централизованное государство с администрацией, действующей на немецком языке. Как он полагал, это должно было быть просвещенное, прогрессивное государство.

Первыми шагами в этом направлении стали закон о прекращении преследований иудеев (май 1781) и знаменитый декрет о веротерпимости, запретивший дискриминацию протестантов и православных (октябрь 1781). В 1782 г. были ликвидированы монашеские ордена, кроме содержащих больницы и школы (орден иезуитов был запрещен в 1773 г.). Был закрыт ряд монастырей и секуляризовано их имущество, произведен учет доходов высшего духовенства и отменены его привилегии и должности в светской области. Большинство католического духовенства негодовало, но были и священники-йозефинисты. Иосиф II вовсе не был противником католической церкви, но хотел ее укрепить, освободив от крайностей контрреформации и поставив ее деятельность на службу государства.

В 1784 г. было приказано учреждениям западной части государства вести дела на немецком языке (вместо латыни), в 1786 г. это было распространено на венгерские комитаты и хорватские жупании, что вызвало протесты дворян-чиновников. Но комитаты вообще были устранены, государство разделено на 10 округов, в которых произведена перепись населения.

Наиболее важной реформой периода йозефинизма была *ликвидация личной зависимости крестьян* — в западной части государства в 1781 г., в восточной — в 1785 г. Освобожденные от крепостничества крестьяне могли менять место проживания, выбирать занятия (например, заняться ремеслом, торговлей и пр.), свободно вступать в брак, отдавать детей учиться. Однако земля осталась в собственности помещиков. Крестьяне могли продавать участки, вместе с которыми покупатель приобретал и обязанность нести повинности.

Вдобавок ко всему Иосиф II приказал перевезти венгерскую корону св. Стефана (Иштвана) в Вену и сдать в хранилище старинных драгоценностей. Это было воспринято многочисленным венгерским дворянством как оскорбление национального достоинства.

Нельзя сказать, что освобождение крестьян было исторически чересчур ранним актом, но, несомненно, оно было враждебно воспринято феодалами Венгерского королевства и Хорватии. К тому же его следует рассматривать в контексте всей политики разрушения старой системы. Преж-

ная социальная и национальная опора монархии пошатнулась. Иосиф II исходил из интересов наиболее развитых земель империи и эти земли — буржуазия и обуржуазивавшееся дворянство — служили Иосифу социальной опорой. Император подчеркнуто игнорировал консервативные интересы феодального класса восточной части монархии. Он не уважал венгерско-хорватскую дворянскую «конституцию», представлявшую собой *единую взаимосвязанную систему элементов охраны социальных и национально-политических позиций феодального класса*. Вместе с изжившими себя взглядами крепостников Иосиф отбросил существовавшие в потенции зачатки парламентской системы, воплощенные в государственных собраниях Венгрии и Хорватии, и был далек от идеи замены их подлинным парламентаризмом. Он был монарх пестрого полиэтнического государства, но этнические интересы не учитывал, так как они выступали в консервативном этнополитическом облачении. Опора парламентаризма, вероятно, уже могла найтись в западной части монархии в лице обуржуазивавшегося дворянства и буржуазии, но такой опоры не было в Венгрии.

Важный шаг был сделан в Хорватии в области образования. После запрета папой Климентом XIV в 1773 г. ордена иезуитов на месте иезуитской академии в Загребе в 1776 г. была учреждена Королевская академия наук (*Regia scientiarum academia*) с факультетами теологическим, философским и юридическим (позднее — только юридическим), что стало исторической подготовкой университета (1874 г.), а пока улучшило дело подготовки национальной интеллигенции.

При характеристике деятельности Иосифа II обычно основное внимание уделяется его произвольным действиям (игнорирование дворянской «конституционности» и пр.). Но от этих действий наиболее чувствительно страдали феодальные сословия. И именно они оставили множество отрицательных сведений о монархе. Крестьяне, масса народа, ставшая из кметов свободными людьми, политических памфлетов не писала. Конечно, крестьяне несли груз налогов. Но были ли они недовольны всей деятельностью просвещенного монарха? Например, введением обязательного начального образования (причем первые два года на родном языке)?

Немало представителей прогрессивной интеллигенции стало йозефинистами. Если для шляхты восстановление деятельности сеймов и дворянской «конституции» в целом означало гарантию сохранения крепостничества, то, например, чешский просветитель Й. Добровский после смерти Иосифа II отстаивал равноправие чешского народа и других народов монархии на пути дальнейшего прогресса культуры, свободы просвещения и книгопечатания на народных языках, развития экономики и т. д.

Тенденцию политики Иосифа II характеризовал его указ 1789 г., согласно которому в западных (наследственных) землях следовало с 1.11.1790 г.

вести единый поземельный налог и заменить все повинности крестьян денежным взносом, не превышавшим 30% дохода хозяйства. Это означало ликвидацию барщины, и крестьяне с нетерпением ждали вступления указа в силу. Не шло ли дело в перспективе к ликвидации феодального строя (в собственно австрийских, немецко-славянских землях)?

При всех противоречиях деятельности Иосифа II он являлся уникальным представителем династии Габсбургов, заслуживающим пристального внимания историка. Иосиф II был учеником западных просветителей и сам это признавал.

В 1787 г. Иосиф II в союзе с Екатериной II начал войну с Османской империей. Требовались деньги и новобранцы. Но Венгрия и Хорватия встретили императорские указы, связанные с войной, угрозой мятежа (1789 г.). Более неудачный момент для войны трудно было придумать.

Иосиф II пошел на крайнюю меру, чтобы достичь согласия с дворянством восточной части монархии: отменил все патенты, кроме эдиктов о веротерпимости и освобождении крестьян, вернул в Буду венгерскую корону и намеревался короноваться в Венгрии. Между тем война шла без особых успехов. Император, будучи в армии, заболел лихорадкой и вскоре умер (1790 г.). Историческое время просвещенных монархов кончилось. Из Франции доносился гром революции.

Далмация. В 70-х годах XVI в. в результате натиска османов венецианские владения в Далмации, важнейшие для обеспечения пути в Левант, составляли прерывистую узкую прибрежную полосу и острова. В XVII–XVIII вв. позиции венецианцев на Адриатике слабеют ввиду австрийской торговли, опиравшейся на Триест. А это означало более благоприятные условия для экономики далматинских городов. Как и ранее, экономика отдельных городов была изолирована от соседей или слабо связана с ними. Успех или отставание ее зависели от площади городской округи (в этом отношении Задар превосходил Сплит в десять раз) и качества земли. Вдобавок турки дошли почти до пригородов Сплита.

Уже в XVI в. Венеция оказалась заинтересованной в континентальной связи с Османской империей. В 1580-х гг. в Сплите строили торговый порт для связи с Турцией. В 1592 г. был открыт порт, большой склад, карантин («лазарет») и учрежден банк. Экономика города ожила. Товары стали поступать с Востока (даже из Индии и Персии) и Запада. Но основная выгода доставалась венецианским и турецким купцам. Сплитчане же торговали в основном с ближней округой. Правда, они построили гостиницы, постоянные дворы, большой караван-сарай. Казалось, начался подъем. Но в 1606 г. чума погубила две трети населения города (от 4,2 тысяч осталось 1,4 тысячи человек). Эпидемия приходила неоднократно.

Натиск османов вызвал миграцию населения на острова или в Италию. В тяжелый XVI в. Венецианская Далмация насчитывала лишь 60–

70 тысяч человек (крупнейший город Задар — примерно 6 тыс. человек). Население стало расти только после окончания эпохи войн с Турцией (в середине XVIII в. — около 160 тысяч человек, в конце — более 200 тысяч). Вместе с тем оживилась экономика.

В социальной сфере в период XVI–XVIII вв. в городах завершились процессы, развивавшиеся уже ранее: давно сформировался патрициат, вместе с тем развивается мешанство как важный третий слой (патрициат—горожане—простонародье). Вершина мощи патрициата — начало XV в. Позднее патрициат постепенно политически слабеет (это означало уже переход власти к Венеции). В венецианский период из массы простого народа выделяется богатая верхушка. Однако патрициат стремился не допустить ее представителей в «коммуну» — верховный орган города (хотя реальная роль коммун падает). Верхний слой «народа» поэтому создавал свои органы («народные конгрегации») для борьбы с патрициатом. В Задаре этот мешанский, или бюргерский, слой возник уже в XV в. Он играл определенную экономическую и культурную роль. Вслед за Задаром бюргерство активизируется в Сплите и выдвигает ряд влиятельных фамилий. Требования бюргерского слоя заключались в равном налогообложении и (это поддерживалось народом), в представительстве народа и патрициата в городском вече (именно это требовали восставшие на о. Хвар в 1510–1514 гг.). Кроме того, до конца XVIII в. сохранялась острота противоречий между крестьянами и землевладельцами. В 1736 и 1740 гг. пахари отказывались нести повинности за пользование раскорчеванной ими землей, которую господа считали своей. Движение было подавлено.

Идейные течения. Культура. С середины XV в. в Далмации зарождается сознание принадлежности к более широким этническим общностям, чем мир городской «коммуны». Эти сдвиги были связаны с событиями на Балканском полуострове [17]: с османским нашествием на Балканы и массовыми передвижками населения, а также с развитием товарно-денежных отношений, наконец, с оппозицией венецианскому господству. В начале XVI в. действуют иные факторы: османские вторжения непосредственно в Далмацию выдвигают османскую проблему на первый план, а отношения с Венецией теряют прежнюю остроту.

В конце XVI в. Венеция, заинтересованная в торговле с Османской империей, хотела мира с ней, тогда как габсбургская монархия, в том числе Хорватия, вела с турками длительную войну (1593–1606). Эта ситуация сказалась на политической ориентации городов, особенно Сплита — здесь османы были *ante portas*. Опорой борьбы против турок могли быть Габсбурги; одновременно прорывается «коммунальная» замкнутость идей и проявляется интерес к югославянской и славянской общности, исторически противостоящей Османской империи. Этот интерес подогревался европейским гуманизмом и борьбой в религиозной сфере в XV–XVII вв.

Уже Юрий Шижгорич (вторая половина XV в.) использовал античный *иллирийский* этноним для всех южных славян, для всего пространства от Адриатического до Черного моря. В XVI в., казалось, на краю османской пропасти, далматинцы уже пишут о судьбах всей Хорватии, ищут поддержку в Европе (у папы, Венеции, императора). Появляется целая серия речей (на латыни) о трагическом положении хорватов и особенно далматинских городов — епископа Ш. Бени (1516 г.), Т. Андреяса — посланника бана П. Бериславича (1518 г.), М. Марулича (1522 г.). Тогда же хварский монах-доминиканец В. Прибоевич впервые сформулировал «славянскую идею» (в речи «О происхождении и истории славян», 1525 г.). От иллирийской идеи он перешел к общеславянской, подчеркивая мощь и распространение славян. Далее следует М. Орбини с его «Царством славян» (1601 г.) и череда хорватских авторов XVI—XVIII вв., черпавших патристические мысли в славянстве (П. Хекторович, Й. Баракович, И. Гундулич, Й. Каванин и др.). Независимо от идеального охвата — от славянства до хорватизма — имелась в виду защита раздробленных хорватских земель, особенно их приморского пояса, оторванного от остальной страны.

Геополитическое положение далматинских городов в XV—XVIII вв., как и события того времени, определяли роль Далмации в хорватской культуре. В Средневековье, примерно до XVI в., приморский пояс как экономически, так и культурно превосходил континентальную часть хорватских земель. К XV—XVI вв. относится вершина далматинской хорватской средневековой культуры — литературы и художественного творчества. Города унаследовали латинскую культуру, были открыты перед гуманизмом Италии. Деятели культуры поэтому творили на трех языках — хорватском, старославянском и итальянском. Хорватская поэзия (М. Марулич, В. Манчетич, М. Држич) появляется в XV в. Хорватские авторы отлично знали латинский язык. Латынь и итальянский — языки учености, политики, управления. Триязычность — основа идейных и художественных связей хорватских литераторов венецианской Далмации и показатель сложного генезиса хорватской культуры [18].

В наибольшей мере литература Далмации приближается к европейской в первой половине XVI в. С началом серии турецких войн (XVI—XVIII вв.) Далмация постепенно отстает в развитии, становясь в XVII—XVIII вв. периферией европейской культуры. В этом сказалась также общая закономерность экономико-культурного развития регионов Европы.

Хорватская литература Приморья XVII в. уже ограничена Дубровником (И. Гундулич, Ю. Палмотич, Н. Бунич) — свободной республикой.

Условия для искусства архитектуры и живописи (в отличие от литературы) под дамокловым мечом османского вторжения были неблагоприятными, тогда как в Дубровнике в XV—XVI вв. оформилась художественная школа.

С XVI в. прибрежная полоса была изолирована от континентального тыла. Турецкая оккупация прервала этнические связи и миграцию к побережью, одновременно делая невозможным культурное влияние Приморья на континентальный тыл, т. е. распространение культуры. Все средиземноморско-европейские влияния прерываются на венецианско-турецкой границе [18].

Османское вторжение, несомненно, задержало развитие общехорватских внутренних культурных связей. Однако с конца XVII в. создаются минимальные условия для их развития. Потребовалось более столетия для их созревания.

В XVIII в. усиление бюргерского (мещанского) слоя при экономической стагнации патрициата заставляло «племичей» некоторых городов (Задар, Сплит) допускать в свою среду богатых горожан. Эти две группировки составили верхний слой общества.

Зажиточные граждане становятся носителями славянской и хорватской идей уже в XVI в. ввиду османской опасности (В. Прибоевич, автор патриотических стихов М. Марулич). Славянская идея еще жива в XVII в., но бледнеет в XVIII в. ввиду исчезновения турецкой опасности и начала экономического возрождения. Городское общество выдвигает славянские идеи. Но они были живы и на селе, где действуют францисканцы. И все же Далмация ввиду консерватизма городов в XVII–XVIII вв. дальше от сознания этнического единства [18], чем в XVI в.

Но усиливалось идейное воздействие итальянской культуры, имевшее вековую традицию и плодотворно сказывавшееся на хорватской культуре в прибрежном поясе. Венеция не сдерживала ее развитие, но при всем том прогрессировала итальянизация, особенно в Задаре. Итальянский язык проник в повседневную жизнь, а также в управление, суд, армию. Это был язык образования: интеллектуальный слой учился в Италии (Падую), но этнического раздела это еще не вызывало (в отличие от XIX в.)

Все же в период XVI–XVIII вв. в Далмации развивается наука о языке (выбор штокавщины и латиницы). Так что застоя и упадка не было. Объективно подготавливалось сотрудничество в этой области с континентальной Хорватией.

С XVI в. началось развитие хорватской политической мысли — рассуждения об истории, настоящем и вероятном будущем народа. Далматинец М. Марулич называл свой язык хорватским, писал о трагедии хорватов под османской властью и «определенным образом стал зачинателем хорватской ориентации (с опорой на хорватский этноним)» [2]. Но тогда же зародилась «ориентация» славянская или южнославянская. Особенности хорватской историко-политической мысли, как и мысли ряда других народов монархии Габсбургов, вплоть до XVIII в. — в подчеркивании этнической общности славян, главным образом общности внутри ряда этноязыковых групп. Одной из таких групп были южные славяне. Далматинец

В. Прибоевич в 1532 г. опубликовал исследование «О происхождении и истории славян». Хорватов он рассматривал как славян или иллиров, отождествляя значение этих этнонимов. «Итак, уже в XVI в. видна национальная и политическая двойственность — хорватизм и славизм, хотя для некоторых их значения совпадают» [2]. Идею общности хорватского и иллирского имени поддерживала церковь. В XVII в. идею единения славян и церковей пропагандировал знаменитый своим пребыванием в России и созданным там сочинением хорват Ю. Крижанич. Напротив, П. Витезович считал общим для всех [юго]славян хорватский этноним [19]. Дубровчанин В. Манчетич в поэме в честь Петара Зринского, преградившего своим войском путь османам в Италию, говорил о подвигах хорватов, но в заглавии упомянул славян. М. Орбини писал «О царстве славян» (1601), имея в виду южных славян; историк И. Лучич четко говорил о «Королевстве Далмации и Хорватии» (1666). Ю. Раткай опубликовал «Историю королей и банов Далмации, Хорватии и Славонии» (1542).

Среди хорватов XVII в. примечательна личность современника Крижанича Лаврентия Хурелича (или Курелича) — участника австрийского посольства в Москву в 1655—1656 гг. В 1673 г. он написал трактат, лицевой список которого на латинском языке был поднесен царю Алексею Михайловичу. В русском переводе название звучало так: «Родословие пресветлейших и вельможнейших великих московских князей и прочая и всея России непобедимейших монархов... собранное Лаврентием Хуреличем, священного цесарского и королевского величества Леопольда I советником и священного Римского государства герольдом 1673». Трактат призвал объединить силы христианских государей для борьбы с османской угрозой (список выявлен и описан А. С. Мыльниковым) [20, 21].

Просветительскую деятельность в Хорватии начали монастыри. В 1503 г. павликиане в Лепоглаве учредили гимназию, а вскоре философский и теологический факультеты, вслед за ними это сделали иезуиты в Загребе (1607). Но подлинным началом высшего образования можно считать открытие Академии наук в Загребе в 1669 г., через столетие она была превращена в академию с гимназией и тремя факультетами: богословским, юридическим и философским. Это была предыстория Загребского университета.

Значительные успехи имела лингвистика. Ф. Вранчич из Шибеника (Далмация) издал в Венеции пятиязычный словарь (1595), при этом один из языков был назван далматинским (остальные — латинский, немецкий, итальянский, венгерский).

Создание иезуитом Бартолом Кашичем (1575—1650) хорватской грамматики выделяется среди событий в сфере культуры. Она была опубликована в Риме: Bartholomaeo Cassio, Institutiones linguae Illiricae, 1604. Поэтому Кашич считается в Хорватии отцом отечественного языкозна-

ния. Кашич старался писать на языке, понятном наиболее широкому кругу населения разных областей. Чакавец Кашич поэтому пришел к боснийской штокавшине.

В XVI в. центром хорватской культуры оставалась Далмация. Собственно Хорватия с Загребом вышла на первый план в XVII в.; именно вокруг Загреба и собственно Хорватии стала складываться хорватская нация.

В XVIII в. мировую известность приобрел Руджер Бошкович (1711–1787) — физик, математик, астроном и философ. Родом из Дубровника, он занимался наукой во многих странах [22, 2].

Патриотическое настроение зарождающейся интеллигенции выражало распространенные в дворянской и духовной среде чувства. Так, в 1595 г. депутаты сабора просили короля Рудольфа (1576–1608) назначать командующим хорватскими войсками только местного уроженца: «никакому генералу чужестранцу они (хорваты) покоряться не будут... хотя бы все погибли вместе с отечеством... они готовы на крайние действия, если их лишат свободы в этом отношении». Королю Матвею II (1608–1619) было заявлено, что хорваты «готовы скорее умереть, чем согласиться с властью иноземцев в будущем». Итак, хорваты не раз проявляли этнополитическое сознание, что характерно для дворянства развивающейся феодальной народности, обладающей государственностью. Мы видели это на примерах не вполне ясных (ввиду характера источника) событий 1102 г., выборов короля 1527 г., цитированных заявлений 1595 г., договора 1712 г. и комментариев хорватов в связи с этим.

Предпринимались попытки обращения к широким слоям народа. В 1747 г. далматинец Ф. Грабовач в книге «Цвет беседы народа и языка илирийского или же хорватского» призывал к «единению хорватов» для борьбы за свободу, за что был арестован венецианскими властями и умер в тюрьме (1749 г.). Далматинский францисканец А. Качич-Миошич издает поэму для народного чтения «Приятный разговор славянского народа» (1756), в которой прославлял борьбу против османского нашествия [23]. Славонец М. А. Релькович, офицер, вернувшийся из прусского плена, в сочинении «Сатир» (1762) писал об отсталости нравов и быта Славонии. Он же издал «Славонскую грамматику» (1767), полагая, что народ Славонии равнодушен к родному языку [24]. Релькович считал себя славонцем, хорватский этноним в Славонии еще не признавался.

Хорватские просветители в разных землях решали общую задачу, но одни прославлением своего народа и его прошлого, другие — как Релькович — реалистической критикой его достойного сожаления состояния [25].

Просветители объективно подготавливали широкий процесс национального возрождения, когда их мысли и более новые идеи стали получать общественную поддержку. Они сеяли семена...

Знаменательным процессом было постепенное проникновение более развитого и распространенного штокавского диалекта в кайкавскую Хорватию; это было одним из явлений, подготавливавших утверждение общехорватского литературного языка и (уже в XIX в.) общехорватского самосознания. Во второй половине XVIII в. зарождается процесс перерастания феодальных народностей — далматинцев, хорватов, славонцев — в хорватскую нацию; к этому процессу со временем (в XIX в.) примкнули другие группы католического населения.

В последующих главах нам предстоит изложить основные черты эпохи, когда тон общественной жизни задавали национально-интеграционные движения у южных славян, в частности у хорватов. Известно, что ученый, занимающийся историей народа, часто проникается к нему симпатией. Не может не вызвать ее борьба сербов, хорватов, венгров против османского нашествия или борьба крестьян против крепостничества.

По-иному обстоит дело, когда речь заходит о национально-интеграционной идеологии. Идейную борьбу автор должен оценивать, избегая влияния «симпатий», объективно. Идеология, особенно в юго-восточной Европе, могла вступать в конфликты с принципами других формирующихся наций. «Слепое» оправдание той или иной идеологии может нанести ущерб другим народам. Потеря автором объективного подхода в данном случае резко снижает значение научного труда (вплоть до отрицательного уровня). Мы стремились иметь это в виду.

Глава 4

Национальное возрождение и революция 1848 — 1849 гг.

Хорватские земли в 90-х годах XVIII в. были раздроблены на несколько областей. Провинциал, то есть гражданская часть, делился на изолированные друг от друга собственно Хорватию (Загребская и соседние жупании) и Славонию (или Нижнюю Славонию). Между ними вклинивалась территория Военной границы с г. Беловар. С 1751 г. Славония посылала делегатов в венгерское государственное собрание, то есть была тесно связана с Венгрией, но одновременно была представлена и в хорватском саборе. Такое положение создалось вследствие длительного спора между Венгрией и Хорватией о принадлежности Славонии. Кроме того, под командованием бана с 1790 г. была Банская граница (два полка: Глинский и Петриньский). Военная граница в целом с Хорватией связана не была и составляла особую административную область (но по «историческому праву» граница принадлежала Хорватии, т. е. последняя «право» на нее не утеряла). Хорватско-славонская граница (18722 кв. км) всего на четверть уступала по территории Провинциалу. Это была экономически самая отсталая часть комплекса хорватских земель.

В 1786 г. на хорватских землях было создано Венгерское приморье от Риеки на юг — им ведал венгерский губернатор [1].

Границы Далмации (12 тыс. кв. км) с первой трети XVIII в. были стабильны. Это была в хозяйственном отношении заброшенная земля под властью Венеции. Дубровницкая республика (4022 кв. км) оставалась фактически самостоятельной под верховной властью султана; экономика ее (мореплавание, судостроение, ремесло) во 2-й половине XVIII в. переживала подъем. Истрия (3160 кв. км) была разделена на австрийскую часть, административно входившую в состав Крайны, и большую венецианскую часть.

«Ядром», «очагом» всех этих областей была собственно Хорватия: здесь имелось собственное дворянство, поэтому хорваты считались «политической нацией», имевшей определенное место в политической жизни

Венгерского королевства и монархии Габсбургов, а страна — так называемые «муниципальные права», то есть автономию. Но воздействие этого ядра на остальные земли еще было незначительным.

Собственно Хорватия в 1787 г. насчитывала 648,4 тыс. жителей. В восьми ее «королевских городах» имелось около 11000 взрослых мужчин. В Хорватии был 9121 дворянин (также имеются в виду взрослые мужчины). В Загребе насчитывалось 2815 жителей (в общине Градец), и он отставал от Рибеки (5922 жителя), Вараждина (4,8 тыс. человек) и Копровницы (3,4 тыс. человек). В Карловаце имелось 2733 жителя.*

В 1790 г. дворянство торжествовало: «конституция» была восстановлена. Первым актом сабора было признание Венгерского Наместнического совета правительством Хорватии (фактически венгерские власти стали управлять Хорватией еще при Марии Терезии в 1779 г.). Хорватские господа рассчитывали этим актом — союзом с мощным венгерским дворянством — обезопасить себя от возможных новых «опытов» абсолютизма. Было решено, что особый, отдельный военный налог для Хорватии будет определять (при участии хорватских послов) государственное собрание Венгрии. Было предложено, чтобы сабор восстановил старинное право представлять королю четыре кандидатуры банов, а бан — право созывать сабор. Но это предложение император-король не утвердил. Итак, сабор в интересах дворянства отказался от административной и финансовой самостоятельности Хорватии, но сохранил так называемые «муниципальные права», то есть некоторые привилегии: Хорватия и Славония — особая часть земель венгерской короны со своими законами; во главе королевства — бан, управляющий совместно с сабором; сабор имел право формулировать законы и предлагать их королю; до 1790 г. сабор определял налоги и количество поставляемых рекрутов; на государственное собрание Венгрии сабор посылал двух нунциев, т. е. послов (*oratores regni*), и нотарию; Триединое королевство имело свой апелляционный суд, в старину после него можно было обращаться за окончательным решением к королю; Хорватия платила половину налога в сравнении с Венгрией; с 1741 г. Хорватия была освобождена от воинских покоев; хорваты сами командовали своим ополчением, Хорватия могла покупать соль по дешевой цене (соль в большом количестве требовалась для скота, а также для обработки мяса. — В. Ф.); сама решала вопросы, связанные с верой; сама определяла официальный язык [3].

Было решено, сохранив латынь как официальный язык, в войске употреблять *nationale idioma croaticum*, то есть хорватский народный язык. Наконец, правительство и войско были обязаны приносить присягу как королю, так и *patrii Croatiae* (хорватскому народу).

* «Королевский город» Загреб составляла община Градец. Рядом находившаяся община Каптол (Капитул) насчитывала 3 тыс. человек (1784 г.).

В Венгрии и Хорватии крестьяне фактически остались в прежней феодальной зависимости, это было самое главное. (Для вступления в силу указа Иосифа II от 1785 г. требовалось одобрение его государственным собранием.) Урбарий Марии Терезии от 1780 г. сабор также не признал и отказался утвердить религиозные и гражданские права протестантов (тем самым устраняя конкуренцию венгров в Хорватии). Но венгерское государственное собрание 1790/91 гг. и император-король Леопольд утвердили только закон о церкви и военном налоге.

Государственное собрание, справедливо считавшее, что венгерский язык — преграда германизации, а национальное государство — преграда централизму, потребовало введения венгерского языка (вместо латыни) повсеместно в Хорватии и Славонии, в том числе в школах. Хорватское дворянство протестовало. Кроме того, мадьяры хотели включить Славонию в состав Венгрии. Вопросы о языке и Славонии дискутировались до 1848 г. Король ограничился разрешением вести протокол венгерского собрания параллельно: по-венгерски и по-латыни.

Но посол Н. Шкерлец защищал латынь как официальный язык [3] и принадлежность Славонии хорватам. Доказательства со ссылкой на «историческое право» здесь были основой, но Шкерлец уже говорил о национальной гетерогенности Венгрии и «распространенности славянского языка». «Уступить чужому языку — явная печать рабства...» Священник Т. Брезовачкий, драматург, в 1790 г. выступил резко. Он клеймил всех, кто жертвовал самостоятельностью страны и ставил народу «ярмо на шею», помогая «стереть хорватское имя и народ хорватский» (хорватским он уже называл все Триединое королевство). Он искал опору во всем «славянском» народе. Но против союза с Венгрией не возражал. Крижевацкая жупания в 1790 г. грозила Венгрии ответом «на родном хорватском языке».

Это были мысли, присущие зарождению национальной идеи. Именно тогда (1790 г.) Королевская академия наук обратилась к сабору с предложением преобразовать ее в университет. Весьма показательно, что она ссылалась на идущую войну с Турцией и возможность освобождения Боснии и Сербии: быть может, ошущалась потребность единого литературного языка для югославян или грядущая необходимость в большом числе чиновников на Балканах. А хорватский сабор предложил ввести изучение «иллирского языка» во всей Венгрии.

В 1792 г. Ф. Богданич, славонец, просил в Вене разрешить издание еженедельника на народном языке для Хорватии, Славонии и Далмации — кириллицей и латиницей — причем штокавшиной — с целью совершенствования языка и популяризации отечественной истории. Разрешение было дано, но журнал не появился. Неудачей кончились еще некоторые попытки.

Сложность состояла в том, что в собственно Хорватии был распространен кайкавский диалект (и незначительно — в Приморье — чакавский;

названия произведены от слова «что»: «што», «кай» и «ча»), а в других хорватских землях, как и среди сербов, — штокавский, наиболее развитый, богатый и распространенный. Чтобы наладить школьное преподавание, а тем более ввести родной язык в качестве официального, требовалось его стандартизировать. Это — одна из сложных задач, которые предстояло решить хорватам.

Но, кроме того, во время Французской революции хорватское дворянство не хотело терять связей с Венгрией. В 1791 г. сабор решил факультативно ввести венгерский язык в хорватских школах.

С 1792 г., с началом войны с Францией, венгерское и хорватское дворянство сплотилось с двором. Сабор даже добивался, чтобы в Хорватии не действовал венгерский закон о возможности крестьянского перехода. В ответ на ужесточение реакции в 1794 г. оформился заговор, традиционно именуемый в литературе «якобинским». Во главе его стал бывший монах-францисканец, а теперь агент венгерской тайной полиции Игнац Мартинович, ставший осведомителем, чтобы таким образом доводить до императора свои соображения по реформированию королевства. Вскоре заговор был раскрыт, пятеро лидеров, в том числе Мартинович, выдавший властям планы тайного общества, были казнены. В Хорватии их сторонником был чиновник Йосип Краль, покончивший самоубийством перед арестом. В Загребе в 1794 г. была вывешена листовка со стихами в честь французов, «... воюющих за весь свет». Бог за них — говорилось здесь. Стихи имели острый антифеодальный характер. В 1796 г. такая листовка появилась вновь.

Тогда же (1794 г.) епископ Максимилиан Врховац основал в Загребе типографию, печатал латинские, немецкие и особенно народные (кай-кавские) книги. Была издана немецкая грамматика хорватского языка и перевод «Робинзона Крузо» — «из любви к отечеству и его славному языку». Наконец, вышло одно из важнейших тогдашних сочинений «Основы торговли зерном» Й. Шипуша (1796 г.) из Карловаца. Между прочим, автор упомянул о пользе создания единого литературного языка — ибо это условие национального единства [4].

Немногочисленные хорватские интеллигенты-просветители (Врховац и др.) мечтали о присоединении к Хорватии Далмации, где Наполеон положил конец венецианскому господству (1797 г.). В Далмации среди горожан тоже были сторонники Франции. В Сплите раздавались призывы к революционной борьбе, в листовках сатирически изображалось духовенство.

Еще до Кампо-Формийского* мира 1797 г. австрийцы начали оккупацию Венеции и ее бывших владений. Крестьяне пытались добиться пере-

* В литературе по традиции пишется Кампо-Формийский. Однако деревня, где он был подписан, называется Кампо-Формидо (Sidak).

мен (снижения или отмены повинностей), и кое-где это им до прихода австрийцев удалось. На о. Брач народ «отменил» патрициат, а все повинности стал нести в пользу общины. Австрийские войска быстро подавили это движение. Но в советы патрициев были введены и горожане, получившие доступ к публичным должностям.

Часть образованного клира и патрициата желала присоединения Далмации «к венгерской короне», где имелась дворянская конституция и господа не платили налогов. С этим были согласны и францисканцы, и часть православных монахов во главе с викарием Г. Зеличем, уже ранее поддерживавших связь с иерархией Хорватии. Генерал М. Рукавина, командовавший австрийскими войсками, хорват, обращался к населению с манифестами на родном языке и тоже призывал народ поддерживать «венгерского» короля (то есть законного еще с XVI века!), за что получил выговор. Епископ Врховца и сербский митрополит С. Стратимирович пытались посредством духовенства агитировать за присоединение Далмации к Хорватии, ходатайствовал и загребский сабор. Но все было напрасно, Вена держала Далмацию в своих руках. Император и король Франц в 1802 г. запретил всякие ходатайства о судьбе Далмации [5].

Дубровник в этой ситуации «спасая» ввиду сюзеренитета султана, а в оккупированной Боке ощущалось стремление присоединиться к Черногории.

Сохранив советы патрициев и горожан, новая власть дала возможность простонародью через советы горожан несколько влиять на администрацию (в Далмации и Истрии). Итальянский язык в управлении был сохранен, и власти стали открывать в большинстве городов итальянские основные школы. Гимназия была открыта только в Задаре, а хорватский язык остался лишь в глаголяшских семинариях в Задаре и около Омиша. Впервые в истории Задара в 1797 г. здесь была открыта типография.

В 1802 г. государственное собрание Венгрии отменило решение 1791 г. о половинном военном налоге с Хорватии (*media dica*) и решило рассматривать налог с Хорватии вместе с венгерским, да еще повысило его. В 1804 г. Венгрия «уступила»: рассмотрение снова стало раздельным, но о *media dica* уже речи не было. В 1805 г. государственное собрание постановило перевести судопроизводство во всем королевстве на венгерский язык. Протест хорватских нунциев и епископа Врховца (в палате господ) заставил исключить Хорватию из действия этого закона. Врховца заявил, что иначе хорваты введут у себя «иллирский язык» (штоканское наречие). Так далеко хорватское дворянство не шло, но венгерского языка не знало, а потому решительно протестовало против проекта. А дальше не шло не только потому, что в Хорватии и Славонии не было стандартного языка. Все дворянские грамоты, документы на землю были на латыни (без латыни, писал сабор в 1805 г., «пропали бы культура и народ, который бы не понимал своих прав и законов!»). Кодекс Вербёци (XVI в.) был на латыни...

Что касается языка литературы, то последними достижениями на кайкавшине были две драмы Т. Брезовачкого (1804, 1805), позднее этот диалект оказался в полном упадке. Уже с XVI в. наблюдается усвоение авторами, писавшими по-кайкавски, элементов штокавщины, а в XVIII в. штокавщина в основном стала стандартным языком большинства хорватского народа. Но традиции старого еще держались...

В начале XIX в. интерес к языку развивался и выдвигались разные идеи, как помочь единству правописания [2]. В 1801 г. францисканец Й. Стулли издал в Буде первый том большого словаря всех наречий «иллирского» языка. Истранин Й. Вольтич издал в Вене словарь (1803 г.), где разработал славонское правописание, то есть штокавшину, наилучшим образом приспособив ее для хорватского письма. Как меценат, много способствовал языковым исследованиям епископ М. Врховац. В 1805 г. он осмелился заявить, что введение «иллирского» языка в общественную жизнь Хорватии «возможно».

Врховац занимался и экономикой. Большой водный путь Дунай—Сава—море, ставший с середины XVIII в. основной магистралью Хорватии, вдоль которой в основном росла хорватская буржуазия, он стремился усовершенствовать и в 1801/02 гг. выдвинул план регулирования р. Купы (чтобы сделать ее судоходной почти до Риеки), а когда идея не удалась, убедил генерала Ф. Вукасовича проложить Луизинский тракт [6], по которому уже с 1810 г. стали возить товары к морю телегами (прежняя Каролина для этого не годилась). Дорога получила особое значение для вывоза леса, зерна, скота и др. из Венгрии (особенно Воеводины), Славонии, Хорватии, Боснии, Сербии. Последняя треть XVIII в. — время быстрого подъема хорватской торговли, возобновившейся после наполеоновских войн.

В 1804 г. Австрия официально стала империей, а венгерско-хорватский король и эрцгерцог Австрии Франц — не только выборным императором Священной Римской империи Францем II, но и наследственным австрийским императором Францем I. Правовое положение Хорватии при этом не изменилось.

После Аустерлиц Австрия по Пресбургскому миру* (26.12.1805) утратила все приобретения на юге. Истрия и Далмация вошли в состав Итальянского королевства. В районе Боки войну с французами продолжала Россия при поддержке Черногории. Но по Тильзитскому миру (1807) Дубровник (1808) и Бока перешли под власть Франции. Все владения Франции на Адриатике возглавлял генеральный провидур в Задаре. Далмация была разделена на четыре дистрикта (округа), состоявших из кантонов. Такое же деление было введено южнее Черетвы. Это был разрыв со средневековым коммунальным устройством с его сословными привилегиями. Было установлено равноправие граждан перед судом и законом.

* Пресбург (нем.) — Пожонь (венг.) — совр. Братислава.

Но сохранился феодальный колонат. Лишь в Далматинской Загоре, где колоната не было, а земля ранее принадлежала государству, участки были переданы в собственность крестьян (налог в натуре сохранился). В 1808 г. введена единая таможенная система. Строились дороги — особо важный «Наполеонов путь» от Книна до Дубровника. Венецианский ученый Винченцо Дандоло, генеральный провидур, уделял большое внимание экономике заброшенной страны (разведение лесов, осушение болот, устройство колодезев; были введены посадки картофеля, лука, табака, льна и др.). Были открыты ремесленные школы, а в Сплите — Земледельческая академия.

Но морская блокада погубила судоходство и торговлю Далмации, а война требовала контрибуций и займов, бесплатных работ и т. п. Многие церкви и монастыри были закрыты. Церковь была подчинена государству. Но православная церковь стала независимой от католической иерархии и в 1810 г. получила «славяно-греческого» епископа.

В 1807 г. по указу Дандоло было открыто 23 начальных школы с обязательным посещением, 8 средних школ и 2 лицея (в Задаре и Дубровнике) для подготовки юристов, врачей, инженеров и др., но из-за нехватки средств эта реформа не осуществилась. Все преподавание велось на итальянском языке, причем о хорватском языке не думали ни родители, ни общины. Но обойтись без него было невозможно. Издавалась двуязычная газета «Il regio Dalmata-Kraljski Dalmatin» (12 июля 1806 — 1 апреля 1910 г.). Редактор хорватской части доминиканец Никола Будрович старался сделать «арначки» язык чистым и годным для официальных материалов. Военный комендант генерал А. Мармон очень заинтересовался хорватским языком и поддержал ученых: Й. Стулли издал еще часть своего словаря (1806), Ф. Аппендини (1808) — отличную грамматику («Grammatica della lingua illirica»).

Между тем хорватский сабор в 1802 и 1807 гг. поднял вопрос о воссоединении «этого союзного королевства» (Далмации), а в 1808 г. подчеркнул, что Риека — «город и порт» — часть Хорватии. То же утверждала и Венгрия... В 1807 г. Венгрия вновь потребовала введения венгерского языка как официального в Хорватии и даже обучения латыни по-венгерски. Снова протест хорватских нунциев заставил вопрос отложить. Но хорватское дворянство еще не думало о национальной культуре [2].

В 1807 г. в Среме взбунтовались сербские крестьяне («Тицанова буна»), причем проявилось тяготение к свободной Сербии. Властям пришлось несколько смягчить феодальный гнет (ограничить барщину сверх нормы). Волнения в Вировитицкой жупании (1806–1809) тоже дали некоторые результаты. Для Военной границы в 1807 г. в Граце был учрежден институт, готовивший «Оскономіеoffiziere» для руководства хозяйством.

Основу всего дальнейшего развития Границы положил в 1807 г. новый (после 1754 г.) «Основной закон о Границе» (Grenzgrudgesetz). Земельный

участок остался военным леном, но еще более была подчеркнута его неотчуждаемость. Владение граничар было разделено на «основное» (Stammgut) и «дополнительное» (Überland), которое можно было отчуждать. Величина лена — в Славонской и Вараждинской границе 24 ютра пахоты и 10 — луга, а в Карловацкой и Банской границе 18 и 6, но граничар мог служить, имея $\frac{1}{4}$ полного лена (только Stammgut). Каждый дом имел приусадебный участок — 1 ютро. Но по решению суда землю можно было продать за долги, кроме того, она отбиралась, если не обрабатывалась 4 года. Особое внимание уделялось задруге (Haus-Kommunion) — основе всей системы. Все члены ее признавались равноправными совладельцами (в отличие от 1754 г.). Иметь хозяйство вне задруги запрещалось; от заработка на стороне половину следовало отдать задруге. Общий доход делился поровну на всех, только старейшина и «хозяйка» (старшая над женщинами) получали вдвое. Раздел задруг запрещался, но начальство могло разрешить раздел, если каждая часть (дом) получала $\frac{1}{4}$ лена. Был введен единый налог — поземельный, кроме того, граничар был обязан работать на казну и на общину (повинность зависела от площади участка). От этой работы можно было откупиться. Но граничар был обязан работать за плату до 12 дней, а каждый дом — три дня работать с упряжкой. «При крайней необходимости» могли заставить и больше. Торговля скотом и плодами разрешалась, как и занятие ремеслом (но не в цехе).

Закон отразил развитие имущественного неравенства на Границе и открывал кое-какие возможности для развития капитализма. Упоминаются безземельные, они платили 4 форинта налога. Закон 1807 г. — первый документ, в котором подробно описана жизнь Военной границы, в том числе задруга. Впрочем, специалист полагает, что задруга — сохранившаяся с древности патриархальная семья [7].

Шёнбруннский мир 1809 г. расширил власть Наполеона над югославянскими землями Австрии (Хорватией южнее Савы, Карловацкой и Банской границей, частью Словении). Генерал-губернатором вновь созданных «Иллирийских провинций» Французской империи стал маршал А. Мармон. Столицей был Лайбах, совр. Любляна. Новые власти сохранили феодальные отношения, устранив лишь повинности, связанные с личной зависимостью кметов (подношения, работа в доме господина), а также помещичий суд; дворянство было обложено налогом. Но в 1809 г. явно проявившиеся надежды «на француза» у крестьян районов крепостного земледелия (южнее Савы), попавших под власть Наполеона, свидетельствовали о том, что идеологические основы феодализма уже были подорваны. В Истрии и Далмации отменили древнюю церковную десятину. Суд был отделен от управления и были отменены цехи. Морская блокада вызвала нищету и голод в Далмации, в Хорватии торговля по сухопутью развивалась (возили хлопок из Турции в Триест; удержалась торговля зерном). Это способствовало развитию слоя буржуазии. Однако французы

опирались лишь на узкий слой богатых горожан и чиновничества. Школы во множестве закрывались из-за бедности. Но вышла третья часть ита-ло-иллиро-латинского словаря (1810 г.). А в 1812 г. священник Шиме Старчевич издал «Новый иллирский словарь», явившийся большим достижением филолога. Кроме того, Старчевич усовершенствовал «славонское» (то есть штокавское) правописание, упростив его и сделав последовательным. Все это подготовило языковую реформу 30-х годов.

В 1811 г. венгры вновь потребовали ввести венгерский язык как предмет во все школы Хорватии, в течение шести лет перевести на него преподавание, в течение же 10 лет — все учреждения. Хорваты не возражали только против преподавания его как предмета.

В 1813 г. австрийцы заняли Иллирийские провинции. Далмация формально стала частью Триединого королевства Хорватии, Славонии и Далмации, но вплоть до развала державы Габсбургов в 1918 г. так и не воссоединилась с Хорватией. Ввиду ее стратегического значения австрийское правительство подчинило ее непосредственно Вене. В 1816 г. Франц I создал из засавской Хорватии, освобожденной от Наполеона, «Королевство Иллирию», стремясь сохранить эти земли в составе Австрии. Среди хорватов и венгров это вызвало бурные протесты. После шести лет борьбы засавские районы были воссоединены с Хорватией (1822 г.).

Далмация в составе монархии Габсбургов вновь приобрела статус «королевства». В ее состав кроме бывшей Венецианской Далмации вошли Дубровник и Бока Которская, ранее — венецианское владение. В середине XIX в. примерно $\frac{1}{3}$ населения провинции (всего около 400 тыс. человек) были католиками (приморская полоса, острова, в основном — города) и около $\frac{1}{3}$ — православными (компактное православное население составляло большинство в Боке, а также в хинтерланде, занимаясь сельским хозяйством и торговлей), до 3% составляли итальянцы (примерно 15 тыс. жителей). Итальянский язык знали горожане — купечество, моряки, духовенство, чиновничество, учителя и др. — всего до 50 тыс. человек. В их руках находилось управление провинцией, и они придавали Далмации «итальянский облик».

После наполеоновских войн во всей монархии Габсбургов был установлен жесткий («меттерниховский») полицейский режим. Для господствовавшего тогда «духа» характерна сентенция императора венским профессорам: мне философы не нужны, вы должны делать то, что я скажу...

Помешики повышали баршину; голод и нищета — следствия войны — затронули даже дворян. Кметы пытались переходить в граничары или в государственные крестьяне. Отказы от баршины вызывали полицейские расправы (наказание палками). В феврале 1816 г. в Пожегской жупании солдаты убили 20 волновавшихся крестьян, многие были осуждены на наказание палками и тюремное заключение, а их лидер казнен в Вене.

Целый ряд таких движений был направлен против феодальной эксплуатации.

В 1822 г., когда засавские районы были воссоединены с Хорватией, была снята и отделявшая их таможенная граница, облегчен доступ к морю. С 1821 г. в связи с греческим восстанием и закрытием проливов стала процветать венгерская и хорватская торговля зерном. Увеличивался вывоз поташа, с 1824 г. началось массовое производство дощечек для винных бочек (вывоз во Францию). Вывозился строительный лес — в Горском котаре возникли многочисленные лесопилки (на водной энергии). Развивалось производство стекла, сахара, шелка и др. — в основном на внешние рынки. Как и в XVIII в., ряд мануфактур появился в имениях магнатов. Но крупнейшие мануфактуры были в Риеке, в том числе по производству сахара (еще в 1750 г. основана голландцами), бумаги (с 1821 г.) — здесь было занято более 100 рабочих. Другим центром мануфактур стал Вараждин. Риека была связана не с хорватским, а с внешними рынками. Важными характеристиками мануфактурного дела в Хорватии были отсутствие текстильного производства и решающая роль иностранного торгового капитала. Кроме трех дорог к морю, в 1827 г. начали строить путь через Велебит из Госпича до Оброваца.

Развитие внутреннего рынка проявлялось в росте числа ярмарок и городского ремесла, хотя восстановление цехов в 1813 г. затормозило это развитие. Об общенациональном рынке говорить еще нельзя [2]. Но скромное экономическое оживление подготавливало организованное национальное движение.

Финансовые трудности заставили Франца созвать в 1825 г. государственное собрание Венгрии. Хорваты поручили своим послам требовать воссоединения Далмации и Вараждинской границы, равноправия в уплате таможенных сборов на границе с австрийскими землями; особенно хорваты настаивали на запрете переселения крестьян за пределы Хорватии-Славонии (при росте рынка ощущалась нехватка работников). Относительно Далмации государственное собрание поддержало хорватов, а по поводу Военной границы Государственный совет в докладе императору возражал ввиду опасного для государства возможного усиления Венгрии. Проблема Границы (до ликвидации последней в 1871 г.) рассматривалась с точки зрения австро-венгерских отношений.

Государственное собрание вновь пожелало ввести венгерский язык в школах и учреждениях Хорватии, однако, уступив хорватским послам, согласилось на его обязательное преподавание (тогда как хорватский язык еще не преподавался). Но это означало нарушение муниципальных прав, и посол И. Кушевич указал, что венгры вообще не имеют права обсуждать проблему языка. Хорватский сабор в 1827 г. сам решил ввести обязательное преподавание венгерского языка, то есть путь ему в хорватское общество был открыт. Венгерский язык был бы полезен дворянам — чи-

новничеству, но в борьбе против мадьяризации сабор пошел на уступку. Одновременно он решительно защищал муниципальные права, т. е. привилегии хорватского дворянства. Впервые в истории было поручено специальной «депутации» собрать все «*statuta et jura municipalia*». Далее, венгерское собрание, поскольку гражданство Венгрии и Хорватии едино, постановило ограничиваться одной присягой для Венгрии и «*partes subjectae*» (подчиненных земель — Хорватии и Славонии). Хотя обычно применялась формула «*partes adnexae*» (присоединенные области).

Сабор 1827 г. упорно отстаивал особое государственно-правовое положение Хорватии (до тех пор сабор сам принимал присягу на подданство) и, как и в течение всего Средневековья, возражал против «*partes subjectae*».

Но сабор был далек от национальной идеи. Она стала уделом нового поколения.

С конца 20-х годов начинается некоторое оживление школьного дела. В Истрии школы открывались только в местах пребывания настоятеля сельской церкви. В Далмации — в основном в городах: в 1830 г. их было 7 «высших» (средних) и 25 «низших». Все это — на итальянском языке [8]. Австрия усиленно итальянизировала Истрию и Далмацию. В Хорватии школьное дело было запущено. Дети были заняты сельским трудом. В 1834 г. в Хорватии было 25 начальных (тривиальных) школ, в Славонии — 37. Новые открывались очень медленно. На Границе условия были благоприятнее. В восьми полках в 1834 г. имелась 151 школа, из них в 81 преподавание шло на родном языке. В Хорватии и Славонии, включая Границу, было 7 гимназий, в том числе одна на Границе. Преподавали в них латыни, а в одной (в Карловаце) по-немецки. В Загребе имелась «архигимназия», где 6 лет гимназического курса были соединены с 2 годами академии — здесь учили философии и праву.

Королевская академия наук в Загребе возникла в 1776 г. после закрытия иезуитской академии и была высшей школой в Хорватии [9]. Окончившие философский факультет переходили к изучению теологии или права. Наряду с иноземными университетами академия была главным рассадником хорватской интеллигенции. С 1790 по 1830 г. в ней окончило курс философии 2191 чел. Три четверти из них — из собственно Хорватии (в том числе из Загреба 15%), Меджумурья и соседних районов Границы, из Славонии — 7,7% (171 ученик), а из Далмации и Истрии — единицы. Учащиеся все в большей мере были выходцами из горожан: в пятилетии 1826–1830 гг. — 62%, росло и число крестьян — в эти же годы 25,6%. Резко падало число выходцев из дворян. «Плебеев» в поколении, окончившем в 1830 г., было более 87% [10]. Общее число студентов с 1785 по 1828 г. возросло с 93 до 686 [11]. Большинство «философов» шло в духовенство (к 1830 г. — 62%), а остальные — в основном в чиновники. Однако именно это поколение, учившееся в 1826–1830 гг., дало основные кадры деятелей

национального возрождения. Преподаватели академии были хорваты или хорватизованные немцы или венгры. Уже в 1790 г. они поставили вопрос о преобразовании академии в университет. Это поддержал и сабор (снова в 1845 г.), но пока что без результата.* В 1818 г. академия открыла свою библиотеку (примерно 10000 книг) для публики, в 1819 г. обратилась с призывом пополнять ее фонды, особенно материалами по истории отечества. Инспектор школ граф. Й. Сермаж выдвинул мысль основания Национального музея.

Несмотря на скромный уровень преподавания, «Королевская академия наук» создала интеллигенцию почти во всех хорватских землях. Она способствовала упрочению значения Загреба и собственно Хорватии («королевства») как национального ядра, центра, откуда национальные идеи — особенно в период иллирийского движения (с 1835 г.) — распространялись по всей хорватской периферии. Такой путь формирования наций был свойствен подавляющему большинству народов. Почти всюду первоначально выделялась область более активной национальной деятельности, где была преимущественно сосредоточена интеллигенция, учебные заведения, разные просветительные организации, печать (издание газет и книг) и пр. (подробнее об этом см. [15]). Отсутствие такого ядра (редкие случаи) свидетельствовало о крайне неблагоприятных стартовых условиях складывания нации.

В 1826 г. священник А. Филипович обратился к «истинным славонцам» основать общество для издания «славонских книг»: «вспомним о нашем славном языке, славной родине и милом древнем народе», разовьем науки и т. д. Но пока что эти и другие попытки кончались ничем, как и инициативы, направленные на издание газет (1814, 1818 гг.), альманахов, календарей. Неизвестно, как отозвалось в обществе сочинение А. Михановича «Слово к родине о пользе писать на родном языке» (1815 г.), которое было переработкой итальянского текста 1750 г. на ту же тему [16].

В 1813 г. епископ Врховца призвал духовенство собирать «чистые слова» (на «иллирском языке»), народные пословицы, стихотворения. Вопросы языка и правописания были актуальны и для школ, и администрации. Впервые в 1783 г. официальная комиссия обсуждала вопрос согласования хорватско-кайравской и славонско-штокавской графики, в 1820 г. такая же попытка предпринималась в Далмации. В 1816—1817 гг. инспектор школ Т. Кошчак выступил за введение штокавины (*dialectus slavonica*) как литературного языка. Позднее священник Ф. Стрехе писал, что «загребское наречие слишком бедно» [17]. А ведь Загреб уже давно являлся бесспорным центром хорватов. Но надо было исправлять его

* С 1815 г. академия была ограничена одним юридическим факультетом.

наречие. Новое поколение, в основном горожане, готовилось к активной деятельности [17, 18].

Иллиризм (1835—1847) является организованной стадией хорватского национального возрождения, культурным и политическим движением, получившим значительную общественную поддержку.

Хорватия тогда находилась в условиях полицейского режима канцлера К. Меттерниха. К концу 20-х годов XIX в. созрели социальные условия для активизации хорватского национального движения. К этому времени достигло значительных размеров обеднение среднего дворянства, что побуждало его к политической активности. В глубоком кризисе оказались социальные (феодалные) отношения в деревне ввиду низкой производительности труда кметов-крепостных. В связи с этим хорватское сельское хозяйство было не в состоянии выдержать конкуренцию на международных (и даже на внутреннем) рынках с крупнопомещичьим венгерским земледелием. Наконец, положение хорватского дворянства осложнилось в связи с завершением русско-турецкой войны (1829 г.) и открытием черноморских проливов: через Одессу в Европу хлынул поток дешевого хлеба из России.

В Хорватии на историческую арену вышло новое поколение, воспитанное на идеях, проникавших из Европы и с Балканского полуострова, где развивалось пашальское султану Сербское княжество (возникшее в результате восстаний 1804, 1815 гг.) и образовалось независимое Греческое государство (1830 г.).

Крупнейшими событиями на Западе и в центре Европы явились восстания в Италии и Испании, направленные против реакционного строя и (в Италии) австрийского владычества, Польское восстание 1830—1831 гг. за независимость, восстание в Бельгии за независимость и, самое главное, Июльская революция 1830 г. во Франции, изгнавшая Бурбонов, этот пережиток «старого режима», и установившая умеренно-либеральный буржуазный режим Луи-Филиппа.

Сами «отцы-основатели» Священного союза 1815 г., вероятно, не ожидали, что он будет столь недолговечен. Любому более или менее просвещенному человеку было ясно, что наступает новая эпоха, что впереди крупные события, способные повлиять на судьбы народов, больших и малых, и чтобы обеспечить своему народу пристойное место в новом мире, необходимо поднять его экономически, культурно и политически.

В монархии Габсбургов обострились противоречия между венгерским дворянским либерализмом и национализмом, с одной стороны, и габсбургским абсолютизмом — с другой, а такие ситуации всегда использовались малым хорватским народом для продвижения своих интересов. «Народ», то есть формирующуюся нацию, здесь представляли дворяне, растущая, в основном торговая, буржуазия и активная интеллигенция —

светская и духовная. Хорватия при этом обладала определенными рычагами для политической деятельности: автономной законодательной властью (сабором) и системой сословного областного (жупанийского) самоуправления, королевским наместником (главой автономии) — баном, представлявшим исполнительную власть, собственной системой суда. Правда, как известно, корыстный интерес дворянства привел Хорватию и Славонию в административное подчинение Венгрии (1791 г.), резко ослабил ее автономию, за восстановление которой в XIX в. пришлось бороться.

Будущий идеолог хорватского иллиризма *Людевит Гай* (1809–1872) приехал в Загреб в январе 1832 г. До этого он в 1826 г. недолго учился в университете в Вене, много занимаясь в венском Государственном архиве (в поисках своих якобы дворянских корней). Жил в Граце, где усиленно занимался самообразованием и познакомился с молодыми людьми — хорватами, словенцами и сербами, — интересовавшимися прошлым народа, настроенными патриотически, и даже пытался писать историю Хорватии, занимался родным языком и убедился в его неудовлетворительном состоянии, готовил «Краткую основу хорвато-славянского правописания». Гай возмущался венгерскими попытками мадьяризации Хорватии. Вернулся домой в Крапину — маленький городок неподалеку от Загреба; затем в 20 лет направился в Пешт, который стал для него политической школой. Здесь разворачивалось венгерское национальное движение. Гай и его друзья в Граце мечтали о таком национальном возрождении. Гай снова занимался в университете, в библиотеке, познакомился с Яном Колларом, горячим пропагандистом культурного сближения славян. Постепенно знакомился с хорватской молодежью, как и он, горячо интересовавшейся культурой, языком своего народа. Гай стал ее предводителем. Большое впечатление на молодых людей произвела Французская революция 1830 г.: она изменила их взгляд на мир [18].

В Загребе постепенно сложился кружок молодежи, поставившей перед собой задачу пробудить общество, покончить с царством застоя, развить национальную идею. Уже 19 января 1831 г. начались собрания единомышленников, число которых росло. Они поручили доктору наук Матии Смодеку начать преподавание хорватского языка в академии. Это было бы первым академическим преподаванием курса хорватского языка. Преодолев все трудности, Смодек объявил о предстоящем чтении курса.

Смодека пришли слушать не только студенты, но и профессора-венгры, адвокаты. Первая лекция была на латинском. Лекции имели огромный успех, но это было началом. Л. Гай стал хлопотать о разрешении издавать газету...

Первостепенной проблемой стала унификация литературного языка. Штокавщина (*lingua slavonica*) или кайкавщина (*lingua croatica*)? Современники говорили о едином славянском языке и его главных наречиях.

В этом романтическом представлении одной из «ветвей» славянского народа и языка был язык югославян, которых уже с XV в. было принято называть иллирами, иллирским народом. Людевит Гай полагал, что «иллирский» должен был быть чем-то вроде общей фамилии, тогда как «хорватский» и «сербский» и т. п. — народными именами. Кроме того, ввиду слабой связи хорватских земель между собой сохранялись локальные наименования (славонцы, далматинцы и др.). Навязывать славонцам и др. этноним «хорват» означало бы затронуть их чувствительность, а «иллир» — наименование нейтральное.

Но суть дела заключалась не только в локализмах. Л. Гай, старый граф Янко Драшкович и другие идеологи иллиризма считали, что и православное население Хорватии и Славонии, которое они в начале 30-х годов считали хорватским, тоже должно воспринять этноним «иллир». Но среди православных распространялось сербское национальное сознание, и именно потому, что посредством этнонима «иллир» свои задачи пытались решать хорваты, сербы его, как правило, отвергали. Среди православных иллиризм получил некоторое распространение только на Военной границе. Поскольку нации еще не сформировались, многие люди не могли отнести себя к определенной этнической общности, и это их беспокоило. Национальное самосознание распространялось постепенно — от кружков интеллигенции вширь. Так, в письмах к Л. Гаю встречаются такие высказывания: в 1835 г. А. Трбухович, отставной офицер, писал: «родом я хорват, а по церкви серб». Письмо написано кириллицей. В 1846 г. группа торговцев «сербов» (очевидно, православных) обещала Гаю защищать «нашу славную народность хорватскую». Были отдельные православные священники, считавшие себя хорватами. По-видимому, в этих случаях «хорват» означало локальное наименование (родом из Хорватии), а «серб» — религиозную принадлежность. Но все это не меняло общей тенденции развития: католики спланивались в хорватскую нацию, и никакое общее наименование не могло устранить процесс складывания сербской нации, в частности в Триедином королевстве.

Для католиков этноним «иллир» сыграл некоторую роль (в прошлом некоторые исследователи ее преувеличивали), но в то же время распространение неестественного этнонима сдерживало развитие хорватского национального самосознания, а на сербов не влияло. Так что роль этого замысла идеологов иллиризма противоречива, и, как увидим, иногда наступал момент, когда «нейтральный», «общий» этноним приносил больше вреда, чем пользы (см. ниже о Далмации в 60-е годы XIX в.).

Существует мнение, что хорваты сами не понимали, в каком направлении идет развитие, и надеялись на создание единого югославянского народа, но Гай в 1839 г. подчеркивал, что ни серб, ни хорват, ни краинец (словенец) никогда от своего имени не откажутся, и сторонники иллиризма

заботятся лишь об их культурном сближении и, возможно, слиянии под общим «покрывалом». Сторонники иллиризма утверждали, что интересы южных славян не противоречат друг другу, наоборот, вместе они лучше смогут защитить себя (особенно от мадьяризации).

Однако исторические документы свидетельствуют, что Гай, Драшкович и др. (подавляющее большинство национальных деятелей) отлично понимали, что они действуют в хорватских национальных интересах. Еще до «официального» начала иллиризма, то есть до 1835 г., когда Л. Гай с разрешения австрийского правительства приступил к изданию политической газеты «Novine» и литературного приложения к ней «Danica» («Утренняя звезда»), Гай в 1832 (или 1833) г. написал стихотворение «Согласие и объединение хорватов». Здесь он так очертил хорватские земли: «все хорваты древнего государства: Лика, Крбава, Крайна, Штирия, Каринтия, Славония, Босняки, Истрияны и Далмация» [19]. Итак, хорватские, словенские земли и Босния. Драшкович тогда же мечтал о большом «Иллирическом» государстве, формирование которого он видел в процессе расширения Хорватии (в составе монархии Габсбургов) на Далмацию, Боснию («язык, подобный нашему») (в случае ее завоевания Австрией), на словенские земли («близкий язык»). Так возникнет государство с 3,5 млн душ (в Хорватии и Славонии было менее одного миллиона). Хорватия тогда бы могла успешно противостоять натиску венгров. Что же касается языка и вообще национального развития, то хорватам надо брать пример с венгров, относительно реформ — пример с англичан, действующих обдуманно и осторожно; лишь слабые народы устраивают революции... Драшкович призывал к развитию торговли, кредита, просвещения. А венграм, считал он, надо отвечать, что у нас есть «свой язык» и мы его разовьем так, что его можно будет применять повсеместно... Свое сочинение «Диссертация» Драшкович предназначал хорватским послам на венгерское собрание [20]. В связи с этим он затронул крестьянский вопрос. К крестьянам надо относиться хорошо — убеждал он крепостников, — время воспитания палками прошло. Лучших из них надо привлекать на свою сторону... Но феодальный строй Драшкович не затрагивал, тогда как в Венгрии уже действовала группа энергичных либералов-реформаторов во главе с Л. Кошутом. Характерно, что свое сочинение Драшкович написал на штокавском диалекте.

О том, что иллиры заботились о Хорватии, свидетельствует их «кroatизм», как называли легальную борьбу за укрепление и расширение автономии Хорватии.

Хорваты какое-то время были готовы отказаться от национального имени (вернее, не хорваты, а деятели иллиризма) в надежде, что сербы в Хорватии ради единства последуют за ними и возникнет «национальное единство» в хорватских землях под этнонимом «иллиры». Так как хорва-

ты составляли огромное большинство в Провинциале (85%)* и так как они занимали господствующие «высоты» (дворянство, чиновничество, интеллигенция), то, как бы ни назвать весь народ, это будет единый народ *хорватского* государства. В соответствии с русской пословицей: «хоть горшком назови, только в печь не ставь». Деятели иллиризма пытались распространить свою пропаганду и вне границ Триединого королевства, но даже внутри этих границ они имели успех в основном лишь в собственно Хорватии среди католиков (и как отмечалось, среди православных — временно на Военной границе). То есть в той мере, в какой их усилия соответствовали интересам формирующейся хорватской нации.

Идеи иллиризма встретили поддержку среди небогатого дворянства и прежде всего буржуазной и дворянской интеллигенции. Современник отмечал в 1836 г., что иллиризм привлек сторонников своей защитой муниципальных прав против венгерской политики унификации государства и ввиду попыток венгерских либералов провести крестьянскую реформу [19]. Это тревожило обнищавших хорватских дворян, живших за счет крестьянских повинностей. Но простым консерватизмом содержание идей иллиризма не ограничивалось: мы видим, что Драшкович защищал весьма умеренное реформаторство. Наконец, иллиры хотели опереться на других югославян, чтобы дать отпор венгерскому национализму.

Общий вывод заключается в том, что тенденция Гая и Драшковича несомненно великохорватская, самосознание несомненно хорватское. В связи с этим предложение чуждого этнонима (через три года после цитированных сочинений) можно рассматривать как маневр для обеспечения национального развития. Но, как впоследствии указывали критики, маневр, небезопасный для хорватской национальной индивидуальности, так как угрожал хорватам растворением в некоей неопределенной общности [21]. Для достижения успеха романтики-иллиры избегали в печати этнонима «хорват», тем самым невольно нанося вред собственному делу — формированию хорватского самосознания.

Свою газету Л. Гай вскоре перевел с кайкавского на штокавский диалект, который при энергичной поддержке интеллигенции быстро стал побеждать в Хорватии. Был сделан важный шаг к национальному единению хорватов [22]. Вообще противоречивая идеология иллиризма не должна заслонять от историка большие заслуги деятелей иллиризма в сфере хорватской культуры. В области же политической жизни результаты были более сложными и противоречивыми.

Деятели иллиризма подчеркивали, что сфера их активности — культура, что они стремятся сблизить южных славян в области культуры, сознания,

* На Хорватско-славонской Военной границе обоих народов было примерно поровну.

что иллирийской политикой они не занимаются, то есть о создании большого южнославянского государства не мечтают. Трудно сказать, в какой мере это отвечало действительности, по-видимому, если бы удалось слить южных славян в сфере культуры и языка (то есть слить их в один народ), встал бы вопрос о политическом единении. Но в условиях режима Меттерниха об этом говорить было нельзя.

Наиболее лаконично идейно-политическую позицию иллиризма сформулировал Гай в 1841 г.: «Боже, сохрани конституцию венгерскую, Королевство хорватское и национальность иллирскую!» Венгерская сословная конституция защищала Хорватию от крайностей абсолютизма, обосновывала ее муниципальные права, Королевство хорватское, его процветание было целью культурной и политической деятельности иллиров, национальность иллирская, то есть единство южных славян, их единое национальное самосознание, было отдаленной целью культурно-языковой, идейной деятельности иллиризма.

В 1840 г. дворянство разделилось на две враждебные партии — «Хорватско-венгерская партия», которую сторонники иллиризма называли «мадьяронами» (мадьярофилами), стремилась теснее слиться с венгерским дворянским общественным движением и в Венгрии видела опору хорватского дворянства. Но мадьярофильство — сложное явление. Оно, конечно, было направлено против национального возрождения и опиралось на хорватско-славонских магнатов, но в его среде ощущалось и сочувствие венгерской либеральной программе. Мадьяроны обвиняли иллиров в панславизме и стремлении создать южнославянское независимое государство. В связи с возникновением этой партии и сторонники иллиризма создали политическую партию — Иллирийскую.

Д. Раковац, один из идеологов иллиризма, в 1842 г. опубликовал брошюру «Малый катехизис для взрослых людей», в которой изложил воззрения иллиров.

Мы хотим:

1. иметь наш национальный язык, ... со смертью народного языка и народ умирает;
2. иметь нашу национальную литературу, без нее и язык должен погибнуть;
3. хотим просветить наш народ, что возможно только на народном языке;
4. хотим во всей полноте сохранить наши муниципальные права: они являются основой нашего политического существования;
5. как и ранее, хотим остаться братьями венграм под [защитой] венгерской конституции.

Чего не хотим:

1. чтобы какой-либо другой народ нас считал лишь материалом для увеличения числа своих соплеменников;
2. чтобы другие на нас клеветали, а мы бы не могли ответить.

«...Самое печальное то, что дети той же родины яростно выступают против собственной народности и языка» [23].

В том же 1842 г. Л. Гай опубликовал в своей газете «Новине» «Манифест», в котором уже имел возможность подвести итог семилетней деятельности сторонников иллиризма и защитить его от нападков мажаронов. «Одни нас обвиняли в презрении к хорватскому языку (имеется в виду кайкавский диалект. — В. Ф.), другие — в уничтожении хорватского имени, третьи — в подкопе под хорватскую свободу...», католики — в намерении перевести народ в православие («*provlaštiti*»), сербы — в стремлении их окатоличить («*pošokćiti*»), некоторые — в западноевропейском либерализме, другие, наоборот, в ледяном деспотизме, то в русских, то во французских, то в австро-немецких тенденциях... «Звучал ли хорватско-славонский язык семь лет назад так гласно в публичных местах и высших кругах?... Так ли уважали и чтили чистый литературный хорватский язык у нас на родине и в иностранных государствах?..», «Так называемые иллирские патриоты разве не доказывали делом, что они гордятся хорватским и славонским именем?..», «Не благодаря ли иллиризму *хорватское* и *славонское* имя стало известно среди всех цивилизованных народов Европы, как никогда со времени своего возникновения?..» и т. д. Итак, в ответ на обвинения Гай признал, что иллиризм имел в виду хорватские интересы.

Иллиры организовывали общественные вечера, балы и пр., на которых говорили только по-хорватски, пели хорватские песни. Так решалась трудная задача вытеснения немецкого языка из быта городского общества. В 1835 г. А. Мажуранич начал преподавать хорватский язык и литературу в загребской гимназии. С удивительной быстротой стали появляться художественные произведения (прежде всего поэтические) на хорватском языке. Общественное движение втянуло в свой поток отдельных представителей инонациональной творческой интеллигенции. Так, полунемец-полухорват Игнац Фукс стал звать себя Ватрославом Лисинским и стал автором первой хорватской оперы. Людевит Вукотинович (от хорватского «вук» — «волк»), один из лидеров иллиризма, прежде имел венгерскую фамилию Фаркаш (от венгерского «волк»). Крупным хорватским публицистом и правоведом являлся Богослав Шулек, словак по происхождению. Выдающимся хорватским поэтом был словенец по происхождению Станко Враз, один из немногих словенских сторонников иллиризма. Враз издавал научно-литературный журнал «Коло» (с 1842 г.), старейший хорватский журнал, выходивший и в настоящее время.

В 1842 г. было организовано издательское общество с соответствующим фондом — «Матица иллирийская». Иллиры приступили к изданию классиков средневековой далматинской и дубровницкой литературы. В 1843 г. Иван Кукулевич впервые произнес речь в саборе на хорватском языке, в которой призвал объявить хорватский язык официальным в Хорватии и Славонии (в 1840 г. венгры добились признания своего языка

официальным в Венгрии с вступлением соответствующего закона в силу в 1843 г.). Но хорватское дворянство решилось на это только в 1847 г.

В 1845 г. загребская читальня вторично обратилась к властям с просьбой об основании в Загребе научного общества; ее поддержал сабор. Тогда же было разрешено основать кафедру национального языка и литературы в академии. Первым профессором стал В. Бабукич. В 1847 г. император санкционировал создание ученого общества. Осуществить это не удалось ввиду революции. Все национальные общества были размещены в специально построенном на общественные средства Народном доме, открытом в 1847 г. Загреб стал подлинным культурным центром хорватов. За годы иллиризма были заложены основы современной национальной культуры [24].

Однако сильное влияние иллиризма в основном ощущалось пока что только в собственно Хорватии. В Славонии и Далмации национальное возрождение развивалось медленнее и дало результаты позднее.

Школьное просвещение в Далмации австрийские власти начали вводить с 1814 г. В 1829 г. в провинции было 33 начальные школы, в 1839 г. — 55 начальных школ, в 1846 — 141. Стретьего класса преподавание велось только по-итальянски. Школы стали рассадником италянизации. Но более $\frac{1}{3}$ детей их не посещало. В средних школах со времен французского управления господствовал итальянский язык. Это было важно, так как из этой среды часто пополнялась интеллигенция. В 1817 г. были основаны три гимназии. За время учения гимназисты забывали родной язык или сохраняли его на бытовом уровне. С 1829 по 1848 гг. в гимназии принимались только дети имущих слоев.

За 30 лет (1814—1844) в Далмации на хорватском языке не было издано ни одной книги для образованного читателя. Печатались только молитвенники, тогда как на итальянском языке было выпущено примерно 500 названий [25].

Постепенное расширение круга образованных людей привело в 40-х годах к появлению слоя италоязычной интеллигенции, не признававшей себя итальянцами. Они считали себя далматинцами, «слаго-далматами», славянами или «словинцами», что на местном говоре означало югославян. Но уже имелись люди, считавшие себя хорватами, а сербами считали себя многие, так как церковь отождествляла принадлежность к православию с «сербством» («сербско-православная церковь»).

Одним из наиболее значительных предприятий иллиров стало учреждение читален, первые возникли в Загребе, Карловаце и Вараждине в 1838 г. Они стали «очагами возрожденческого движения» (Д. Павличевич), фактически — клубами, которые со временем приобрели политическую роль. Началось собирание библиотек, музейных собраний. Возник ряд драматических кружков.

Помещики и купечество выступали с инициативой учреждения Первой хорватской сберегательной кассы (1846 г.), впоследствии — в начале XX в. — ставшей крупнейшим в Юго-Восточной Европе кредитным учреждением. Было создано Хорватско-славонское сельскохозяйственное общество (1841 г.), сначала дворянское, позднее объединившее более широкие аграрные круги. Его издание «Господарски лист» выходит и теперь.

На пароходе, курсировавшем между Загребом и Белградом, перевозились материалы хорватских народняков (иллиров), возвращавшиеся в Загреб в виде листовок или газеты «Бранислав». Газета была направлена против мадяронов.

Именно в период иллиризма Хорватия все более осознавалась не только как «политическая нация» (с ее сословными правами дворянства), но и как страна хорватского народа, этнокультурная традиция которого не прерывалась в течение всей его истории. Выступления отдельных поэтов и писателей в этом духе имели место значительно раньше (мы показали это), но никогда не получали такого общественного резонанса.

Между иллирами и мадяронами обострялся политический конфликт. В этом нашли отзвук углублявшиеся австро-венгерские противоречия. В июле 1845 г. на перевыборы руководства Загребской жупании мадярон граф А. Йосипович, управлявший Туропольской общиной, привел населявших общину дворян-однодворцев, и их голосами мадяроны получили большинство. Разгоряченная спорами толпа вышла на площадь; один из иллиров поспорил с находившимися здесь солдатами, войска стреляли в толпу — было убито 13 и ранено 27 человек, в основном сторонников Иллирийской (национальной) партии («июльские жертвы»).

После этого император Фердинанд V (1835–1848) запретил однодворцам участвовать в жупанийских собраниях. Это был знак, что двор рассчитывает на контакт с Национальной партией и не допустит захвата сабора провенгерскими кругами. Но под давлением двора Национальная партия* заключила блок с венгерскими умеренными реформистами-консерваторами, терпимо относившимися к национальностям и наметившими «облегчение мирного урегулирования урбариальных отношений».

В 1845 г. хорватский сабор присоединился к программе Национальной партии (иначе — народняки): присоединение Далмации и создание хорватского правительства, независимого от Венгрии. Хорвато-венгерские отношения продолжали обостряться.

В 1846 г. в Галиции вспыхнул крестьянский мятеж, сопровождавший массовыми убийствами шляхтичей. Польское дворянство готовилось к новому выступлению национально-освободительного характера, и поэтому обоснованы подозрения историков, что мятеж польских крестьян

* Термины «иллиризм», «иллиры» были разрешены в 1845 г., но только в сфере культуры (не политики).

был спровоцирован австрийской властью. Но повсеместно в государстве Габсбургов, где сохранялись феодальные отношения, галицийские события вызвали паническую реакцию помещиков. В дворянской среде активизировались круги, понимавшие необходимость либеральных реформ. В Хорватии либеральное крыло народняков было слабым, а радикальные элементы насчитывались единицами. Однако в 1846—1847 гг. хорватские умеренные либералы пытались сформулировать собственную социально-политическую программу [22]. Проект выработал Л. Вукотинович в конце 1846 г. под влиянием идей венгерских консервативных реформаторов (как отметил сам автор наброска). Однако проект был более решительным: здесь говорилось об «общем народном благосостоянии» (народность имела в виду «хорватско-славонско-далматинская»), а под государственным единством с Венгрией понималось единство «в главных принципах свободы». Отсюда делался вывод 1) о скорейшем введении национального языка «в публичную и официальную жизнь», 2) о независимости в «домашних» (т. е. внутренних) делах, 3) равноправии венгерского и хорватского языков в официальной переписке между Хорватией и Венгрией. Либерализм четко проявился в требовании «уравнения всех сынов родины в отношении общих повинностей», то есть обложения дворян налогом. Отноительно крепостничества сказано кратко о «выкупе барщины». Но, вероятно, имелся в виду *обязательный* выкуп, так как сабор в 1847 г. именно такую задачу дал нунциям. Иначе не могло быть равноправия в сфере налогов и введения представительной системы. Речь шла о введении буржуазного порядка. В частности, имелся пункт о (школьном) образовании народной массы. В заключение говорилось, что «партия не стремится затрагивать чьи-либо права собственности, но считает главной задачей законодательства дать права бесправным гражданам и тем самым к общей пользе сгладить различия между сословиями» [22]. Итак, программа свидетельствовала об эволюции народняков к буржуазному либерализму. Тем более что новые идеи формулировал не один Л. Вукотинович, но и Д. Кушлан. Действительно, существовала либеральная группа.

Но неизвестно, как проходило обсуждение программы в 1847 г. и почему она не была принята. Вукотинович возражал против нездоровых «фантазий» о более глубоких переменах, популярных в Венгрии. И все же идеи, развитые в 1846—1847 гг., были сдвигом вперед в сравнении с прежней программой партии. Очевидно, острота хорватско-венгерских отношений накануне 1848 г. сдерживала развитие противоречий внутри хорватской Национальной партии [21, 22].

23.10.1847 г. сабор ввел национальный язык вместо латыни в качестве официального. Кроме того, сабор потребовал восстановить prerogative хорватского правительства, от которых он сам отрекся в 1790 г., и учредить архиепископство в Загребе, то есть предоставить хорватской церкви независимость от венгерской.

Хорват А. Кузманич начал издавать в Задаре в 1844 г. журнал «Зора далматинска» («Далматинская заря») [22]. Его читателями могли быть прежде всего монахи францисканских монастырей, знавшие хорватский язык. Кузманича поддержал задарский офицер Петар Прерадович, выдающийся хорватский поэт. «Зора» пропагандировала идеи совершенствования и широкого применения родного языка: Далмация — хорватская земля, и в ней должен применяться хорватский язык. «Зора» сразу нашла 746 подписчиков, что было тогда немало. С появлением «Зоры» можно условно датировать начало хорватского национального возрождения в Далмации.

Но Кузманич не признал языковую политику иллиризма, так как опасался языкового слияния с сербами. Кузманич, кроме того, считал Далмацию наиболее подходящим центром формирующейся хорватской нации. Но Далмация, славная в прошлом, в середине XIX в. не могла конкурировать с собственно Хорватией по влиянию на хорватское общество.

В 1836 г. в Карловаце, одном из центров иллиризма, вышел «Сербско-далматинский альманах», с 1838 г. — «Сербско-далматинский магазин» (выходил в Задаре). Его издавал юрист Б. Петранович. Он был знаком с Гаєм; живя в Шибенике, в Далмации, он пропагандировал загребские иллирийские издания. Православных и католиков он называл иллирами. В 1841 г. его на посту редактора «Магазина» сменил православный священник Дж. Николаевич. Казалось бы, иллиризм пустил корни и в Далмации. Но характерно, что, в отличие от католиков, сербы не замалчивали свой этноним: свой журнал они называли сербским и с этих позиций проповедовали культурное сближение с хорватами, которые тоже печатались в «Сербско-далматинском магазине». Надо также указать, что оба редактора журнала являлись членами Общества сербской словесности в Белграде (с 1842 г.). Николаевич писал (в письме) о «милом сербстве», что было естественно. Иллиризм же был хорватским явлением. Думается, что сербские литераторы не расставались с идеей ведущей роли сербов в югославянском сообществе. Во всем этом сказалось воздействие процесса складывания двух разных наций [26].

В 1849 г. крупнейший сербский филолог Вук С. Караджич, проживавший в основном в Вене, выступил со сборником «Ковчежич» (сочинено было еще в 1836 г., вероятно, в пику идее иллиризма). Здесь он писал о «сербях всех трех вер» (то есть включая мусульман) и утверждал, что принадлежность к народу определяется языком, и поскольку хорваты приняли в качестве литературного штокавский диалект, на котором говорят все сербы, то хорваты являются сербами («сербы все и всюду»). Газетная полемика по этому поводу вспыхивала и в 60-х годах. Караджич оставался при мнении, что определять народность религиозной принадлежностью — невежество и бессмыслица. Звучало прогрессивно, но... Относительно же искусственных этнонимов Караджич трезво заявлял, что сербы не сошли

с ума, чтобы отказываться от «нашего славного имени». Но то же самое можно сказать и о хорватах. И действительно, в 1860 г. Ф. Рачкий, идеолог югославизма (наследия иллиризма во второй половине XIX — начале XX вв.), определенно говорил, что он хорват, что есть хорваты и сербы.

Политическая линия хорватов в революции 1848–1849 гг. определялась как хорвато-венгерскими противоречиями, так и заинтересованностью либеральных и консервативных кругов в сохранении монархии Габсбургов, но в преобразованном виде (австрославизм). Центром разработки либеральной австрославистской идеи являлась Чехия. Идея эта формировалась постепенно. Просветитель филолог Йозеф Добровский еще в 1791 г. в присутствии императора Леопольда II произнес речь «О преданности славянских народов Австрийскому правящему дому». Он заявлял, что по количеству славянского населения Австрия может быть славянской страной, что здесь необходимо предоставить простор развитию культуры и языков славянских народов, и славяне всегда будут оплотом могущества государства.

Решающий шаг в развитии австрославизма сделал чешский публицист Карел Гавличек-Боровский, действовавший в период перехода национального движения к политическому этапу. Либерал по убеждениям, он в 1846 г. выступил за конституционную реформу монархии в федералистском духе — за превращение ее в федерацию равноправных народов, в частности славянских. Знаменитый чешский историк и общественный деятель Франтишек Палацкий полагал, что если бы Австрии не было, ее надо было бы придумать. Австрия, по Палацкому, предохраняла малые народы от поглощения Пруссией (Германией) или Российской империей. При этом нельзя не учитывать интересы успешно развивавшейся чешской промышленной буржуазии, для которой границы Австрийской монархии обеспечивали обширный рынок.

Революция в Австрии началась 3 марта 1848 г. с выступлений венгров в государственном собрании, потребовавших создания независимого национального правительства, венгерской армии, равноправия граждан, ликвидации феодальной зависимости крестьян и др. 13 марта начались массовые народные выступления в Вене, и на следующий день было объявлено об отставке Меттерниха, отмене цензуры и создании национальной гвардии. Правительство обещало учредить конституционный строй. В марте революция перекинулась на австрийские владения в Италии. Была восстановлена Венецианская республика. Восстал Милан. 15 марта Пешт был охвачен многотысячными демонстрациями, а 17 марта двор согласился на создание венгерского конституционного правительства.

18 марта государственное собрание в Пожони приняло законы о ликвидации феодальных повинностей крестьян при возмещении помещикам за счет государства, отмене помещичьего суда, церковной десятины, обложении дворян налогом, распространении политических прав, в том

числе права выборов в парламент, на широкие слои населения, о создании национальной армии. Правительство отныне становилось ответственным перед парламентом. Было создано независимое от Австрии финансовое ведомство. Все эти законы распространялись и на Хорватию, об автономии которой не было и речи. События 17–18 марта 1848 г. означали, что Венгрия вступила на путь борьбы за суверенитет, путь в сущности революционный, хотя внешне пока что все происходило в конституционных рамках. Венский двор, не располагавший военными силами для подавления Венгрии, был вынужден штамповать решения венгерского парламентского правительства.

Австрийские власти, долго готовившие для себя опору в Хорватии, в особенности на Военной границе, 23 марта назначили (пока что секретно) баном граничарского полковника Йосипа Елачица, командира двух «банских» полков Границы. Влияние иллиризма ошущалось среди офицеров Военной границы, и Елачич сочувствовал национальному движению, поэтому, как бан, он был приемлем для хорватских либеральных кругов. В то же время он был предан двору и, по-видимому, не сомневался в том, что интересы австрийских славян-федералистов совместимы с интересами двора, тогда как революционные антиавстрийские выступления, разрушающие монархию, должны быть подавлены.

С началом революции влияние либералов в Хорватии резко возросло. Народ волновался, выступления произошли в Вараждине, Осиеке, и либералы поспешили выступить с программой, привлекательной для масс и приемлемой для зажиточных кругов. Для охраны порядка в Загребе власти формировали национальную гвардию [27]. 25 марта по инициативе народняков в Загребе состоялось большое собрание деятелей национального движения («великая народная скупщина»). Собрание провозгласило Елачица баном, хотя этот акт являлся прерогативой государя. Вскоре прискакал вестовой из Вены с императорским указом о назначении Елачица.

Скупщина сформулировала «Требования народа». Они заключались в следующем: созыв сабора; воссоединение с Хорватией Далмации, Военной границы и «всех остальных с течением времени потерянных... частей нашей родины»; создание ответственного перед сабором правительства; введение национального языка в учреждения, школы, армию, церковь; свобода слова, печати, вероисповедания, собраний, объединений, петиций; избрание бессловного сабора на основе равноправия граждан и ежегодный его созыв; равенство граждан перед судом и законом, всеобщее налогообложение, освобождение крестьян от феодальной зависимости, прежде всего ликвидация барщины. Симптоматично следующее требование: «все таможи между нашей страной и славянско-австрийскими и итальянскими государствами отменить и провозгласить свободное сообщение между названными государствами и нами». Хорватия издавна

была тесно связана в торговом отношении с австрийскими землями, и это во многом определяло ее политическую ориентацию. На следующий день большая делегация отправилась из Загреба в Вену, чтобы вручить резолюции собрания императору.

Все эти события происходили уже в обстановке крестьянских волнений, в некоторых местах — разгрома помещичьих имений, фактического прекращения работы на помещиков, всеобщего возбуждения — отказа подчиняться чиновникам.

К началу апреля, во избежание худшего, власти жупаний стали публиковать аграрный закон венгерского государственного собрания. 25 апреля Елачич издал «Манифест» об отмене феодальных повинностей, а 27 апреля учредил специальные суды против «разбойников», захватывающих чужое имущество, «бунтовщиков» и «подстрекателей».

Решения собрания 25 марта по своему либеральному содержанию не уступали венгерским законам, но не были направлены на разрыв с Австрией. Характерно отношение к этим решениям придворных кругов. Барон Ф. Кульмер, хорват, близкий ко двору (более того, выполнявший его секретные поручения), в письме к Елачичу от 30 марта бросил фразу: «Тридцать пунктов (имеются в виду решения скупщины 25.03. — В. Ф.) — это чересчур, посмотрим. Как демонстрация против Венгрии — очень хорошее дело» [23]. Итак, в Вене оценивали решения 25 марта главным образом как средство ослабить притягательную силу Венгрии, но в принципе не считали их приемлемыми.

19 апреля Елачич запретил хорватским властям подчиняться распоряжениям венгерского правительства, а местные хорватские власти стали отказываться принимать корреспонденцию на венгерском языке. В Славонии, где мадяры пользовались большим влиянием, происходили вооруженные стычки. Многие мадяры бежали из Хорватии.

Ситуация еще более обострилась в связи с образованием в Воеводине явочным порядком сербского правительства — Главного комитета во главе с либерально настроенным офицером Дж. Стратимировичем. 13 мая в Сремских Карловцах состоялась многочисленная «Майская скупщина», которая объявила о создании самостоятельной области — Воеводины. По всей области создавались органы сербской национальной власти. Но попытка руководителей Воеводины, первоначально признававших нахождение области в составе Венгерского королевства и монархии Габсбургов, договориться с Л. Кошутом, наиболее влиятельным политическим деятелем Венгрии, не дала результатов. Надвигался венгеро-сербский вооруженный конфликт. Опорой Воеводины стали граничары.

В этой обстановке воеводинцы приняли решение о равноправном объединении в федеративное государство с Хорватией и Славонией. Это было смелое решение, нарушавшее традиционную структуру Австрийской империи.

Весной 1848 г. возникла идея созыва *Славянского съезда*. Руководили подготовкой чешские либералы. Правительство разрешило собрание только славян монархии. При этом власти рассчитывали использовать австро-славизм против центробежных движений. Славянский съезд открылся 2 июня в Праге. Активную роль играла хорватская делегация. При всей пестроте состава съезда здесь преобладали либеральные австрослависты. Южнославянская секция высказалась за объединение Хорватии, Славонии, Далмации и Сербской Воеводины в одну федеральную единицу монархии. Словенцы на первый план выдвигали объединение словенских земель и автономию Словении. Хорваты рассматривали съезд как совещательный орган. Д. Кушлан предложил организовать славянский союз посредством местных сеймов или используя право ассоциаций. Кушлан высказался за австрийскую федерацию с единым парламентом. В «Манифесте к европейским народам» съезд высказался за сохранение Австрии, равноправие народов, «естественное право». На съезде присутствовал М. И. Бакунин, который объединил группу «славянских друзей», куда вошли некоторые хорваты.

Съезд был распущен в связи с восстанием в Праге. Подавление восстания вызвало глубокое разочарование и уныние в Хорватии.

Хорватский сабор, открывшийся 5 июня, поддержал предложение Майской скупщины о федеративном объединении. В Словении также обнаружилось стремление национальных деятелей примкнуть к этой федерации в рамках Австрийской империи. Югославянская федерация рассматривалась сербскими, хорватскими и словенскими национальными деятелями как один из субъектов будущей Австрийской федерации.

Но весной и летом 1848 г. вполне вероятным казался распад империи. Поэтому хорваты задумывались о будущем: не возникнет ли общее югославянское государство? Так клирик А. Т. Брлич (1826–1868) писал в газету Гая из Вены: «Смеем ли мы теперь думать и писать о Великой Иллирии не только в литературном, но и в политическом смысле? — А как же!..... почему бы нам не позвать наших горько страдающих братьев в Турции, наших словенцев и сербов в одно союзное с нами государство? Да, патриоты!» [28]

После торжественного возведения Елачица в должность бана сабор приступил к обсуждению едва ли не самой ответственной проблемы: условий освобождения крестьян от крепостной зависимости. В саборе имелось несколько радикалов — В. Врбанчич, Й. Павлец, П. Матич, — заявлявших об «ужасных» преступлениях аристократии по отношению к народу и считавших, что крестьяне имеют право не только на безвозмездное освобождение от урбариальных повинностей, но даже на возмещение со стороны помещиков «за рабство», в котором их держали сотни лет. Крестьянам следует вернуть захваченные господами пастбища. Привилегии помещиков («малые королевские права» — монополию на продажу вина,

мяса, устройство рынков, рыбную ловлю и др.) необходимо отменить. Врбанчич допускал выкуп повинностей только за использование аллодиальных помещичьих земель (но они занимали значительные площади). Радикалы рассматривали требование помещиками выкупа как «недопустимую смелость».

Но в саборе господствовали пролиберальный и консервативный лагери, последний — готовый на реформы только из страха перед революцией. Либералы И. Кукулевич, Л. Вукотинович, Ф. Жигрович и др. не сомневались в необходимости выкупа, но поддерживали идею отмены реальных прав и сохранения крестьянских сервитутов (права пользования помещичьими лесами, например, для откорма скота). Консерваторы во главе с бароном М. Ожеговичем стремились сохранить за помещиками максимум возможного. Бан Еланич пытался примирить крайности: «не покушаться ни на свободу зависимых крестьян, ни на права собственников». Вообще дворянство стремилось отложить решение наиболее острых вопросов до более спокойного времени, когда, не боясь крестьянских восстаний, можно будет отстаивать свои интересы.

Достоин внимания, что некоторые ораторы напоминали о помещичьих долгах денежным людям, горожанам, «являющимся жизненной артерией государства». Они бы пострадали, не получи дворяне выкупа. Уже здесь обнаружилась связь капитала с землевладением, быстро укреплявшаяся после 1848 г.

Сабор отменил урбариальные повинности и церковную десятину, провозгласил независимость крестьян от власти (и от суда) помещиков, объявил крестьян собственниками бывшей урбариальной земли. Они получили право строить мельницы, охотиться (но не в лесах господ), производить водку (ракию), кирпич, известь. Каждой общине было разрешено содержать одну корчму. «Государство гарантирует помещикам возмещение», условия которого должны были быть определены позднее. Ввиду тревожной обстановки сабор постановил ввести в силу аграрный закон без санкции императора.

Характер реформы был определен самим составом сабора. Сословный принцип был нарушен лишь частично. Значительную группу составили богатые горожане и лица с высшим образованием. Впервые делегатов (офицеров) прислала Военная граница, что было вынужденной обстановкой уступкой двора национальному движению. По-прежнему были лично представлены магнаты, епископы, высшие чиновники. Из крестьян право голоса получили главы задруг, но и они участвовали в двухступенном голосовании. Представительство крестьян поэтому было ничтожно малым [29, 27]. При всем том решения сабора сначала не были утверждены императором.

Летом и осенью 1848 г. в Хорватии произошло множество крестьянских волнений, что свидетельствует о неудовлетворенности крестьян аг-

рарным законом, а также о протестах против тягот, связанных с подготовкой войны с Венгрией и самой войной. Особое внимание привлекает движение в селе Стубица, где были живы традиции восстания 1573 г. И теперь четверо крестьян здесь были повешены за призывы убивать всякого, кто потребует платить горницу (плата за использование помещичьих аллювиальных земель, где выращивали виноград).

Перед закрытием сабор вручил Елачичу диктаторскую власть. В июле 1848 г. в Вене состоялись хорвато-венгерские переговоры. Елачич потребовал от венгров передачи всех военных и финансовых дел, а также министерства иностранных дел — т. е. всего, что обеспечивало суверенитет Венгрии — австрийским властям, а также признания прав Хорватии и Воеводины. По существу, двор устами Елачича потребовал от Венгрии отказаться от революции. Но двор еще вынужден был терпеть требования славян. Славян обманывали, давая им неопределенные обещания свободного развития.

Подобно монарху в Британии, Габсбург в Венгрии царствовал, но не управлял. Войска были заняты в Италии, сил для борьбы с мирным развитием венгерской революции не было. Император утвердил предложенный венгерскими властями указ о снятии Елачича с должности, лишении его воинского звания и пр. В Хорватии это вызвало тревогу. Но посвященные люди разбирались в вынужденной тактике двора. Несмотря на «опалу», Елачича в июне милостиво встречала австрийская аристократия, бежавшая со двором в Инсбрук. В связи с беспокойством граничар, воевавших в Италии, состоянием дел на родине и проявившимся среди них стремлением вернуться домой фельдмаршал Й. Радецкий, командовавший войсками в Италии, попросил Елачича обратиться к 20-тысячному корпусу граничар с призывом выполнять свой долг и оставаться в Италии. Елачич выполнил эту просьбу.

Летом 1848 г. начался нисходящий этап революции в Европе, кроме Венгрии. Было разгромлено восстание в Париже, подавлено восстание в Праге, в Италии Радецкий перешел в успешное наступление. Настала очередь Венгрии. 4.09.1848 г. Фердинанд отменил указ об опале Елачича. Он был назначен главнокомандующим всей Хорватско-славонской Военной границей, наконец, ему было присвоено звание фельдмаршала.

Елачич объявил войну Венгрии и 11 сентября во главе большой армии перешел венгерскую границу на Драве и начал наступление на Пешт. 3 октября он был назначен главнокомандующим войсками в Венгрии. Однако на подступах к Пешту войска Елачича встретили отпор. Одновременно пришло известие о новом народном восстании в Вене, и Елачич получил приказ вести войска на его подавление. 1 ноября австрийская армия Виндишгреца, которому был подчинен Елачич с его войсками, взяла Вену. Войска Елачича, кроме того, отбили попытки венгерской конницы, действовавшей нерешительно, прорваться на помощь Вене.

И вот Елачич, которого славянская либеральная печать превозносила как «генерала-славянина», как надежду австрийских славян, был лишен всякой самостоятельности и подчинен Виндишгрецу! Это было началом краха политики австрославистов. Австрийская армия двинулась в Венгрию.

2 декабря Фердинанд, связанный многими политическими обещаниями, отрекся от престола и передал власть своему племяннику — юному Францу Иосифу (1848—1916). В славянских странах продолжали выходить либеральные газеты и сохранялись надежды на выработку рейхстагом либеральной конституции, но уже начали раздаваться трезвые тревожные голоса о наступлении реакции. В Хорватии некоторые надежды вызвало назначение бана Елачича губернатором Риеки и Далмации — хорватские земли оказались под единым управлением. Но это был очередной маневр двора.

В начале 1849 г. австрийские войска овладели Будой и Пештом. После этого реакция осмелела. 4 марта 1849 г. в Кромержиже был разогнан либеральный рейхстаг (большинство которого, кстати, не поддержало австро-федералистских планов), и правительство «октроировало», т. е. провозгласило «сверху», конституцию. Австрия получила централизованное устройство, но южным славянам были даны уступки, нужные... двору, чтобы ослабить Венгрию. Хорватия была отделена от Венгрии и должна была договориться с Далмацией об условиях объединения. В особую область была выделена не Воеводина, а «Сербская Воеводина и Темешский Банат», где сербский язык первоначально употреблялся в управлении, хотя сербы составляли там четверть населения, уступая румынам и немцам. Центром был город Темешвар, в основном валаишский по населению части Баната (совр. Тимишоара в Румынии). Полностью сохранялась Военная граница, хотя в новом Основном законе 1850 г. граничары были признаны собственниками участков, отменялась трудовая повинность и подтверждено право граничар заниматься ремеслом и торговлей по правилам, принятым во всей империи. В остальном после буржуазной революции сохранился феодальный институт. В Далмации в начальных школах был введен родной язык (1848 г.), а в гимназиях родной язык стал изучаться наряду с итальянским (1849 г.) [2]. Наконец, император утвердил решения сабора Хорватии.

Мартовская конституция 1849 г. многим открыла глаза: как выяснилось, борьба за «единую, сильную» Австрию, против народов, боровшихся за независимость (венгры, итальянцы), могла привести не к свободной федерации, а диктатуре двора, австрийской аристократии, поддерживаемой верхушкой финансистов. На местах же власть оказалась в руках генералов и жандармерии.

Сам факт принятия конституции, имеющей силу для Хорватии, без участия сабора, был ударом для хорватов. Левой либеральной газетой Б. Шу-

лека «Славенски юг» умело разоблачала эту политику. Для хорватов смысл конституции состоял еще в том, что вопрос о Далмации фактически был снят. Хорватские газеты не печатали текст конституции до сентября 1849 г., когда Елачич приказал это сделать. В феврале 1850 г. «Славенски юг» был закрыт. Но Шулеку удалось еще некоторое время издавать другую либеральную газету «Югославенске новине».

Однако Венгрия продолжала бороться, и среди хорватов пробудилась мысль вступить с ней на определенных условиях в союз против реакции (в июне 1849 г. в Белграде Д. Андраши и Д. Кушлан вели тайные переговоры, однако без успеха). Весной 1849 г. венгерская армия во главе с генералом Гергеем перешла в наступление на всех направлениях. В Трансильвании ее полками успешно командовал польский генерал Ю. Бем. К концу апреля почти вся территория Венгрии была освобождена. Судьба Вены висела на волоске. Франц Иосиф обратился за помощью к Николаю I. Вторжение в Венгрию армии И. Ф. Паскевича решило судьбу революции. 14 апреля 1849 г. государственное собрание объявило династию Габсбургов низложенной. Но 13 августа мадьяры были вынуждены капитулировать перед русским командованием у Вилагоша. Генерал Клапка продержался в крепости Комаром до 2 октября.

Кроме отделения от Венгрии Хорватии, «Воеводины и Баната», а также Трансильвании, Габсбурги разделили страну на 5 округов, поставив во главе них диктаторов-комиссаров.

В феврале 1850 г. было распушено Банское вече и вместо него назначено «хорватское правительство», при котором Елачич не мог ступить шага без разрешения венского министра.

7.07.1850 г. императорским указом древние части Загреба — Градец и Капол были объединены. Важным событием стало учреждение в Загребе архиепископства (1852 г.). Тем самым хорватская церковь стала независимой от венгерской, и возник религиозный центр, объединивший ряд хорватских земель, католиков Боснии и т. д. Это способствовало распространению хорватского национального самосознания.

31 декабря 1851 г. конституция 1849 г., никогда не вступавшая в силу, была отменена. Установился режим открытого абсолютизма.

События 1848 г. едва коснулись окраинной Далмации. «Зора далматинска» приветствовала провозглашение патента о конституционных гарантиях, писала о необходимости оживить в народе национальное чувство. «Одна крупная причина тягот нашего народа — господство итальянского языка... мы, исстари подлинные хорваты, от своих соседей (т. е. от иллиров. — В. Ф.) можем получить поддержку». Императорские указы печатались на двух языках. Далмация избрала 15 депутатов в конституционное собрание в Вене.

Между тем в Хорватии в разных городах принимались петиции о присоединении Далмации. Далматинцы — «один народ с нами», было написано

в обращении Загреба к далматинским общинам. Требование присоединения Далмации поддержал сабор [30]. В Далмации, где не было сабора, общественное мнение выражали общины. Большинство политически активных лиц, управы Задара и Сплита выступили за автономию в составе Австрии. Чиновники и патрициат при поддержке властей препятствовали переговорам о воссоединении. Но некоторые общины высказывались за предоставление прав славянскому языку и воссоединение с Хорватией. Однако и они подчеркивали, что объединение с Боснией более важно.

Сербское население в большинстве поддерживало эти требования, следуя агитации из Белграда, Воеводины, Черногории: сербы были заинтересованы в сплочении с сербами Хорватии и Славонии. Но общины Боки Которской, где большинство населения составляли сербы, заявили, что Далмация вместе с Бокой «по положению, истории, языку и племени» относится к «многочисленной славяно-сербской народности». И предпочли австрийскую конституцию объединению с Хорватией [31].

Период нарастания предпосылок организованного национального движения представлен на основе исследования Я. Шидака: *Hrvatske zemlje u razdoblju nastajanja preporodnog pokreta (1790–1827)* // *Historijski zbornik*. 1980–1981. Zagreb, 1982.

Глава 5

На пути к дуализму:

Хорватия и хорватская политика. Австро-венгерский дуализм 1867 г. и Венгеро-хорватское соглашение 1868 г. 1850—1878 гг.

После поражения революции власть в Австрийской империи представляла интересы высшей аристократии, уже в значительной мере связанной с финансовой (банковской) буржуазией, торговыми компаниями и развивавшейся крупной промышленностью. Но буржуазия не была у власти, а высшая бюрократия, военная и гражданская, делала все, чтобы неизбежное развитие капитализма было приспособлено к интересам эксфеодалальных кругов. Последние стремились сохранить часть привилегий и не допустить либеральных политических преобразований. Но все же интересы экономические, то есть промышленности и банков западных немецко-славянских земель, должны были быть гарантированы. Венская бюрократия в некоторых сферах проводила такие реформы в провинции, которые сами провинциалы осуществили бы медленнее и с еще более консервативных позиций. Для обеспечения реформ был установлен неоабсолютистский режим (1850—1859) министра А. Баха.

К 1848 г. в Хорватии и Славонии был в силе славонский урбарий 1756 г. (с исправлениями 1808—1810 гг.) и хорватский урбарий 1780 г. Терезианские урбарии имели целью утверждение существующих отношений при устранении злоупотреблений феодалов. Но многое оставалось спорным. Венгерское государственное собрание утвердило урбарии в 1790 и 1807 гг. Урбарии отделили аллодиальные земли помещиков, из которых крестьянам сдавались участки на основе договоров, от селишных (урбарияльных), переданных крестьянам в пользование и для несения повинностей. Селишные участки нельзя было продать или передать по наследству, но помещик

не мог их отнять (мог заменить). При определении площади участков было много ошибок, а территории, находившиеся под властью турок, вообще не измерялись (часть Славонии). Кроме того, были «внеселишные земли» — раскорчеванные, горные (виноградники), реманенциальные (оставшиеся после распределения селищ), крестьянские участки на аллоде: леса и пастбища, которые крестьяне использовали вместе с помещиком. В связи с хозяйственными переменами в первой половине XIX в. участки меняли свой характер, а новые поселенцы нуждались в сессиях (селищах). От того, чем был занят участок, зависел характер повинностей крестьянина. Часто установить характер прав на участок было невозможно, так как помещик и крестьянин трактовали их по-разному — после урбариев было множество судебных споров [1]. После Иосифа II остался в силе указ о личной свободе крестьянина, его праве покидать участок. Но практически в Хорватии этот указ не исполнялся, так как не был принят сабором.

Патенты 1853 и 1857 гг. регулировали ликвидацию феодальных отношений в Хорватии и Славонии, в принципе объявленную в 1848 г. В Далмации отношения колонов и землевладельцев считались основанными на частных договорах, поэтому законы 50-х годов их не касались. В Хорватии и Славонии самыми сложными были проблемы совместного пользования лесами и пастбищами, вопрос о праве собственности на виноградники, наконец, комасация, то есть округление помещичьих земель, ликвидация их раздробленности, характерной для феодализма. Большинство этих вопросов осталось нерешенным до 1857 г. Комиссии, созданные для их решения министром внутренних дел А. Бахом, состояли из дворян и близких к ним чиновников. Но «решение» 1857 г. не решило спорную проблему на практике, борьба крестьян за землю разгоралась.

Патент 1853 г. урезал некоторые решения сабора 1848 г., выгодные крестьянам (например, о регальных правах использования лесов в Славонии), и восстановил положение до 1848 г. Дворянство добивалось как можно большего затягивания решения трудных вопросов. Но неопределенность отношений собственности тормозила развитие буржуазных отношений и увеличение объема производства. С 1858 г. начали работу урбарияльные суды. Они были завалены тысячами дел, решение которых тянулось десятилетиями. Адвокаты богатели и нередко становились землевладельцами. Споры крестьян с помещиками сопровождались острыми конфликтами. В деревне шла настоящая «малая война» вплоть до конца монархии.

В 50-х годах в Хорватии более $\frac{1}{3}$ земель помещиков не обрабатывалось из-за нехватки работников. Крестьяне не шли работать на господ и за плату! (так продолжалось до 80-х годов, когда разорение деревни вынудило крестьян наниматься к бывшим господам). А пока главный доход помещиков шел от продажи вина, от денежного чинша. Поэтому Елачић доказывал, что горные и чиншевые земли — главный источник дохода

господ — являются их безусловной собственностью (аллюд) и затрагивать их реформой нельзя (доклад бана 1852 г.). Позднее началась распродажа иностранцам славонскими магнатами прекрасного строевого леса. Именно эта распродажа позволила магнатам продержаться в трудный период и перейти к торговому хозяйству. Помешики жаловались на отсутствие крайне необходимого кредита.

Только опасения Баха, что крестьянин останется совсем без средств, спасли для крестьян часть лесов и право их использования для откорма скота. Помешики действовали бы более жестоко, не будь контроля Вены. За право пользования лесами и пастбищами, которые в большинстве случаев признавались властью как собственность помещиков, но без которых крестьянин не мог вести хозяйство, развернулась особенно затяжная борьба [2].

Патент 1857 г. предусматривал учреждение фонда для выплаты возмещения помещикам. Фонд формировался из выкупного налога, которым облагалось все общество. В обеспечение выкупа помещикам выдали облигации, которые погашались ежегодно (по 5% от суммы выкупа). Патент 1857 г. определил порядок комасации и сегрегации (разграничения) помещичьих и крестьянских лесов и пастбищ. Но и после этого дело тянулось десятилетиями.

Множество помещиков было недовольно аграрной политикой абсолютизма, отражавшей в большей степени интересы венских банкиров, чем провинциальных помещиков, и это способствовало их переориентации на Венгрию.

Социальные конфликты в деревне, несколько смягчившиеся в 1848 г., вновь стали нарастать, они тормозили развитие экономики, формирование среднего слоя и, следовательно, становление нации. Поэтому либералы предлагали ускорить выкуп неурбанизованных земель. Народники называли частичное сохранение связи помещичьего и крестьянского хозяйств «открытой раной на теле Триединого королевства». Б. Шулек видел образец сельского хозяйства в фермерской структуре землевладения в Англии, Бельгии, Голландии. Но и он основное внимание в своих статьях уделял модернизации помещичьих имений. Видно, крестьянское хозяйство еще до этого не созрело. Э. Кватерник, ссылаясь на Адама Смита, доказывал неэффективность латифундий и издольной аренды.

Последний судебный процесс крестьян с помещиками (баронами Раух) в связи с разделом земель состоялся... в 1908 г. Суд торжественно заявил, что хозяйственная взаимозависимость сторон отменяется навсегда. Но обе стороны подали апелляции...

В Средние века о *большой семье (задруге)* ничего не было известно [3]. Неясно, когда она появилась. Впервые подробное описание задруги было сделано в законе о Военной границе от 1807 г., потому что без задруги это

учреждение не могло бы существовать. Задруги также обеспечивали несение феодальных повинностей в Провинциале. Иначе говоря, о задруге стали писать, когда она начала распадаться. Задруги состояли из нескольких десятков членов (примерно до 30, редко — до 50), но в XIX в., особенно после 1848 г., большинство задруг состояло не более чем из 10 членов. Раздел задруг был связан с трудной судебной процедурой, вдобавок политика властей относительно раздела менялась: то раздел облегчался (перевешивали либеральные соображения), то ему всячески препятствовали. В этом случае задруги делились тайно. Это запутывало ситуацию, так как власти по-прежнему требовали уплаты налога с «целой» задруги. Задруги делились, по рассказам современников, из-за «споров», «неуживчивости» женщин и т. п., но основная причина разделов коренилась в развитии товарно-денежного хозяйства. Следует различать распад задруг вследствие роста их членов, это происходило всегда, от распада задружного быта в XIX в.

Консервативные публицисты доказывали «преимущества» задруг — дух коллективизма, взаимопомощи, поддержка стариков, инвалидов и — *обеспечение регулярного поступления налогов в казну*, тогда как раздел задруг, дробление участков вели к обнищанию и пролетаризации [4]. О. Утешенович же полагал, что без задруги «югославский народ давно бы исчез в пропасти...» Э. Кватерник указывал, что где-нибудь в Бельгии раздел вел бы к росту рабочего класса, но в аграрной Хорватии — лишь к увеличению числа нищих. Сторонник либеральных учреждений, он считал распад задруг неизбежным, но полагал, что его надо регулировать, не пускать на самотек. Имели место ссылки и на «обычаи нашего народа», стремящегося якобы сохранить «стародавнюю патриархальную жизнь» и т. д.

В 1857 г. имперский верховный суд подтвердил возможность распродажи имущества задруги за долги одного его члена, что, по его мнению, стимулировало бы формирование «современного крестьянского хозяйства». Но хорватский верховный суд отстаивал неприкосновенность имущества задруги до ее «окончательного устройства» [1]. Министр юстиции его поддержало, и Верховный суд в Вене согласился изменить свое решение. Трогательная забота австрийских генералов о границах: в Основном законе 1850 г. говорилось, что «патриархальная жизнь населения Границы, как национальная черта, охраняется законом».

Но наилучшую характеристику задругам давали сами крестьяне своими массовыми тайными разделами во второй половине XIX в.; в XX в. в бывшем Провинциале сохранились остатки задруг, в бывшей Военной границе, ликвидированной в 1870 г., задруг было больше. Уже после 1848 г. крестьяне стремились стать хозяевами своей судьбы, поступать по своему разумению. Известный английский археолог Артур Эванс, побывавший в Хорватии в 1875 г., отзывался о задругах как о «тюрьме», из которой крестьяне бегут. Но процесс распада затянулся до периода, последовавшего за Второй мировой войной.

По замечанию русского консула в Риеке, задружный быт не способствовал развитию Военной границы, «умению хозяйствовать, экономить, накапливать» (у честного наблюдателя не было реакционного фанатизма).

В десятилетие после революции 1848–1849 гг. Хорватия и особенно Военная граница оставались беднейшими землями империи (беднее — только Далмация). Транспорт опирался на речные пути (Дунай, Сава, Купа) и сухопутные дороги к морю и в Австрию. Эти «артерии» находились в плохом состоянии, а невозможность быстрого вывоза сельских продуктов на рынок подрывала стимулы развития сельского хозяйства. Вывоз леса до конца 50-х годов также не имел существенного значения. Для поддержания Савы* и сухопутных дорог в должном состоянии не хватало ни средств, ни работников, а казенных дорог было мало. В Славонии же дороги значительную часть года были непроезжими.

С 1850 г. буржуазия все упорней добивалась прокладки железных дорог из Славонии через Загреб к морю. Но проекты железных дорог появились уже с 1825 г., и они передавались властям империи до 1863 г. Однако австрийское правительство, естественно, руководствовалось в железнодорожной политике интересами промышленно развитого центра, а также нуждами Генштаба, и первые линии соединили Вену с окраинами государства (порт Триест — 1857 г., Сисак (через Загреб) — 1862 г. и т. д.).

Транспортные магистрали надо оценивать не только с точки зрения возможности миграции населения, устранения изоляции отдельных районов. «Они также являются факторами первого разряда (в процессе) национальной интеграции, они условие распространения буржуазной культуры и подъема культурного и экономического уровня крестьянства» [1].

Исключительную важность для Хорватии имели телеграфные линии, первая из которых Вена—Загреб начала действовать 21 сентября 1850 г. В 1854 г. Загреб получил связь с Карловцем, Задаром и Сплитом, в 1855 г. с Котором и т. д. Железная же дорога Сплит—Загреб была открыта только в 1925 г. (в Югославии).

С 1851 г. началась регулярная работа почты. К 1857 г. было 4 почтовых отделения — в Загребе, Вараждине, Осиеке, Карловце и в 85 местах Провинциала и Границы почта собиралась. Но до конца абсолютизма почтовая «сеть» была неудовлетворительной.

В системе кредита до 1848 г. центральное место занимал загребский капитал («так называемый хорватский банк», как писали «Народни новине»). Но с прекращением сбора десятины и неспособностью многих аристократов вернуть займы эта его функция прекратилась. До 1848 г. венгерские власти давали кредит из своего казенного фонда, где имелся специальный «строго хорватский» фонд; в Славонии кредит был организован

* Посавье страдало от ежегодных наводнений и в связи с этим часто находилось на грани голода.

тремя местными богачами лишь для Осиека. Много хорватских средств (например, церковный фонд) находилось в венгерском распоряжении, и еще в 1861 г. не были выделены. Три хорватских жупании также имели фонды. В руках государства было много частных фондов (духовенства и отдельных феодалов) — кредиты выдавались из расчета 5%, магнаты получали до 15 тыс. форинтов, торговцы, ремесленники и др. — до 200 фор. Но все это «было каплей в море потребности в кредите» [1]. Единственным современным кредитным учреждением являлась Первая хорватская сберегательная касса (с 1846 г.). Вообще кредитно-сберегательные кассы стали быстро расти с 80-х годов XIX в. Конец XIX в. — переломное время в накоплении капитала и кредитовании промышленности. Но это — через несколько десятилетий, а пока положение кредита было жалким. Первая касса кредитовала в основном купечество и ремесло (под законные 4%). Но множество денежных людей занималось ростовщицеством (при неограниченном проценте), капитал их неуклонно возрастал. Банковское дело было централизовано в Вене, и это затрудняло финансирование торговли, производства и дельцов даже в развитых землях. В Хорватии и Славонии Национальный банк (империи) имел лишь два отделения, одно из них в Риеке, вообще почти не связанной с Хорватией.

Кризис 1857 г. и обмен денег в 1858 г. нанесли огромные потери как финансовым учреждениям, так и малоимущему населению.

Подготовка к войне 1859 г. еще более ухудшила финансовую ситуацию. Банковская деятельность застопорилась, и положение финансов вызвало крах неоабсолютизма. Загребская торгово-промышленная палата умоляла Национальный банк о кредите для торговцев зерном в Карловаче и Сисаке, а также для Загреба и Вараждина, но получила отказ. Группа магнатов 11.06.1859 г. обратилась к императору с просьбой учредить ипотечный банк, но тоже без успеха. С 1857 г. Национальный банк под высокий процент мог давать кредит под залог земли. Еще в 1853 г. по инициативе Баха было решено создавать общинные сберегательные кассы по образцу Чехии, где шел процесс ускоренного накопления. Но в Хорватии эта инициатива не имела успеха ввиду массовой бедности. Повторная инициатива Баха (1856, 1858) имела лучший результат. Но во время абсолютизма начало действовать лишь несколько касс. Даже в торговых центрах, Карловаче и Сисаке, было трудно основать кассу ввиду нехватки средств.

Купечество отмечало падение торговли ввиду нехватки денег. Латифундиям едва удавалось обрабатывать землю. Лишь в конце 60-х — начале 70-х годов начался рост сберегательных касс, а, как отмечалось, быстрый рост — еще позднее.

Абсолютистскому правительству были нужны *Торгово-промышленные палаты* как совещательные органы и двигатели прогресса экономики. Палаты стали учреждаться согласно патенту 1850 г., инициатором кото-

рого был министр торговли К. Ф. Брук. Из 60 палат три были в хорватских землях: Загребе, Осиеке, Риеке [7, 8]. В докладах палат — множество данных об экономике и много оппозиционных высказываний. Первым главой Загребской палаты был крупный сербский торговец Н. Николич. В этой палате преобладали торговцы над ремесленниками, а промышленников не было. Николич докладывал, что «торговое сословие» важнее производственного, так как в Загребе производство — «обычное ремесло». Из 15 советников палаты торговцев было 9.

Важнейшим, самым знаменитым и многочисленным разрядом (из 10 разрядов) купцов были торговцы сельскохозяйственными продуктами. Палата объединила 3826 членов из 12 городов и торговых селений (trgovista). Были избраны советники палаты (руководство). Палата начала функционировать в 1852 г. Доклады ее секретаря И. Ткалаца (1852—1861) — весьма содержательный источник. Палата выступала против цехового устройства. С 1854 г., когда все делопроизводство в империи было переведено на немецкий язык, палата посылала отчеты на двух языках (не отказавшись от хорватского), а в 1860 г. решила пользоваться только «народным языком».

В отличие от Загребской в Осиекской палате было сильным влияние крупных землевладельцев. Торговые связи между Славонией, Хорватией и Риекой были незначительными или отсутствовали, и Осиекская палата выступила против объединения с Загребской.

Продолжало деятельность Сельскохозяйственное общество (с 1841 г.), представлявшее интересы помещиков. «Поучать» крестьян лучше хозяйствовать пока не удавалось, поэтому общество иногда предлагало «заставлять» (в духе Военной границы). Общество устроило выставку в 1852—1853 гг., которую посетил Франц Иосиф. Единственным значительным продуктом здесь было вино. Получили награды также экспоненты хлеба, льна и шелка. В 1855 г. Общество приобрело в Тушканаце (под Загребом) имение для создания образцового хозяйства, добилось открытия сельскохозяйственного училища в Крижевцах в 1861 г.

Западные земли Австрийской империи в 50-х годах переживали *промышленный подъем и соответствующие социальные изменения* (Чехия, Моравия, Н. Австрия, Штирия, Каринтия, Ломбардия и Венеция). Началось с текстильной промышленности, затем стали развиваться пищевая, кожаная и рудное дело. В 50-х годах сельское хозяйство еще занимало важнейшее место. Аграрная революция (новая техника, капиталистическая практика) прошла сначала в крупных имениях, позднее — в крестьянских хозяйствах; она имела своим результатом появление пищевой промышленности.

После 1848 г. в западных землях текстильное «домашнее» производство переросло в машинную индустрию, значительно стало применение машин в земледелии. Быстро развивалась система коммуникаций. Прага

из провинциального города превращалась в индустриальный гигант. Чешская сельская буржуазия и богатое крестьянство развивали пищевую промышленность. Существенную роль играло производство сахара с собственными банками, из коих позднее вырос центральный чешский банк — Живнostenский. Уже в 60-х годах акционерные общества охватили крестьянство. 50-е годы — решающие для появления промышленного рабочего класса, втягивания интеллигенции в хозяйственную деятельность, развития вертикальной мобильности населения.

В Хорватии и Славонии не было ни одного условия подъема промышленности. Лишь Риека имела возможности для этого. Во второй половине XIX в. появились скромные условия для применения машин в имениях Славонии. Налоговый пресс сдерживал экономическое развитие. До ликвидации абсолютизма либеральные круги, восхищавшиеся Лондоном, ждали подъема и в Хорватии в силу «свободной трудовой деятельности». «Машины... господа мира». Во второй половине 50-х годов возобновляется эксплуатация лесов Славонии. Кое-где появились паровые пилы (в имениях и в Горском котаре). Хорошую перспективу имели мельницы.

Но ряд предприятий, производивших сахар, в Хорватии потерпел неудачу. Множество пивоварен и водочных производств не переросли в индустриальные заведения. В 1856 г. в Хорватии имелось 63 кирпичных производства, 4 стекольных предприятия (на них работало 84 подмастерья). Появились табачные фабрики в Риеке и Вараджине, производство спичек в Осиеке. Около Самобора добывали с помощью машин железо и медь. Попытка помещиков создать общество виноделия и виноторговли во время абсолютизма не удалась из-за нехватки средств. Лишь в Риеке на базе старых мануфактур уже до абсолютизма появились фабрики со значительным числом рабочих (табачная — с 746 работницами и 161 рабочим в 1853 г.): две механические мельницы, производство моторов «Смит и Мейне» (ок. 300 рабочих). В 1852 г. пустили в ход химический завод и фабричное производство ткани для парусов (ок. 120 рабочих). Имелись крупные мануфактуры. В 1852 г. насчитывалось 382 владельца предприятий [9]. В 1856 г. было 9 акционерных обществ. Слабые коммуникации из Баната не давали возможность достаточной доставки зерна для переработки (это известная «водная дорога» Дунай—Сава и далее телегами). Только в 1873 г., когда Венгрия была равноправным членом двуединой монархии, Риека получила железнодорожную связь с Будапештом через Загреб [9]. После хлеба, на втором месте, — вывоз дерева, особенно дощечек для винных бочек (*dužice*), поставлявшихся во Францию. В лесах Славонии работали главным образом лесорубы и др. из Крайны (словенцы) и Военной границы. Они же вырабатывали поташ и известь.

Военная граница располагала портами Сень и Карлопак. В конце абсолютизма они переживали трудности в связи с общим кризисом.

Процесс интеграции хорватской нации — наиболее общий результат развития общества в 50-х годах XIX в. Годы революции и неоабсолютизма дали импульс развитию национальной идеологии на основе «кroatизма», то есть политического элемента иллиризма. Национальная идеология разделилась на две ветви (или появилось две идеологии) — югославистскую и исключительно хорватскую. Укрепление национального самосознания проявилось в названии языка и нации. При иллиризме штокавское наречие определялось как «иллирский язык» (подразумевалось — язык католиков и православных), а в Славонии его называли «славонским» [1]. Но все более пробивалось наименование «народный» (национальный) для языка и разных институтов. Сабор 1847 г. объявил *lingua nationalis* (народный язык) официальным в Хорватии, Далмации и Славонии. Император 7 апреля 1850 г. одобрил решение сабора. Итак, официальным стало название «народный». В документе сабора от 10 июня 1848 г. говорилось: «славянский, народный язык этих королевств», а также «наш язык». Обе формулы использовались сабором в 60-х годах. Вероятно, термин «хорватский язык» в официальных материалах сабора и правительства не употреблялся, чтобы не нарушать согласия с сербами, которые в этом случае требовали называть язык «хорватско-сербским» или «хорватским и/или сербским». Однако в 70 заявлениях частных лиц на чиновничьи места в 1850—1851 гг. в 31 случае было сказано «хорватский» (правда, форма еще не была унифицирована и зависела от говоров и диалектов: хорватски, херватски, хорватски, харватски). В 12 заявлениях присутствовал «иллирский», в 8 — славонский, в 5 — хорватско-славонский язык и т. д. В 5 случаях — «югославянский». В 4-х — народный, в 2-х хорватско-иллирский, в 2-х — нашкий». Это — в документах католиков. У православных тоже пестрота: из 9 заявлений в 2-х — «иллирский», в 2-х — славонский, в 2-х — сербский, в 2-х — хорватско-сербский, в 1-м — хорватский [1]. Выходцы из Словении и Чехии говорят «slawisch», немногие уже знают и «kroatisch». В конце 50-х годов значительное большинство кандидатов в нотариусы знает «kroatisch». С 1854 г. в связи с германизацией аппарата все чаще встречается то, что в Вене называют *landesübliche*, то есть «местный» язык.

А. Мажуранич назвал свою грамматику (1859 г.) уже «*Slovnica hervatska*» и отметил, что хорватский и сербский — «тот же язык» «того же народа», а два названия — следствие «двух некогда главных государств этого народа», поэтому язык можно называть хорватско-сербским и сербско-хорватским. Автор желает пользоваться «народным» названием и, как он пишет, «ради краткости — лишь одним, мне более близким и на всем юго-западе этого языка народу известным именем — хорватским»(!). Как видим, А. Мажуранич нащупал верный путь, но ему еще приходилось оправдываться. Общность (или близость) языка с сербами сдерживала приход части хорватов к четкой национальной точке зрения. Среди бывших

иллиров Иван Кукулевич «во время абсолютизма — самая значительная личность, стремившаяся упрочить хорватское наименование и национальное сознание *в рамках югославизма*» (выделено мной. — В. Ф.) [1]. Но безусловную точку зрения занял Анте Старчевич.

К концу 50-х годов уже появляются «воинственные» заявления: «язык хорватов следует называть хорватским» повсюду, где находится этот народ: в Далмации, Хорватии, Славонии, Истрии и западных частях Боснии и Герцеговины. Когда Вена в конце 50-х годов разрешила преподавать хорватский язык, это вызвало воодушевление.

После 1848 г. понятие «народ» уже означало не дворянство, а широкие слои, простонародье. Уже в идее федерализации Австрии в 1848 г. «народ» означал этнос. Слово «народ» все более понималось в смысле «нация» (хотя «нация» вошла в употребление после 1900 г.).

В 50-х годах «народность» утверждается в смысле принадлежности к хорватскому народу (нации), хотя в начале 50-х годов народность еще понималась как принадлежность к исторической земле («хорваты, славонцы и далматинцы») или Триединому королевству. Отметим, что в Славонии существовала тенденция превращения этого локального наименования в национальное («славонский народ»). Вообще «народ» долго употреблялся в разных вариантах: у югославистов — и как хорваты, и как югославы, и как славяне. Иногда путали национальные и региональные названия, но это быстро исчезало. Югослависты все последовательнее выделяли хорватов (как народ), но «со славянской душой», что связывало их с другими югославянскими нациями.

Утверждение *хорватизма* сопровождалось отбрасыванием его югославянских и славянских рамок. Впервые это сформулировал Анте Старчевич, юрист по образованию, в 1852 г. выступив против идей В. Караджича. В 1848 г. он — сторонник иллиризма и Елачича. Близкий ему по взглядам Эвген Кватерник, сын преподавателя Загребской академии, тоже правовед, держался славянской традиции и называл себя слаго-хорватом, особенно когда в конце 50-х годов побывал в России. Здесь он встречался с М. П. Погодиным, И. И. Срезневским, был принят в министерстве иностранных дел. Он рассчитывал на возможность австро-русской войны, перешел в русское подданство [10, 11]. Остатки этих взглядов Кватерник сохранил и позднее. Впрочем, особенно до 1848 г., и представители некоторых других народов добавляли к своему этнониму «частицу», свидетельствующую об их принадлежности к великому славянству (например, «чехо-славянин», — так было до выступления К. Гавличека в 1846 г., четко заявившего, что он чех).

Сущность иллиризма — решительное движение в сторону единой южнославянской культуры. Термин иллиризм его сторонники объясняли необходимостью «жертвы» ради согласия, единения с сербами. Это давало «основание» утверждать, что хорваты не любят свой язык и склон-

ны стать сербами. Б. Шулек, хорватский публицист, именно так объяснял позицию сербских идеологов. Мы полагаем, что тезис о «жертве» вызван другой причиной — стремлением объединить хорватов и сербов, прежде всего Хорватии, под общим этнонимом, но в *хорватском* государстве, то есть, в конечном счете, укрепить последнее. Эта «жертва» аналогична шахматной: она была рассчитана на успех. Однако метод иллиров был спорным, и замалчивание своего этнонима не могло дать положительного результата (об этом см. ниже, в связи с положением в Далмации в 1866 г.). Цель иллиризма — единый литературный язык для югославян — не была воспринята ни словенцами, ни сербами. (С сербами договоренность была достигнута в 1850 г., но не о названии языка, а о его «тождественности».) Одним же хорватам иметь чуждый этноним «неприлично», писал хорватский автор. Особенно термин «иллиризм» не годился после краха абсолютизма, когда ожидалось восстановление хорватского языка как официального.

В хорватской печати этноним «хорват» появляется все чаще с 1855—1856 гг. «Подлинные», «честные», «коренные» хорваты, «хорватское сознание», «мы — хорваты» и т. д. Вспомнили, что Елачич гордился тем, что его родила хорватская мать. Национальная гордость проявлялась особенно после конституционных реформ 1860—1861 гг. Югославизм, как теория родства южных славян и общности их интересов, оставлял место хорватскому национальному сознанию и хорватскому национальному процессу. Но такая возможность была и у сербов.

У хорватов-кайкавцев еще оставалось много провинциального — среди мелкой буржуазии и крестьян. Сохранился и славонский патриотизм — результат длительной изоляции от Хорватии и иной социальной структуры (хорваты для славонцев лишь «братья»). Различие в экономических интересах способствовало тому же. Б. Шулек в 1852 г. доказывал, что «славонец», «далматинец», «дубровчанин» — «политические наименования, результат проведения границ, но не этнические, и поэтому все они — хорваты» [12].

Борьбу В. С. Караджича за развитие народного языка и письменности, против славяносербской традиции, деятели иллиризма наблюдали с симпатией. Шулек восхищался его заслугами перед сербским народом и языком. Ведь Караджичу пришлось противостоять православной иерархии и связанной с ней интеллигенции, богатой сербской колонии в Пеште, «Матице сербской», а также властям Сербского княжества. Идея, что штокавщина и есть сербский язык, подтолкнула некоторых воеводинских авторов до Караджича призвать хорватов отказаться от иллиризма и принять сербский этноним. Многие бывшие иллиры распространяли книги Караджича. И. Кукулевич в 1850 г. предложил избрать Караджича почетным членом Общества югославянской истории. Публично Караджич

выступил против хорватского этнонима в 1849 г., когда этот этноним стал распространяться вместе с хорватским национальным самосознанием. Это было время, когда языковая реформа Караджича («пиши, как говоришь») все более утверждалась в сербской литературе. Но до ее победы оставалось 20 лет.

В своем «Ковчежиче» (1849 г.) Караджич причислил кайкавцев к словенцам, штокавцев — к «сербам римского закона», оставив хорнатам исчезающий чакавский диалект. Он надеялся, что, несмотря на трудности, католики постепенно «привыкнут» к тому, что они сербы.

Ситуация осложнялась тем, что ведущие авторитеты тогдашней славистики поддерживали Караджича (Я. Коллар, Е. Копитар, П. Й. Шафарик, Ф. Миклошич). Но П. И. Шафарик пересмотрел свои прежние взгляды и убедился, что этноним «хорват» выходит за пределы кайкавского диалекта. Вопреки «теории» многие штокавцы называли себя хорватами! В 1852 г. в новосадском «Сербском дневнике» Д. Медаковича промелькнула фраза, что хорваты пишут по-сербски. В ответ Старчевич в официальных «Народных новинах» заявил, что вообще не знает никакого сербского языка... Старчевич подчеркнул достоинства хорватов и, не стесняясь в выражениях, отрицал существование сербов. Закипела перебранка... Сербь вспомнили о царе Душане и «сербской республике Дубровник». В ответ Старчевич сформулировал основные элементы своей великохорватской идеологии (нельзя было упоминать лишь требование независимости). Хорваты — государствовосозидающий храбрый народ, а сербы — «нищее простонародье», серб — от *servus*... И т. д. и т. п. Старейшее глаголическое письмо возникло в Далмации. Сербь и словенцы, в самом деле, хорваты. В подробном ответе Старчевичу сербский писатель Й. Суботич провозгласил сербами далматинских хорватов, далматинских и славонских литераторов. Наиболее полное опровержение тезисов, отрицавших хорватскую нацию, дал Б. Шулек, причем в спокойном, уважительном к сербам тоне [12]. Но в ответ на «сербов трех вер» он писал, что есть и «хорваты трех вер». Этнонимы народов-близнецов должны быть равноправны, писал он. Полемика о языках вспыхивала и в 60-х годах.

После 1848 г. попечительство над католическими начальными («тривиальными») школами было поручено епископам, но все расходы покрывались местными властями. Главное было в связи религиозного воспитания с практическими знаниями. В 1855 г. империя заключила конкордат с Ватиканом, и система начала работать. Книги для чтения были напечатаны двумя алфавитами. Школ не хватало, и посещались они плохо. Детям надо было пасти скот или работать в поле. Ремонтировать школы обедневшие общины не могли. Часто учебники по содержанию не годились для православных.

В городах были «главные» (трехлетние, потом четырехлетние) школы. Здесь учили лучше, так как эти школы давали право поступать в гимна-

зии. В Хорватии и Славонии в 1857 г. существовали три трехгодичных «реальных» училища. В 1859 г. в Загребе появилось шестигодичное «высшее реальное». На Военной границе было два реальных училища. В 1857/1860 гг. загребскую низшую «реалку» оканчивали примерно по два десятка учеников. Более быстро развивались в Загребе частные школы. С 1844 г. в Вараждине появилась торговая школа. За 10 лет ее окончили 742 ученика, из них «хорватов и славонцев» — 585. Характерно стремление выработать хорватскую торговую терминологию (для ведения книг). В целом примерно 30% детей посещало школы. Богатые купцы считали патристическим долгом помогать учителям (например, выписывать для них газеты).

Гимназий в Провинциале в 1848 г. было шесть (шестиклассных), из них четыре — францисканских. Преподавание велось по-латыни, а венгерский язык был обязательным предметом. Но с 1854 г. уже проявилась тенденция германизации гимназий. С 1854 г. немецкий язык вводился как язык преподавания с 4-го класса.

При Марии Терезии австрийские университеты потеряли самоуправление и стали готовить чиновников и священников. В 1848 г. была провозглашена свобода учения в университетах. Министр просвещения в 50-х годах граф Лев Тун стремился превратить университет в научное учреждение в католическом смысле, но без контроля со стороны церкви. Гегель и Кант были исключены. Основу права Тун видел в истории, в традиции. Для преподавания предметов (математика, естественные науки), не связанных с католическим учением, могли привлекаться не католики. Но историю — оправдание католического взгляда на прошлое империи — должны были преподавать католики. Реформа Туна обеспечила высокий научный уровень: преподаватели гимназий должны были пройти трехгодичный курс подготовки. В 50-е годы появилось первое поколение хорватской преподавательской элиты.

В 1855 г. загребская гимназия указом императора стала гимназией первого разряда: гимназия была объединена с 2-годичным курсом «философии» Загребской академии.

Число гимназистов в гражданской Хорватии [1]

Год	Человек
1854	775
1855	805
1856	871
1857	991
1858	1028
1859	1046
1860	1082

Была перестроена и Королевская академия наук. Ранее философию преподавали священники, теперь либеральное Банское вече (1849—1850 гг.) стремилось получить преподавателей в либеральном духе XIX в. Но так как философия была перенесена в гимназии, академия (они, кроме Загреба, имелись в Трансильвании и Венгрии) с 1850 г. стала «юридической» (Pravoslovna). Кроме того, молодежь учила право в Вене, Праге, Граце и Пеште. С 1855 г. в академии преподавание было переведено на немецкий язык. В 1860 г. некоторые предметы были переведены на родной язык, а с 1861 г. инструкцией Придворного дикастерия (где действовали хорваты) — все преподавание.

Германизации гимназий абсолютизм придавал особое значение якобы ввиду богатства немецкой литературы. С почтением отзывались также об итальянском языке. Только эти языки якобы годятся для изучения наук. Империя имеет миссию продвижения культуры на Восток и, кроме того, должна быть мощной и единой — для этого нужен немецкий язык. Кроме того, империя — ведущая сила в Германии. Своей политикой власти затруднили процесс развития языка у разных народов, но германизации не достигли. Наоборот, они встретили ожесточенный отпор.

В Хорватии в 1849—1850 гг. «иллирский» язык был исключительным языком преподавания. Но с 1851 г. немецкий язык стал обязательным предметом в школах Хорватии, как и в судах и администрации. Елачич возражал против германизации: он согласился с изучением немецкого, но был против преподавания на нем, ибо ученики его не знали (в гимназиях в 1851 г. было 810 южных славян и 19 прочих). Всякий образованный «хорват и славонец» желает знать немецкий, полагал Елачич, но насилем этого не достичь, ибо еще жива память о мадьяризации, «болезненно оскорблявшей самые чувствительные проявления народности». Действительно, иллиризм, боровшийся с мадьяризацией, способствовал формированию в Хорватии атмосферы *непримиримости к попыткам подавления родного языка*. Австрийские власти не придумали ничего лучшего, как повторить венгерскую попытку ассимиляции хорватов.

Министерство распространило немецкий язык на изучение истории, естествознания, математики, физики. Смысл заключался в том, чтобы воспрепятствовать национальному воспитанию посредством истории, а в остальном власти ссылались на отсутствие терминологии. В 1854 г. в высшие гимназии был введен немецкий как «преимущественно» язык преподавания в старших классах. На хорватском преподавали только хорватский язык и Закон Божий, а ранее он был исключительным языком обучения. С 1855 г. немецкий был введен в 3—4 классах. Затем загребская гимназия была разделена на немецкую и «хорватско-иллирскую». То же произведено в Осиеке. Но осенью 1860 г. хорватский язык снова был введен в гимназии (на этот раз навсегда), и тогда выяснилось, что и в главных школах хорваты не знали падежей и времен. В сущности, нормаль-

ное обучение было сорвано, так как гимназии стали местом изучения немецкого языка. Родной язык учили всего 2 часа в неделю.

С лета 1859 г. стало ясно, что крах неабсолютизма неминуем, и постепенно стала смягчаться «тотальная» германизация. Указ 1854 г. о гимназиях был отменен. В 1859–1860 гг. немецкие преподаватели были уволены один за другим.*

Этот раздел можно завершить небольшой таблицей.

Число начальных школ и учащихся в гражданской Хорватии в 1851–1872 гг. (то есть до школьной реформы 1874 г.) [13]

Год	Число школ	Число учащихся	% от числа молодежи школьного возраста	Число учителей
1851	229	16440	29,6	265
1854	288	21165	48,8	319
1859	391	34682	44,6	—
1863	517	36390	44,4	686
1871–1872	595	46340	55,0	835

Неоабсолютизм и экономическая политика 60-х и последующих лет, безудержный рост налогов (объективно до 90-х годов XIX в. приводившие к подавлению национального производства, оскудению многих помещиков, ускоренному разорению крестьян и т. д.) создали устойчивый комплекс антиавстрийских настроений. Недоверие к Габсбургам стало постоянным фактором хорватской политики 60–80-х годов, вплоть до того периода, когда сформировавшаяся аграрная буржуазия оказалась заинтересованной в тесных связях с Австрией.

Шестидесятые годы XIX в. — пора, исключительно богатая событиями плана международного и внутрихорватского. Это время зрелой национальной идеологии (югославистской и великохорватской) и еще незрелого национального движения (в нем участвовала только часть интеллигенции, светской и духовной, а также учащейся молодежи, отдельные представители купечества). Лидеры народняков жаловались, что основные слои общества в движении не участвуют. Наиболее примечательным явлением был отход хорватского дворянства на второй план политической жизни.

* Данные о периоде неабсолютизма 50-х годов XIX в. взяты преимущественно из уникального по тематическому охвату исследования проф. М. Гросс [1]. Имеется литература о борьбе крестьянства за землю, об экономических проблемах в период неабсолютизма, о взглядах Э. Кватерника и А. Старчевича. Однако процесс распространения этнонима «хорват» в этот период почти не был изучен.

Дворянство ориентировалось на Венгрию и после 1867 г. само никаких инициатив в области политики не проявляло до конца века, когда усилился процесс сближения дворян с буржуазией. Быстрое расширение рядов национального движения относится к концу XIX — началу XX в., когда в движение втянулось крестьянство.

Одним из важнейших внешних условий национального движения хорватов было завершение промышленного переворота в Германии, возникновение Германской империи, австрийская и германская экономическая экспансия на юго-востоке Европы, подготовка политической и военной экспансии. Освободительная борьба народов Польши, Италии, Венгрии влияла на воззрения национальных деятелей в Австрийской империи. В 1877—1878 гг. русско-турецкая война и освобождение Болгарии сказались на национальной идеологии хорватов. Затем примерно до середины 90-х годов движение переживало спад, сменившийся подъемом вплоть до войны 1914 г.

В 1857 г. Хорватия и Славония насчитывали 865,9 тыс. человек, в 1869 г. — 1 168 тысяч. Хорвато-славонская Военная граница — соответственно 674,9 и 696 тыс. человек. Весь этот комплекс в 1869 г. — 1,8 млн человек [14, 15]. Из них в Хорватии и Славонии католики составляли около 83 %, православные более 15 %, на Военной границе — соответственно 49,3 % [там же]. В Далмации проживало 457 тыс. человек (1869 г.), из них католиков более 82 %, православных (сербов) — около 18 %. Примерно 3 % католиков составляли итальянцы и славяне — итальянизированные горожане. Тогда же население Истрии насчитывало 254,9 тыс. человек, из них южных славян 69 % (словенцев — 12 %, остальные почти все хорваты), итальянцев — 30 % [15].*

Положение Хорватии и Славонии на пороге Балканского полуострова придавало им особый политический вес. Кроме того, «без Хорватии и Далмации, от которых зависит сохранение флота и выход на морской простор, нет Австрийской империи», — отмечал русский дипломат в 1867 г. [АВПРИ. фонд Канцелярии, д. 163, т. 2, л. 450. Вена]. Австрийский генштаб планировал захват Боснии (с Герцеговиной) с целью обеспечения тыла приморских крепостей, экспансии к Эгейскому морю и пресечения возможности создания югославянского государства.

В 1859 г. монархия Габсбургов потерпела военное поражение от Франции и Пьемонта, что в условиях финансового краха положило конец режиму неодабсолютизма. Начался период конституционных маневров (1860—1866), что позволило активно выступить национальным движением, в том числе хорватскому. Условием его подъема была общественно-

* Австрийская статистика учитывала вероисповедание и разговорный язык, что приводило к ошибкам. Так, в Далмации свободно говорили по-итальянски в городах 50 тыс. чел., что составляло более 10 %.

экономическая обстановка в Хорватии. В центральных областях империи в третьей четверти XIX в. были созданы прочные основы промышленного развития. Например, в империи мощность паровых машин с 1852 по 1863 г. возросла с 8,4 тыс. л. с. до 44,4 тыс. л. с. Уже в 1851 г. была устранена таможенная граница, отделявшая западные земли империи от Венгерского королевства и Хорватии. Австро-немецкая буржуазия господствовала на имперском рынке, и это во многом определяло экономическое развитие земель государства. Быстрый подъем переживали Чехия и Моравия, район Буды и Пешта, отдельные очаги Трансильвании. Остальные земли сильно отставали.

Полуфеодальные отношения в Хорватии (издольная аренда, отработки) вызывали массовые протесты крестьян. Крестьяне отказывались платить помещикам за пользование лесом. Разорение деревни, связанное с невиданным ранее ростом налогов, сегрегацией земель, изгнанием крестьян из помещичьих лесов, венгерской конкуренцией на рынке зерна и т. п., вызывало бурные протесты крестьян. Случалось, они заканчивались стрельбой в крестьян, у которых описывалось имущество. Кандалы, каторга, расстрелы — так отвечало правительство на социальный протест крестьян в 60-х годах. Множество людей годами без суда содержалось в тюрьмах (Korespondencija, I)

В ведущей отрасли экономики — торговле была занята основная группировка буржуазии (в 1857 г. — 1800 торговцев). Наибольшее значение имела экспортно-импортная торговля и транзит. В вывозе леса участвовал французский и германский капитал. В начале 60-х годов оборот Сисака, крупнейшего речного порта Хорватии, составлял более 30 млн форинтов в год [17, 7]. Вывозились лес, хлеб, кожа, табак, шерсть, мед, воск, сало, вино, сушеная слива и др. В Славонии (Осиеке, Земуне, Вуковаре) устраивались ярмарки — центры торговли с Османской империей, оптовики — хорваты, сербы, немцы и венгры — посредничали между Балканами и огромным рынком Пешта [8]. Особый интерес хорватское купечество проявляло к торговле с Боснией на юге и с Крайной (Словенией, Австрией) на северо-западе. Торговые связи главных хорватских городов — Загреба, Сисака, Вараждина, Карловаца и др. протягивались в соседние провинции империи и за границу.

Вместе с тем издавна осуществлялся обмен между Хорватией, Военной границей и Боснией, а также Далмацией, Боснией и Черногорией, между Славонией и Сербией, Южной Венгрией. Связи облегчались одним (или очень близким) языком. Но связи между отдельными хорватскими землями — Хорватией и Далмацией — были невелики.

Хорватию связала с Веной и крупнейшим портом Триестом железная дорога Штейнбрук (на австрийской границе) — Загреб — Сисак (1862 г.). Хорваты добивались дороги Земун—Риека [17], но, как отмечалось, Вена исходила из своих интересов. В 1861—1865 гг. эти *политические* интересы

состояли в том, чтобы добиться участия хорватов в работе рейхсрата, то есть признания централизованного устройства империи. «Вопрос о построении железной дороги из Фиуме в Землин (Земун. — В. Ф.) — наитрепещущий для Хорватии. Население с нетерпением ожидает построения дороги, которая может поднять и промышленность, и торговлю, пришедшие в полный застой», но правительство указывает, что все хозяйственные проблемы могут быть решены лишь рейхсратом [АВПРИ Г. А. V A., д. 1019, л. 27; д. 1017, л. 45. 1863—1864. Фиуме].

Железная дорога от Вены до Сисака нанесла смертельный удар традиционным связям по рекам, извозному промыслу, лишила заработка тысячи крестьян-отходников, разорила строителей барж, мелких торговцев. Объем перевозок от Карловаца к морю упал в 10 раз. Один из владельцев мелкой мануфактуры (мастерской) жаловался, что «после того как наше отечество было облагодетельствовано железной дорогой», его предприятие пришло в упадок. Да и традиционные изделия стали терять сбыт. Загребские магазины были завалены разнообразными венскими и иностранными изделиями [18].

Рынок и местное производство стояли перед задачей коренных изменений; старое исчезало, а пути новому преграждали большие препятствия. Развивались лишь те отрасли промышленности, которые приспособлялись к международному, прежде всего имперскому рынку: лесопиление, мукомольное дело, выделка кож и пр.

В 1869 г. в обрабатывающей промышленности Хорватии было занято 35 тыс. человек, на Военной границе — 3,7 тысячи; все промышленное население составляло 100 тыс. человек (в Провинциале — 7%, на Границе около 3%). Разложение цехового ремесла завершилось; регламентация производства была отменена патентом императора в 1859 г. (остатки его были устранены в 1872 г., когда венгерский парламент установил свободу предпринимательства). Но в условиях многонациональной империи промышленный прогресс приводил к обострению национальных конфликтов.

С 1852 по 1863 г. численность паровых машин в Хорватии и Славонии возросла с 4 (43 л. с.) до 27 (551 л. с.). В 1868 г. мощность паровых двигателей составила 2470 л. с. Но в промышленности Чехии в 1863 г. имелось 933 паровых двигателя (13755 л. с.). В этих условиях существование предприятий было неустойчивым, целый ряд инициатив закончился неудачей. Города росли медленно, в 1869 г. все городское население составило 85 тыс. человек. Загреб насчитывал в 1850 г. 14,3 тыс. населения, в 1869 — 19,9 тысяч. В 1857 г. здесь имелось более 1000 «фабрикантов», т. е. ремесленников, и 521 наемный работник [14]. Итак, хорватская национальная буржуазия в основном была занята торговлей, ростовщичеством, спекуляцией землей. Последнее ее сближало с землевладельцами и ставило во враждебные отношения с крестьянской массой. Помещики широко занимались торговлей и втягивались в банковское дело и, наконец, в про-

мышленность. В Славонии в городах господствовали инациональные предприниматели.

В целом национальная буржуазия объективно стояла перед задачей защиты своих интересов, а мелкая буржуазия негодовала по поводу политики австрийского государства.

Само это государство в конце 50-х годов встречалось со все большей оппозицией в Венгерском королевстве и Хорватии; сбор налогов «встречает в Венгрии затруднения, поддерживаемые народом с непреодолимым чувством единогласия» [РГВИА, ф. 428, д. 83, л. 3, Вена, 1860 г.]. Мелкое дворянство, весьма многочисленное в Венгрии, негодовало. Восстановление законов 1848 г. стало главным его требованием.

Когда недовольство открыто проявилось среди венских аристократов и буржуазии, Франц Иосиф после поражения в войне устранил министра А. Баха (июль 1859) и назначил канцлером польского магната А. Голуховского (август 1859). Все ждали изменения политического порядка. В мае 1860 г. император созвал совещательный имперский совет (рейхсрат). Он был «усилен» (официальная формулировка) назначенными Францем Иосифом представителями земель. От Хорватии был приглашен тайный советник епископ Штросмайер, от Славонии — крупный купец и предприниматель Амброз Враницани, от Далмации — граф Борелли, крупнейший землевладелец этой коронной земли. Венгерские аристократы сразу заявили, что право представительства Венгрии принадлежит лишь ее государственному собранию. Венгры, чехи, поляки и хорваты просили восстановить их представительные собрания (у других народов, не имевших дворянства, таких сеймов не было). Представители земель, вслед за венграми, выступили за некоторую децентрализацию управления, за автономию «историко-политических индивидуальностей», то есть образований, имевших определенные права в феодальную эпоху. Штросмайер поднял вопрос о Далмации. Однако представитель Далмации Борелли заявил, что вопрос об объединении ставить рано. Австро-немецкая либеральная буржуазия проповедовала централизованное устройство и добивалась созыва общеимперского учреждения, которое бы высказалось по этому поводу [АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 192, л. 25–254, Вена, 1861 г.]. Венгерское дворянство стремилось к централизму в пределах своего королевства, отрицало политические права народов, кроме хорватов в Хорватии и Славонии. В Хорватии возмущение абсолютизмом вызвало симпатии к Венгрии. Рейхсрат рекомендовал императору ввести автономию земель, уважать национальные языки. «Терпимость» к национальностям упрочит положение династии...

Весной 1860 г. правительство ликвидировало раздробленность Венгрии. Вскоре в состав королевства были возвращены Воеводина и Меджумурье (населенная хорватами область между Дравой и Мурой и присоединенная к Хорватии в 1848 г.). Вне Венгерского королевства еще оставались

Хорватия и Трансильвания. Но двор полагал, что сделанные уступки достаточны для переговоров с Венгрией, удовлетворение которой, как самой большой оппозиционной силы, считалось настоящей задачей.

Политика Вены вызвала возмущение хорватов и сербов. Лидер складывающейся сербской Национально-свободомыслящей партии Светозар Милетич призвал сербский народ никогда больше не поддерживать правящие круги империи: ведь сербы надеялись на создание автономной Воеводины [19]. В дальнейшем милетичевцы выступали за ослабление связей Венгрии с Австрией, за защиту «аграрных областей» империи от венского капитала.

Из Хорватии бежали деятели абсолютистского режима, в общественную жизнь стихийно вернулся хорватский язык. В театре освистали немецкую труппу. Раздавались лозунги в честь Кошута и Гарибальди. И. С. Аксаков, побывавший в Хорватии летом 1860 г., писал: «Ненависть к Австрии /здесь/ сильнее, чем когда-либо...» [20]. Объединение Италии (1859 г.) всколыхнуло хорватов. В Гарибальди видели подлинного героя. Среди радикальных кругов распространились надежды на Наполеона III с его «принципом национальности» [20].

Придворные круги были вынуждены пойти на реформу. 20.10.1860 г. Франц Иосиф издал «Октябрьский диплом», в котором обещал вводить законы только «при содействии» сеймов земель и рейхсрата. Законы, касающиеся всей империи (из области финансов, торговли, транспорта, армии и др.), должны были издаваться «при участии» рейхсрата. Налоги, займы возможны «с согласия рейхсрата». Остальные дела — сфера земельных сеймов (их статус определялся императором), законодательных органов Венгрии и Хорватии. Подтверждалась отмена сословной исключительности дворянства.

В литературе встречается мнение, что диплом ввел в Австрийской империи федерализм. В действительности сохранилось консервативное централистское устройство при весьма ограниченной автономии земель.

Австронемецкая буржуазия была недовольна статусом земельных сеймов, где преобладали дворяне и духовенство, и тем, что их привилегии были отменены не полностью. Либералы же Хорватии торжествовали: Вена признала независимое от Венгрии положение Хорватии. Жители Карловаца в знак торжества по древнему обычаю изжарили на вертеле вола.

В ноябре 1860 г. новый бан генерал Шокчевич (Елачич умер в 1859 г.) пригласил на совещание («банскую конференцию») ряд влиятельных лиц. В петиции Францу Иосифу они просили признать хорватский язык официальным и учредить Хорватско-славонскую придворную канцелярию (по делам управления, суда и просвещения), восстановить жупанийское управление, присоединить Далмацию.

Франц Иосиф вскоре издал указ о хорватско-славонском «дикастерии» (отделе) в Вене во главе с Иваном Мажураничем, крупным чиновником и поэтом времен иллиризма, сочувствовавшим либеральным реформам. «Дикастерий» был центральной властью по хорватским делам; эти дела должны были вестись на родном языке. Отныне хорватский язык (теперь уже навсегда) был признан официальным. В январе 1861 г. восстановлена система жупаний во главе с бывшими иллирами (И. Кукулевич и др.), а также бывшими мадьяронами. Великим жупаном стал И. Штросмайер.

Судьбу Далмации Франц Иосиф лицемерно предложил решить путем переговоров представителей Далмации и Хорватии. Было известно, что Национальная партия (Далмации), начавшая формироваться лишь в 1860 г., отстаивавшая применение родного языка наряду с итальянским, стремится к соединению с Хорватией. Но она еще была слабой и уступала по влиянию итальянизированным кругам, так называемым «автономистам» — сторонникам автономии Далмации в составе Австрии. Автономисты признавали, что Далмация — славянская страна, но не считали ее хорватской. Народняков поддерживали часть хорватской и сербской интеллигенции, низшее духовенство, небогатая часть буржуазии. Автономистов — патриции (знать городов) — землевладельцы и верхи торговой буржуазии. В их среде ощущалось влияние итальянского национального движения.

По уставу, разработанному в Вене, сельская масса Далмации — почти 90% населения, посылала меньше депутатов в сабор провинции, чем курии крупных налогоплательщиков и горожан. В 1861 г. народняки получили 14 мест, автономисты — 27. Сабор отказался вести переговоры с Загребом. На это и рассчитывали в Вене. Вопрос о воссоединении пришлось отложить. Перед народняками встала задача отвоевать у автономистов влияние на горожан, так как масса крестьян находилась под влиянием францисканцев, созначала, что говорит по-«рвацки», и была готова поддержать воссоединение. А чтобы завоевать города, надо было развернуть здесь национальную пропаганду. Средство для этого далматинские народняки видели в организации газеты.

В Хорватии в это время началась борьба за расширение автономии.

Кватерник, находясь в Вене, подружился с русским посланником В. П. Балабиным (в своем дневнике Кватерник называет его «другом»). Балабин поддержал его идею поездки на Запад: «Кватерник, — докладывал Балабин 4.05.1859 г. Е. П. Ковалевскому, начальнику департамента Министерства иностранных дел России, — изъявил мне намерение отправиться в Париж и там напечатать брошюру о кроатах и их народном начале. Зная, что во Франции, да отчасти и у нас, на кроатов смотрят исключительно как на доблестных солдат Радецкого (имеется в виду участие граничар в войне против Италии в 1848–1849 гг. — В. Ф.), я не мог не одобрить его намерений и снабдил его на это некоторыми указаниями»

[АВПРИ, Г. А. Политич. отдел. 1859, д. 4, л. 3]. Деятельностью Кватерника заинтересовался Л. Кошут [21]. Позднее Кватерник считал своей заслугой, что в Италии впервые упоминали хорватов без проклятий, хотя еще недавно итальянцы вели себя так, словно война (1848 и 1859 гг. — В. Ф.) шла «не с Австрией, а с хорватами» [29].

В 1859 г. в Париже Кватерник анонимно издал книжку в защиту полной свободы Хорватии [22]. *Это — первое публичное выступление будущих основателей «партии права» — хорватских радикалов.* На средства Штротмайера Кватерник в Загребе издал две брошюры, в которых обосновывал идею национального суверенитета хорватов — в основном против претензий Венгрии.

А. Старчевич, тогда нотариус Риекской жупании, в «Петициях» жупании призывал к созыву полновластного сабора и провозглашению «священных принципов» *свободы личности, слова, печати, союзов, избранию чиновников, установлению Хорватией (самостоятельно!) отношений с другими странами* [23]. Как видим, А. Старчевич наряду с национально-радикальными отстаивал демократические принципы [24].

Псевдофедералистский шаг правительства — Октябрьский диплом 1860 г. — вызвал лишь активизацию всех оппозиционных сил. Крупнейшей из них была австро-немецкая буржуазия, отстаивавшая централизм и либерализм. В борьбе за гегемонию в Германии она была опорой Габсбургов.

В связи со всем этим в феврале 1861 г. был издан «патент» — конституция, изданная без «участия» земель империи. Дело реформ было поручено государственному министру А. Шмерлингу, убежденному централисту и стороннику постепенных либеральных перемен. Намечалось создание двухпалатного рейхсрата: нижняя палата — представители сеймов земель, верхняя — члены царствующего дома, аристократы, высшие представители церкви. Куриальная система и имущественный ценз ставили австрийских немцев в господствующее положение. Компетенция рейхсрата в основном ограничивалась бюджетом, но императору и здесь принадлежала решающая власть. Он назначал председателей палат и главу правительства. Парламентской ответственности правительства не было.

Рейхсрат мог быть «узким» (только австрийские дела) и «расширенным» (дела всей империи). В Венгрии и Хорватии «патент» встретили с негодованием, демонстрациями и беспорядками. Венгрия ни в коем случае не собиралась посылать делегатов в общеимперский парламент, Хорватия тоже. Государственное собрание отказывалось провести коронацию Франца Иосифа (в 1849 г. было не до коронации) до восстановления венгерских законов о суверенитете 1848 г. Собрание было распущено. Но венгерские либералы, в отличие от эмигранта Кошута, стремились найти путь к соглашению с короной. Одновременно они давали обещания хорватам поддержать их автономию и дело объединения с Далмацией и Военной

границей. От хорватов требовали одного — восстановления политического союза с Венгрией. Для венгерских помещиков очень важно было восстановить связи с Балканами и морем — через Хорватию. Государственное собрание 1861 г. потребовало возвращения Хорватии в состав земель венгерской короны.

За восстановление унии в Венгрии во что бы то ни стало выступали малоимущее дворянство и часть буржуазии. Либеральная газета, орган народняков «Пóзор» («Внимание» или «Бдительность»), определяла унионистов как «карликовую партию наших денационализированных графов и баронов». Но их поддержало среднее дворянство, до 1848 г. — иллирийское. Оно считало, что под сенью венгерских магнатов удастся решить свои тяжкие проблемы, магнаты же отказались от наскоков на «муниципальные права»... Но имелись и умеренные унионисты, требовавшие расширения автономии. Это — буржуазно-дворянское крыло унионистов.

В начале 60-х годов унионисты создали *Национально-конституционную партию*. Большинство ее защищало единый венгеро-хорватский бюджет, единое законодательство и управление в областях финансов, торговли, военной. Унионисты считали, что единство с Венгрией спасет Хорватию от германского и от славянского «моря». Наконец, провенгерские настроения в Хорватии были шире унионистских: в национальном движении преобладала идея равноправного союза с Венгрией.

В 1861—1865 гг. Габсбурги пытались сохранить централистский режим. 15 апреля 1861 г. открылся сабор Хорватии. В его устройстве сохранились остатки сословности. В городах право голоса получили владельцы недвижимости, чиновники, лица с высшим образованием. В селах действовала двухступенная система. Голосовали только главы семей, они избирали выборщиков. Церковь посылала своих представителей. Высшие чиновники и магнаты сохранили личное представительство (вирилисты), 120 депутатов избиралось, а вирилистов было около 90. Преобладала национально-либеральная партия — представители в основном зажиточной буржуазной интеллигенции, части духовенства.

В своем рескрипте Франц Иосиф требовал избрать 9 депутатов в рейхсрат и послать представителей на коронацию. Хотя в саборе раздавалось много громких слов против абсолютизма, сабор признал абсолютистское аграрное законодательство 50-х годов. Либералы призывали ускорить ликвидацию горницы, регальные права и т. п. остатки прошлого. Но сабор признал возможным лишь факультативный выкуп привилегий помещиков, то есть оставил их нетронутыми. Во внутривнутриполитических вопросах сабор был весьма умеренным. В числе важных актов сабора 1861 г. были решения об основании Югославянской академии наук и искусств и Загребского университета (открыты в 1866—1867 и 1874 гг.).* Штресмайер

* Краткие сведения о развитии университета см. в конце главы.

был инициатором этого проекта и сразу внес 50 тысяч форинтов в фонд строительства здания академии.

По просьбе депутатов на сабор были допущены представители Военной границы для обсуждения государственно-правовых проблем (были избраны и простые солдаты).

Центральным оказался вопрос об отношениях с Венгрией. Политический комитет предложил вступить в переговоры с Венгрией при условии признания Венгрией территориальной целостности Хорватии, ее полного равноправия и признания, что в 1848 г. связи между странами были полностью прерваны. Было оговорено, что администрация, суд, просвещение, церковные дела в любом случае останутся в ведении хорватов, т. е. не могут быть предметом переговоров. Автором проекта был начальник дикастерия И. Мажуранич. То есть проект отражал позицию двора. Было ясно, что Венгрия отклонит проект ввиду пункта о территориальной целостности — продолжался конфликт из-за Риеки и Меджумурья, занятых хорватскими войсками в 1848 г. Но народняки, близкие к Мажураничу, говорили об опасности австро-венгерского соглашения, что положило бы конец возможности какого-либо лавирования... Народняки стремились расширить права Хорватии, но группа Мажуранича не желала хорвато-венгерского сближения ввиду оппозиционности Венгрии всему плану создания централизованной империи. Унионисты (граф Ю. Янкович и др.) предложили вступить в переговоры с Венгрией без всяких условий. Партия права (праваша) в лице двух ее основателей доказывала, что «наш заклятый враг» (австрийцы) хочет рассорить народы «своими указами», а хорватам и венграм надо добиваться полной национальной свободы.

Большинство сабора поддержало проект комитета, и Франц Иосиф его утвердил («статья 42»), зная, что он делает хорвато-венгерское соглашение невозможным. Но, главное, сабор (как и венгерское собрание) категорически отказался послать делегатов в рейхсрат в Вену, считая, что централизм равносителен бесправию и безбрежному фискальному гнету. 5.08.1861 г. большинство сабора отказалось даже обсуждать вопрос об «общих делах» с Австрией (в этот сабор пошел дальше венгров). Это был жест негодования... Старчевич, однако, съездив, что голосование 5.08.1861 г. имело большее значение, чем битва при Сольферино, так как хорваты перестали быть орудием Австрии [24].*

Очень важна была позиция граничар. Венские власти допустили их в сабор, рассчитывая, что «всегда верные» граничары поддержат правительство. Граничары же говорили о «голодной и босой» Границе, о производе начальства и потребовали демилитаризовать и присоединить Границу к

* В сражениях при Сольферино, Мадженте и Монтебелло франко-пьемонтские войска разгромили австрийскую армию (1859).

Хорватии, обеспечив населению все гражданские права. За это они были отправлены домой [25].

После 1848 г. политическая обстановка в Границе изменялась. О зарождении интеллигенции уже говорилось. Рост личных деловых связей с Хорватией был неизбежным. Интересно, что число учащихся Загребской академии, выходцев из Границы, в 1790–1830 гг. вдвое превысило число выходцев из Славонии [26]. Поэтому понятно влияние на Границе иллиризма. Утверждались национальные и либеральные идеи. Воспринимались веяния из Сербии, Хорватии, Балкан. Интерес граничар к движению южных славян особенно беспокоил власти. Русский наблюдатель сообщал в 1863 г.: «Высшие военные власти суть все немецкие, если заподозрят граничарского офицера в чтении славянской газеты, вносят его имя в лист лиц ненадежных, если в регламенте двое-трое начальников — сербы (здесь могли подразумеваться и хорваты. — В. Ф.), то рассортировывают их по разным полкам» [АВПРИ Г. А. V А., д. 1016, л. 17. 1863]. Военный режим стал невыносимым.

Разочарование результатами войны 1848–1849 гг. сказалось на боеспособности граничар, другой причиной нежелания находиться всю жизнь «в казарме» была нищета Границы после ликвидации феодализма в империи. При Сольферино «кроаты» дрались «за императора» неохотно и, случалось, покидали позиции [РГВИА, ф. 428, д. 86, л. 34]. Граница стала ненадежной для монархии [27]. Для Венгрии же она оставалась потенциальной угрозой со стороны абсолютистских сил.

12.11.1861 г. сабор был распущен. «Тяжко было отеческому сердцу убедиться», что сабор ступил на «бесплодное поле», писал император. Внешнеполитическая обстановка была спокойной, поэтому правящие круги в связи со строптивостью венгров и хорватов заявляли, что можно и подождать. Налоги повышались, жандармы расправлялись с недоимщиками — все было нормально. Но жупании, как и комитаты в Венгрии, пытались сорвать сбор налога. В 1861 г. с поста жупана ушел Штросмайер. Но кроме палки у правительства был и пряник: в начале 1862 г. дикастерий был заменен на придворную канцелярию, по статусу равную венгерской. Учрежден «стол семерых» — верховный хорватский суд. Были собраны данные о потребности страны в железных дорогах... Двор не расставался с мыслью привлечь Хорватию в рейхсрат. В 1864 г. в Загребе была организована народнохозяйственная выставка, она показала сдвиги, особенно во внешней торговле, после 1848 г. Но и на выставке имели место «демонстрации против местных высших чинов... Злобные и пакостные выходки» [28].

В конце 1863 г. Иван Мажурич и Шмерлинг создали «Самостоятельную национальную партию», выступившую за сотрудничество с режимом. В основном это были чиновники, поддержанные частью купечества (А. Врайцани и др.), отдельными магнатами, кардиналом Хауликом. Наряду

с консерваторами в партии были либералы (И. Кукулевич). Их газета «Домбран» выступала за свободу предпринимательства. Но самосталцы остались относительно небольшой группой. Они заявляли, что верность правительству — условие решения национальных задач, выдвинули требование равноправия с Венгрией. Верность Австрии — залог «народности, автономии» и т. д. Надо держаться позиции 1848 г. Главное — самостоятельность, независимость от Венгрии, участие в рейхсрате — иначе возможен сговор Австрии и Венгрии против славян. Как видим, в чем-то они проявили прозорливость. Не чужд им был югославизм — возможность создания южнославянского государства при распаде Австрии. Но основная их идея — австрославизм, федерация славян в Австрии. Чиновники Мажуранича участвовали в антинемецких манифестациях.

Но уже весной 1865 г. император и его окружение убедились в необходимости компромисса с Венгрией. Венгерское дворянство отказалось от идей Кошута. В июне 1865 г. Франц Иосиф посетил Пешт. Трансильвания была вновь включена в состав королевства. Итак, венграм вернули все отторгнутое от нее в 1849—1850 гг., кроме Хорватии. В июле 1865 г. Шмерлинг, а осенью 1865 г. Мажуранич ушли в отставку. Место государственного министра занял консерватор из Моравии Р. Белькреди. Была сделана последняя попытка удержать Венгрию в рамках единого империи. В сентябре 1865 г. был отменен февральский патент 1861 г. Белькреди смягчил политику в Венгрии и Хорватии, восстановил права жупаний. В ноябре 1865 г. вновь стал выходить закрытый при Шмерлинге «Розог». Было указано жандармам вести себя мягче при сборе налогов...

В это время (1863—1865) Кватерник вторично находился в эмиграции, поддерживал связи с итальянскими революционерами, польскими и венгерскими эмигрантами, с чехом Й. В. Фричем — противником Габсбургов. Он ждал новой войны против Австрии и освобождения Хорватии [29, 30]. В Хорватии побывали польские эмиссары с целью выяснить возможность восстания граничар в случае высадки гарибальдийцев.

8 марта 1864 г. Кватерник заключил с революционными эмигрантами договор о совместной деятельности против Австрии. Ввиду активности итальянских ирредентистов, претендовавших на Истрию, Далмацию и «Иллирию», Кватерник обратился с письмом к Гарибальди. Неразумно игнорировать Хорватию... народность, расположенную между Италией и Венгрией... славянскую народность, полную решимости жить собственной национальной жизнью, независимо и суверенно... желающую жить в дружбе и добрососедстве с Италией. Разумно и справедливо, что выдающийся человек, носящий имя „Гарибальди“, не должен игнорировать такую народность». Тем более что за Бреннером и Альпами — наш общий враг и поэтому «нет нам ни отдыха, ни национальной безопасности» [31].

Гарибальди ответил ему из Капреры 8 июня 1864 г. «Его письмо дышало самыми благородными мыслями по отношению к нашему народу».

вспоминал Кватерник. Гарибальди писал, что предал бы веру всей своей жизни, отказавшись от знамени свободы всех народов. «Нельзя смеши-вать янычар коварного деспотизма (имеются в виду граничары, воевавшие в Италии. — В. Ф.), с колыбели предназначенных к военной службе, с простым и мужественным народом, обитающим между Изонцо и Дриной, Нориком и Горицией» [31]. Гарибальдийцы дали обещание: в случае высадки десанта на хорватскую территорию командование десантом будет подчинено хорватским властям...

Но прошла война 1866 г., и мечтам хорватского эмигранта сбыться не удалось. Пруссакки Бисмарка разбили австрийцев при Кёниггреце. Во всей империи ни один народ, кроме части австрийских немцев, не хотел победы Австрии в войне 1866 г., ибо от победы ждали усиления гнета. В Австрии только команды военного флота, состоявшие из далматинцев, дрались с увлечением и нанесли поражение итальянской эскадре. Но далматинцы защищали свою землю... В Хорватии на призыв правительства к добровольцам вступать в армию не отозвался никто. Надежды Габсбургов возглавить объединение Германии провалились. Это было ударом по германизаторским и централистским планам в империи. Но все же империя устояла, и власти нуждались в урегулировании внутривластной обстановки. Франц Иосиф решительно пошел на сближение с Венгрией. Дворянская венгерская группировка Ф. Деака, переговоры с которой велись уже весной 1866 г., была готова к соглашению на основе политического равновесия и внутренней самостоятельности Австрии и Венгрии (дуализм).

Хорватский сабор 1865–1866 гг. на этот раз признал «общие дела» империи. Статья 42 была отодвинута в сторону. Но делегация во главе со Штросмайером, обсуждавшая перспективы отношений с Венгрией, убедилась, что сотрудничества не получается. Венгры не признали хорватов равноправным, но признали «политическим» народом, то есть соглашались на особый статус Хорватии и Славонии в составе Венгерского королевства. Отношения с Австрией, утверждала венгерская сторона, законодательство в общих венгеро-хорватских делах — прерогатива общего (венгеро-хорватского) парламента.

В июле 1866 г. в Вене собрались славянские лидеры — граф А. Голуховский и князь Е. Любомирский от Галиции, Ф. Палацкий и Ф. Ригер от Чехии и от Хорватии — Й. Ю. Штросмайер. Было решено сопротивляться осуществлению австро-венгерского соглашения о дуализме. Был принят федералистский проект Ригера, основанный на «Идее Австрийского государства» (1865 г.) Палацкого: конституционный строй, автономия земель, власть центрального правительства только в сферах, обеспечивающих единство государства (иностранное дело, армия, финансы), рейхсрат, состоящий из групп земель (Венгрия, Галиция, чешские земли,

австро-немецкие земли вместе со словенскими). Хорватия должна была сама договориться с Венгрией о своем статусе. Штротсмайер был полностью разочарован. Канцлер Белькреди, стоявший за этими решениями, опасался конфликта с Венгрией, поэтому для Хорватии не требовали определенного самостоятельного статуса. Участники совещания исходили из исторического права, и хорватское право оказалось недостаточным.

После войны венгерская сторона была не склонна к уступкам хорватам. Поэтому сабор 19.12.1866 г. обратился к Францу Иосифу с предложением вступить с ним в переговоры на условиях объединения хорватских земель. *Но «мы не могли бы согласиться с общим (общеемперским. — В. Ф.) органом... который был бы создан без согласия Триединого королевства».* Хорватам было важно подтвердить приверженность к политическим правам своей страны и стремление к суверенитету.

В начале 1867 г. хорватские народняки приветствовали предстоящее создание ответственного правительства в Венгрии, видя в этом залог победы принципа парламентаризма в империи. «Позор» заявлял, что хорваты не будут отстаивать подчинение Венгрии имперским властям («Позор» 6–15.09.1866). В отличие от 1848 г., хорватские либералы не желали поддерживать центральное правительство. Но «Позор» предлагал совместить федерализм и дуализм: каждую из двух частей империи устроить на основе федерации земель. Аналогичная пропаганда имела место и в Австрии [АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 219, л. 270, Вена, 1866].

В феврале 1867 г. было создано венгерское правительство, ответственное перед парламентом Венгрии. Хорватия должна была находиться под его властью. Франц Иосиф признавался конституционным королем Венгерского королевства (Транслейтании). «Остальные земли и королевства» (Цислейтания) должны были быть представлены в рейхсрате. Общими для Австро-Венгрии являлись государь (император-король), армия, внешняя политика, финансы, обеспечивающие эти общие институты. «Общие дела» находились в ведении государя, общего правительства и делегаций обоих парламентов (по 60 человек каждая), действовавших по инструкциям своих парламентов. Для принятия решений требовалось их единодушие. Во внутренних делах Австрия и Венгрия были самостоятельными.

Элемент дуализма был в устройстве государства Габсбургов с XVI в. Органы управления Венгрией и Хорватией были особыми, принципы управления также. Теперь власть в Венгрии оказалась в руках крупных землевладельцев. Именно они заключили компромисс с монархом, австрийским крупным капиталом, австрийской аристократией. Поэтому относительную отсталость Венгрии вплоть до 1918 г. преодолеть не удалось. Немцы сохранили преобладание в военном аппарате государства. Условием соглашения было и введение либеральной конституции в Австрии. Либералы Венгрии были союзниками немецких либералов Австрии. В де-

кабре 1867 г. была принята конституция Австрии. Рейхсрат стал законодательным органом. По всей монархии были провозглашены политические свободы, но осуществлялись они в более реальной степени в Австрии — стране более развитой социально и экономически, чем Венгрия. Император сохранил большую власть: назначал премьеров, общеимперских министров, сохранил власть во внешней политике, над армией, имел право управлять без рейхсрата (§14). В Австро-Венгрии сохранялись остатки абсолютизма. *В Австрии граждане приобрели право получать образование на родном языке (§19).* Австрия фактически признавалась многонациональным государством. В Венгрии же по закону все жители «независимо от национальности составляют в политическом отношении... неделимую единую венгерскую нацию». А ведь немцы составляли тогда 52% населения! Закон 1868 г. разрешал употребление родного языка в местных делах, но он часто нарушался.

Франц Иосиф, не обращая внимания на документ сабора от 19.12.1866 г., потребовал от сабора прислать делегатов в парламент Венгрии для участия в выработке формулы коронационной присяги. Но сабор отказался действовать до удовлетворения его требований. Согласно Прагматической санкции 1712 г., от хорватов, утверждал сабор, нельзя требовать больше, чем от венгров... Хорватов можно было заставить подчиниться силе, но добровольного согласия на неполноправное положение они не давали. Вскоре сабор был распущен: *«Он воспротивился нашим отеческим намерениям во всех пунктах»*, — заявил Франц Иосиф. Коронация состоялась в Буде 8.06.1867 г. Официальная хорватская делегация отсутствовала.

С учетом положения народов Венгрии (сербов, румын, словаков, украинцев, саксов) *«Венгеро-хорватское соглашение» 1868 г.* было определенным достижением хорватов: ни один славянский народ монархии не получил таких прав (несколько позднее уступки были сделаны Веней полякам).

Унионисту барону Л. Рауху, в июне 1867 г. назначенному и. о. бана, было поручено заставить хорватов признать новое положение. В 1866—1867 гг. хорватские народняки и особенно Штросмайер сотрудничали с Сербией в надежде на крупное движение на Балканах. Но Франция и Австрия в ультимативной форме предостерегли сербского князя Михаила против каких-либо действий, направленных против Турции. В 1868 г. Михаил был убит. Франц Иосиф фактически выслал Штросмайера (в Париж). Был закрыт «Позор», а его редактор арестован. На Военную границу был прислан новый командующий генерал Габленц с целью «противодействия развитию славянского духа», и Габленц действовал засучив рукава. Но агитация в Хорватии велась и со стороны австрийских противников дуализма — части придворных, военных, чиновных кругов. Народняки, с которыми слились самосталцы, не теряли надежды. Их газета выходила

в Вене, затем в Сисаке, на Военной границе. Эригерцог Альбрехт, шеф армии, в 1868 г. посетил Границу и лично выразил сочувствие «поборникам национального начала в Кроации». Он посетил могилу Елачича [АВПРИ. Гл. Архив VA₂, д. 1027, л. 14, Фиуме, 1868]. Вероятно, Хорватию вновь надеялись толкнуть к реакции, как в 1848 г.

Но Франц Иосиф утвердил избирательный закон, выгодный унионистам. Половину избирателей составляли чиновники. Избирательным правом пользовалось 6—7 % взрослых мужчин. На выборах в конце 1867 г. народняки получили всего 14 мест (преимущественно в Среме, где сербы были настроены оппозиционно). Но настроение в буржуазной среде падало, помощи ждать было неоткуда. Оппозиция во главе с историком каноником Ф. Рачким, лидером югославистов, покинула сабор. Хорватская делегация на переговорах с Венгрией состояла из «крайних» (раухианцев) и умеренных унионистов (Ю. Янкович, И. Брлич). Последние пытались закрепить за Хорватией некоторые права при сборе налогов, при выборе делегации, назначении бана. Но все было напрасно.

24 сентября 1868 г. сабор проголосовал за соглашение с Венгрией. Хорватия признала дуалистическое устройство монархии, неделимость земель короны св. Иштвана (то есть Венгрии). Сабор посылал в венгерский парламент 29 депутатов (после присоединения Военной границы в 1882 г. — 40). Они участвовали в рассмотрении «общих дел», касавшихся Венгрии и Хорватии. Хорватские делегаты не могли влиять на решение этих дел, так как составляли менее 1/10 парламента. В палату магнатов сабор посылал 2 представителей. Бан, великие жупаны, епископы Хорватии заседали здесь же. В делегацию полагалось выбирать 4-х представителей от Хорватии.

Единая финансово-экономическая система и единое законодательство в этой области воплощали единство Венгрии и Хорватии. Даже сбор налогов осуществлялся венгерским чиновничеством. На автономные расходы Хорватии выделялось 2,2 млн форинтов в год, или примерно 45% налоговых сборов в Хорватии. «Полная автономия» Хорватии была признана в областях: 1) администрации, 2) юстиции, 3) просвещения и церкви. Здесь законы издавал сабор, а исполняло правительство (*zemaljska vlada*) во главе с баном, которым могло быть только гражданское лицо. Решения сабора для вступления их в силу утверждал король.

Перечисленные права уже принадлежали Хорватии в 1861—1867 гг. только до 1868 г. хорватские власти подчинялись Придворной канцелярии, теперь — фактически венгерскому министерству. В Буде хорватские дела контролировал специальный министр «без портфеля». Бан назначался королем по предложению венгерского премьер-министра и формально был ответствен перед сабором. Венгерские власти могли воспрепятствовать утверждению императором любого решения сабора. Но соглашение признало хорватский язык официальным на территории Хорватии и Славонии. На чиновничьи посты следовало «по возможности» назна-

чать местных жителей. Формально Венгрия поддержала требования присоединения к Хорватии Далмации и Военной границы [32, 33, 34, 35].

Но конфликт из-за Риеки урегулирован не был. Уже в начале 1867 г. оттуда были устранены хорватские власти. В Соглашении хорваты настояли на формуле, что решить вопрос о принадлежности Риеки не удалось. Однако в Вене, при утверждении королем Соглашения, на этом месте была сделана наклейка («знаменитая» *krtisa*), где говорилось, что район Риеки, как «особая территория», подчиняется венгерскому правительству [9]. Риека была важнейшим портом восточной части монархии. И монархи идут на фальсификацию.*

Итак, хорваты сохранили возможность развития национальной культуры, просвещения на родном языке, возможности для деятельности оппозиции и пр. Но хорватские историки Ф. Чулинович и затем Х. Сироткович с основанием отметили, что подлинной парламентской системы в Хорватии не было. Все же многовековая политическая традиция Хорватии, связанная в Средние века с наличием местного дворянства, сыграла роль при определении ее статуса. Создать очаг большого недовольства на южных рубежах монархии Габсбурги и не мыслили.

Вскоре выяснилось, что новая система обеспечила беспардонную власть помещиков и ущемление интересов крестьян, которые в такой мере даже венские бюрократы не допускали. В 1873 г. Соглашение подверглось незначительному пересмотру («ревизии»); ежегодная фиксированная сумма для Хорватии (2,2 млн) заменялась 45 % от налоговых сборов. Это означало, что с ростом сборов увеличится и доля Хорватии. Сабор принял эту поправку. Но *оппозиция (народняки) потребовала государственного равноправия или, как минимум, финансовой автономии. Это требование стало основным в 80–90-х гг. XIX в и в начале XX в.*

После всех неудачных попыток получить зарубежную помощь [30] после австро-венгерского соглашения и поражения хорватского национального движения Кватерник сделал еще одну попытку активизировать борьбу с Габсбургами. На Военной границе господствовала атмосфера тревоги: ожидалась передача области под власть Венгрии и резкое увеличение налогов. Кватерник, в тайне от Старчевича, вместе с несколькими товарищами попытался поднять восстание граничар, пока у них еще имелось оружие. 8.10.1871 г., по некоторым данным, ему удалось в селе Раковица Огулинского полка собрать сотни граничар, отряд занял один из ротных центров Границы — Плашки (на западе Границы). Было провозглашено Национальное правительство и объявлена его цель — освобождение страны «от швабов (немцев. — В. Ф.) и мадьяр». Однако войска стали преследовать отряд, который быстро таял. На третий день восстания Кватерник и

* В книге о Риеке помещена фотография «крпицы».

его друг Бах были убиты из засады. Им не удалось поднять широкое восстание.

Кватерник был глубоко верующим католиком и считал, что Бог предназначил ему стать освободителем Хорватии. Он был и фанатичным патриотом и готов был отдать жизнь за свободу Хорватии. Так что, возможно, он пошел на восстание с этой верой, так как не мог вынести австро-венгерского сговора и политической бесперспективности.

Партия права подверглась преследованиям, А. Старчевич отдан под суд, но смог доказать, что не имел представления о намерениях Кватерника (Arhiv Hrvatske. Akten des Generalkommandos Zagreb). Десять лет спустя он писал в статье, что малые народы (в пример он привел ирландцев) не должны идти на неподготовленные восстания, но должны всячески досажать своим угнетателям [36].

В связи с поражением народняков в многолетней борьбе (1860–1873) Штросмайер отошел от политики. После «ревизии» баном был назначен народняк И. Мажуранич, первый в истории бан — не дворянин. Часть Национально-либеральной партии его поддержала. Правительство Мажуранича (1873–1880) осуществило ряд либеральных реформ. Внело обязательное 4-классное обучение в государственных школах (тем самым было сокращено число церковных школ, из-за бедности неспособных обеспечить должное обучение — особенно пострадали от этого сербские школы. Но обе церкви — католическая и православная — были крайне недовольны). Разрешило собрания в помещениях без санкции полиции. Реформировало суд.

Число студентов Загребского университета от его основания в 1874 г. до народного движения 1903 г. [13]

Учебные годы	Число студентов	В том числе правоведа
1874–1875	285	181
1880–1881	312	194
1885–1886	319	184
1890–1891	388	179
1895–1896	382	203
1900–1901	760	509
1902–1903	867	602

Университет состоял из факультетов: юридического, философского, богословского. Накануне войны 1914 г. планировалось открытие медицинский факультета.

Глава 6

Идеология национального движения: югославизм и старчевичанство. 60—70-е годы XIX в.

Одной из основных идейных концепций хорватского национального движения в 60—70-х годах XIX в. являлся югославизм, подчас *в сочетании с австрославизмом*. Югославизм в Хорватии и Славонии признавал общность происхождения и единство или близость языка южных славян (до образования болгарского государства в 1878 г., а иногда и после, болгар включали в эту общность) и видел цель национального движения в политическом объединении югославян, в создании югославянского государства. Решительный шаг вперед в сравнении с иллиризмом заключался в более четком этническом хорватском самосознании и в применении этнонима «хорват». Франьо Рачкий (1828—1984) — священник, каноник, с 1867 г. — президент Югославянской академии наук и искусств являлся крупнейшим идеологом югославизма. Другим лидером и «покровителем» югославистской Национально-либеральной партии был епископ в Джаково (Славония), меценат, католический деятель международного масштаба, доктор философии Йосип Юрай Штросмайер (1815—1905), владелец богатого церковного имения [2, 3, 4]. Высказывание Рачкого в 1860 г. выражало одну из основ хорватского югославизма: *«Сербы на юге* имеют свою историю, но ее имеют и хорваты, при всем родстве хорватов и сербов их развитию, быту, политической, религиозной, литературной и пр. жизни присущи некоторые особенности. Эти особенности и эти исторические характеристики не смеют нарушать ни хорват, ни серб: один не смеет присваивать то, что принадлежит другому. Хорваты и сербы — единокровные братья, давно разделившиеся, и каждый — хозяин в своем доме»* [1].

В 50-х годах Рачкий пришел к важным выводам. «Национальная наука», по Рачкому, — защита против германизации. Это — база, на которой

* Сербы вне хорватских земель. — В. Ф.

стала развиваться его идеология югославизма. Германизация, понял он в 50-х годах, опаснее мадьяризации. «Как и иллиры, Рачкий понял, что только опорой на славянство, а в его рамках — на югославянство, можно создать плотину против утери хорватской традиции, против засилья чуждой немецкой культуры и создать базу для систематического развития югославянской, а в ее рамках — и хорватской культуры» [1]. Во втором периоде абсолютизма, то есть с середины 50-х годов XIX в., когда хорватский этноним усиленно пропагандировался в ряде загребских изданий, Рачкий создал идеологическую систему своего югославизма. Ее элементом было хорвато-сербское культурное сближение. Но уже тогда Рачкий возражал против «присвоения» (подразумевалось: сербами) далматинской и дубровнической культуры («каждый — хозяин в своем доме»). Разумеется, славонский сепаратизм должен был быть преодолен (это не удалось иллирам), и он сам собой стихийно в 60-х—70-х годах был преодолен. Однако суровая история показала, что существуют непреодолимые преграды для объединения, слияния культур. Эти преграды — формирование разных наций. Рачкий видел этот процесс и вместе с тем очень долго не мог отказаться от своей, как выяснилось, *романтической* идеи, лежавшей в основе его югославизма. Драма его, как идеолога *национального* (а не югославянского), состояла в том, что ему самому подчас приходилось выступать против этого романтизма.

Замечательное для своего времени высказывание Рачкого, приведенное выше, делает излишним спор: не являлась ли религия главной причиной формирования двух (а не общей) нации: Рачкий перечисляет целый комплекс причин, обусловивших особое развитие хорватов и сербов как особых народов, и религия при этом занимает свое место. Фактически Рачкий уже определил хорватов как нацию (он не упомянул лишь социально-экономический момент, но, возможно, этот момент кроется в словах «и прочей жизни»?). Рачкий призывал «поссорившихся братьев» терпеливо добиваться примирения. Здесь нет ничего о «едином народе». А ведь идея единого народа мешала трезво мыслить множеству авторов еще десятки лет (мы покажем ниже, что часто утверждение о едином народе сознательно применялось в *политических* целях). Кстати один из основателей партии права Э. Кватерник считал, что народ выделяется «своим языком, обычаями, нравами, общим прошлым, потребностями, пользой, своей родиной и национальностью» [Arhiv Hrvatske. Rakovićka buna, kutija VII, bt. 408]. Несмотря на принципиальные политические расхождения, оба автора определяют народ (нацию) в весьма близких словах (у Кватерника *нет упоминания религии*).

Спустя много лет после того, как Рачкий написал фактически о хорватской нации, его ученик историк Т. Смичиклас объяснял переход к хорватскому этнониму. В 1874 г. «Матица иллирска» получила название «Матица хрватска». Тогда Смичиклас толковал это так: «Даже названия мы

не оставили матице, похоронили последний остаток иллирского имени... Мы признаем, что *имя иллирское* тридцать лет назад было как национальное и даже более того, так как соединило в единое живое тело разорванные члены народа, признаем, что с именем иллирским связана прекраснейшая и самая гордая эпоха хорватской истории. Но сам народ это имя похоронил... Имя *хорватское* сильнее, оно зовет хорватов под национальное знамя, оно развивает все сознание народа, оно проявляется в каждом вздохе народа» [5].

Рачкий — один из основателей Национально-либеральной партии (народняки). Как и в 40-х годах, народняки опирались на «национальный принцип», «естественное право» народов на свободу. Й.-Ю. Штрессмайер в 1861 г. утверждал, что право на свободу «дано Богом» всем народам — и в Риме, и в Афинах, и в Праге, и в Загребе. «Нет народов, предназначенных править другими» [Drevnik sabora... 1861]. XIX век — эпоха национальности, утверждали народняки, это «великая сила»: в прусских победах 1866 и 1870 гг. Рачкий видел силу «идеи, за которую немцы бьются» и ей никто не может воспрепятствовать [Korespondencija...].* Народняки были уверены, что успехи немцев и итальянцев (т. е. объединение) не минуют и «югославянский народ». Вместе с тем в качестве вспомогательного аргумента народняки ссылались на «историческое государственное право» хорватов, зафиксированное в документах. Праваши уделяли большее внимание государственному праву, но ссылались и на естественное право. Даже дворяне-унионисты (венгерофилы) ссылались на историческое право хорватов... находиться в составе общего Венгеро-хорватского королевства...

Народняки, представлявшие более богатые и средние зажиточные слои, считали возможным национальное освобождение и объединение югославян в пределах Австрийской империи (хотя бы на время). Но конечную цель они видели в югославянском федеративном независимом государстве. Это сказалось на их тактике. В социальной сфере они выступали как сторонники скорейшей ликвидации унаследованных от феодализма связей крестьянского хозяйства с помещичьим, просвещения крестьян, подъема их жизненного уровня и постепенного, без бунтов, втягивания крестьян в национальное движение наряду с буржуазией и дворянством. Короче, их целью было сплочение хорватской нации.

Вместе с тем народняки призывали к культурному и политическому сближению югославян, их солидарности, возможно, в отдаленном будущем слинию в один народ в «прекрасной Югославии». Под впечатлением

* Korespondencija F. Rački — J. J. Strossmayer. I–IV Zagreb, 1928–1931 (редактор Ф. Шишич). Крупнейший сборник документов (1404 письма) по истории Хорватии второй половины XIX в. (1860–1894 гг.) В дальнейшем: Korespondencija, № тома.

объединения Италии Рачкий призывал начать хотя бы с создания единого литературного языка. В силу обстоятельств (наличие сербских анклавов в Хорватии, смешанный сербско-мусульманско-хорватский состав Боснии и Герцеговины и т. д.) наиболее актуальными для народняков-югославистов были хорвато-сербские отношения. Всех хорватов можно было (мирно) объединить лишь в хорвато-сербском государстве. Так как теория естественного права исходила из тезиса «каждый народ — свое государство», народняки часто говорили о хорвато-сербском национальном единстве. Это утверждение «обосновывало» требование югославянского государства. То есть, как видно из цитированного заявления Рачкого (1860 г.), идеология югославизма была полна противоречий. Словенцев не сразу (другой язык!), но тоже стали причислять к единому югославянскому народу.

В 1850 г. совещание хорватских и сербских филологов в Вене, собравшееся по инициативе В. С. Караджича, приняло решение о едином литературном языке единого народа (но этнонимы не упоминались) [6].

Югославизм обосновывал хорвато-сербское сотрудничество в политической борьбе, как в Хорватии, так и вне ее. В саборе народняки применяли термины «наш», «югославянский» народ и язык: тактическая цель этого была ясна. Если в Хорватии в официальных документах применялся этноним «хорватский», это вызывало протесты сербов, требовавших писать «хорватско-сербский» (язык) или «хорватский или сербский» (язык). Хорваты же стремились этого избежать, так как такие формулы означали признание сербов в качестве «государственного» народа. Даже термин «наш народ» не удовлетворял сербов Хорватии. В саборе 1861 г. выступил сербский карловицкий патриарх Иосиф Раяич с требованием указывать в документах и этноним «сербский».

В хорватском югославизме подчеркивался принцип целостности Триединого королевства и его национально-хорватский характер. При этом признавалось *полное равноправие сербов во всех сферах жизни* (в Хорватии часто бывало чиновников-сербов больше, чем хорватов). Условие негласно выдвигалось одно: лояльность сербов хорватскому государству. Но с этим не соглашались крупные идеологи сербского движения в монархии Габсбургов, например воеводинец Светозар Милетич. Принимая во внимание, что сербы заселяли жизненно важные в стратегическом отношении области Хорватии, такая позиция несла в себе угрозу конфликта в будущем.

Вообще, если в Хорватии сербы составляли меньшинство населения и боролись за свое утверждение как полностью равноправной нации (и по этому рассматривали Триединое королевство как хорвато-сербское, а не хорватское государство), то в масштабе Балканского полуострова сербов было почти в два раза больше, чем хорватов, сербы имели два своих государства, и уже хорваты стремились утвердиться как самостоятельная нация. Это мы видели уже в выступлении Рачкого в 1860 г.

Что касается хорвато-сербских отношений в самой Хорватии, то хорватскую точку зрения выразил Д. Кушлан, в прошлом один из активных деятелей иллиризма, в 60-х годах — народняк-югославист. Он заявил в собрании: «Все, чем мы могли с сербскими братьями поделиться, мы поделились... Разницы между нами нет ни в церкви, ни в школе, так как они с нами во всем равноправны. Этим, думаю, им следовало бы удовлетвориться и не требовать от нас того, что мы им дать не можем, если не хотим себе выкопать могилу. *Государство, корона, конституция, публичное право — это все хорваты должны сохранить*» (выделено мной. — В. Ф.) [Dnevnik sabora... 1865—1867. S. 167]. Итак, сербов признавали как равноправную этнорелигиозную общность в хорватском государстве.

Рачкий пришел к резкой критике иллиризма за изобретение общего этнонима («иллиры»). В письме к крупному далматинскому деятелю М. Павлиновичу (1866 г.) он выступил против аналогичного общего этнонима в Далмации «словинцы» (югославяне. — В. Ф.), изобретенного тоже с целью «не ссорить» хорватов и сербов и обеспечить их совместную борьбу с итальянским засильем. «Что нам не по душе, — писал Рачкий, — это систематическое замалчивание хорватского имени... Ошибаемся, полагая, что те, кто опасается хорватского знамени, станут бороться за национальные права под знаменем „иллирским“ или „словинским“» [7].

В 1883 г. Рачкий писал: «Нас разделяют культурные и политические различия, первые возможно, по крайней мере перед внешним миром, сгладить, а другие могут быть устранены лишь в результате великих событий» [Korespondencija, III]. Характерно, что Рачкий продолжал верить в возможность устранения различий...

Спустя 25 лет после своего высказывания 1860 г. Ф. Рачкий, крайне раздосадованный нападением Сербии на недавно возникшее болгарское государство, писал в 1885 г. Штросмайеру, что для югославян важно сблизиться, не делать в политике ничего, что этому бы помешало, и таким образом готовить объединение. Сербские же власти действуют по указке Австро-Венгрии и во вред славянству. Как югославист, Рачкий считал, что Сербия должна была действовать в югославянских и славянских интересах, а не тех, которые ее правительство считало своими интересами.

В 1871 г. либеральная (народняцкая) газета «Браник» так видела будущее хорватов: «Наши противники имеют достаточно забот с одним хорватским народом, что же будет, когда они встретятся со всем объединившимся южным славянством? *Триединое королевство, самостоятельное и независимое, в единении и содружестве всего южного славянства — вот стержень политики Национальной партии*» [Branik, 1871].

Заявление весьма содержательное: народняки говорят о необходимости союза южных славян для совместной защиты интересов каждого народа. И вместе с этим подчеркивают «самостоятельность и независимость» Хорватии в рамках этого союза. Наряду с заявлением Рачкого в 1860 г. это

самая четкая формулировка югославизма. Здесь нет теории единого народа, но есть: а) представление об общности интересов и союзе южных славян, б) защита принципа национального суверенитета хорватов.

Последнее было наиболее существенным для Национально-либеральной партии. Даже когда вопрос об австро-венгерском соглашении 1867 г. был решен (без хорватов и без учета их интересов), для Штросмайера первостепенную важность имели введение *конституционного строя* в Австро-Венгрии и в этих условиях *защита национальных прав* Хорватии: «Ни в коем случае не хулить венгров и их достижения, — писал он, — но со всей энергией добиваться, чтобы их министерство без нашего свободного согласия не могло иметь никакой власти над нами»; «о коронации, о дипломе, о присяге не может быть и речи (то есть об участии хорватов в процедуре признания Франца Иосифа конституционным государем. — В. Ф.), пока не будет осуществлена территориальная целостность Триединого королевства в отношении Границы и Далмации и островов и пока наша автономия не будет основана на ответственности правительства» [Korespondencija, I].

К 1874 г. относится рукопись программы народняков. Здесь говорилось: «Конечной целью общих национальных устремлений и деятельности хорватов, сербов, болгар и словенцев должно быть их объединение в независимую и свободную национальную и государственную южнославянскую общность». О форме государства, считал автор, говорить еще рано, но необходимо равноправие «во всяком смысле и во всем отдельных племен, составляющих южное славянство... Государственная самостоятельность и автономные права отдельных южнославянских земель в их взаимных отношениях должны оставаться абсолютно неприкосновенными и зависеть от свободной воли той части народа, которая пользуется этой самостоятельностью и этими правами» [8].

Хотя здесь говорится о «племенах» и «народе», в действительности речь идет о суверенных нациях. Автор — сторонник союза южных славян, но на условиях суверенитета «племен», уже задумываясь о возможности привилегий одних за счет других. В формулировках, в терминах еще четко нет, но смысл выражен ясно.

Вместе с живучестью локальных этнонимов в среде интеллигенции проявлялось стремление сплотить в единую народность все население области независимо от религии. Но эта тенденция не могла закрепиться. О преодолении локализмов в 50–60-х годах имеются интересные свидетельства. Хорватский автор отмечал, что в Славонии «хорватское имя почти до 1867 г. считалось зазорным... Насколько мне известно, первым среди славонцев признал себя хорватом Йосип Мишкатович (журналист, переводчик И. С. Тургенева, учился в семинарии в 50-х годах. — В. Ф.). Он стал читать немецких классиков, особенно Гердера. Под влиянием немецкого просвещения он говорил, что его родной язык — хорватский.

что по национальности он хорват, что принадлежит к хорватскому народу. Вот так слышались голоса всех остальных славонцев в семинарии: „Ну какой же ты хорват, разве ты родился не в Славонии, не в Цернике, твой отец и мать — славонцы. А ты хорват? Стыдишься прекрасного имени славонского?..“ Напрасно он защищался: „Да, я родился в Славонии и поэтому славонец, но это провинциальное название, а национальное — лишь хорват: в Германии, в королевстве Бавария, люди зовутся по стране баварцами, а в национальном смысле они немцы, и так себя и называют...“ В 8-й класс он перевелся из загребской семинарии в джаковскую (в Славонии. — В. Ф.), где стал проповедовать хорватское имя. Но много перенес при этом мучений» [9].

Еще в 1861 г. в саборе сетовали, что славонцы не называют свой язык хорватским. Однако в течение каких-нибудь десяти лет картина изменилась кардинально. В связи со всем этим понятно, какое значение имела языковая реформа деятелей иллиризма (переход на штокавский «славонский» диалект). Тем не менее структура хорватской и сербской нации долго оставалась неясной.

В связи с мечтой сблизить и объединить южных славян югослависты 60-х годов при определении нации не увязывали нацию с религией. Так же поступали некоторые сербские идеологи. Так, православный *eo ipso* серб; «настоящий» серб, конечно, православный, но сербом может быть и католик, и мусульманин. Хорваты — католики, но и православный — хорват, если он верен «хорватизму», т. е. хорватской государственной национальной идее. Даже в начале XX в., в связи с разнообразием в понимании состава хорватского народа, А. Радич, один из основателей Хорватской крестьянской партии, на присланный ему вопрос: так кто же является хорватом? — отвечал (1902 г.): «К хорватскому народу принадлежит всякий человек хорватского или югославянского племени, который стремится как можно больше представителей нашего племени объединить в пределах единой свободной родины и хорватского государства, сердце которого было бы в Загребе» [11] (см. также [12]).

Итак, в конечном счете, решающее значение имел «государственный принцип». Речь шла о пересекающихся интересах государств двух формирующихся наций. Религиозная принадлежность А. Радичем не упоминалась. Это было присуще всем сторонникам великохорватской и великосербской теорий (а югославизм был связан с ними, а не отделен барьером). Наоборот, клерикалы — те и другие — увязывали религию и национальность. И, в конечном счете, основное развитие шло именно по такому пути. В этом особенность формирования наций в ареале штокавского диалекта.

1866–1868 гг. — время наибольшей внешнеполитической активности югославистов. Князь Сербии Михаил готовил балканский союз с целью войны против Османской империи. Ближайшей целью Сербии была Босния

и Герцеговина. В Белграде было решено привлечь к сотрудничеству также хорватскую Национально-либеральную партию, пользовавшуюся влиянием на Военной границе, и с ее помощью обеспечить поддержку добровольцев-границар (квалифицированных солдат).

В марте 1867 г. сербское правительство И. Гарашанина предложило народнякам программу, в которой говорилось: «Нашей целью является освобождение христиан, стонущих под турецким ярмом, чтобы создать основу для соединения всех югославянских племен в федеративное государство. Устройство федеративного государства будет определено этими племенами после их освобождения» [10]. По мнению одного из лидеров народняков М. Мразовича, «Сербия должна была начать и создать ядро объединения югославянства», — [М. Мразович — И. Штросмайеру, 2.02.1868. Arhiv Jugoslavenske akademije, Strossmayerova ostavština] разумеется, пока что имелось в виду освобождение югославян Османской империи; народняки должны были всеми возможными средствами этому помогать. Программа была одобрена народняками. Как вспоминал один из участников этого дела, Сербия должна была поддерживать Хорватию «в борьбе за ее государственно-правовое положение» (то есть в монархии) [13]. По свидетельству русского генерального консула в Белграде Н. П. Шишкина, Штросмайер — «один из наиболее ревностных инициаторов южнославянской конфедерации» [АВПРИ, Г. А. VA₂, 1867, д. 252]. В 60-х годах он посещал Белград и поддерживал тайную переписку с князем.

В напряженной обстановке, когда народняки сблизились с Сербией, они стремились и в самой Хорватии обеспечить сотрудничество с сербами. В связи с этим сабор принял формулу: хорваты и сербы как народ «тождественны и равноправны». Сербь были удовлетворены, так как их этноним был упомянут в официальном документе, хотя «тождественный» не может быть «равноправным» и сама формула туманна.

Когда в 1868 г. определилась неудача сербской политики, М. Мразович посчитал, что успех Сербии и создание прочного ядра югославянского государства позволили бы югославянам избежать переходного периода под иноземной властью» (Австро-Венгрии. — В. Ф.)... Мразович думал, что развитие южных славян в составе Австро-Венгерской монархии все равно приведет их к укреплению, к сплочению и независимости, но это путь более трудный. В начале 1868 г. Мразович полагал, что югославянский элемент в Австрии «укрепится настолько, что, уже теперь более передовой в сравнении с братьями в Турции, привлечет к себе родственные элементы. Пусть они все окажутся в подчиненном положении (т. е. под властью Габсбургов. — В. Ф.), но эта ситуация, при упрочившемся национальном единстве — должна разрешиться национальной и государственной самостоятельностью» [14].

В этом тексте очень четко выявилось понимание народняками связи югославизма и австрославизма. Мразовича не страшило подчинение бал-

канских славян Австро-Венгрии, так как он считал, что это было бы временным положением. Независимость союза югославян оставалась целью народняков. Но для сербов этот вариант был неприемлем, поэтому австро-славизм хорватов подвергался с их стороны критике.

Югослависты возлагали надежды на освобождение южных славян от османской власти Россией. Политика России ни в коем случае не может быть во вред южным славянам, писал Рачкий. Ноту А. М. Горчакова 1870 г. об отказе от статьи Парижского мира 1856 г., запрещавшей России иметь флот на Черном море, «кroatы встретили с восторгом». Русский консул в Риеке Л. В. Березин писал о «перевороте в политических мнениях в Хорватии, вызванном нотой» [АВПРИ, Г. А. VA, д. 1030, л. 107, 147]. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. идеологи народняков горячо сочувствовали России и надеялись, что наступил час полного освобождения южных славян. Таковы были настроения широкого круга хорватской интеллигенции.

Упадок югославизма был вызван Балканским кризисом 1875–1878 гг. Произошло ухудшение хорватско-сербских отношений. Дело заключалось не только в общеполитических причинах — споре о том, кому достанется Босния и кто, следовательно, станет ядром объединения югославян. Вопреки позиции своих идеологов хорватская буржуазия экономически была заинтересована в скорейшем присоединении Боснии к Австро-Венгрии. Многочисленные хорватские торговцы имели обширные связи с Боснией, многие ремесленники работали на боснийский рынок. Ряд хорватских городов занимался транзитом австрийских товаров в Боснию и боснийских товаров в монархию (Осиек, Винковцы, Сисак, Петрина, Глина, Карловац, Оточац, Книн, прибрежные города). «Торговые интересы не обеспечить без занятия Боснии», — писал народняцкий «Обзор». Восстание, затруднив обычное течение торговли, нанесло удар экономике Хорватии [15]. В Хорватии получили распространение идеи триализма (Австрия, Венгрия, Хорватия с Боснией и Герцеговиной). Для Сербии такое развитие событий было бы тяжелым ударом. Югославизм переживал глубокий кризис, продолжавшийся до середины 90-х годов. В самой Хорватии на этот период падает обострение конкуренции между массой мелких хорватских и сербских производителей. Это — внутривнутриполитическая атмосфера, неблагоприятная для югославизма.

Культура — одна из сфер проявления югославизма хорватов. В уставе Югославянской академии наук и искусств, утвержденном сабором в 1861 г., говорилось, что академия «будет иметь в виду нужды и пользу южнославянских народов», что целью академии является развитие науки и искусств «на славянском юге между хорватами, сербами, словенцами и болгарам в духе национальном и общего просвещения». По Рачкому, академия должна стать «очагом научной деятельности южных славян, в котором собрались бы и объединились лучи духовной мощи племен хорватско-

сербского, словенского и болгарского» [16]. Кстати, мы вновь видим, что последовательности терминологии у народняков еще не было. Здесь упомянуты то «южнославянские народы», то «племена», причем «хорватско-сербское» — единое племя ввиду общности (или крайней близости) языка. Традиция определять народы по языку сохранялась, когда это было необходимо (у Рачкого в личной переписке имеются и противоположные мысли). Академия была названа югославянской, так как идеологи югославизма мечтали превратить Хорватию в центр югославянской культуры — в «югославянскую Тоскану». А Загреб — в «югославянскую Флоренцию». Они опять-таки действовали прежде всего в интересах Хорватии. В 60-е годы усилилась просветительская и патриотическая роль литературы и науки, связанная с целью национального движения. Если Сербия начала претендовать на роль политического центра, то Хорватия — культурного центра южных славян (это не значит, что политических амбиций не было).

Особое внимание народняки уделяли церковной проблеме. Этому способствовало и то, что одним из лидеров движения был епископ Штросмайер. В Хорватии развивались либерально-католические и автономистские взгляды, в частности, особенно среди духовной молодежи было немало сторонников расширения глаголического богослужения. Сам Штросмайер мечтал о создании «югославянской автономной церкви» (вероятно, в рамках католицизма), поддерживал глаголические издания, указывая, что это полезно для сплочения южных славян [Korespondencija]. Народняки были противниками воинствующего клерикализма. Рачкий указывал, что он вреден национальному движению. С другой стороны, они отрицали идеологию славянофильства за «отождествление русской политики с православием». Рачкий писал русскому историку В. И. Ламанскому, что считает себя «намного больше славянином», чем славянофилы.

Хорваты-югослависты подчеркивали, что католицизм не влияет на их чувство принадлежности к славянству. Об этом писал также крупный филолог В. Ягич русскому профессору Н. А. Попову [см.: РГБ, Отдел рукописей, фонд Н. А. Попова].

Штросмайер выступал за сближение христианских церквей, переписывался по этому вопросу с русским религиозным философом Владимиром Соловьевым. Штросмайер полагал, что сближение России с Ватиканом облегчит борьбу с османским господством на Балканах. Штросмайер выступил на Ватиканском соборе 1869—1870 гг. против инфалибилитета (непогрешимости) папы в вопросах вероучения, считая, что это еще больше углубит раскол церкви и, следовательно, югославян. Это сделало его имя известным всей мировой печати. Штросмайер был верный католик и вместе с тем мечтал об автономной югославянской церкви (без латыни и австрийского влияния), «чтобы объединить наш народ в вопросах веры».

В 1888 г. в связи с 900-летием Крещения Руси Штросмайер послал в Киев приветствие, в котором выразил надежду, что Россия выполнит свою «всемирную задачу». Это вызвало недовольство верхов Австро-Венгрии. Вскоре во время военных маневров Франц Иосиф сказал Штросмайеру, что тот, очевидно, «был болен», посылая приветствие «заговорщикам против католицизма». Штросмайер ответил: «Нет, Ваше Величество, я был в полном сознании, моя совесть чиста и спокойна». «Нет, я думаю, — с нажимом повторил император Австрии и апостолический король Венгрии, — что Вы действительно были больны». «Я повторяю, Ваше Величество, что моя совесть спокойна», — сказал епископ [Korespondencija, IV, 1888 г.]. За многие десятилетия правления империей с Францем Иосифом так не говорил никто.

За три года до этого, в 1885 г., правительство запретило южнославянский научный конгресс, посвященный Кириллу и Мефодию. Конгресс намеревалась провести Югославянская академия в Загребе. Власти полагали, что наряду с наукой и литературой конгресс займется политикой, причем «в духе панславизма», что «опасно» для «успешного развития австро-венгерской монархии» [Korespondencija, III]. Спустя год, в 1886 г., Франц Иосиф не утвердил Франьо Рачкого в должности президента академии. Итак, даже в относительно тихие 80-е годы Габсбурги опасались югославизма.

Эти страхи габсбургских министров и самого императора-короля — свидетельство прогрессивности сотрудничества южных славян — одного из элементов идеологии югославизма XIX в.

О панславистских тенденциях Югославянской академии — нелепая, но удобная для правящих кругов монархии выдумка. Однако в хорватском обществе имело место русофильство и реальное научное сотрудничество академии с русскими учеными. Ф. Рачкий вел обширную переписку с русскими историками, филологами, искусствоведами. Он был избран почетным профессором Петербургского, Московского, Киевского и Одесского университетов, членом-корреспондентом Российской академии наук и Археологического общества. Членами Российской академии являлись также И. Кукулевич-Сакцинский и В. Ягич, который ряд лет был профессором Одесского и Петербургского университетов. Чувства хорвата, в 1872 г. приехавшего в Россию, высказал В. Ягич: «Здесь... господство славянского языка, здесь нет нужды скрывать свой славянский язык перед сильными господами». Ф. Рачкий посетил Россию в 1884 г. Он писал о русских просторах, городах, исторических памятниках, научных центрах, тяге молодежи к знаниям [16, 18].

Подводя итог сказанному о югославизме (начиная с 30-х годов XIX в., то есть с иллиризма), можно сделать вывод, что наднационального и нейтрального югославизма не было. Хорватский югославизм — особая форма

национальной интеграционной идеологии. Югославизм, правда, значительно реже, проявлялся и у сербов (в Сербии и Воеводине), и там он имел черты сербской идеологии [17, 18].

Австрославизм являлся второй важнейшей чертой идеологии народняков. Национал-либеральная партия прежде всего добивалась объединения хорватских земель: Хорватии, Славонии, Далмации, Военной границы, части Истрии, Меджумурья, части Боснии, островов Кварнер. Эти требования обосновывались экономически и социально: объединение приведет к «моральному и материальному прогрессу», «быстрому распространению (на Границе) людей из лучших и имущих классов». Широкая автономия Хорватии привела бы к расцвету Загреба: появится крупная промышленность, банки и пр. Требование финансово-экономической автономии — основа минимальной программы народняков. Никто тогда не сможет нанести «ущерб материальному развитию» Хорватии [Pozor, 1867]. Пример Ирландии говорит о несчастье страны, лишившейся государственности. Вместе с другими народами хорваты должны иметь право решать имперские проблемы. Центральному правительству надо отдать лишь необходимое для сохранения монархией своей мощи (Б. Шулек, 1865 г.); это: дипломатия, армия, денежная система, внешняя торговля (М. Хрват, 1867 г.).

Солидарность славянских народов Австрии — путь к равноправию, считали австрослависты. В 60-х годах быстро выросли связи между славянами. Австрослависты выдвигали либеральную программу федерализации империи, полагаясь на численность славян. При федерации Вена будет подлинным центром, а не «торбой без дна».

Чешские либералы были крупной силой, выдвинувшей идеологов федерализма (Ф. Палацкий, Ф. Ригер). В Словении и консерваторы, и либералы мечтали об Объединенной Словении в рамках австрийской федерации. В Воеводине лишь наиболее умеренные круги примыкали к федералистам (церковь, чиновники). В 1848 г. федералисты желали создания центрального австрийского парламента и ответственного правительства (такова была позиция хорватского сабора и чешского сейма). В 60-х годах примером для федералистов служила Швейцария, где народы живут «в сообществе и любви» [Pozor, 1866]. В 1848 г. выдвигались проекты автономных единиц на этнической и на исторической основе.

«Позор», говоря о федерации, ссылаясь на «дух времени» и на «историческое право». Австрославизм выдвигался как средство спасения Австрии и трона от гибели. Соглашаясь, в крайнем случае, на историческое право, либералы хотели сделать свои проекты приемлемыми для консервативных сил (двора, аристократии). Народняки подчеркивали, что они не игнорируют ни связи с Венгрией, ни с остальной монархией, но «сопротивляются всякому централизму» в империи или в Венгрии («Pozor», 21.01.1867). Пределом их мечтаний было объединение югославян империи в одну федеральную единицу.

Большинство федералистов молчаливо признавало сохранение сильной власти императора во имя «великодержавия» Австрии. Но, как мы показали выше, этим в действительности они не ограничивались. Они критиковали доверчивость иллиров к венским властям и Елачичу в 1848 г., но тем не менее Елачича считали «бессмертным баном». Как австрослависты, вполне критически к тактике иллиров они отнестись не могли.

Но, как правило, доверия к австрийской власти у народняков не было. «В 1848 г. мы сделали уступки австрийскому ответственному правительству, и известно, в каком плохом положении оказались. Неужели ныне следует делать те же уступки абсолютистскому правительству?» — риторически спрашивал Шулек в 1861 г. [Grada za povijest književnosti hrvatske. sv. 19].

Власти империи искали соглашения с Венгрией и шантажировали венгров угрозой федерализма. Однако федералисты в трудные для династии моменты (1866 г.) заявляли о лояльности монархии и потому были обречены на политическое бессилие. Но они отказывались служить орудием абсолютной власти.

Федералисты полагали, что соседние (балканские) народы захотели бы присоединиться к федеративной Австрии. Более того, народняки заявляли о готовности поддержать федеративную, свободную Австрию в борьбе за Балканы. Хорватия может стать опорой Австрии и ядром югославянского государства — федеральной единицы империи. В 1860 г. в статье «Югославянство» Рачкий писал, что «мы, югославыне Австрийской империи — должны решить славную задачу, касающуюся не только нас, но и засавских братьев» (по р. Саве проходила австро-турецкая граница). «Если мы ее решим, то станем для них центром притяжения» [21]. Когда надежды на федерацию исчезли, народняки не упускали случая пожалеть об «ошибках» Австрии... Австрия не увязала восточный вопрос с хорватским! И т. д. (Но мы помним, что *конечной целью народняков была независимость от Австрии.* — В. Ф.). Штротмайер понимал, что только после ее (Австрии) преобразования на основе федерации она стала бы достойна поддержки. Это было бы совсем иное государство.

Со своей стороны австрийские власти убеждали «своих» югославян в том, что им предстоит выполнить «освободительную миссию» на Балканах. Хорватам делались неопределенные намеки по поводу Боснии. Вся эта политика наносила ущерб делу освобождения южных славян Османской империи. Сербская (воеводинская) газета «Застава» (С. Милетича) обещала хорватам поддержку в борьбе за широкую автономию (это была бы автономия и для сербского населения Хорватии), только требовала от них «не беспокоиться больше о венском правительстве, чем оно беспокоится о них», отказаться от программы федерализации империи [Застава, 1866, № 54].

Живучесть австрославизма, однако, была связана с рядом обстоятельств. Для чехов противодействие германской экспансии было настоящей задачей. Вообще, страх перед соседями играл роль в аргументации австрославистов разных национальностей (поляков, словенцев). Хорватские народняки считали федерализм средством против германизма внутри и вне монархии. Чувство неуверенности в будущем, сознание того, что югославы, раздробленные и угнетаемые, не готовы к отпору германской экспансии, возрастало. Народняки опасались аншлюса Австрии великогерманским государством. «Чем обширнее и сплоченнее становится Германия, тем настоятельнее потребность в том, чтобы народы Балканского полуострова освободились» [Pozor, 1867, 13.06]. Особую тревогу в Хорватии вызвало поражение Франции в 1870 г. Наконец, федералисты, особенно чешские, были заинтересованы в сохранении экономической общности имперских земель. Они включали круги, связанные с имперским рынком.

Но в югославянских землях в сохранении империи были заинтересованы значительно меньшие силы, а именно верхушка купечества и финансистов. Конкуренция, фискальный гнет — все это заставляло средние слои задумываться о независимом государстве, где их деятельности был бы открыт простор. В югославянских землях зрели радикальные настроения. Уже поэтому Габсбурги не могли допустить федерализации империи. Да и демократические требования пугали правящие круги. «Никакая форма, к которой хорваты не присоединятся добровольно, не будет для них обязательной...» [Pozor, 1867, 7.01]. Исходным пунктом переговоров о федерализме народняки считали суверенитет народов («без вмешательства армии», народы сами «ввиду своих интересов и обязательств перед династией, останутся в единстве») [Pozor, 1866, 2 и 6.08].

Образец государственного строя народняки видели в Англии, Бельгии, Голландии. Шулек считал, что именно парламентский строй привел их экономику к подъему. В Австрии же, «где свобода печати и объединений, где ответственное правительство и суд присяжных, где независимость судей... где возможность конституционным порядком распоряжаться имуществом страны?» [Pozor, 1867, 25.07].

Правда, это было напечатано незадолго до издания либеральной декабрьской конституции 1867 г.

Федерализм должен был обеспечить условия для общественного и культурного подъема славянских народов. Но австро-немецкие и венгерские общественные силы, принимавшие участие в борьбе, как раз этого стремились не допустить. Австрийские правящие круги смогли вывести страну из кризиса путем соглашения с социально-родственными силами Венгрии, Галиции, т. е. с аристократией. Немецко-богемский аристократ Клам-Мартиниц считал, что торжество этнического принципа привело бы империю к распаду, а реорганизация на «исторической» основе воз-

можно. Итак, возможно соглашение с дворянством, но не народами. Так возник австро-венгерский дуализм.

К этому остается только добавить, что все соседние державы были противниками федералистских проектов (Пруссия, Россия, Турция). Итак, программа-максимум федералистов была неосуществима, но некоторые выгоды от реформ в монархии народы могли получить. Соотношение сил в Австро-Венгрии (точнее — в Австрии) заставляло правящие круги идти на определенные уступки национальным движениям.

После 1848 г. и особенно с 60-х множество хорватских мелких производителей, мелких малоимущих дворян, мелких торговцев с отчаянием наблюдали, как экономический поток, захватывающий Австрийскую монархию, идет мимо их страны, что судьба Хорватии зависит от иноземцев, чуждых ее интересам, что значительная часть народа на Военной границе живет в условиях наследственной солдатчины и проливает кровь за Габсбургов. Выразителем их настроений стал Антун Старчевич, сильно ощущались они и у другого идеолога хорватского национального радикализма — Евгения Кватерника [23]. Однако он идейно исходил из интересов буржуазии [24, 25].

Так как хорватский народ «не в состоянии вершить свои государственные дела самостоятельно, — формулировал свою позицию Кватерник, — ... наш долг, исходя из принципа равноправия людей и народов, на основе священных прав хорватского народа, действовать во имя его возрождения» [Arhiv R. Hrvatske. Rakovička buna, kutija, VII, вт. 408]. Федерализм австрославистов, как и в 1848 г., может способствовать лишь интересам деспотизма, заявляли Кватерник и его последователь В. Бах в 1870 г. [Muzej grada Zagreba. Kvaternikova ostavština].

В отмеченных условиях естественно появление идеологов, *видевших спасительное для Хорватии будущее в отделении ее от монархии Габсбургов*, объединении хорватских земель, в защите отечественного производства таможенными границами, в утверждении государственной независимости. Большое воздействие на национальную идеологию хорватов оказало объединение Италии (1859, 1866, 1870) и объединение Германии (1866, 1870).

Э. Кватерник (1825—1871), сын преподавателя Загребской академии, в период международно-политической неустойчивости (с конца 50-х годов по начало 70-х годов XIX в.) искал поддержки у возможных противников Габсбургов (см. главу 5) и погиб в неудачной попытке поднять восстание на Военной границе (1871 г.) [26].

Антун Старчевич* (1823—1896), по образованию юрист, был воспитан дядей — сельским священником, работал в адвокатской конторе. Необходимость независимости Хорватии он в течение более трех десятилетий

* В дальнейшем ссылки на отдельные сочинения А. Старчевича не даются; в «Примечаниях» см. краткий список основных изданий Старчевича и о нем (22).

доказывал в своей публицистике, корреспонденции, материалах сабора (депутатом которого был), аргументами из сферы экономики, национального и социального развития, политики и культуры. Рассмотрение любого вопроса было подчинено им одной цели: утверждению идеи национальной независимости.

В Австрийской империи (Австро-Венгрии) историческое право было доводом в доказательстве законности национальных требований, поэтому последователи Старчевича называли себя «партией права» (праваши). Сущность правовых доводов состояла в том, что Хорватия как государство существует непрерывно с раннего Средневековья, что хорваты, как суверенный народ, заключили договор с венгерскими королями в 1102 г., а в 1527 г. добровольно договорились с династией Габсбургов. По мнению Старчевича, в том, что в XIX в. от государственных прав Хорватии сохранились небольшие остатки, повинны иностранные правители и мягкотелые эгоистичные представители хорватского общества, готовые служить любому господину.

В своих речах Старчевич подчеркивал, что каждый народ вправе быть хозяином на своей земле. «Пусть будет счастлив мадьяр в Венгрии, Австрия — у себя дома, но превыше всего — да будет счастлив хорват в Хорватии» (1871 г.). Составлять подробные программы разных улучшений означает обманывать себя, ибо все решают иноземцы. Поэтому «нам не о чем просить наше правительство». Справедливого для народа решения быть не может (1881 г.). «Только тогда, когда независимое существование обеспечено, можно основательно взяться за устройство разных областей внутренней национальной жизни».

При самостоятельности и независимости народа в решении внутренних и внешнеполитических проблем могут существовать разные мнения, партии, но куда дело идет о суверенитете, не может быть никого, «кроме защитников и предателей нации» (1868 г.). Говорят, что мы бунтари, утверждал Старчевич. Но в таком случае «весь мир великий бунтарь». «Мы принадлежим к таким бунтарям и хотим ими остаться...» Мы вынуждены терпеть насилие, но добровольно режим не поддержим, своими правами не поступимся. Говорить, что хорватский народ с его реками, морем не в состоянии сам продержаться, а должен примкнуть к кому-либо — ложь. Это означает «осрамить наш народ, освящать нынешнее состояние, в котором он погибает от несправедливости». «Пока народ хочет быть народом, он будет выступать за самостоятельность и независимость... Это условие его существования, это цель и дух нашей программы» (1868 г.).

Мы — партия права, говорил Старчевич, которую называют бешеными, фантастами, сумасшедшими, считаем, что «все исторические народности на своей земле равноправны, что нет ни первой, ни средней, ни последней, что каждая народность имеет право на существование и развитие». Старчевич выступал против создания «объединенного христиан-

ского государства» на Балканах. Идеи австрославизма, федерализации Австрийской империи или федерации южных славян, выдвигавшиеся либералами-народняками, он считал «метафизическими», не ведущими к цели — национальной свободе хорватов. Единственная реальная цель — суверенное Хорватское государство.

Сабор 1861 г. признал возможность возвращения Хорватии в состав земель венгерской короны, то есть восстановления связи, прерванной в 1848 г. Старчевич говорил, что тем самым народняки «предали самостоятельность» страны. В адресе сабора 1866 г. говорилось о «нераздельной связи Хорватии и других габсбургских территорий в высших государственных делах, касающихся разных земель монархии», при этом выдвигалось требование учета различий между ними (т. е. автономии земель). Старчевич возражал: да что у нас общего с Тиролем или Чехией?

По Старчевичу, несчастье хорватов в том, что иноземцы в течение последних сотен лет, «в каждый знаменитый период нашей истории» находили в Хорватии людей, «жадных до почестей и денег» и готовых служить чужакам: они обманывали народ так, что ныне он «катится в пропасть». Старчевич утверждал: необходимо вернуть народу то, что принадлежит ему «по праву и естественной сущности», все то, без чего «народ (нация. — В. Ф.) не может быть народом». Под неотъемлемым правом нации Старчевич имел в виду все сферы государственной деятельности — армию, внешнюю и внутреннюю политику, финансы и др.

В 1861 г. Старчевич считал единственно удовлетворительным для Хорватии такое решение: воссоединение хорватских земель, демилитаризацию Военной границы, присоединение к Хорватии Далмации и с «согласия населения» — «северо-западного края» Хорватии «между р. Сочей и Германией» (т. е. Словенией), возвращение «всех прежних прав сабору» и принесение присяги ему королем... Тогда династия сможет опереться на Хорватию против любого врага.

В 1861 г. на саборе Старчевич выступил за созыв «полновластного сабора», подобного тому, который в 1527 г. избрал Габсбургов на хорватский престол. Этот сабор, по его мнению, должен был бы провозгласить «священные принципы» свободы личности, объединений, мысли и слова — живого и писаного; сабор бы избрал или утвердил всех чиновников, урегулировал финансы, установил принципы торговли с иными государствами, занялся народным хозяйством, издал законы, короче, «этот сабор обеспечил бы счастливое будущее народа и блеск престола». В связи с этой точкой зрения определенной была оценка Старчевичем событий 1848 года. Наш народ, утверждал тогда же Старчевич, не мог предвидеть ужасных последствий (хорвато-венгерской) войны 1848 г. ни для Венгрии, ни для него самого. «Предательство и махинации темных и заклятых врагов свободы и счастья народов» — имеется в виду «придворная камарилья» (аристократия и династия. — В. Ф.) — использовала эту священную

войну за свободу, превратив ее в побоище ради «расширения и упрочения рабства». Праваши сделали вывод, что борьба под лозунгом федерации, за сохранение империи и против народов, борющихся за независимость, может привести только к «единой, централизованной деспотической» власти...

Кульм национальной истории, насаждавшийся праваши (как, впрочем, и народняками), во многом определял национальное самосознание складывающейся нации, способствовал процессу ее формирования. Не в любой стране аргументом в текущей политической деятельности в XIX в. могли служить события XII или XVI вв., истолкованные в нужном в данный момент смысле.

Решающие доводы Старчевича в пользу независимости — доводы экономического характера (с точки зрения малоимущих мелкобуржуазных и мелкодворянских слоев Хорватии). Эти доводы выдвигались в противовес интересам либерального купечества, строившего свое благополучие на связях с Австрией и потому удовлетворявшегося программой автономии или федерации, а также интересам близкой к буржуазии интеллигенции и чиновничества.

В ответ на Февральскую конституцию 1861 г. Риекская жупания постановила (Старчевич был автором ее резолюций. — *В. Ф.*): участие в имперском совете (рейхсрате) «оскорбило бы священную память отцов», означало бы отречься от самостоятельности в будущем, подписать себе смертный приговор, взять на себя часть огромных долгов Австрии, которые Хорватия не гарантировала и которые использованы «ей на погибель». «Так как для этого королевства (Хорватии. — *В. Ф.*) жизненным вопросом является поднять все отрасли народного хозяйства, то оно нуждается в свободе и кредите, свобода... подавлена, кредита нет», «к тому же, чем хорватский народ беднее, тем остальные народы Австрии* имеют более надежного и безмолвного покупателя своих плодов и изделий... Чтобы развить свою торговлю и промышленность, Королевство Хорватия нуждается в защите против иностранных крупных капиталистов, а эта защита, сколь она необходима и спасительна для нашего королевства, столь явно вредна всем остальным народам Австрии». «Чтобы выйти из варварства, в котором хорватский народ оказался в результате 334 лет иноземного правления,** этому народу необходимо просвещение, в основе которого должны быть народный дух и нравы, народный язык — средством, а целью — счастье народа». «Короче, польза хорватского народа

* «Остальные народы» — официальная формула, означавшая все народы империи вне Венгерского королевства и Хорватии. После учреждения дуализма (1867 г.) вошел в официальное употребление термин «королевства и земли, представленные в рейхсрате», даже термин Цислейтания («по эту сторону р. Лейта») неточен, так как не охватывал Галицию.

** Считая с момента прихода Габсбургов к власти над Хорватией в 1527 г.

противна пользе *остальных народов Австрии* и наоборот. В каком бы то ни было австрийском парламенте представители Хорватии со своими справедливейшими требованиями и предложениями остались бы в меньшинстве, а хорватский народ остался бы пьедесталом величия Австрии». И наконец: «Каково народу, сыны которого стоят под чужим флагом и подчиняются чужим приказам? Как он поднимет свою торговлю, свое производство и т. д., народ, все хозяйство которого находится в чужих лапах? Как он отрегулирует свои доходы и расходы, если все, чем он владеет, определяет другой?»

Относительно Венгрии Старчевич говорил, что хорваты и венгры сотни лет проливали кровь за чуждые интересы. Конечно, надо избегать объединения с Венгрией... Но свободная Хорватия рядом с несвободной Венгрией или наоборот — чушь: «счастье и несчастье всякого народа на востоке Европы безусловно связаны со счастьем и несчастьем соседних с ним народов». В отношениях с Венгрией необходимо только: «Свобода всех нас, равенство и братство». Все это писалось в начале периода конституционных маневров Габсбургов (1860—1866), закончившихся австро-венгерским компромиссом 1867 г.

Обращает на себя внимание, что Старчевич видел в Венгрии возможного союзника против Габсбургов. Центр мошн последних находился в Австрии, но, кроме того, если рассматривать экономическую сторону проблемы, то Хорватия до 1868 г. страдала именно от «австрийских» налогов, конкуренции и политики, но и после 1868 г. — прежде всего от австрийской промышленности, подавлявшей хорватские традиционные отрасли хозяйства и подчинявшей экономику страны имперским интересам. После 1868 г. отношение к Венгрии, которая переняла у Вены господство над Хорватией, несколько изменилось, но главным виновником всех бедствий Хорватии, по Старчевичу, по-прежнему оставалась Вена («швабы»).

В 1880 г. Старчевич подчеркивал: результатом дуализма стало то, что «в неизмеримый ущерб нам и венграм мы содержим промышленность и фабрики Австрии». Мы платим дорого за австрийские ткани, сахар, железо. «И наоборот. Австрийцы получают наши хлеб, вино и другие плоды земледелия без пошлины, потребляют или перерабатывают их и нам продают по дорогой цене, а ведь мы могли бы эти товары с пользой экспортировать». «Таким образом, мы показали, что венгры заключили с Австрией не соглашение, но капитуляцию, самую вредную, которую только можно представить». «Хорватия и Венгрия за исключением доброго соседства имеют с Австрией меньше общих интересов, чем с каким-либо другим государством».

В этом вопросе взгляды Старчевича знаменательно близки позиции лидера венгерской революции Л. Кошута. Старчевич одобрительно отзывался о Кошуте: в Венгрии «одну партию составляли Кошут со всем населением и всеми просвещенными людьми. Она была против договора

с Австрией, за равенство, союз народов Востока, осталась и против дуализма».

Австро-венгерский дуализм 1867 г. лидер правашей считал недолговечным: «Мадьярский деспотизм (над Хорватией. — В. Ф.) будет все более терять силу, его собрат австрийский — тоже. Ни один из них не сможет противостоять ни внутренней болезни, которая их разрушает, ни внешнему конфликту, который ожидает каждого из них» (1881 г.). Старчевич предугадал развитие событий в начале XX в.

Относительно переворота в средствах транспорта Старчевич утверждал: *пароходы и железные дороги хороши, когда страна созрела для них, в Хорватии не следует их строить ни метра! «В Бельгии хозяева железных дорог сами бельгийцы...»* Для хорватов же это новые долги, а собственные дороги — иностранцы...

И снова об условиях материального благополучия Хорватии: «Только самостоятельное и независимое государство, только суверенный народ, пользующийся свободой, может правомочно выносить решения о себе самом будь то путем законного сабора, будь то всеобщим голосованием». Здесь же отметим, что Старчевич не раз выступал за всеобщее право голоса в свободной Хорватии, что в Австро-Венгрии тогда (1880 г.) казалось фантазией.

Из ненависти к системе власти Габсбургов Старчевич все «немецкое» охаивал, считал «варварским» и демонстративно хвалил положение... в Османской империи. Все оценки Старчевича проникнуты политической страстью. Он был противником планов австрийской оккупации Боснии и Герцеговины. Боснийских мусульман он называл лучшей частью хорватского народа. «Будь ты в тюрьме один, будь с товарищем, все равно ты заключенный», — так он видел положение хорватов в случае оккупации Боснии. После оккупации в Боснию из империи хлынула бы солдатня, чиновники, жандармы, шпионы, были бы введены новые налоги, понаехали бы торговцы, учителя, духовенство и пр., — все это, «чтобы погубить тот в сравнении с нами еще неиспорченный девственный народ, сделать несчастной и опустошить эту прекрасную страну...» «Кто не желает, чтобы Босния или мы скорее провалились в пропасть, чем объединились бы под Австрией?» Кроме того, Старчевич предрекал, что оккупация обернется несчастьем для самой Австро-Венгрии...

Понимая слабость хорватов, Старчевич ожидал национального освобождения от какой-либо враждебной Габсбургам державы — первоначально Франции, ввиду провозглашенного Наполеоном III «принципа национальностей», позднее (особенно после Седана, 1870 г.) — от франко-русского союза, который казался ему неизбежным, несколько лет после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — от России.

Кстати, Старчевич так представлял себе будущие отношения свободной Хорватии и России: «Если где-нибудь вообще имеются, то именно здесь существуют общие интересы: польза для хорватов от русской тор-

говли и дружбы, польза для русских от хорватских портов и дружбы хорватов. Это интересы денежные, самые практичные». Все это возможно, когда «настоящие русские» покончат с деспотическим режимом (1871 г.).

После поражения Франции под Седаном (1870 г.) праваша свои надежды несколько лет связывали с внешней политикой России, с австро-русским противоречиями. Еще до Седана Кватерник пропагандировал необходимость франко-русского союза против германской экспансии.

Если в австрийские дела вмешаются державы, писал Старчевич в 1869 г., то хорватам «бороться за Австрию означало бы убить самих себя». Но «когда придет срок драться за Хорватию, говорить будем иначе» (велика была свобода печати в Австро-Венгрии!).

В духе формальной «лояльности» династии и «законности» Старчевич с обычным сарказмом замечал: «Нас охватывает печаль ввиду очевидной гибели, к которой со всей силой устремляется наш отеческий престол», отказываясь восстановить законное положение Хорватии. «Законной» хорватский идеолог считал только личную унию с «хорватским королем» — императором Австрии. Предсказание Старчевича сбылось всего через несколько десятков лет — не столь большой исторический срок.

В 1871 г. партия права переживала кризис. В партии возникла группа революционных демократов (Ф. Матасич и др.). Матасич выступил в газете «Хрватска», издаваемой Кватерником, в защиту Парижской коммуны, яркая статья была посвящена и Французской революции XVIII в., было помещено сообщение о предстоящем выходе в свет книги Маркса «Гражданская война во Франции».* Особое внимание газета (вероятно, автор статьи — Матасич) уделила М. И. Бакунину, охарактеризовав его как самого выдающегося русского человека (О Матасиче см. Arhiv R. Hrvatske. Obitelj Kvaternik, s. 28—31). Несомненно, *левые* праваша были связаны с М. И. Бакуниным, это стало основной легенды о связях правашей (Кватерника!) с I Интернационалом.

Кватерник потребовал разрыва с радикалами. Он обвинял их в атеизме, сам же считал религию основой «всякого национального и государственного существования» [Arhiv Jugoslavenske akademije. Ostavštine, XV, 22B]. Дело уладил Старчевич. Кватерник, в конце концов, согласился, что при единстве в главном (свобода Хорватии) каждый сотрудник редакции может придерживаться собственных взглядов.

Уже в 60-х годах влияние правашей росло. В 1866 г., когда Старчевич единственный выступил в саборе против принципа «общих интересов» Хорватии с остальной империей, студенты загребского юридического училища (академии) преподнесли ему адрес в серебряной оправе.

Позиция А. Старчевича по проблеме национальной независимости ясна. Поэтому он рассматривается в Хорватии как основоположник

* В извещении было процитировано начало текста книги Маркса, но не назван ни автор, ни сама работа.

важнейшего идейного течения в национальном движении XIX в., более того, как «отец отечества».

Старчевич выступал за развитие национальной промышленности. Но при всем том он надеялся на ограничение роста численности пролетариата («чтобы он мог честно прожить»); для этого надо, чтобы капиталисты не угнетали ремесленников и чтобы налоги на последних были умеренными. Согласовать это с мыслью о развитии промышленности трудно. Впрочем, свои идеи в социальной сфере Старчевич не развивал.

Старчевич указывал на снижение роли дворянства во всей Европе. С XVIII в. «нет ни одного умного закона, созданного дворянством». Для хорватских дворян народ — «живой капитал», поэтому они не способны опереться на народ в национальном движении... Вместе с тем Старчевич выступал от имени всех хорватских сословий. Он писал о разорении дворянства ввиду несправедливой системы выкупа, навязанной центральной властью. Одновременно, по Старчевичу, именно австрийское управление ввергло крестьян в рабство и нищету. Все последствия развития феодализма и раннего капитализма Старчевич объяснял «австриянской» и, так как это служило его основной цели. Видна позиция мелкобуржуазного идеолога, но именно мелкособственнические слои больше других страдали от иноземного господства, и этим объясняется национальный радикализм Старчевича. Крестьянство он называл самым честным и благородным сословием, остро переживал его обнищание, но не выдвигал никакой аграрной программы, кроме пожелания «добрых отношений» между крестьянами и помещиками. Как представитель нации в целом (именно так фактически рассматривал свою роль Старчевич), он стремился сплотить народ в борьбе за независимость.

В анализе событий 1848 г. проявился демократизм Старчевича. В речи в саборе в 1889 г. он утверждал: «По справедливости следовало (в 1848 г. — В. Ф.) немедленно наделить крестьян достаточным земельным наделом с правом собственности и освободить от всякой зависимости без выкупа, чтобы они пользовались всеми правами, которые раньше имело лишь дворянство». Консервативная защита задруги (одного из условий сословного неравноправия крестьян) совмещалась у Старчевича с требованием равноправия крестьянства.

А. Старчевич неоднократно выступал за введение демократических свобод. «Запрета на свободу печати хотят те, кто стремится использовать невежество народа...» «Знание — путь к свободе и прогрессу». «С тем, кто против свободы слова и печати, я, имея при себе пять форинтов,* боялся бы спать под одной крышей...» Относительно мнения Старчевича о всеобщем избирательном праве мы упоминали. Судьбу Военной границы, считал он, может решить лишь сабор или народ «всеобщим голосованием» (1869 г.).

* Четыре рубля на тогдашние русские деньги. — В. Ф.

Буржуазные революции и национальное освобождение Старчевич считал явлениями одного порядка, оказывающими решающее влияние на прогресс народов. Результатом революций в Англии и Франции, по Старчевичу, было успешное экономическое развитие этих стран. Рассуждая о бедности Хорватии, он писал в 1861 г.: в Англии урожаи тоже были низкими, но «во второй половине XVII века английский народ освободился от своих кровопийц» и все стало меняться. Французскую революцию XVIII в. он считал событием, определившим развитие Европы; она провозгласила принцип суверенитета нации. Старчевич понимал неизбежность глубоких перемен в России: социальная опора самодержавия сужается. В 1871 г. он писал: «нынешнее положение долго продолжаться не может... После отмены крепостного права... нет силы, способной защитить деспотизм, нет иного выхода, как предоставить народу свободу или ждать, пока он сам возьмет свободу и еще больше». России нужна «хорошая конституция» или ее ждет «новый 1789 год».

В целом у Старчевича преобладает демократизм, хотя его социально-экономическим взглядам присущи противоречия, и не в этой сфере он сказал новое слово. Его социальные взгляды не составляют такой целостной системы, как взгляды национальные.

Но что касается демократического устройства государства, то основоположники учения партии права в 60-х годах выступали более последовательно, чем народняки, придерживавшиеся либерально-монархических взглядов.

Сербов и словенцев правящие объявляли хорватами. Аргументы при этом приводились несерьезные или вообще не приводились. Так Старчевич заявлял, что, не став хорватами, сербы не устоят перед процессом румынизации (который действительно кое-где имел место). Более весомым был призыв к словенцам: «Если вы заботитесь о благосостоянии, о торговле, производстве, можете ли надеяться на это, будучи привесками Италии или Германии?» А в Хорватии «кого как не вас ждут плоды страны плодороднейшей, но заброшенной, плоды (вашего) ремесла и торговли, которых у нас и зародыша почти не появилось?» (1861 г.). Словения была самой развитой южнославянской страной.

Отрицание Старчевичем сербского этнонима, самого существования сербского народа (панхорватизм) нелепо. Стремление убедить сербов, что они хорваты, недостойно даже обсуждения. Эта «теория» преследовала национально-политические цели, поскольку сербское население было расположено в жизненно важных для формирующейся хорватской нации районах Триединого королевства. Целью Старчевича было абсолютное господство в Хорватии (и даже в Боснии) хорватского национального самосознания. Но отношение к Боснии в сербской национальной идеологии было таким же. Великосербская идеология отрицала принадлежность к хорватскому народу большинства хорватов. «Великие» идеи сербов и хорватов противостояли друг другу. Но аналогичные идеи характерны для

ряда наций, особенно в период их формирования, особенно там, где имелись зоны смешанного по этническому составу населения (Румыния, Венгрия, Греция, Болгария). Идеология вообще не направлена на поиск истины, это — система идей, предназначенных для представительства каких-либо социальных и национальных интересов. Но это не значит, что в идеологии не могут иметь место элементы, отражающие объективное состояние дела.

Сербский социалист Светозар Маркович, чуждый национализму, с уважением писал о борьбе правшей за национальное освобождение («самая святая, смелая и прогрессивная партия Хорватии»), но панхорватизм настолько бессмыслен, считал он, что недостоин критики [Раденик, 16.10.1871]. Примерно так же отзывались о панхорватизме русские современники А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович, вместе с тем отметив, что вообще Старчевич «иногда говорит правду, хотя говорит грубо» [27]. Великосербская и великохорватская идеи являлись выражением национализма двух формирующихся наций, совместно занимавших обширные «спорные» территории [28].

В заключение приведем примеры великохорватской и великосербской аргументации, свидетельствующие о том, что эти концепции стимулировались существенными политико-экономическими соображениями. Сербская газета «Млада србадия», орган Объединенной омладины,* писала в 60-х годах XIX в., что без Боснии сербский народ не в состоянии «глотнуть свежего воздуха с моря». Сербия крайне нуждалась в доступе к морским портам для своей внешней торговли. Э. Кватерник, идеолог правшей, тоже в 60-х годах утверждал, что если Босния будет у сербов, то «кто же спасет от голодной смерти хорватов на каменистых и скалистых далматинских берегах?» Так обе стороны реальными мотивами объясняли необходимость присоединения Боснии к Сербии или Хорватии. Конфликт из-за Боснии с ее этнически смешанным населением имел глубокие корни.

В целом правашская и югославистская идеологии в чем-то близки друг другу. Переживая социальную эволюцию, они сближались даже соединялись в одном течении (см. ниже). Они были, как казалось, непримиримы в 50–60-х годах XIX в., но и тогда, несмотря на яростную полемику, это были *хорватские национально-интеграционные идеологии*, и можно найти точки их соприкосновения. Это естественно, так как их цель — достижение единства хорватских земель и суверенитета, хотя и различными путями. Тактика и «философия» разные: югослависты *унаследовали и реформировали* идеи иллиризма, правашаи *отбросили* их.

* Омладина — «Объединение сербской молодежи» (1866–1872) — радикальная организация, формально созданная для распространения сербской культуры и национального самосознания, но занимавшаяся и политикой.

Глава 7

Национальное возрождение в Далмации и Истрии в 60–70-х годах XIX в.

В Далмации в 60–70-е годы XIX в. произошли важные культурные и национально-политические изменения. По данным крупного деятеля национального возрождения Ловро Монти, из 457 тыс. человек, составлявших население Далмации (1874 г.), только 4,5 тыс. (1 %) были иностранцы, говорившие по-итальянски, кроме них еще 10 тыс. местного населения также говорили только по-итальянски (большинство их — итальянизированные славяне). Всего примерно 15 тыс. человек не знали хорватского языка, то есть более 3 %. Но по-итальянски говорило около половины горожан (включая «вароши» — предместья, население которых занималось сельским хозяйством) — около 50 тыс. человек, или 11 % населения Далмации. Они-то и находились в сфере итальянской культуры, они составляли «общество», к их среде принадлежали представители власти. Из указанных 50 тыс. человек большинство признавало, что Далмация — славянская страна. Но даже в начале 60-х годов часть горожан не имела ясного представления о своей этнической принадлежности. В 80-х годах все уже считали себя хорватами, сербами, итальянцами. Итак, этническое сознание претерпело изменения за два десятилетия.

На побережье моря испокон века земля в основном принадлежала городской знати (патрициям); был распространен колонат. Возделывались виноград и оливки. В области Дубровника зависимость была более тяжелой (кметство), связанной с личной несвободой, барщиной и т. п. В Дубровнике в 70-х годах XIX в. 27 горожан-патрициев владели 5,9 тыс. га, 21 «незнатная» семья — 1197 га и 13,7 тыс. га принадлежали крестьянам разного состояния. В отличие от районов колоната, где аграрные отношения формально были основаны на частном праве, в Дубровнике — на праве публичном, и австрийские власти поставили их под контроль администрации округов (преторов).

В 1850–1856 гг. десятина в пользу казны была заменена поземельным налогом. Налог платил землевладелец, а колон возмещал ему $\frac{1}{3}$ суммы,

приходившейся на его участок. Владельцами земли становились купцы, богатые капитаны, разбогатевшие крестьяне, священники. Существовавшая система консервировала отсталость Далмации. Колоны, выкупая землю, попадали в зависимость от ростовщиков. Ростовщичество приобрело невиданные в других землях Австрии масштабы. И все же постепенно утверждались буржуазные отношения.

Хорватский историк Н. Станчич обратил внимание на две зоны Далмации. Загора (материковый восток), часть Приморья (Макарска) и долина р. Неретвы составили одну из них. Крестьянство здесь еще при османах охраняло границу и было свободно от повинностей, а верховным собственником земли была казна. Французы отменили государственную собственность, и крестьянин стал свободным собственником. Здесь долго сохранялось самоуправление. Другая зона — побережье с колонатом [1]. Зоны различались по обычаям, сознанию, говору (на побережье — чакавский диалект, в хинтерланде — штокавский). В отличие от побережья, крестьяне Загоры занимались хлебопашеством и животноводством. Здесь имелись и более крупные имения.

Кроме землевладельцев, моряков, купечества и крестьян значительными группами населения Далмации являлись чиновничество и духовенство. В хинтерланде Далмации располагались францисканские монастыри. В одном из них была открыта первая в Далмации хорватская школа. Стать священником — обеспеченным человеком — было мечтой многих выходцев из сельских и городских низов. Духовенство было главным проводником текущей информации в сельской массе (в 1846 г. в Задаре издавалось 3 газеты общим тиражом 600 экз.). Православное духовенство составляло примерно 1/10 всех служителей Церкви.

В экономике Далмации важное место занимало судоходство. После соединения Триеста и Риеки (1857 и 1873 гг.) железной дорогой с центрами монархии портовые города Далмации переживали упадок. Но еще в 60-х годах парусное судоходство и судостроение процветало. Далмация играла роль посредника между внешним миром, Италией и др., и Боснией, глубинкой Балканского полуострова. Белые быстроходные далматинские клипперы плавали по всем океанам, возили чайный лист из Индии в Лондон. Много далматинцев служило в русском торговом флоте. В 60-начале 70-х годов моряки активно поддерживали общественное движение в Далмации. Но уже в 70-х годах судоходство впало в кризис, капиталы ушли в Триест и Риеку или их владельцы занялись кредитным делом.

Австрийская провинция Далмация подразделялась на четыре округа — Задар, Сплит, Дубровник, Бока. Основная масса населения концентрировалась в первых двух.

Наиболее важным центром медленно развивавшегося внутреннего рынка Далмации был округ Сплита (42,7% населения Далмации). Здешняя группа купцов была связана с Боснией и активно проявила себя во

время национального возрождения. По объему экспортной торговли Босния, однако, далеко отставала от морского направления. В 1878 г. в Боснию было вывезено 10,3 % вина, в Черногорию — 3,5 %, в собственно Хорватию — 1 %, а морем — 85 %. Но через Далмацию в Боснию и Герцеговину направлялись товары из западных стран, поэтому боснийская торговля оставалась жизненно важной для Далмации. Из Боснии привозили хлеб, которого в Далмации не хватало.

Деятель национального возрождения К. Войнович,* секретарь местной торгово-промышленной палаты, отмечал: «Далмация — лишь частица намного более обширного пространства... частица, отделенная от остального, не может экономически развиваться... как ветка, отсеченная от стебля» [2]. Далмация была крайне заинтересована в объединении югославянских земель. Но австрийское правительство ни до 1878 г., ни после оккупации Боснии и Герцеговины не интересовалось экономическими нуждами Далмации. К нищете массы населения оно относилось равнодушно. Провинция имела для нее лишь стратегическое значение, здесь было построено несколько крепостей. Оккупация Боснии, в частности, диктовалась задачей обеспечения тыла этих укреплений (хотя это не основная причина оккупации).

Русский консул в Дубровнике К. Петкович в 1865 г. так рисовал положение Далмации: «Австрийское правительство истратило и тратит огромные суммы денег на укрепление далматинских портов и бухт, воздвигло множество портов, крепостей, казарм и блокаузов, но сравнительно оно не сделало почти ничего... для развития и преуспеяния страны в моральном, промышленном и торговом отношениях. Далмация не имеет ни банков, ни других правительственных кредитных учреждений... При таком положении дела народонаселение Далмации не может быть искренно привязано к Австрии; кроме чиновников, все классы народа недовольны своей участью и громко выражают свои ропоты и негодования... в случае важных политических потрясений, внутренних или внешних, неудовольствие народа легко может проявиться в неприязненных действиях, и тогда приморские укрепления, стоившие столько миллионов, едва ли окажутся достаточными для удержания Далмации в повиновении и спокойном состоянии» [АВПРИ, ф. Г. А. VA₂, д. 727, л. 192—194].

Среди части католических семинаристов в начале 50-х годов существовал культ Сербии как свободной страны. Неудача иллиризма и контрреволюция в Австрии повлияли на их настроения. Некоторые учили родной язык по словарю В. С. Караджича (первое издание — 1818 г.). Один из ведущих деятелей хорватского движения 60—80-х годов М. Павлинович

* Косто Войнович, происхождением из черногорцев, хорват, католик — отдаленный родственник русского писателя Вл. Войновича.

в начале 50-х годов переписывался со своим приятелем Н. Ноди́ло кириллицей. Ноди́ло извинялся, что пишет по-итальянски, а не по-сербски. Противопоставления «хорват» и «серб» для них тогда не было.

Но со второй половины 50-х годов среди католиков стал быстро распространяться этноним «хорват» как наименование национальное, а не областническое [3]. В собственно Хорватии это наблюдалось в 30–40-х годах, в Славонии и Далмации — в 50–60-х, позднее — в Истрии, в 70-х годах в Боснии и Герцеговине.

Бывшие иллиры, югослависты Хорватии в 50-х годах весьма интересовались Далмацией. Особую активность в этом отношении проявлял убежденный югославист Иван Куку́левич-Сакцинский, издававший вместе с Франьо Рачким «*Arhiv za povjestnicu jugoslavensku*» — первый журнал по истории южных славян. Кукулевич посетил Далмацию, интересовался представлением крестьян о родном языке и был рад, что крестьяне называют язык «рвацким». Кукулевич имел обширные связи в Далмации, поддерживал переписку с далматинскими хорватами [4, 5]. Кстати, деятельность Кукулевича — еще одно свидетельство утвердившегося хорватского самосознания югославистов в 50-х годах.

В середине 50-х годов Павлинович и его друзья оставили сербскую идею и пришли к мысли о культурном единении югославян под славянским (словинским)* наименованием. Как видим, здесь повторилось нечто от иллиризма. Но среди горожан оставило след учение Караджича о разделении «племен» по диалектам. Полагаем, что некоторые далматинцы быстро пришли к этнониму «хорват», но их славизм определялся политическими задачами — борьбой — совместно с сербами — за применение родного языка во всех сферах общественной жизни.

Если ранее студенты, учившиеся в Падуанском университете в Италии (Падуя принадлежала Австрийской империи), нередко итальянизировались, то поколение 50-х годов в результате постепенных социальных сдвигов в Далмации, влияния иллиризма, революции 1848 г., борьбы итальянцев за свободу уже стремилось перенести опыт Италии на родину. Торговая и интеллигентная среда не хотела казаться народу чужаками и стала усиленно изучать народный язык. Многие полагали, что национального единства можно достичь подобно итальянцам, несмотря на наличие диалектов. Натко Ноди́ло, учась в Венском университете, не забывал штудировать родной язык, который сначала давался ему нелегко [6]. Группа молодежи, готовая к деятельности на поприще культуры и политики, была пестрой по социальному происхождению. Так, Перо Чингрия был сыном богатого землевладельца из Дубровника, а родителями Н. Ноди́ло были матрос и портниха, но они являлись буржуазными, либеральными по складу, интеллигентами.

* Словинский на местном говоре — славянский, но имелся в виду югославянский.

В целом 50–60-е годы — время дифференциации далматинцев на хорватов и сербов. Иногда решающее значение при этом имели политические симпатии — к Хорватии или к Сербии. Соответственно меняли конфессию. К. Войнович говорил, что «родом я серб, по политике — хорват, а по вере католик». Итак, «политика» оказалась решающим моментом. Речь шла о приверженности сербской или хорватской государственной идее.

Сельской интеллигенции (как М. Павлинович) легче было сразу перейти к «хорватизму» ввиду контактов с крестьянами. Собирая народные слова, он убедился, что они несколько отличаются от помещенных в словарь, а в 1854 г. в письме к Нодило (написанном еще кириллицей) Павлинович высказался за создание нового словаря.

Став священником, Павлинович упорно возрождал глаголическое богослужение, которое в 50-х годах почти исчезло [1]. Но официально в Далмации оно запрещено не было. Павлинович видел в глаголице проявление самобытной хорватской культуры и средство усиления воздействия на прихожан. Он полностью отказался от латыни и перешел к богослужению по глаголическим текстам. Однажды, будучи в Австрии в гостях у своего друга, он прочитал глаголическую мессу местным крестьянам, чем поверг их в изумление. Движение за распространение глаголицы в церкви возглавил Й. Ю. Штросмайер, в системе югославистских взглядов которого глаголица была средством развития общей югославянской культуры. Но папская курия разрешала глаголицу лишь в местах, где она применялась исстари.

После краха абсолютизма далматинцы разделились на «аннексионистов» — сторонников воссоединения с Хорватией, и «автономистов» — противников воссоединения. «Правительство уверено было с помощью своих чиновников-немцев или людей упомянутого класса (опасавшихся резких перемен. — В. Ф.) создать партию против соединения», — писал русский консул в Дубровнике К. Петкович в 1861 г. [АВПРИ, ф. Г. А. AV₂, д. 723, л. 8–10]. Ядром автономистов были чиновники и патрициат, вслед за кем вначале шло большинство торговой буржуазии и городской интеллигенции, считавших себя «славо-далматами», но не хорватами. *Завоевать города* — такую задачу поставили перед собой сторонники воссоединения. Но теория далматинства быстро теряла последователей. Распространялся «югославизм» (словинство), а затем и хорватский этноним. А. К. Матас, директор единственной хорватской школы, называл далматинцев «народом словинского племени и хорватского языка».

Первые выборы в рейхсрат прошли при полной неподготовленности «аннексионистов». К тому же куриальная система выборов давала преимущество их противникам: курии землевладельцев, горожан и торгово-промышленных палат (вместе — $\frac{1}{10}$ населения) посылали в сабор больше половины депутатов: 21 против 20 у курии сельских общин. Католический архиепископ и православный епископ пользовались правом личного

представительства — они поддерживали режим. В марте 1861 г. сторонники воссоединения получили на выборах 13 мест, автономисты — 29 [8].

Предстояла борьба за избирателей. По австрийскому закону школы (но не язык преподавания) являлись заботой как Вены, так и ландтагов, и судьба национального движения во многом зависела от влияния той или другой группировки на школы.

В 1861 г. в Далмации было всего 157 начальных школ, из них только в 23 преподавание велось на хорватском языке и 125 было двуязычных. Единственная хорватская средняя школа была основана в Сине в 1854 г. францисканцами на свои средства. Она сыграла роль в подготовке возрожденческого движения [8a].

Проблема воссоединения была временно снята. Но правительство уже в 1860 г. пошло на некоторые уступки аннексионистам: была издана инструкция о введении «народного языка» в начальных школах Далмации. Однако пока местные власти были в руках «тальянашей» — сторонников итальянского языка, — этот вопрос не решался.

Необходимо было активизировать национальное движение. Главным средством для этого стала газета хорватов и сербов («словинцев») на итальянском языке «Nazionale» с хорватским приложением «Narodni list». Об этом задумывались уже в 1860 г. До «Nazionale» группа патриотов во главе с учителем математики Михо Клаичем пропагандировала свои взгляды в триестинской «Дьяволетто», другая группа — в загребской газете «Позор». «Nazionale» был основан по инициативе сплитских народняков, но выходил с 1 марта 1862 г. в Задаре, столице провинции. Он был предназначен для денационализированных «тальянашей» и всех, плохо знавших хорватский язык. «Национале» с блеском редактировал Н. Ноди́ло.

В 60-х годах «Nazionale» помешала корреспонденции из Загреба, Риеки, Сплита, Дубровника, Белграда и др., а также комментарии о положении в Европе.

Значительную денежную поддержку газете оказывали Й. Штросмайер и В. Морпурго. Ноди́ло и Павлинович за статьи о национальных проблемах подвергались штрафу, их обвиняли в панславизме. Ноди́ло однажды был обвинен в подстрекательстве к бунту. Газета постепенно окрепла и в 1866 г. приобрела типографию. Ее тираж составлял 600—650 экз. В 1869 г. роли «Национале» и «Народни лист» переменялись: хорватская газета стала основной, а итальянская — приложением, что свидетельствовало об успехах в «славянизации» публики. Наконец, в 1876 г. выпуск «Nazionale» был прекращен.

Первый редактор «Nazionale» Натко Ноди́ло (в 1867 г. он стал профессором задарской гимназии, а с 1874 г. — Загребского университета) был либералом, сторонником всеобщего избирательного права, независимости церкви от государства и политики. Ноди́ло утверждал, что прогресс Далмации возможен только в рамках Южной Славии — страны от Дуная до Эгейского, Черного и Адриатического морей.

Ввиду единства языка далматинцы и хорваты — один народ, «славянский», и должны объединиться. Народ создается из племен в результате «торговых связей, общности языка и чувств», — писал Ноди́ло. Но, объединившись, далматинцы и хорваты составят часть славянского народа» — под этим имелись в виду южные славяне. Причиной формулирования этих взглядов была ситуация в Далмации с ее конфессиональными и языковыми противоречиями, отсталостью, слабым национальным сознанием. По мнению Ноди́ло, все это преодолеть можно было только в Южной Славии. Об устройстве и центре Южной Славии Ноди́ло не говорил, подчеркивая, что «Nazionale» защищает права «всякого славянского народа на иллирском полуострове». За идею создания «югославянского королевства» полиция и обвинила Ноди́ло в призыве к бунту.

В № 1 «Nazionale» Ноди́ло напечатал программу Национальной партии: воссоединение с Хорватией, либеральные реформы в империи, свобода слова, конфессий и т. д. Соединение с Хорватией не означало бы для Далмации изменения «обычаев, устройства, отказа от второго (итальянского. — В. Ф.) языка, более развитого в учености». Введение народного языка в общественную жизнь означало бы укрепление «нашей народности».

Итак, славизм на первых порах облегчал народнякам привлечение на свою сторону «славо-далматов», не готовых воспринять хорватское сознание.

Итальянская общественность имела свои клубы-казино. Доступ славянских газет туда был запрещен. Тогда хорваты и сербы стали создавать «славянские народные читальни» (в Сплите — в 1862 г., в Задаре и Дубровнике — в 1863 г., в Шибенике и Оброваце — в 1866 г.). В 1862 г. была учреждена Далматинская матица, но нехватка средств ограничила ее деятельность [9].

На общинных выборах в 1865 г. народняки победили в 42 общинах, в дальнейшем в их руки переходили одна община за другой. Борьба в городах была труднее. Но после ухода Шмерлинга, австрийского министра, сторонника централизма, сменился и далматинский наместник, покровительствовавший автономистам. Наместник барон Ф. Филипович (1865—1868) получил напутствие Франца Иосифа относиться одинаково к обеим партиям. Филипович не мешал применению народного языка там, где народняки получали перевес.

Австро-пруско-итальянская война 1866 г. способствовала усилению народняков. Часть «талянашей» не скрывала своих проитальянских симпатий. Венеция — источник пополнения италиязычного населения Далмации — была утеряна австрийцами. Наконец, итальянский флот потерпел поражение у о. Вис от австрийской эскадры Тегетхоффа, где матросами были далматинцы.

Австро-венгерский дуализм 1867 г. снял вопрос о воссоединении: Вена не отдала Далмацию. Но в другой сфере народняки имели успехи. После

1848 г. три гимназии — в Задаре, Сплите, Дубровнике — были итальянскими. В 1854 г. был признан публичный статус первой хорватской (францисканской) гимназии в Сине.

В 1849—1871 гг. состояние начальных (народных) государственных школ в Далмации было таким [1].

Годы	Итальянских	Двухязычных	Хорвато-сербских	Немецких
1849—1850	18	127	12	—
1868	26	65	126	—
1871	36	38	166	1

Но из 61,1 тыс. детей школу посещали 10,3 тыс. Далматинцы в массе были неграмотными.

Гимназии же и реальные училища в основном оставались итальянскими. Но постепенно в них было введено преподавание истории, географии и Закона Божия на родном языке. В 1868—1869 гг. хорватский язык как предмет был введен в гимназии в Задаре, где преподавали деятели национального движения М. Клаич, Ю. Пулич, И. Данило. В 1869 г. на народный язык перешла гимназия в Дубровнике. В 1866 г. В Арбанасах, около Задара, открылось педагогическое училище с родным языком преподавания. Это было крупным успехом народняков.

Отступавшие итальянские националисты мобилизовали люмпенов, нападавших на славянских деятелей. В городах еще положение было неустойчивым, но в селах духовенство и зажиточное крестьянство было прочной опорой народняков.

В декабре 1867 г. в Австрии была принята либеральная конституция. Ее §19 провозгласил право пользоваться родным языком в школах и учреждениях. Австрийское правительство либералов отделило школу от церкви и отказалось от конкордата с Ватиканом. В 1869 г. суд в Далмации был отделен от администрации.

В 60-е годы наиболее значительные изменения претерпели взгляды М. Павлиновича. В 1862 г. он пропагандировал югославизм, был искренним югославистом. В середине 60-х годов народнякам, убеждавшим читателей в том, что их не собираются «кroatизировать», удавалось привлекать все новых сторонников. В это время активизировалось сербское национальное движение в Далмации, связанное со своим идеологическим центром — Воеводиной. Возможно, это послужило толчком для цитированного письма Ф. Рачкого против «словинства» (1866 г.) Хорваты, со своей стороны, укрепляли связи с Загребом. Павлинович оправдывался перед Рачким: «Чтобы не было причины раздора, мы избегали в саборе наше хорватское имя, так как среди нас (народняков. — В. Ф.) — четверо

так называемых (! — В. Ф.) сербов... Будьте спокойны, в будущем мы разовьем наше хорватское знамя» [10, 1].

Итак, Рачкий не убеждал Павлиновича, что он хорват, не сомневался в том, что большинство народняков придерживается тех же взглядов. В 1868 г. Павлинович писал: «Принимая в расчет существование автономистской партии, мы замалчивали наше национальное и политическое имя». Ко второй половине 60-х годов относятся все более настойчивые выступления Павлиновича в защиту особых хорватских интересов. Постепенно это вызывало нарастание разногласий в Национальной партии, так как хорваты М. Клаич и др. возражали против ликвидации тактики «словинства». Сохраняя югославистскую направленность, «Nazionale», писала уже о «хорватах и сербах», «хорвато-сербский народ Далмации» и т. п.

Вероятно, югославизм в городской среде себя еще не изжил, а Павлинович, связанный с сельским населением, считал, что, устранив в основном славо-далматство, изолировав итальянскую группировку, югославизм выполнил свою задачу и пришла пора пропаганды подлинно национальных взглядов. С 1866 г. он не раз говорил о героизме хорватов (в частности, о славе Николы Зринского, 300-летие подвига, которого отмечалось народняками). Все большее внимание Павлинович уделял хорватской и сербской государственности. Перелом в его взглядах (1866–1869) отразился в рукописной программе «Хорватская идея» (1869 г.). Здесь он признал «хорватское историческое право» и католицизм как идейную основу национального движения, выступил за церковную самостоятельность Хорватии и народный язык в церкви (глаголическую службу). «Века рабства» (венецианского) — причина нищеты и (национального) беспомощства в Далмации, записал он. Мы признаем наименования «Далмация», «Босния», «Славония» — но это «единое Хорватское государство». Кто хочет зваться сербом — пожалуйста, но они хорваты по государству. Ведь не отрицают сербы и словаки в Пеште венгерскую страну! Как же можно в Загребе не признавать хорватскую государственность? *«Мы в равной мере требуем самостоятельности и целостности и Сербии, и Хорватии»*. Но одно пусть от нас не требуют: «чтобы мы создали Великую Сербию, ликвидируя Хорватию». Отстаивать свободу веры. «Католик в Сербии, православный в Хорватии могут быть хорошим сербом и хорватом».

«Различие сербства и хорватства — две истории, два государства, две религии, две культуры, две цивилизации, наконец, два алфавита. Это различия вопреки общности крови и языка...» «Хорватство принадлежит Западу, сербство — Востоку. Историю не смешать» [11].

Но Павлинович никогда не соглашался солидаризироваться с правыми, сохранил уважение к Штросмайеру и Рачкому. Ведь, в сущности, их взгляды на национальные взаимоотношения сближались, особенно с конца 70-х годов. Но девиз Павлиновича: «хорват и католик» Штросмайер

и Рачкий не принимали (кстати, этот девиз еще не доказательство клерикализма Павлиновича: ведь именно так шло развитие нации). Павлинович все более выступал за объединенное Хорватское государство в составе монархии, но допускал и возможность независимого от Габсбургов союза югославянских государств.

Конец 60-х—начало 70-х годов ознаменовался двумя событиями. Первое из них — восстание горцев Боки Которской. Здешнее население издавна пользовалось привилегией не служить в регулярной армии и самостоятельно охранять границу, носить свою форму. В 1868 г. австрийским правительством было решено ввести в Боке ландвер, что нанесло бы ущерб хозяйству. Да к тому же Австрия воспринималась горцами как чужая держава. Они отказались подчиниться (1869 г.) Австрийские карательные войска были дважды разбиты... Все югославянское население ликовало. Правящим кругам надо было укрепить свое влияние в Далмации, а для этого помириться с горцами, ибо война затянулась. Новый наместник генерал Родич по поручению Вены подписал мир с повстанцами, признав их прежние права и возместив весь ущерб, понесенный ими [12].

Продолжая политику примирения, правительство впервые решило содействовать народнякам при выборах в сабор. В июле 1870 г. народняки завоевали 24 места, автономисты — 16. Но 16 депутатов народняки провели в селах, в городах же остались в меньшинстве. Теперь народняки получили право сформировать из членов сабора провинциальное правительство («земельный комитет»), из их среды Франц Иосиф назначил председателя сабора (он же — помощник наместника по гражданским делам). Этим чиновником стал сербский литератор бокелец С. М. Любиша, единственный (из пяти далматинцев) народняк в рейхсрате. В компетенции сабора был местный бюджет, сельское хозяйство, местное строительство и, как отмечалось, школы (но решающее слово о языке преподавания и программах оставалось за министерством), контроль за администрацией округов и общин. Школы стали хорватскими, но ждать полного равноправия хорватского (и сербского) языка пришлось долго.

Народняцкое большинство в 70-х годах не было устойчивым, поэтому широко применялся подкуп избирателей. Своих средств не хватало. Лидер партии М. Клаич всегда просил (и получал) деньги у Штросмайера.

«Славо-далматство» стало исчезать из общественной жизни. Его заменили хорваты и сербы. И на первый план вышли взаимоотношения между ними. Клаич стремился сохранить старое направление «Народного листа», когда подчеркивалась общность хорватских и сербских интересов. Штросмайер одобрял эту тактику. Павлинович все более упорно подчеркивал хорватские интересы. Вместе с ним начала переориентироваться часть народняков в Далмации и в самой Хорватии: они стали открыто защищать идею «хорватской политической нации».

Франко-прусская война побудила далматинских народняков сделать вывод, что Австрию надо укреплять, «сплотиться (как писал русский консул в Дубровнике) вокруг ненавистных Вены и Пешта» [АВПРИ, ф. Г. А. VA₂, д. 735, л. 122], [13]. В 1867 г. народняки Далмации выбрали депутатов в австрийский рейхсрат, то есть изменили своей программе соединения с Хорватией и признали принцип автономистов. В 1873 г. далматинские депутаты («пятерка») поддержали правительственную реформу выборов в рейхсрат: выбирать теперь должны были не ландтаги, а население. Это было отступлением (да еще за взятку со стороны властей!) от предварительной договоренности славянских депутатов провалить законопроект. Депутаты были исключены из Национальной партии (но фактически партия вскоре сама перешла на их позицию). Так как возглавлял депутатов серб С. М. Любиша, обострились хорвато-сербские отношения. Любиша поддержал автономистов, и в 1873 г. они получили 5 мест из 9, положенных Далмации. Не без влияния воеводинских сербов Любиша поднял вопрос о национальных отношениях в Далмации. Но этот вопрос выдвигался логикой событий — формированием двух наций. Любиша начал открытую сербскую пропаганду, как и Павлинович — хорватскую, — особенно во время Балканского кризиса 1875–1878 гг. Напрасно Клаич стремился сохранить принципы югославизма, хотя в программе 1877 г. пришлось уже говорить не о словинцах, а о хорватах и сербах.

В 1877 г. Любиша выступил против воссоединения Далмации с Хорватией. Тогда же его депутатский мандат не был утвержден сабором. С другой стороны, Павлинович эволюционировал к клерикализму уже в 1870 г. в связи с конфликтом папы римского с Итальянским государством. Хорватские либералы-народняки Далмации осуждали его взгляды, которые были чужды и священникам Рачкому, и Штросмайеру. Современные христианско-демократические и христианско-социальные партии (Бельгия, Германия, Италия) не являются клерикальными. И более ста лет назад идея хорватского государственного права не была обязательно связана с клерикализмом.

С началом восстания в Боснии и Герцеговине (1875–1878) хорватские либералы Далмации горячо сочувствовали повстанцам (преимущественно сербам). Но после оккупации Боснии и Герцеговины австрийцами в хорватских землях распространились идеи триализма, укрепилось влияние партии права, требовавшей присоединения Боснии и Герцеговины к Хорватии. Клаич также признал оккупацию как совершившийся факт и даже поздравил Франца Иосифа. Но сам к такой политике относился иронически, называл ее «мамелюкской», вынужденной ввиду зависимости Далмации от Вены в финансовом отношении.

В 1879 г. к власти в Австрии пришел консерватор граф Э. Тааффе. Далматинские народняки, состоя в консервативно-автономистском клубе К. Готтенварта, поддерживали правительство. В результате их «гибкости» средние

школы в Сплите и Дубровнике в 1880 г. были переведены на хорватский язык обучения, а на выборах 1882 г. народняки получили 28 мест в управе общины Сплита, автономисты — только 8. Этим завершилась борьба за города в Далмации. Однако о воссоединении речи не было, и сабор, под угрозой немедленного роспуска, перестал включать это требование в адрес императору. Все же тактика «филологических побед» (как ее называли сами народняки) при всей своей ограниченности на том этапе себя оправдала. Конец «словинства» и переход школьного дела в руки хорватов, очевидно, могут служить свидетельством того, что национальное возрождение в Далмации завершилось.* Переход к более активной политике на более широкой общественной основе в конце XIX в. мы считаем новым этапом национального движения [14].

Истрия была присоединена частично к владениям Венеции в XIII–XV вв., частично — к государству Габсбургов (1374 г.). Плохие климатические условия побуждали население покидать полуостров. Но сюда, особенно в бурном XVI в., направлялись переселенцы, главным образом хорваты, часть которых приспособилась к местным условиям. Это были беженцы из Хорватии, Далмации, западной Боснии. Небольшими группами переселялись итальянцы. Было немало представителей разных народов Балкан, они хорватизировались и итальянизировались. До конца XVIII в. в экономике преобладала тенденция стагнации [15].

В 1825 г. Истрия как округ (Kreis) была включена в состав австрийской провинции Приморье, куда входили также округа Горица-Градишка и Триест. Наместник Приморья, назначаемый императором, находился в Триесте. Состав провинции оставался неизменным до 1918 г.

Организованное национальное движение в Истрии началось в 70-х годах XIX в. В это время хорваты составляли 57% населения, словенцы, населявшие север полуострова, — 12%, итого югославы — 69%, примерно 30% — итальянцы (в основном в городках вдоль моря, особенно на западе и юге полуострова). С 1870 г. в Триесте два раза в месяц стала выходить газета «Наша слога» («Наше согласие»). Ее организаторами являлись епископ Юрай Добрила, близкий по взглядам Штросмайеру, и священник М. Бастиан. Сотрудничество между южными славянами и равноправие с итальянцами (прежде всего в сфере языка) — таков лейтмотив материалов газеты, распространявшейся во всех славянских селах.

По примеру чешского и словенского национального движения патриоты начали созывать разрешенные конституцией 1867 г. митинги под открытым небом («таборы») — здесь обсуждались местные дела, вопросы языка в школах, судах, управах (где господствовал итальянский язык).

* Хотя община Дубровника перешла в руки хорватов лишь в 1890 г. До этого там правил сербско-автономистский блок.

Говорить об «объединении югославян» власти запретили. Крестьяне опасались выступать с национальными требованиями, так как полностью зависели от местных итальянских торговцев (особенно на западном побережье). Преодолеть этот страх в массе неграмотных крестьян было задачей национального движения. По мере роста национальной торговой буржуазии ее влияние на крестьян усиливалось; однако это был долгий процесс.

В 1868 г. власти ликвидировали 88 небольших славянских общин и присоединили их территорию к итальянским городским общинам, что поставило крестьян в еще большую зависимость от итальянского чиновничества. Во многих хорватских селах ввиду их бедности не было школ и не хватало образованных людей, поэтому даже в случае победы на выборах главой общины выбирали «честного итальянца» [16].

В 1873 г. впервые проводились прямые выборы в рейхсрат. Курия крупных собственников — 1 место от Истрии, города и торгово-промышленная палата — 1, сельские общины — 2. У хорватов была возможность провести депутата только в сельской курии. Итальянские либералы проваляли Добрилу, и в рейхсрат прошел единственный хорват — Д. Витезич.

Хорваты заключили союз со словенцами, выступавшими под руководством политического общества «Единость» в Триесте. Общество стало словенско-хорватским. На выборах отныне стала выступать «Хорватско-словенская национальная партия», но первоначально без особого успеха, хотя она действовала в союзе с итальянскими консерваторами против итальянских либералов. Так, в 1876 г. партия получила всего 4 места в саборе Истрии, в 1879 г. в рейхсрат снова прошел один Д. Витезич (от восточной Истрии).

Преимущество итальянской буржуазии было столь велико, что итальянский язык стал распространяться на югославянской территории.

Однако постепенно стало утверждаться начальное обучение на родном языке. Появилось несколько начальных школ. В 1875 г. в итальянской учительской школе в Копаре началось преподавание хорватского и словенского языков. Но в 1880 г. еще не было ни одной хорватской и словенской средней школы. 13 школ были двуязычными.

Перепись 1880 г. показала успехи итальянизации Истрии: с 1857 г. численность итальянцев возросла с 72,3 тыс. до 114,3 тыс. (прирост 41 тыс.), словенцев стало на 13,8 тыс. больше, а хорватов на 10,4 тыс. меньше. В австрийских переписях применялся критерий «языка общения», поэтому в число итальянцев попали и хорваты. Но денационализация или двуязычие хорватов и словенцев, несомненно, имели место [16].

Глава 8

Народные волнения 1883 г.

Упадок югославизма.

Эволюция «партии права».

80-е — первая половина 90-х годов XIX в.

Политические события, в том числе крупные волнения крестьян в 80-е годы XIX в., происходили на фоне общеевропейского аграрного кризиса 1873–1895 гг., особенно болезненно сказавшегося в Хорватии и Славонии с их слабой экономикой. Падение цен на сельские продукты, рост налогов и беспощадность ростовщиков вызвали обеднение целых слоев деревни. Результаты этого процесса отразила общевенгерская сельскохозяйственная перепись 1895 г., данные которой приводятся в следующей главе. В 70–80-х годах происходил массовый распад задруг.

В 1880 г. бан И. Мажуранич ушел в отставку в связи с затягиванием венгерским правительством присоединения территории бывшей Военной границы (демилитаризованной в 1873 г.) к Хорватии и Славонии. Мажуранич, близкий народнякам, принадлежал к числу доверенных лиц императора-короля, и Венгрия его терпела на посту бана, так как еще была не очень уверена в прочности своей власти в Хорватии. Но укреплять Хорватию в этой обстановке венгерские правящие круги не хотели. После ухода Мажуранича воссоединение было осуществлено (1881 г.). В связи с этим сербы составили немного больше четверти населения Хорватии и Славонии (на территории бывшей Военной границы сербы составляли 47 % населения, или 330,2 тыс. человек). С уходом бана от правящей Национальной партии откололась умеренно-оппозиционная Независимая национальная партия (Ф. Рачкий и др.) (1880 г.). В Хорватии нарастало влияние партии права и оппозиции в целом [10].

В первой половине 80-х годов обстановка в Хорватии была крайне напряженной, как социальная, так и национальная. Событие, казалось бы, весьма далекое от непосредственных нужд крестьянина, стало причиной

новых серьезных крестьянских волнений. И вновь в центре событий оказалась Стубица — в Загорье вблизи Загреба. «Загорцы часто бунтовали в старину, но и новое время свидетельствует, что здешний народ весьма склонен к волнениям», — писали официальные «Народни новине» [2]. В Загребе по приказу министра финансов на здании управления финансов щиты с надписью на хорватском языке (и хорватским гербом) 17 августа 1883 г. были заменены двуязычными — на венгерском и хорватском языках. Это было нарушением пункта Соглашения 1868 г. о хорватском официальном языке. В Загребе вспыхнули демонстрации ремесленников, подмастерьев, рабочих. Направлялись они буржуазной оппозицией — либеральной (Независимая национальная партия) и радикальной (правши). Оппозиционная печать единодушно расценила действия венгерских чиновников как первый шаг к мадьяризации Хорватии. Щиты были сорваны и разбиты демонстрантами. Против акции венгерского правительства протестовал даже бан — граф Пеячевич ушел в отставку. Соглашение 1868 г. явилось тем минимумом, который хорватские власти были обязаны защищать.

В Стубице же и Бистрице население было возбуждено жестокими методами, применявшимися при сборе налогов,* и «крайне плохой общинной управой, особенно начальниками и делопроизводителями, чинившими произвол не меньше бывших феодалов». В пореформенный период чиновничество — от центра до общины — становилось одним из источников становления буржуазии. Любой шаг крестьянина, в том числе использование права пользования общинной собственностью, решение повседневных дел, зависел от чиновника. Не говоря о захвате чиновниками общинной земли правдами (скупка) и неправдами, они взяточничеством и разными насилиями доводили крестьян до крайности. Иногда крестьянин работал на участке чиновника (барщина!) за получение какого-либо документа. Имеется масса свидетельств, как чиновничество осуществляло первоначальное накопление капитала. Чиновники наряду с адвокатами, а нередко и представителями духовенства, учреждали сберегательные кассы, долго сохранявшие роль центров организованного ростовщичества. «Слобода», орган правашей, отмечала в 1883 г.: «Общинные чиновники-кровопийцы, они имеют большие дома, бесплатных батраков, капиталы, на которые получают сто процентов прибыли»; при распродаже крестьянских участков именно чиновник приобретает их

* Еще в 50-х годах бан Елачич рассказывал посетившему его русскому гостю, что налоговые чиновники (тогда — немецкие) открывают кастроли и смотрят, не варится ли там курица, которая (если б ее до прихода сборщиков налога не успели сунуть в кипяток) подлежала налогообложению. В крайнем возбуждении бан говорил о политике централизма и германизации. Ситуация со сбором налогов вряд ли улучшилась с 50-х годов.

за бесценок. Крестьянство было озлоблено против «мадьяронов» (чиновники голосовали за сторонников правительства) и помещиков, которых оппозиция обвиняла во всех невзгодах деревни.

Деревня, в отличие от 60-х годов, уже была охвачена безработицей, и находить занятие в имении помещика или чиновника иногда приходилось посредством взятки. Уже началась эмиграция, главным образом в США, получившая размах в начале XX в. С «венгерскими гербами», появившимися в Загребе, связывалось (слухи распространяли праваши) повышение налога и всевозможные несправедливости, а если Хорватия станет самостоятельной — подчеркивали агитаторы — жить будет легче. Интересно, что крестьяне многих сел ждали инициативы стубичан (в Стубице было восстание 1573 г.). Вслед за Стубицей волнения охватили большую часть Хорватии. Группы крестьян дежурили на мостах, поскольку, по слухам, венгерские «гербы уже везут». Толпы окружали управы, церкви и школы, требуя выдачи гербов. Не обнаружив их, крестьяне в уверенности, что «настоящие хорваты» венгерских гербов не вывешат, требовали от чиновников письменных заявлений, что они «за народ». Распространялись слухи, что Франц Иосиф — за хорватов, что мадьяры все налоги забирают себе, а государю ничего не дают... На эти патриархальные представления накладывалась национальная агитация. Накануне волнений в селах были замечены агитаторы. По докладам местных властей, это были «бродяги», «студенты», «поденщики» и т. п., часто пришедшие из городов. Партия права в 60—80-х годах включила наряду с буржуазной интеллигенцией радикальные, «нигилистские» элементы. Существовали кружки, интересовавшиеся русским общественным движением [3, 4].

Но вернемся к событиям 1883 г. Кроме чиновников крестьяне Горной Стубицы заставляли помещиков подписывать бумаги, в которых утверждалось, что они не мадьяроны. Подписал и граф С. Оршич.

Вскоре начались нападения на общинные управы. В Марии-Бистрице было разгромлено здание управы, чиновники изгнаны, один из них избит. Приехавшего поджупана забросали камнями. Сопровождавшие его стражники стреляли, были убитые и раненые. В село были посланы три роты солдат.

Император ввел в Хорватии чрезвычайное положение (комиссариат). Королевский комиссар генерал Рамберг более двух недель руководил «успокоением» страны.

Еще более серьезные события произошли в бывшей Военной границе — «отсталом и заброшенном крае» [2]. Здесь произошло восстание нескольких хорватских и сербских сел. Началось тоже с гербов... В стычке с войсками погибло 23 человека, несколько десятков было ранено, около ста арестовано. Были попытки захвата мелких городков (местечек), где подвергались нападению богатые люди, голосовавшие на недавних выборах за правительство. Бывшие граничары требовали возвращения под

власть Вены, замены венгерских гербов императорскими орлами. Движение на бывшей Военной границе было столь значительным, что на его подавление было послано два полка. Генерал Рамберг приказал временно прекратить сбор налогов. Он установил на здании финансовой управы «безъязыкие» гербы (т. е. без надписей).

Так крестьяне стихийно втягивались в национальные конфликты, еще плохо разбираясь в политической обстановке. Праваша видели в движении 1883 г. оправдание своей оппозиционности всему строю Австро-Венгрии, но специальных аграрных программ не выдвигали.

Умеренная Независимая национальная партия (с 1880 г.), вначале также протестовавшая против «гербов», по мере радикализации движения в деревне повела себя пассивно.

Подавив крестьянские волнения, венгерское правительство 1.12.1883 г. восстановило конституцию и назначило баном славонского землевладельца графа К. Куэна Хедервари. При нем оппозиция терпела на выборах тяжелые поражения. Куэн смог в течение 20 лет сохранить формально «конституционный строй» в Хорватии, превратив Национальную партию в свое орудие, точнее, в инструмент венгерского правительства. Куэновская партия всегда побеждала на выборах в сабор. Шантаж, подкуп и полицейский террор были методами сохранения конституции. Как было избавиться от Куэна? Праваша придумали, казалось, надежный маневр. После одной из многочисленных перебранок в саборе праваш Давид Старчевич схватил за шиворот Куэна, пытавшегося покинуть зал заседаний, а депутат-праваш Йосип Гржанич подбежал к бану и дал ему сапогом пинка в зад. Расчет бы прост: дворянин, граф, знатная личность не стерпит оскорбления и уйдет в отставку. Но Куэн сделал вид, что ничего не произошло. После этого события оппозиция распространила листовку с рисунком: сверху два сапога, стек с бантом и букет; внизу надпись: «Йосипу Гржаничу, неустрашимому защитнику наших прав», дата «события» и портрет героя [1]. За рассказ о произошедшем в саборе один из правашей был обвинен... в клевете и отдан под суд. Племянник лидера партии Давид Старчевич, отличный агитатор, был приговорен к длительному заключению, погубившему его здоровье.

Выше (см. текст по идеологии) мы показывали, как основоположники югославизма разочаровывались в своих концепциях. Австро-Венгрия устояла в кризисные годы (1848—1849, 1859—1866), ее внешнеполитическое положение было прочным. Появление в Хорватии массы мелких торговцев и ремесленников — хорватских и сербских — привело в 80-х годах и позднее к обострению конкуренции между ними. Рачкий и Штросмайер не видели перспективы осуществления югославистских идей и в некоторых оценках хорвато-сербских отношений стали ближе к правашам. С другой стороны, в многочисленной партии права появились элементы, отражавшие настроения более зажиточных, интеллигентных и

торгово-промышленных слоев. Представителем их, например, был Ф. Фолнегович, завязавший (скрытно от Старчевича) добрые отношения со Штросмайером. В этой обстановке характерно восклицание последнего: «Если бы только Старчевичи* при всех своих принципах могли быть более умеренными, покладистыми и справедливыми!» (Korespondencija, III, 1882). Принципы партии права уже мало беспокоили епископа. В 1889 г. Штросмайер в письме четко сформулировал оценку деятельности югославистов: «Мы, хорваты, сорок лет стремились обеспечить себе первенство в деятельности на Балканском полуострове» (Korespondencija, IV), но потерпели неудачу. Однако это «признание» не вполне точное: в 60-х годах Штросмайер искренно пытался помочь Сербии возглавить освободительное движение на Балканах, надеялся на успехи Сербии (с помощью России) в 1876—1878 гг. Но, несомненно, хорватские интересы *в принципе* у него были на первом плане.

Потеряв надежду на внутреннюю перестройку монархии, народняки (как всегда ранее и правашаи) стали возлагать надежду на внешнеполитические события. Это явилось еще одним фактором медленного сближения двух оппозиционных партий. Штросмайер и Рачкий были убеждены, что система гнета двух наций над народами не доведет государство до добра, особенно в случае серьезного конфликта в Европе. «Катастрофа неизбежна, и хорватскому народу придется ею воспользоваться для освобождения от нынешнего рабства, которое хуже рабства турецкого». Так писал епископ в 1887 г. (Korespondencija, III, 1887).

Несмотря на серьезные сдвиги во взглядах, Рачкий продолжал поддерживать контакты с сербскими деятелями, относительно которых питал надежду на поворот в югославянском направлении. Так, Рачкий поддерживал связь с либералом Й. Ристичем, пришедшим к власти в Сербии в 1889 г.

О застойном и пока что бесперспективном положении в Австро-Венгрии в 80-х годах — после оккупации Боснии — и необходимой, по его мнению, тактике национального движения писал М. Клаич, лидер далматинских либералов, Франьо Рачкому (1884).

«Я рад, что и Вы уверены, что без большой внешней катастрофы не удастся устранить нынешнее государственное устройство Австрии, и весь вопрос в том, переживет ли Австрия такую катастрофу». Из этого Клаич делал вывод о необходимости «приспособиться к неизбежным обстоятельствам и найти некий *modus vivendi*, при котором укрепить и развить национальное дело, оставив будущее в руках Провидения. Что бы ни случилось, мы окажемся постольку в лучшем положении, поскольку будем более сплочены, сознательны и организованы». Такую тактику Клаич считал правильной и для Хорватии, и Славонии. Он полагал, что там нужны две

* Активными деятелями партии права были два племянника лидера.

партии: одна — для защиты Соглашения 1868 г. и борьбы за его «расширение» на область финансов, другая — для защиты «абсолютного государственного права... и подготовки будущего, то есть восстановления целостности и особого государственно-правового положения Хорватии, — при условии, что Австрия продолжает существовать... И остерегайтесь, как огня, чтобы Вас не использовали против Венгрии... Если венгерский парламентаризм потерпит крах, то отзвонит и той небольшой свободе, что сейчас имеется в Австрии. А к этой цели тайно стремятся, нет сомнения» [5].

Социальные перемены в 90-х годах XIX в. привели к тому, что цельное — в национальной сфере — мировоззрение Старчевича потеряло общественную опору в лице широкого круга недовольных социально-экономической и политической ситуацией. Интересы разных группировок формировавшейся национальной буржуазии стали расходиться, и партия права в 1895 г. раскололась. В основном разногласия ощущались между аграрно-промышленными кругами, преимущественно мелкобуржуазными, и банковско-промышленно-аграрными, занимавшими более высокое положение. Первые начали поворачивать к ориентации на Австрию. Сторонники вторых стали проявлять все большую терпимость к дуализму и венгерской власти. Как мы отмечали, среди части независимцев (народняков) и правашей наметилось неустойчивое сближение. 20 июня 1893 г. Штросмайер даже встречался со Старчевичем (*Korespondencija*, IV, 1893). Правда, встреча была формальной и очень холодной.

Идеи А. Старчевича обе группировки поделили: первые — «чистая (или «истинная») партия права» Йосипа Франка сохранила противосербский национализм Старчевича, вторые — оппозиционность к Австрии (в 1903 г. это крыло создало Хорватскую партию права, объединившую большинство буржуазии), вместе с тем очень медленно поворачивая на курс сближения с сербской буржуазией. Сам А. Старчевич (за год до смерти) выбрал первый путь. Тот факт, что за ним последовала целая группа сторонников, в том числе писатель Э. Кумичич, свидетельствует, что причина поворота Старчевича заключалась не в старости и упадке способности мыслить (как утверждали некоторые публицисты и историки), а была глубокой. Старчевич как политический мыслитель пережил свое время.

В 1894 г. обе партии (независимцы и праваше, еще не расколовшиеся), как объединенная оппозиция, приняли общую программу.

1. На основе государственного права и принципа национальности законными средствами добиваться объединения хорватских земель: Хорватии, Славонии, Далмации, Риеки, Меджумурья, Боснии, Герцеговины, Истрии в единое самостоятельное государственное образование в пределах габсбургской монархии и всеми силами поддерживать стремление братьев присоединить словенские земли к этому образованию.

2. Добиваться обустройства Королевства Хорватии как правового государства, конституционного и свободного, чтобы народ в соответствии

с парламентскими принципами осуществлял в хорватском саборе законодательную власть «во всех сферах государственной жизни в согласии с короной». Во главе правительства находится бан Королевства Хорватии.

3. Общие дела монархии, основанные на Прагматической санкции, «Хорватия будет решать равноправно Королевству Венгрии с остальными странами его Величества».

4. Обеспечить конституцию и свободу всеми законными гарантиями, особенно либеральным избирательным законом, правом объединений и собраний, свободой совести, слова и печати [1].

Это была в основном либеральная программа, хотя prerogatives монарха и способ назначения бана указаны не были. Кроме того, это была великохорватская программа. В п. 3 формулировка была двусмысленная: ее можно было понять как стремление решать имперские вопросы вместе с Венгрией (субдуализм) или независимо от нее (триализм).

Глава 9

Подъем национального движения в Хорватии в конце XIX — начале XX вв.

Острота политической борьбы в предвоенное двадцатилетие явилась результатом нескольких обстоятельств. Заметное укрепление национальной буржуазии и те препятствия, которые ей приходилось преодолевать; сближение и частичное слияние дворянства с богатым слоем буржуазии и, с другой стороны, с трудящимися (интеллигенцией). Новая общественная роль учащейся молодежи, в особенности студенчества. Образование фермерского крестьянства и наличие массы полупролетаризированного крестьянства; рост численности рабочего класса [2]. Хотя Хорватия вплоть до 1918 г. оставалась мелкобуржуазной страной, ее социальная структура после 1868 г. значительно модернизировалась. В частности, уже с конца XIX в. хорватский промышленный капитал активизируется в паромоходстве Риеки; при этом большое значение имела поддержка со стороны крупного купечества Хорватии [1]. С этими процессами была связана активизация политической борьбы, в том числе широких слоев народа.

Создание франко-русского союза (1892), а позднее Антанты (1904–1907) кардинально ухудшило внешнеполитическое положение Австро-Венгрии, в том же направлении действовали исторические события на Балканах, в связи с чем югославянская проблема стала вопросом существования монархии. Все противники монархии понимали, что политика германского империализма толкает Европу к всеобщей войне, которую Австро-Венгрия не могла пережить. Наконец, с конца XIX в. назревал кризис дуализма, политического и социального устройства и равновесия государства: в Венгрии активизировалась оппозиция, добивавшаяся личной унии двух частей монархии.

Режим Куэна в Хорватии пытался осуществить идею венгерского «многоэтнического» государства в составе монархии. Даже какие-либо реформы в рамках дуализма считались неприемлемыми. Это был абсолютизм, прикрытый парламентской формой. Княжеством Сербией до 1903 г. управляли проавстрийские круги, это облегчило Куэну использование сербской буржуазно-чиновной верхушки в качестве опоры, которой он давал

определенные экономические податки; другой опорой являлась хорватская и славонская аристократия. Поворот к поддержке сербской буржуазией Хорватии властей начался еще до Куэна, а в 1884 г. ряд депутатов сербов вступил в партию Куэна. Куэн стремился превратить Хорватию и Славонию в обычные комитаты Венгрии, неспособные отстаивать хорватские интересы. Этому служила Национальная партия, всегда имевшая большинство в саборе — послушное орудие венгерского правительства. Аппарат власти был вымуштрован еще в 80-е годы, и властям стало казаться, что Хорватия окончательно политически подавлена. Суд зависел от власти, суд присяжных по делам печати, действовавший со времени Мажуранича, был отменен. Для свободы слова некоторую возможность оставлял сабор. Наконец, избирательные округа были перекроены так, что оппозиции было трудно прорваться в сабор, где борьба состояла в лучшем случае в смелой речи оппозиционера. Открытое голосование при выборах депутатов делало известным властям имена сторонников оппозиции; для большинства избирателей, являвшихся чиновниками, голосование было принудительным.

Часть налога, идущая на хорватские нужды, в 1888 г. была снижена до 44%. Эта обстановка выдвигала требование «финансовой автономии» на первый план. Экономической задачей Куэна было сдерживание развития национального капитала. В основном развивались отрасли, связанные с переработкой сырья, — преобладали паровые мельницы и лесопилки. Из-за сильной конкуренции начался застой в сахарной промышленности, в упадке находилось судостроение: слабая национальная буржуазия не могла «поднять» производство паровых судов, сконцентрированное в Триесте и Риеке. Центром семи железных дорог стал Будапешт. Здесь строилось много крупных механических мельниц. В хорватских городах по-прежнему господствовало мелкое производство, хотя определенные сдвиги в промышленности начались с 90-х годов. В селах купеческая прибыль стала основой ростовщичества. В 1890 г. из 2,2 млн населения Хорватии сельским хозяйством занималось 84,6 %.

В отношении задруг власти колебались: либерал И. Мажуранич способствовал их распаду, Куэн — тормозил с целью обеспечения помещиков поденщиками (закон 1889 г.). В 1889 г. $\frac{2}{3}$ задруг (ок. 39 тыс.) были тайно поделены. Крюкотворство, взяточничество судейских чиновников осложняло и без того сложный процесс законного раздела.

Крупнейшей отраслью промышленности в предвоенный период была обработка дерева (особенно в Славонии: прекрасные дубовые леса бывшей Военной границы наполовину стали казенными, наполовину были разделены по так называемым «имущественным общинам», причем права крестьян на использование этой части крайне ограничивались). В 1907 г. эта отрасль сильно пострадала от кризиса. Переживало трудности и производство цемента, шедшего на Балканы и в Турцию. Остальными важными отраслями являлись швейная и пищевая. При всем том начало XX в. —

период промышленного развития Хорватии (наличие текстильной, швейной и пищевой отраслей, рассчитанных на массовый рынок, положительно сказалось на экономической ситуации Хорватии в Югославии после 1918 г.).

После подавления партии права в 1871 г. она возродилась к концу 70-х годов. В 70–80-х годах партия права, выражавшая недовольство широких слоев буржуазии, части духовенства, могла стать общенародной оппозицией [4]. Поэтому преследования режима обрушились на нее. Партия продолжала придерживаться идеи Старчевича, что хорватский вопрос можно решить на развалинах монархии. Соглашение 1868 г. партия считала незаконным.

Но в связи с изменением социального состава партии в ней появились сторонники сотрудничества с независимцами («обзораши» — по названию газеты «Обзор»). На первый план в 80-х годах вышла задача борьбы с кузовщиной. Начинается прошупывание возможности сближения с сербской оппозицией.

Цель независимцев (обзорашей) — пересмотр Соглашения 1868 г., возможно, в сотрудничестве с правашами. Программа независимцев — «субдualизм» (1884 г.), то есть хорвато-венгерское равноправие в пределах Австро-Венгрии. Эта программа — образец для умеренных слоев буржуазии. Хотя и в скромной мере, независимцы (обзораши) придерживались идей югославизма. Их воплощение казалось весьма отдаленным и все менее реальным. Традиции 70-х годов сдерживали сближение правашей с независимцами. Старчевич был против сближения.

После присоединения Военной границы возникла Сербская самостоятельная партия. Она поддержала требования присоединения Далмации и финансовой автономии Хорватии. Сотрудничеству с хорватами, однако, мешала антисербская традиция правашей, сохранявшиеся противоречия из-за Боснии.

В 1885 г. разразился скандал в связи с тайным вывозом части хорватского архива в Будапешт (в 1849 г. хорваты перевезли его в Загреб). Тогда-то Гржанич и ударил Куэна ногой.

В 1885 г. произошло объединение болгарских земель, и в Хорватии ошибочно считали, что это дело русской дипломатии. Снова, как и в 1877–1878 гг., поднялась волна русофилизма. Праваш Э. Барчич в 1886 г. воскликнул в саборе, что свобода Хорватии и остальных славян настанет после того, как копыто казачьего коня процокает по венской мостовой. В конце 80-х годов задачей Куэна оставалось уничтожение партии права. Но именно в это время правашаи своим отпором кузовщине завоевали симпатии широких кругов.

Что касается сербов, то группа сербских деятелей, связанных с газетой «Србобран», выходившей в Загребе, склонялась к сотрудничеству с хорватами, ибо Куэн грозил уничтожением всякой оппозиции. К выборам 1887 г. оппозиция (правашаи и независимцы) сплотилась, но потерпела полное поражение. До середины 90-х годов кузовцы стояли прочно.

Однако в начале 90-х годов обозначился кризис в австро-венгерских отношениях. Ослабела база дуализма и правительства К. Тисы в Венгрии — полуфеодалная аристократия. Пришли в движение массы венгерского народа и усиливавшаяся венгерская промышленная буржуазия, оживились движения других народов Венгрии. Венгерская партия независимости Ф. Кошута (сын героя 1848 г.) хотела полного равноправия Венгрии, свободы от австрийской конкуренции и поэтому — проведения таможенной границы между Венгрией и Австрией. Движение против дуализма проявилось и в Австрии, прежде всего в «сферах», мечтавших о восстановлении «твердой руки» в централизованной монархии и недовольных усилением мадьяр (генералитет, высшие круги церкви, аристократия). Но Франц Иосиф до конца дней оставался приверженцем дуализма. Националистическая мелкая и средняя немецкая буржуазия была оскорблена тем, что дуализм не обеспечивает господства немцев даже в Австрии. От их имени выступила Христианская социальная партия. Против венгров эта группировка хотела использовать прежде всего хорватов.

Во второй половине 90-х годов Австрию потрясает немецко-чешский конфликт, а Венгрию — наступление независимцев Кошута и обострение национального гнета. Да и куэновцы в Хорватии ошущают непрочность положения.

Хотя Хорватия и Далмация в 90-х годах оставались самыми неразвитыми в промышленном отношении частями монархии, здесь наметился успех в развитии капитала кредитных касс — этой опоре ростовщичества, однако банки и кассы в 1900-х годах уже финансировали и промышленность. Но рост городского населения был небольшим: с 1869 по 1910 гг. с 6,2 % до 8,5 %.

Из городов заметный рост переживал только Загреб. В 1910 г. около 80 % горожан находились в Загребе, Осиеке, Карловаце, Вараждине и еще четырех городах.

Крупной промышленной буржуазии еще не было; с 80-х годов заметен рост лишь мелкой буржуазии, главным образом сельской торговой (крестьянин втягивается в торговлю, торговец — обосновывается на селе). Торговец — он же сельский ростовщик. Ростовщичество — основной источник накопления капитала.

В 80-х годах число торговцев возросло на 112,4 %, ремесленников — на 86,6 % (и достигло в 1890 г. — 6,2 тыс.) — главным образом в швейной и пищевой отраслях. *Эта торгово-ремесленная среда поддерживала партию права. Но в конце 90-х годов начался рост средней и крупной буржуазии — опоры независимцев.* В начале XX в. именно эти круги захватывают ведущую роль в политике. С интересами буржуазии прочно связывается *землевладельческое духовенство*. Независимую от бюрократии Куэна группу составляют *адвокаты*. Многие из них богатеют ввиду массы судебных процессов крестьян против помещиков. Финансовая буржуазия стала быстрее расти с середины 90-х годов и обогнала все другие группы. Но именно

в это время Куэн создает экономическую основу режима: в 1892 г. венгерский и австро-немецкий капитал основал Ипотечный банк под контролем банского правительства. Это учреждение пользовалось монопольным правом на ипотеку, то есть на самые выгодные банковские операции в аграрной стране. Все фонды администрации и казенных (хорватских) земель можно было вкладывать только в этот банк. Так продолжалось до 1907 г.

Кредитные учреждения в Хорватии, 1846—1913 гг.

Годы	Банки	Сберегательные кассы	Кредитные кооперативы	Всего
1846—1865	—	2	—	2
1870	2	8	4	14
1880	5	33	18	56
1890	7	41	46	94
1900	19	75	148	242
1910	52	137	744	933
1913	61	146	832	1039

Капиталы и вклады кредитных учреждений 1890—1910 гг. (в миллионах крон)

	1890	1900	1910
Банки	8,59	32,54	99,01
Сберегательные кассы	50,45	75,50	180,16
Кредитные кооперативы	7,11	16,10	33,07
Итого	66,15	124,14	312,25

Капиталы кредитных учреждений 1880—1913 гг. (в тыс. крон)

	Акции	Вклады
1880	6000	37000
1890	10000	58000
1900	34000	91000
1910	87000	224000
1913	112000	2710900

1871—1915. Statistički atlas kraljevina Hrvatske i Slavonije (R. Signjar). Zagreb, 1915; Oesterreichisch-Ungarische Monarchie. Bd. 24.

В начале 90-х годов часть партии права превращается в умеренную оппозицию. Ее составили торговцы в провинции и на селе, основным занятием которых стало ростовщичество (в форме кредитных касс) и скупка земли. Растет слой нанимателей рабочей силы. Радикализм Старчевича им ни к чему. Со временем эта правашская группировка связывается не только с землевладением, но и с промышленностью, обрабатывающей продукты сельского хозяйства. Кризис австро-венгерских отношений порождал надежду на изменения в Хорватии. Наиболее деятельный праваш в 80-х годах Фран Фолнегович. Он занимал умеренную позицию и поддерживал контакты со Штросмайером. Ввиду стратегической важности положения Хорватии Фолнегович был уверен, что Вена раньше или позже пойдет ей навстречу. Но, по Фолнеговичу, верхи монархии могут вести переговоры лишь с влиятельными правашами, только если правашаи откажутся от старчевичанства. Активным деятелем в партии стал вступивший в партию права в 1890 г. Йосип Франк, адвокат и специалист по хорватско-венгерским финансовым отношениям. Он неутомимо выступал за финансовую самостоятельность Хорватии. Франк взял на себя расходы по изданию газеты правашей, и партия постепенно превращалась в «партию Франка», которую поддержала большая часть мелкой буржуазии. Свою партию Франк называл «чистой» или «подлинной» партией права, подчеркивал ее верность монархии и династии. Главное в пропаганде Франка — хорваты хотят решения своих проблем в рамках монархии, тогда как сербы — ее противники. Противосербская пропаганда стала постоянной. Это отвечало интересам хорватских аграриев, для которых Сербия являлась конкурентом. В 1908 г. Франк выступил в саборе с призывом к центральным властям навсегда закрыть имперский рынок для аграрного импорта из Сербии.

Часть правашей из приморья во главе с Э. Баричем выступила против «переворота», устроенного Франком.

По-видимому, Франк, вступая в партию, уже ориентировался на Вену. Когда партия раскололась (1895 г.), члены руководства, противостоявшие Франку, издавали газету «Hrvatska domovina» («Хорватская родина»), и поэтому их партия получила прозвище «домовинаши». Вражда между этими партиями нарастала, хотя программа 1894 г. оставалась общей.

В Венгрии у власти находился Иштван Тиса, ставленник консервативных кругов. К вопросу о таможенном разделе Австрии и Венгрии оппозиция добавила требование самостоятельной армии. Это означало бы развал монархии. В Австрии выступили на арену пангерманцы — сторонники «аншлюса». Но Германия поддерживала дуализм. С 90-х годов германский экономический и политический «Дранг» использовал Австро-Венгрию как свой авангард. Поэтому в югославянских землях главную угрозу видели в Германии. Однако быстро растущие аграрии видели в Германии лишь важнейший рынок.

В Хорватии обострение обстановки наступило в 1895 г., когда Куэн хвастался полным подавлением оппозиции. Загреб посетил Франц Иосиф. Около памятника Елачичу молодежь сожгла венгерский флаг. По Загребу прокатились демонстрации — так хорваты довели до сведения государя свой протест против куэновщины. Последовали аресты. Так в политику вступило новое поколение. Среди молодежи своей активностью выделялся Степан Радич, будущий организатор хорватской крестьянской партии. Ежедневно он демонстративно по-хорватски требовал железнодорожный билет и вступал в пререкания с венгерским персоналом, доводя дело до драки, ареста и т. п. Так он защищал пункт соглашения 1868 г. о государственном хорватском языке. Железные же дороги пользовались венгерским языком.

Молодежь, участвовавшая в демонстрации, была исключена из университета и направилась в разные места Австрии, особенно в Прагу.

В 1896 г. была основана организация «Объединенная хорватская и сербская молодежь». В Праге и Загребе она издала сборники статей, где пропагандировала изучение социальных и культурных проблем, повседневный труд для подъема экономики страны и улучшения жизни народа, борьбу за демократию как условие успеха национального движения. Хорватско-сербское согласие и недоверие к политике верхов монархии — другое условие этого. Молодежь критически относилась к звонким патриотическим фразам в литературе, требовала отражения жизни и проблем народа. Эти мысли были почерпнуты у чешского профессора Т. Г. Масарика.

Франковцы проповедовали, что династия — единственная сила, способная освободить хорватов. Домовинаши и независимцы сначала расходились в отношении к сербам (домовинаши — из правашей), но к концу 90-х годов хорвато-сербские отношения смягчились и домовинаши сблизились с обзорашами (1896 г.), а в 1903 г. создали общую буржуазную «Хорватскую партию права» (ХПП) — главного противника франковцев. ХПП была связана с новой силой в Хорватии — клерикальным духовенством. Однако последнее позднее поддерживало проавстрийские течения.

После определенного успеха оппозиции на выборах в 1897 г. (1/3 мест) Куэн вновь одержал победу на выборах в 1901 г. Это побудило молодежь создать политическую организацию «Прогрессивная молодежь», или «прогрессисты». Они установили связь с Сербской самостоятельной партией.

С конца 90-х годов хорватское и сербское крестьянство солидарно выступало против режима, сербская буржуазия была далека от поддержки Куэна. Началась общая тенденция хорватско-сербского сближения. Но хорватская оппозиция не хотела признать сербов равноправной «государственной» нацией Хорватии, как того требовали сербы.

Клерикалы и франковцы вызывали антисербские эксцессы. В 1902 г. в Загребе прокатились антисербские погромы: поводом послужила провокационная антихорватская статья в сербской газете «Србобран». Разгрому

подверглись сербские магазины, ремесленные мастерские, финансовые учреждения. Причиной этого была успешная конкуренция сербов-торговцев и ремесленников в главном городе Хорватии. С протестом против погромов выступил С. Радич и социал-демократы (партия действовала с 1894 г.). Но в 1903 г. сближение хорватской и сербской либеральной буржуазии возобновилось, так как для этого имелись глубокие причины. Пропагандистом сближения стал новый редактор «Србобрана» Светозар Прибичевич.

Крупнейшим событием в Хорватии в начале XX в. было народное движение 1903 г. Его значение — в отпоре режиму Куэна, прорыве изоляции Далмации, в возобновлении хорватско-сербского сотрудничества. Движение началось с протеста прогрессистов и социал-демократов против отказа венгерского правительства повысить автономный бюджет (Хорватия находилась перед банкротством). В марте 1903 г. в Загребе начались демонстрации. 11 марта состоялся митинг в присутствии более 9000 человек. Было намечено проведение более 50 митингов по стране. Куэн запретил собрания, и это вызвало бурные волнения, намного превзошедшие события 1883 г. В начале апреля на станции Запрешич, около Загреба, крестьяне сорвали венгерский флаг, жандармы вмешались и один крестьянин был убит. В ряде городов вспыхнули массовые демонстрации и стали распространяться на села. Венгерских чиновников изгоняли из кабинетов, были выбиты стекла в домах венгерофилов (мадьяронов), сожжены венгерские флаги и портреты бана. Была разгромлена станция железной дороги, так как в железных дорогах видели орудие мадьяризации. Дорога на Риеку была разобрана, чтобы не допустить проезда войск. Но войска действовали беспощадно. Тюрьмы были полны. Венгерская печать, кроме социалистов, обвиняла в «подстрекательстве» хорватов Вену.

Волнения затихли лишь в августе. Но в июле Куэн ушел в отставку, так как Франц Иосиф с его помощью хотел подавить длительные волнения в самой Венгрии. Движение в Хорватии было стихийным, так как лидеры прогрессистов были арестованы. Социалистическая печать Австрии оповещала Европу о происходившем. Впервые европейская общественность заинтересовалась Хорватией.

Новый бан Т. Пеячевич прекратил репрессии, но система власти осталась прежней. Движение вызвало отклик в Далмации и хорватско-сербское примирение. В Далмацию дошли ошибочные известия о многочисленных казнях в Хорватии. По всей Далмации появились черные флаги, люди носили траур, читали мессы, созывались митинги протеста, собирали деньги в помощь пострадавшим, общины засыпали Франца Иосифа телеграммами с просьбами о вмешательстве. В Истрии состоялось множество собраний, протестовавших против насилий в Хорватии, они

тоже обращались и к императору. В Истрии впервые столь четко проявилось хорватское самосознание. Собрания протеста состоялись в более 20 словенских городах. Депутаты саборов Далмации, Истрии и Триеста направились на аудиенцию к Францу Иосифу, но тот их не принял, сославшись на то, что они не должны вмешиваться в дела «другого государства». Этот жест Франца Иосифа способствовал распространению мысли, что в Австро-Венгрии национальный вопрос не решить. Депутаты обратились к европейской общественности с манифестом, подчеркнув в нем единство всего хорватского народа и симпатии словенцев и сербов к хорватам. Даже многолетняя хорватско-сербская полемика о принадлежности Боснии и Герцеговины временно прекратилась.

Переворот в Сербии в июне 1903 г., убийство короля Александра Обреновича и его проавстрийского окружения изменили ситуацию. Приход к власти Петра Карагеоргиевича означал переориентацию Сербии на Россию. Сербская буржуазия в Хорватии и Далмации также изменила ориентацию, повернула к сближению с хорватами. Но традиция взаимного недоверия и националистических выпадов задержала сближение на два года.

После периода национального возрождения экономика *Далмации* по-прежнему находилась в застое. При дуализме Далмация более чем раньше была изолирована от Боснии и Хорватии. Порты находились в упадке. В 80-е годы разразился кризис парусного судоходства, судостроения и виноградарства. Основой существования крестьян часто были крайне мелкие участки (до 1 ютра). Здесь было невозможно рентабельное хозяйство. Экспорт вина возмещал ввоз всех необходимых товаров, но он был неустойчив, зависел от урожая в Италии и Франции. Низкокачественное вино Далмации продавалось в основном в Австро-Венгрии, но торговый договор с Италией (1891 г.) с оговоркой («клаузула») о минимальном таможенном сборе с итальянского вина, а также болезнь лозы нанесли Далмации тяжелейший удар, что привело к политическим переменам в этой маленькой стране. К тому же в конце XIX — начале XX вв. самая бедная область монархии пострадала от голода.

Наиболее крупным городом в 1910 г. был Сплит (21,4 тыс. населения). Начало XX в. было отмечено небольшим оживлением экономики. По промышленной активности выделился Шибеник (12,6 тыс. человек). Здесь была использована энергия водопада р. Крка мощностью в несколько тысяч л. с. На этой основе стала развиваться химическая, электротехническая и другие отрасли промышленности. Оживилась и работа порта [3]. Так скромно началось развитие экономики Далмации, которая сейчас является одной из продвинутых областей Республики Хорватия. Достаточно сказать, что в Задаре, Сплите (Далмация), Риеке, Пуле (Истрия) по заказу России недавно построены четыре танкера на десять тысяч тонн нефти каждый.

Главной проблемой экономики оставались железные дороги. Но в их строительстве не были заинтересованы ни Австрия, ни Венгрия. Поэтому прокладывались лишь короткие ветки для местных нужд (с 1877 г.). Книн получил дорогу в 1888 г., но до развала монархии Далмация оставалась изолированной.

Австрийское консервативное правительство Э. Тааффе (1870–1893) стремилось опереться на консервативные силы славян и немцев и таким путем консолидировать внутреннее положение в Цислейтании. Применялась тактика мелких уступок славянам — экономических и др. Австро-германский союз (1879 г.) дал Германии решающее влияние на политику монархии. В 1882 г. к союзу присоединилась Италия.

В 80-х годах Национальная партия Далмации находилась в парламентском клубе консерватора Гогенварта. За каждое голосование правительство «награждало» ее (назначение чиновника, получение займа и пр.). Народняки уже с 1877 г. перестали упоминать о воссоединении с Хорватией. Далматинцам и истрамам было запрещено учиться в Загребском университете. Загребские дипломы были признаны в Австрии только в 1904 г., но с дополнительными экзаменами. Хорватский язык в учреждениях Далмации не допускался. Лидер народняков либерал Михо Клаич понимал, что только военная катастрофа может устранить дуализм или монархию вообще, но считал бесполезными иные действия.

В 1884 г. народняки увеличили свою фракцию в саборе с 25 до 41 места. Программа народняков 1885 г. промолчала о воссоединении с Хорватией, но борьба за хорватский язык в школах и администрации продолжалась. К 1900 г. хорватский стал языком преподавания в средних школах (кроме Задара) и официальным во всех общинах, кроме двух. Но Вена возражала против введения его как внутреннего в администрацию. По-прежнему чиновники должны были знать оба языка, в том числе «иллиро-далматинский»... Но в саборе «хорватский или сербский» язык стал официальным.

Отношения с сербами оставались холодными. В 1890 г. в Дубровнике на общинных выборах победили сербы в союзе с автономистами. В 1889 г. народняки приняли название *Национальной хорватской партии*, а в основу программы положили государственное право. Хорватская партия, как и ранее, считала хорватов и сербов одним народом. «В подходящий момент» она собиралась попросить монарха соединить Далмацию с Хорватией. К концу 80-х годов неуспех ее дуалистической политики стал явным (сами себя народняки иронически поздравляли лишь с «филологическими победами»). Поэтому зарождается течение *правашей*.

Это течение не приняло тезиса А. Старчевича об отсутствии «общих дел» с Австрией и Венгрией и признало «рамки монархии», но потребовало объединения всех хорватских земель (включая Боснию и Герцеговину).

Срок «клаузулы» окончился в 1901 г. Но восстановление прежнего виоградарства оказалось непосильным. В деятельности горожан главными сферами были торговля и ремесло. До XX в. владельцами первых (мелких) предприятий являлись далматинцы, позднее появляются иностранные предприниматели.

В среде правашей появилось новое течение, представителями которого явились Франо Супило и Анте Трумбич. Оба — последовательные противники дуализма и Тройственного союза. Супило связал югославизм народняков с хорватизмом; он «признал» сербов, он — противник Франка, но он праваш. Это значит защищать хорватскую государственную идею, то есть бороться за объединенное независимое государство.

В 1895 г. в рейхсрате был создан оппозиционный Югославянский клуб. В 1894 г. в Далмации была организована единая Партия права.

Все сказанное выше делает ясным, почему в начале XX в. наиболее неприязненная к династии идея родилась в Далмации. Тон в политике в 1897—1902 гг. задавали праваш. Их лозунги и тактика отражали настроения буржуазии и духовенства: всеобщее огорчение политикой Вены. Праваш не опирались на крестьянство, поэтому в их программе не было ничего неприемлемого для буржуазии. В 1897 и 1901 гг. обе партии на выборах выступали в блоке. Лишь клерикальная группа И. Продана в 1898 г. отделилась от правашей и основала «чистую» партию права.

Близок к «молодым» антиклерикальным правашам был А. Трумбич, к которому перешла руководящая роль в партии, ставшей двигателем перемен в политических настроениях в Далмации и Хорватии в начале XX в.

Оппозиция охватила и духовенство, как по общим причинам, так и ввиду того, что австрийское правительство добивалось запрета глаголяшства, казавшегося ему вредным уже в 80-х и особенно в 1900-х годах. Но Ватикан колебался.

В конце 1890-х — начале 1900-х годов в Далмации появляются признаки хорвато-сербского сближения. В 1897 г. Хорватская (народняки) и Сербская партии заключили соглашение и сделали невозможным выбор итальянского кандидата в рейхсрат. Отныне там представляли Далмацию только хорваты и сербы. Но прочному сближению мешало сербско-итальянское сопротивление воссоединению Далмации. Однако это не определило ход событий. Против германизации и в экономических вопросах все три далматинских группировки сотрудничали, а хорваты и сербы выступили совместно за придание хорватскому (или сербскому) языку статуса официального.

Рабочее движение в Хорватии определялось структурой работников. В 1890 г. сельским хозяйством было занято 84,6 % населения. Около 60 % рабочих (5,9 тыс. человек) было занято в деревообработке (лесопиление и др.), организация их не интересовала, во всей остальной промышленности имелось 50 предприятий с числом рабочих более 20. Но в 1890 г.

рабочее население достигло 270,5 тыс. человек, или 12,3 % всего населения, а в 1900 г. — 17,8 % — результат пролетаризации крестьян. В рабочем движении участвовали мелкие ремесленники и ремесленные рабочие (подмастерья). Росло количество ремесленников-одиночек, а число предприятий с 1—5 рабочими падало. Ремесленная среда и восприняла пропаганду социал-демократов. Первые стачки имели место в ремесле (в мастерских с 10 и более работников). Здесь же появляются социалисты. Работники в помещичьих имениях тоже находились под влиянием социалистов.

В 1895—1897 гг. социал-демократы (партия возникла в 1894 г.), стремясь пройти в сабор, начали агитацию среди сельских жителей, объясняя им учение социализма и распространяя литературу. Неожиданно для самих агитаторов популярность «социализма» стала неудержимо расти, причем в Среме крестьяне-полупролетарии понимали социализм просто: «чтобы все жили в согласии». Возникло множество социал-демократических кружков. Появились местные агитаторы, проповедовавшие, что социализм — это когда не будет налогов. Дело дошло до столкновений с полицией. Перед выборами 1897 г. были проведены массовые аресты. Крестьян судили за бунт, а агитаторов — за то, что они впутывали крестьян в «рабочее движение».

В 1905—1907 гг. в Подравине произошел самый значительный подъем движения сельских рабочих. Провозглашались требования заключения коллективных договоров, раздавались голоса и за изгнание буржуазных депутатов из сабора и избрание своих людей.

В дальнейшем рабочие Загреба участвовали в политической борьбе, выступали за всеобщее избирательное право.

Численность предприятий в Хорватии и Славонии с 20 и более работников

Год	Количество предприятий	Численность работников на них
1890	109	9855
1900	205	18597
1910	255	23151

Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskoga naroda g. 1860—1914. Zagreb, 1968 (таблицы).

Рост населения Загреба

	1869	1880	1890	1900	1910
Тыс. человек	20,4	29,2	38,7	57,7	74,7

Обращает на себя внимание ускорение роста главного города Хорватии в начале XX в.

Статистика частного землевладения в Хорватии и Славонии в 1895 г.

Площадь хозяйств	Число хозяйств	Их общая площадь (в йох)	% числа всех хозяйств	% общей с/х площади частных владений
До 0,5	31991	8125	7,85	0,17
0,5–1	21895	16248	5,39	0,34
Всего до 1	53886	24374	13,24	0,51
1–5	126289	370630	30,99	7,95
5–10	110999	804805	27,25	17,26
10–20	81657	1128312	20,05	24,30
Всего 1–20	192656	1933117	47,30	41,46
20–50	30603	852288	7,52	18,43
50–100	2830	184602	0,69	3,96
101–200	550	73733	0,12	1,58
Всего 20–200	33983	1117623	8,33	23,97
200–500	263	84554	0,06	1,82
500–1000	117	85157	0,03	1,83
> 1000	209	1047540	0,05	22,46
Всего > 200	589	1217251	0,14	26,11

Площадь хозяйств указана в йох (ютро). Йох = 0,575 га. Последняя перепись в довоенный период (до 1914 г.) проводилась в Хорватии в 1895 г.

Landwirtschaftliche Statistik der Länder der ungarischen Krone. T. IV. Budapest, 1900; Oesterreichisch-Ungarische Monarchie im Wort und Bild. Bd. 24. Mayer M. Die Landwirtschaft der Königreichchen Kroatien und Slavonien. Leipzig, 1901.

В начале XX в. серьезные изменения произошли в сельском хозяйстве Хорватии. Животноводство было основным источником приобретения денег для среднего и богатого крестьянства. Беднота не питалась мясом, но выращивала скот на продажу. Огромную роль животноводство играло и в имениях помещиков. Улучшилось качество продуктов, особенно животноводства, повысилась техника земледелия, производительность хозяйств. Применялись травосеяние и откорм скота злаками. Постоянным

и все возраставшим рынком сбыта скота являлись Австрия и Германия; рост цен на мясо делал животноводство особенно выгодным (*Stenografski zapisnici sabora. 1906—1911, sv. 2, d. 2, s. 804*).

«Разгон» в этом отношении характерен уже для последнего десятилетия XIX в.

Численность поголовья крупного скота в Хорватии (в тыс. штук)

	1869	1880	1895
Быки	8,0	7,1	50,2
Коровы	181,3	296,0	573,2
Волаы	194,3	177,2	281,4

Mayer M. Op. cit.

В 1896 г. было вывезено 160 тыс. голов скота на сумму *13,5 млн крон*, а в 1905 г. — 442 тыс. голов на сумму *63 млн крон*, т. е. рост (в денежном выражении) почти в пять раз (*Stenografski zapisnici... 1906—1911, sv. 2, dio 2, S. 800*). В 1910 г. некоторые села вывозили в Германию свиней на сумму более миллиона крон. Вывоз скота в предвоенные годы поднялся до *75 млн крон*, а численность поголовья — до полумиллиона в год (*ibid.*, 1910—1915, с. 849). Эта обстановка влияла на политическую ориентацию аграрной буржуазии.

В начале своей деятельности Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии (лидер В. Корач) наряду с задачей последовательной демократизации политического строя поддерживала требования финансовой автономии Хорватии и др. Она организовывала кооперативы бедноты.

В сфере национальной партия со временем (1909 г.) перешла на позиции австрийской социал-демократии, придерживавшейся идеи «культурно-национальной автономии». Национальный вопрос австрийцы предлагали решить полной автономией каждой части нации (на территориях с пестрым национальным составом) в области культуры в условиях демократии и союзом таких областей одного народа. Школьные проблемы, вопросы языка решали бы «национальные советы». Идея «национальной автономии» означала такое преобразование Австро-Венгрии, чтобы на едином экономическом пространстве каждому народу независимо от исторических границ были гарантированы единство, самостоятельность и самоуправление во всех национально-культурных делах.

Но югославы в своих планах вышли за пределы монархии. На конференции в Любляне в отеле «Тиволи» в ноябре 1909 г. социалистов Хорватии, Словении, Боснии, Чехии и австрийской социал-демократии была принята «Тиволийская резолюция», предложившая полное слияние югославян в одну нацию. Предусматривалось в условиях полной демократии культурное сближение и «конституирование» югославян в один народ [5].

Словенский писатель Иван Цанкар доказывал, что национальный вопрос — вопрос не культуры, а политики, и выдвигал идею *федеративной югославянской республики*.

При бане Теодоре Пеячевиче собрания в Далмации и Хорватии продолжались до весны 1904 г. Здесь господствовал дух «реализма», раздавались призывы к деятельности в пользу широких слоев народа. Большинство участников собраний в Далмации составляли крестьяне. Подобную деятельность предприняла и Сербская самостоятельная партия. В Хорватии собраниями руководили прогрессисты, в Далмации — правашаи.

Сближение Национальной хорватской партии (Далмация) и Партии права, начавшееся в 1897 г., произошло уже во время репрессий в Хорватии (1903 г.). Эта группировка относилась к сербам терпимо. «Црвена Хрватска», орган буржуазии Дубровника, выступила за хорвато-сербское согласие. В Риеке аналогично действовал Франо Супило, редактор влиятельной газеты «Нови лист» (с 1899 г.), органа хорватской буржуазии в Далмации и хорватском приморье. В июле 1903 г. в Дубровнике происходили хорватско-сербские переговоры. Итальянцы — противники прогерманского курса Рима — следили за этим с симпатией.

Осенью 1903 г. *далматинцы сформулировали концепцию «нового курса»*, объединения всех возможных сил против Вены [5]. В далматинском саборе Анте Трумбич выступил с призывом «От Альп до Марицы — все на защиту от германизма». Он имел в виду также соглашение с венграми и итальянцами. Между тем Франц Иосиф назначил в Венгрии неконституционное министерство. Сербский клуб поддержал Трумбича, а итальянцы заявили, что не против воссоединения Далмации с Хорватией. Хорватско-сербский конфликт в Хорватии постепенно смягчался.

Итак, Далмация положила почин «новому курсу» [6]. Оппозиционные настроения там были непримиримыми [7, 8].

В Хорватии движение 1903 г. активизировало клерикалов, прогрессистов и радичевцев. Но большинство духовенства не поддержало клерикалов, противившихся необходимым реформам и склонных к сотрудничеству с режимом, с партией Кузна, Франком. Весной 1904 г. появился орган прогрессистов «Покрет» («Движение»), а в декабре возникла «Прогрессивная партия», отделившаяся от Хорватской партии права (ХПП). Хорватская партия права — результат объединения двух старых партий — независимцев (1880–1903) и «домовинашей» (1895–1903), т. е. бывшие последователи Рачкого объединились с отколовшейся (в 1895 г.) частью правашей. ХПП стала главной партией хорватской буржуазии.

С 1899 г. Антун Радич, старший брат Степана, приступил к изданию для деревни газеты «Дом». По Радичам, народ — в основном крестьянство, и оно должно стать главным фактором в политике. «Народная культура» — христианская, крестьянская культура. Она должна привлечь

испорченную Западом интеллигенцию, помирить ее с народом. Другая сторона общества — «господа». Среди них есть плохие и хорошие. Эти могут служить «народу». Крестьянство имеет общие единые интересы. Это — труд и мир. Взгляды Антуна за пять лет издания газеты эволюционировали в сторону более четкого представительства интересов фермерского крестьянства [9].

Степан Радич разошелся с прогрессистами из-за их интереса к городу, а не к деревне. И прогрессисты, и братья Радичи выступали за хорватско-сербское сотрудничество, хотя позднее выявились различия в понимании этой проблемы. Радичи — против вражды к «братьям-сербам», но сербы должны, безусловно, уважать хорватское государство и государственное право.

В декабре 1904 г. была основана Хорватская народная крестьянская партия (ХНКП). Как и прогрессисты, ХНКП С. Радича выступала против бунтов, против клерикалов, за демократические реформы, за сотрудничество с сербами. Радич видел опасность «Дранга», но был противником нового курса, особенно против сближения с Венгрией. Радич — за союз славян монархии. При этом крестьянские лидеры подчеркивали, что они рассчитывают на помощь двора, что они верны монарху («царевны»).

ХНКП представляла зажиточное, даже богатое крестьянство. Это видно из ее требования выкупа земли по рыночной цене у крупных помещиков, оставив им по 300 га. Имушие сельские хозяева, подчас ездившие по делам в Германию или Вену, не могли терпеть сословной приниженности крестьянства, презрительного отношения «общества» к «мужику». Фермерское крестьянство стало проявлять политическую активность. Эти настроения и выражали А. и С. Радичи. Но, требуя полного сословного равноправия крестьян, ликвидации полуфеодалных остатков, партия в определенной мере защищала все крестьянство. В качестве конечной цели С. Радич выдвинул лозунг крестьянского государства: огромное большинство народа должно управлять государством [10].

В 1904 г. продолжалось хорватско-сербское сближение в Хорватии. В связи с коронацией сербского короля Петра Карагеоргиевича и 100-летием сербского восстания против османов в Белград съехались югославянские студенты. Весной 1905 г. в Загребе была организована югославянская художественная выставка.

Весной 1905 г. в Далмации Национальная хорватская партия объединилась с «партией права» в Хорватскую партию — явление, аналогичное тому, с которым мы встречались в Хорватии: часть правашей эволюционировала в либерально-югославистском направлении, а далматинские либералы восприняли смягченные идеи партии права. Вне Хорватской партии — «чистые праваше» (проавстрийские) и пока что прогрессисты Й. Смодлаки. Крайняя цель нового курса так была обозначена осенью 1903 г. в Далмации: самостоятельное югославянское государство, к кото-

рому надо идти, используя и углубляя кризис монархии, поддерживая борьбу венгерской оппозиции за персональную унию. Ближняя цель: воссоединение Далмации с Хорватией.

В 1904 г. венгерский парламент был распущен, но на выборах победила оппозиция. В 1905 г. Франц Иосиф пригрозил оппозиции ввести в Венгрии... всеобщее избирательное право. Этого венгерские помещики и буржуазия боялись более всего.

В Хорватии вовсе не хотели мадьяризации армии и установления таможенной границы с Австрией. Франковцы и ХПП хотели сохранить открытый путь в Австрию. В стране рассчитывали, по крайней мере, на смену режима. Трумбич вел переговоры с Ф. Кошутом, а Супило съездил в Белград.

3 октября 1905 г. большинство хорватских депутатов из Хорватии и Далмации приняло «Риекскую резолюцию»: поддержать Венгрию в ее «борьбе за полную государственную самостоятельность». Условие поддержки — объединение хорватских земель, введение в Хорватии конституционных свобод.

Сербские депутаты из Хорватии и Далмации присоединились к новому курсу. В «Задарской резолюции» они согласились поддержать венгров, если хорваты признают полное равноправие сербов в Хорватии и Далмации. Далматинские Хорватская партия и Сербская партия договорились о сотрудничестве и *провозгласили хорватов и сербов единым народом*. Язык называли «хорватским или сербским». В школах призывали изучать хорватскую и сербскую историю, использовать обе азбуки, в общинах, где сербы составляют одну треть, вывешивать и сербский флаг. Супило заявил: «Согласие хорватов и сербов — *conditio sine qua* поп национальной политики нового курса» [11].

В Хорватии же судьба нового курса пока оставалась неизвестной. Против Риекской резолюции мадьяроны, франковцы, клерикалы, ХНКП (Радич). Несмотря на все трудности, была организована хорвато-сербская коалиция — носитель нового курса в Хорватии: ХПП, прогрессисты, Сербская национальная самостоятельная партия, сербские радикалы, временно — и социал-демократы. Характерно, что по вопросу о таможенной границе с Австрией в коалиции имелись разногласия. 11.12.1905 г. коалиция провозгласила свою программу. Коалиция — представитель верхних слоев буржуазии, но ей нужна широкая поддержка. Поэтому она — за «свободу народа и права широчайших слоев», за конституцию, гражданские права — всеобщее право голоса и демократические свободы, защиту участия крестьянина и рабочее законодательство. Коалиция — за финансовую самостоятельность Хорватии, объединение с Далмацией, равноправие сербов и хорватов.

Хорвато-сербская коалиция провозгласила *национальное* единство хорватов и сербов (это делалось, чтобы показать, что между ними нет никаких

противоречий). Впрочем, сведущие люди говорили, что сербы хотели бы присоединения Боснии и Герцеговины к Сербии, а хорваты — к Хорватии. Было лишь договорено не провозглашать это и вообще отодвинуть этот вопрос на задний план. При этом лидер сербских самосталцев С. Прибичевич подчеркивал, что сербы никогда не будут претендовать на часть территории Хорватии, так как они с хорватами один народ. Это обострило противоречия между сербами-самосталцами и сербами-радикалами, влияние которых распространялось преимущественно на Срем. Лидер радикалов Я. Томич обвинял Прибичевича в том, что он делает идола из югославизма и предаёт сербские интересы. В 1907 г. сербы-радикалы покинули коалицию: они не могли согласиться на отказ от части Триединого королевства в случае каких-либо потрясений.

Если сравнить расстановку политических сил в Хорватии и Далмации в 1894 и 1905 годах, то видны *полный переворот политических и идейных тенденций*, смена позиций всех партий, участвующих в борьбе, появление новых группировок и раскол прежних, слияние их частей с другими группировками. Иначе говоря, полное перестроение (на первый взгляд, несколько хаотическое). Это было очень важное, переломное десятилетие, предопределившее дальнейшее развитие на пути к Югославии. Полное политическое перестроение за несколько лет свидетельствовало о глубинном социальном процессе в стране.

Ввиду формирования новой социальной структуры новый курс существенно отличался от прежней правовой политики хорватов и дуалистической политики сербов.

В связи с угрозой Вене со стороны венгерско-югославянского союза выступили «великоавстрийцы» — генералитет, часть аристократии, христианские социалисты. Их опекал престолонаследник Франц Фердинанд, тогда как Франц Иосиф придерживался дуализма. Великоавстрийцы хотели мощной империи и сокращения влияния мадьяр на политику. Но мощной, по их мнению, может быть только централизованная империя. Поддержку великоавстрийцы искали среди славян. Они не думали расширять права Хорватии. Наоборот, они соглашались лишь на автономию земель Венгрии по австрийскому образцу. Триализм противоречил планам Великой Австрии. Но идею хорватско-католического триализма провозгласить стоило, чтобы напугать венгров. Хорватии можно было намекнуть на присоединение Боснии и Герцеговины, экономическую помощь и т. п. Однако в Хорватии эту демагогию поддерживали только сторонники Франка.

В апреле 1906 г. был найден «компромисс» между Францем Иосифом и венгерской оппозицией. Оппозиция получила власть в Венгрии на условиях капитуляции — отказа от основных требований. Власть перешла к Венгерской партии независимости. Ранее правившая Либеральная партия была распущена, а с ней и Национальная партия Куэна. В мае 1906 г. в Хор-

ватии прошли свободные выборы, на которых с блеском победила коалиция.

Итак, коалиция у власти [12]. Новый курс уже невозможен. Из программы коалиции возможны некоторые конституционные реформы — расширение избирательного права, некоторая либерализация. Но новая власть в Венгрии против этого, так что о финансовой автономии нечего было и говорить. Лидером коалиции становится Супило. Прогрессисты объединяются с Демократической партией Смодлаки (Далмация). Только прогрессисты принимают программу на основе идей нового курса: югославизм, союз народов против Дранга, финансовая самостоятельность. Далее — отделение церкви от государства, равноправие религий. Но против этого возражала ХПП, где было много священников.

Правящим кругам Австро-Венгрии было необходимо заключить очередное финансовое соглашение, поэтому Австрии нужен разрыв венгров с хорвато-сербской коалицией (она может помочь противникам соглашения). И вот в конце 1906 г. венгерское правительство вносит проект закона о поддержке промышленности, но хорватам не предусмотрено ничего! Итак, хорвато-сербская коалиция не может обеспечить благоприятные условия подъема национальной промышленности.

В конце 1906 г. в Австрии принят закон о всеобщем избирательном праве при выборах рейхсрата.

Вена стремилась уничтожить коалицию обычным методом: экономическими обещаниями Далмации, но оказалось, что имеются в виду крохи. Провенской политике в Далмации более быть не могло. Но конфликт между Хорватской партией и прогрессистами Смодлаки вспыхнул по другой причине. Смодлака выступил за решение колонатского вопроса, тогда как Хорватская партия представляла землевладельцев. Силы нового курса в Далмации были раздроблены.

Для уничтожения нового курса в Хорватии была избрана так называемая «железнодорожная прагматика»: закон, согласно которому железнодорожники и в Хорватии должны знать венгерский язык. Хотя фактически так было и раньше, теперь узаконивается нарушение Соглашения 1868 г. Хорваты выдели в этом шаг к дальнейшей мадьяризации, тогда как коалиция мечтала о расширении автономии. В венгерском парламенте хорваты повели обструкцию против прагматики. Но Франц Иосиф ее утвердил и «правительство коалиции» ушло в отставку. Фактически это правительство не было властью коалиции; правила проверенные унионистские чиновники, а коалиция была «около власти». Как точно отметила М. Гросс, пало правительство, пользовавшееся поддержкой коалиции. С новым курсом было покончено. Но его результат — хорвато-сербское сближение — сохранился.

Наступил период аннексии Боснии и Герцеговины (1908—1909). При ее подготовке властям нужно было иметь в Хорватии антисербский режим.

В январе 1908 г. баном был назначен Павел Раух. Он опирался на партию Франка. Главная задача, поставленная министром иностранных дел Эрен-талем, — «разоблачить» сербских предателей — агентуру Сербии и их хорватских сотрудников и разгромить коалицию. Для этого власти намекнули на возможность присоединения Боснии к Хорватии. Но на выборах сторонники Рауха не получили ни одного мандата! Последовала череда провокационных статей и брошюр о подготовке Сербии к захвату югославянских земель монархии. В августе были арестованы 53 серба — члена Сербской самостоятельной партии, обвиненных в измене. Но травлю сербов поддерживали только франковцы и клерикалы. От партии Франка отделилась «Старчевичева партия права» Миле Старчевича (племянник основателя движения) из-за безусловного служения франковцев властям. «Милюновцы» временно сблизились с коалицией. 6 августа была провозглашена аннексия Боснии и Герцеговины. Это было ударом по интересам России и Англии. В Монархии и в Сербии проведена частичная мобилизация. Напряжение спало лишь 25 марта 1909 г., когда Сербия по совету России признала аннексию.

Эти события сказались на дальнейшем политическом развитии Хорватии, на югославянской проблеме в целом. Босния и Герцеговина стали особой административной единицей под управлением министра финансов. Они стали «общим владением» Австрии и Венгрии. Эта ситуация обострила проблему триализма в Хорватии. Выяснилось, что надежды хорватов иллюзорны, но хорватские австрофилы и клерикалы не оставили надежд на триализм в случае серьезных политических потрясений. Против триализма ничего не имели и другие хорватские партии. Но возражала Венгрия, а также чехи и другие неполноправные народы. Правящие круги в Вене еле улаживали конфликты, рождаемые дуализмом, а триализм окончательно бы запутал управление монархией. Великоавстрийцы — представители немецкой верхушки, и понимая растущую опасность югославянского вопроса, не собирались его решать в интересах славян. Да и как его можно было решить? Франц Фердинанд не мог лишить Австрию связи с морем, союза с Германией. «Великая Австрия» — это господство немцев.

Но использовать иллюзии правашей-франковцев для Франца Фердинанда было необходимо. Конрад фон Гётцендорф, начальник Генштаба, поручил Франку создать «легионы» (на австрийские деньги) для борьбы против сербов. Но они остались небольшой силой — бандами для подавления оппозиции (коалиции, старчевичан, социалистов...).

Обращает на себя внимание позиция С. Радича, лидера ХНКП. Он выступил против хулиганов «легионеров», но и резко — против политики Сербии в вопросе о Боснии и Герцеговине. Он подчеркивал «живое право» Хорватии на эту провинцию. Все более четко определялась противоположная сербская политика Радича, но он всегда выступал против антисербских

погромщиков. Позднее он вспоминал, что именно конфликт с Сербией после аннексии показал ему опасность сербской политики для Хорватии.

На основе фальсификатов, полученных от министра Эренталя, христианско-социальный «Райхспост» обвинил хорвато-сербскую коалицию, особенно Супило, в связи с Сербией. Но уничтожить коалицию властям не удалось.

Великоавстрийские круги пытались создать правашко-клерикальный блок под руководством сильных словенских клерикалов как базу влияния Франца Фердинанда. В январе 1909 г., в разгар аннексионного кризиса, было опубликовано обвинительное заключение против 53 сербов (все они — члены Сербской самостоятельной партии — одной из опор коалиции): их обвиняли в пропаганде великосербского государства, в верности сербскому королю (у многих в лавках висел его портрет), в подготовке восстания, которое якобы сорвала лишь аннексия, и даже... в употреблении кириллицы. Обвинение сербов — членов коалиции было направлено и против ее хорватского крыла, якобы сотрудничающего с изменниками. Но через три недели после начала процесса завершился аннексионный кризис. Однако до осени 1909 г. в Хорватии сохранилась напряженность, так как продолжался «процесс 53-х» и возник новый процесс коалиции против австрийского историка Г. Фридьюнга, которого министр иностранных дел Эренталь, готовясь к войне с Сербией, снабдил пачкой фальсификатов о якобы изменнических связях коалиции с Сербией. Фридьюнг написал на их основе ряд статей, не проверив аутентичность документов.

Процессы вызвали международный скандал, ударивший по авторитету австро-венгерского правительства. Чешский профессор Т. Г. Масарик много сделал для разоблачения организаторов «процесса 53». Этот процесс закончился в октябре 1909 г.: 33 подсудимых были осуждены. Полное поражение потерпел на другом процессе Г. Фридьюнг. Здесь главной целью правящих кругов было обвинить Ф. Супило, которого они считали заклятым врагом монархии. Вместе с завершением процесса был снят с должности бан Л. Раух. На очереди находился компромисс Коалиции с венгерскими властями для восстановления конституционного режима.

В Далмации после выборов 1907 г. главный деятель — «Хорватская народная прогрессивная партия» Смодлаки. Она укрепила влияние, подняв вопрос о колонате. В районе Сплита в 1909 г. в собственности колонов находилась $\frac{1}{3}$ земли, остальное обрабатывалось на условиях колоната (колон отдавал владельцу от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ урожая, чаще всего — $\frac{1}{3}$). Аренда из трети вместе с арендой из четверти составляли вместе 90,1 % всех колонатных отношений под Сплитом.

В связи с кризисом виноградарства положение колонов резко ухудшилось. Переменить культуру (на огородничество, молочное хозяйство,

птицеводство и пр.) не разрешал владелец. Колонат стал невыносим. Прогрессисты посредством организации «Согласие работников» пытались вести переговоры с землевладельцами о выкупе колонатских обязательств. Но треть земли находилась в руках духовенства, поэтому клерикализм являлся врагом прогрессистов и колонов. Найти кредит для выкупа было трудно. Успехи прогрессистов поэтому были невелики, и до краха монархии ликвидация феодального остатка была невозможна. Поэтому, как и из Хорватии, из Далмации шла массовая эмиграция в Америку.

Противником изменения положения колонов являлась Хорватская партия, организация землевладельцев. К тому же с 1910 г. с ней сблизилась прогрессисты, постепенно терявшие свой антиклерикализм и радикализм как в Хорватии, так и в Далмации.

После аннексионного кризиса в Далмации возобновились давнишние переговоры о правах родного языка. Вена стремилась уступкой хоть в этой сфере смягчить широкое недовольство состоянием области. Новые инструкции вступили в силу 1.01.1912 г. Хорватский (или сербский) язык стал официальным во внутренних делах Далмации. Итальянскому языку была сделана небольшая уступка (двуязычные печати и вывески в портовых городах (Brzopisna izvijesća XLIII zasjedanja pokrajinskoga sabora dalmatinskoga. U Zadru, 1911).

В 80–90-х годах XIX в. в *Истрии* произошли экономические и социальные перемены, сказавшиеся на национальных отношениях. Быстрое развитие трех городов — Триеста, Пулы и Риеки втянуло полуостров в капиталистическую эру, способствовало проникновению капитализма в деревню. Пула — главный военный порт Австро-Венгрии, культурный и политический центр. В ее арсенале было занято несколько тысяч рабочих. В 1867–1900 гг. население города возросло с 17 тыс. до 36 тыс. человек. Здесь наряду с итальянской появилась хорватская буржуазия. Риека — главный порт восточной части монархии.

В 80-х годах $\frac{3}{4}$ населения еще было занято сельским хозяйством. Парусное судостроение, сосредоточенное на о. Лошинь, пришло в упадок (торговый флот в 70-х годах достиг 84 тыс. тонн водоизмещения, в конце века — всего 4,5 тыс. тонн). Капиталы перешли в Триест — в банки, промышленность, торговлю. Итальянский торгово-ростовщический капитал пришел на село (на три четверти — хорватское и словенское).

Хорватско-словенская национальная партия выступала за отмену выкупных платежей помещикам (итальянцам), создавала кооперативы, сберегательные кассы. *Итальянская либеральная партия* представляла сильную буржуазию. Национальные противоречия существовали (и обострялись) как между городом и селом, так и между буржуазией разных лагерей. У хорватов появились молодые либеральные лидеры: М. Мандич — с 1883 г. редактор газеты «Наша слога», М. Лагиня — с 1883 г. член сабора и др. Они были захвачены идеями правашей, выступали за соединение с Хор-

ватией. Но противоречия с итальянской стороной заставляли их искать контакты с правительством, хотя они были настроены антинемецки. Молодежь требовала полного равноправия языков. Лагиня в саборе сразу выступил по-хорватски, но его бурно прервали и к тому же он подвергся нападению на улице Пореча.

В 1884 г. итальянцы создали «Политическое общество Истрии» с программой распространения своей культуры и национальности. Другое общество «Pro patria» с 1886 г. основывало итальянские школы.

Правительство Тааффе в 1883 г. приняло закон о равноправии всех трех языков в суде, но на деле терпело итальянизаторскую политику (с 1882 г. Италия — союзник монархии). Лагиня сосредоточил усилия на развитии кооперации, кредита, и со временем сеть этих организаций охватила Истрию. С 1886 г. развернулась борьба за общины. В центральной Истрии были одержаны две победы на выборах (Пазин, Бузет), а затем и во всей центральной и юго-восточной Истрии.

В 1884 г. в саборе создан «Хорватско-словенский клуб». Его программа — развитие сети школ, равноправие с итальянцами в управлении. В саборе делегаты говорили только по-хорватски и по-словенски, но итальянцы не заносили эти речи в протокол.

Однако после выборов в сабор 1889 г., когда хорваты и словенцы получили 9 мест, правительственный комиссар впервые произнес речь на двух языках. Сабор избрал заместителем председателя хорвата, а в Земельный комитет (исполнительный орган) — двух хорватов. Перепись 1890 г. показала, что численность славянского населения Истрии растет намного быстрее итальянского. Национальная борьба обострилась.

С 1891 г. славяне имели в рейхсрате двух депутатов, как и итальянцы. В 1893 г. в рейхсрате был создан оппозиционный «Клуб хорватских и словенских депутатов».

В середине 80-х годов 57% хорватских и словенских детей не посещали школу из-за нехватки помещений. В 1893 г. было основано «Общество Кирилла и Мефодия для Истрии» с центром в Пуле, затем в Опатии. По всей Хорватии собирались средства, и через несколько лет началось строительство школ в Истрии.

В 90-х годах продолжалась борьба за равноправие языков, дело доходило до демонстраций. Вена колебалась и не заняла твердой позиции. Наступление итальянских националистов вынудило хорватских депутатов бойкотировать сабор (1899 г.). Между тем продолжался рост числа читален, культурных обществ. Это стимулировалось расширением деятельности хорватских торговых компаний. В Пуле была основана хорватская типография, а в 1899 г. была основана первая хорватская типография в Пазине.

Австрийское правительство с тревогой наблюдало за сближением Италии и Франции и активизацией ирредентизма. В начале 1905 г. в Триест

был назначен наместник Приморья князь Гогенлоэ, показавший склонность к уступкам славянам. Вена решила успокоить Истрию, разделив ее на национальные избирательные округа: 3 итальянских, 2 хорватских, 1 словенский. Выборы 1907 г. подтвердили усиление хорватов и словенцев (Хорвато-словенской партии) ввиду их общего экономического и культурного подъема. Количество школ, национальных изданий росло. На общинных выборах хорваты имели успех. В хорватском стане наметились противоречия между либералами и клерикалами, что косвенно свидетельствовало о формировании более сложного и зрелого буржуазного общества. В 1907 г. огромным большинством голосов прошли в рейхсрат М. Лагиня, В. Спинчич, Н. Мандич. Вообще Хорвато-словенская партия собрала вдвое больше голосов, чем итальянские либералы (30,2 тыс. против 14,7 тыс.). И стала сильнейшей в Истрии. Впервые появилась перспектива осуществления ее программы.

В 1908 г. в Истрии был принят Новый устав провинции. Сабор имел 47 членов, в том числе три вирильных члена (епископы), 5 — курия крупных собственников, 2 — торгово-промышленные палаты, 14 — города, 15 — сельские общины, 8 — на основе всеобщего избирательного права. Как видим, до полного равноправия национальностей было далеко. Общинные выборы были отложены на 6 лет. Это означало сохранение власти итальянцев в общинах со славянским большинством.

После аннексионного кризиса в Истрии пришло к политической деятельности новое поколение, окончившее Загребский университет и впитавшее там новые идеи, противные клерикализму и Австрии. В области сохранялось нетерпимое положение с бюджетом: $\frac{1}{3}$ его направлялось в итальянские районы. В 1910 г. на саборе публика не давала славянам говорить. Австрийское правительство в 1911 г. пыталось посредничать: было решено в течение 5 лет решить вопрос о хорватских и словенских школах, то есть расширить изучение славянских языков, обеспечить школы средствами.

После поражения на выборах в 1907 г. итальянская буржуазия, опасаясь за свое будущее, надеялась на присоединение Истрии к Италии. Иррентинтизм продолжал распространяться. Особенно этому способствовала победа Италии над Турцией (1911 г.).

Терпимое отношение Вены к языковому неравноправию в Истрии заключалось не столько в почтении к великой итальянской культуре, сколько в том, что итальянский был языком верхних слоев населения, сильной итальянской буржуазии и аристократии. Тем не менее Вене приходилось лавировать и обещать удовлетворить интересы $\frac{1}{3}$ населения Истрии — хорватов и словенцев.

В 1879 г. в Боснии и Герцеговине католики составляли 18 % населения, православные — 42,9 %, мусульмане — 38,7 %. Власти стремились изолировать Боснию и Герцеговину от Сербии и Хорватии. Управлявший Бос-

нией и Герцеговиной австро-венгерский министр финансов Б. Каллаи (1882–1903) с этой целью запретил упоминать этнонимы «серб» и «хорват» (в частности, в названиях обществ и пр.) и объявил, что существует единая боснийская нация. Этот смехотворный опыт успеха не имел. Наиболее развитым было национальное самосознание сербов с их многочисленной торговой буржуазией, связанной с Воеводиной. Католики в массе были крестьянами, почти половина их — кметами. Национальное самосознание хорватов среди них распространяли францисканцы; буржуазия развивалась медленно. Господствовавшие среди мусульман феодальные силы подчеркивали свою этническую самобытность. Даже название народа — «мусульманский народ» — появилось лишь с установлением власти христианского государства, до этого народ называл себя босняками, а христианам («раие») так зваться запрещалось.

Среди католиков носителем национальной идеи постепенно стала светская интеллигенция, связанная с францисканцами. Архиепископ Штадлер был клерикалом и стремился обеспечить решающее влияние светскому духовенству, францисканцев он не любил за их религиозный либерализм, но в массе народа корней не имел, опирался на государство и служил ему опорой.

С 1884 г. францисканцы издавали в Мостаре «Глас херцеговца». Вначале они находились под влиянием югославизма, но в Боснии и Герцеговине разные цели сербов, хорватов и мусульман не способствовали упрочению этого направления. В конце 80-х годов «Глас» уже провозглашал идеи правашей.

Характерной чертой сербско-хорватского соперничества была борьба за мусульман, так как вместе с мусульманами та или другая сторона имела бы большинство. Поэтому обе стороны твердили о своей веротерпимости, а клерикалы Штадлера мешали этой политике хорватов.

С 1898 г. францисканская газета «Освит» отстаивала идеи Франка: историческое и естественное право на воссоединение Боснии и Герцеговины с Хорватией в рамках монархии. Мусульманские лидеры представляли интересы бегов и выступали за сохранение кметства, с сербами и хорватами они были склонны сотрудничать. Но лишь незначительная часть мусульманской интеллигенции действительно ассимилировалась сербами или хорватами. Учившиеся в Загребе студенты в 90-х годах склонялись к хорватам.

Все же влияние сербов было сильнее, так как мусульмане и сербы ненавидели австрийцев. Сербь хотели присоединения к Сербии, мусульмане — сохранения суверенитета султана. В 1902 г. был заключен тайный договор о сербско-мусульманском сотрудничестве.

В 1905 г., после десяти лет борьбы, Франц Иосиф утвердил церковно-школьную автономию сербов. Это побудило Штадлера организовать хорватскую католическую пропаганду (Хорватский дневник, 1906). Но большинство крестьян-католиков еще не обладало хорватским самосознанием,

тогда как интеллигенция, торговцы, ремесленники уже ощущали себя хорватами.

Лишь в декабре 1907 г. власти, в связи с предстоящей аннексией, решили создать «Хорватское национальное сообщество». Возглавил его Н. Мандич, один из основателей «Хорватского центрального банка» (1908 г.). Накануне аннексии власти требовали от Мандича сотрудничества с мусульманами против сербов.

В 1910 г. в Боснии и Герцеговине была провозглашена конституция. Каждой конфессии было отведено определенное количество мест в саборе. В «Хорватском национальном сообществе» (ХНС), формально действовавшем только в сфере культуры, возник конфликт между Штадлером и сторонниками Мандича. Штадлер организовал «Хорватское католическое общество» и провозгласил мандичевцев антикатолической группой, запретив духовенству и интеллигенции его поддерживать. На предвыборных собраниях доходило до столкновений между хорватами из разных объединений. Францисканцы отстаивали свои приходы от светского духовенства. На выборах в сабор ХНС Мандича получило 11 мест, штадлеровцы — только 5.

В 1910 г. правительству удалось сколотить «хорватско-мусульманский блок» против обязательного выкупа повинностей кметов. До аннексии существовал сербско-мусульманский блок против аннексии. Теперь он распался ввиду противоречий по проблеме выкупа (кметы — в основном сербы). Власти провели в саборе закон о факультативном выкупе кметства. Этот проект поддержали хорваты и мусульмане. В лице мусульманских землевладельцев, мечтавших о султানে, Франц Иосиф получил лояльных подданных.

Хорваты и сербы занимали противоположные позиции и относительно судьбы Боснии и Герцеговины. Мусульмане сохранили программу автономии Боснии и Герцеговины, а хорваты были за присоединение провинции к Хорватии на основе «государственного права» (т. е. ссылались на принадлежность части Боснии Хорватскому королевству до османского нашествия).

Беги убедились, что правительство желает сохранить их привилегии, надеясь получить в мусульманах опору, а хорваты и сербы борются между собой за влияние на мусульман. Поэтому последние стремились сохранить самостоятельность как важный фактор в политике.

Предвоенные годы были полны политической напряженности.

После потрясений периода аннексии австро-венгерские власти нуждались в восстановлении конституционного порядка в Хорватии. Сделать это было возможно лишь при участии хорватско-сербской коалиции — представительницы буржуазных верхов. Венгерский премьер-министр Куэн начал с назначения баном своего верного сотрудника банкира Н. То-

машича. Куэн, естественно, не доверял коалиции и хотел восстановить свою Национальную партию, в которую подключить группу наибольших оппортунистов из коалиции (иначе говоря, расколоть коалицию). Коалиция, со своей стороны, надеясь участием во власти добиться улучшения условий функционирования национального капитала. О программных реформах при этом нельзя было и думать. Сменить чиновников раухианцев — активных гонителей оппозиции в 1908—1909 гг., расширить избирательное право настолько, чтобы режим не мог опираться на чиновников, а был бы вынужден на выборах искать компромисса с национальной буржуазией — это были условия коалиции для договора с Томашичем. Верховный суд Хорватии отменил приговор по «процессу 53», а Франц Иосиф их помиловал. Но на смену чиновников Вена не согласилась, так как все ответственные посты заняли бы члены коалиции, организации опасной, ибо югославистской. Расширить избирательное право власти согласились.

Соглашение Томашич—коалиция заставило Супило покинуть коалицию. Его целью было ослабление монархии, а коалиция обязалась соблюдать «чистоту» Соглашения 1868 г., основанного на дуализме. Коалицию возглавил умеренный сербский политик Светозар Прибичевич. Национальная буржуазия не хотела конфликта с властью, чтобы сохранить хотя бы то, что имела. Отныне Супило стал искать опору в радикализирующейся молодежи.

Томашич с самого начала поставил себе целью ликвидацию коалиции, превратив ее в орудие режима, каким была Национальная партия до 1906 г. Но избирательная реформа была проведена: с 6—7 % мужчин число избирателей было увеличено примерно до четверти мужского населения. Понятно, почему социалисты считали реформу «шагом» к всеобщему избирательному праву, а Радич заявил, что реформа проведена «в духе» всеобщего избирательного права.* Во всяком случае, конституционное правление без компромисса с национальной буржуазией стало невозможным, что и подтвердили события 1910—1914 гг.

Коалиция продолжала требовать удаления раухианцев, организаторов процесса «изменников». Поэтому сабор, где коалиция имела большинство, был распущен. Но коалиционеры мечтали о доверии к ним со стороны верхов монархии как к консервативной группировке. Для этого прогрессисты слились с ХПП в Хорватскую самостоятельную партию (1910 г.).

* Некоторые авторы традиционно утверждают, что ранее избирателей было 2%, а стало 6%. Но при этом не учитывается, что повсюду тогда не голосовала женская половина населения, а остальное составляли дети и юноши (возрастной ценз). Если бы избирателей стало 6%, социалисты и Радич не могли бы реформу оценить как шаг «в духе» всеобщего избирательного права.

Теперь коалиция состояла из двух «самостоятельных» партий — хорватской и сербской. Коалиция заявила в программе, что стремится к мощной монархии и объединению всех ее хорватских и сербских земель. Характерен крах прогрессистов, что вызвало глубокое разочарование среди молодежи и ее радикализацию.

И в Далмации в 1910 г. прогрессисты во главе со Смодлакой говорили о необходимости отказа от идей Риекской резолюции, возвращения к австрославизму и программе триализма, но при сохранении хорвато-сербского согласия. Этим поворотом Смодлака получил дорогу в рейхсрат. Но далматинские прогрессисты сохранили антиклерикальные взгляды и не слились с Хорватской партией (Далмации).

Правящие круги требовали противосербской политики, так как даже намеки на югославизм страшил их. Югославянская проблема стала жизненной для монархии с 1903 г.

В октябре 1910 г. коалиция вновь победила на выборах, но потеряла большинство. Переговоры с Томашичем продолжались. Коалиция требовала отмены прагматики. В это время Прибичевич и сербские самосталцы выступили за соединение Далмации и Боснии (с Герцеговиной) с Хорватией, но при гарантиях равноправия сербов.

Между тем коалиция потребовала для национальной буржуазии часть государственных дотаций, которые получает венгерская промышленность. Безуспешно последовала новая попытка Томашича собрать большинство в саборе. В 1911 г. — новые выборы, неудачные для Томашича. *Бан ушел в отставку, так как договориться с хорватской и сербской буржуазией не смог.* Венгерский премьер Куэн, чьим ставленником был Томашич, снова ввел абсолютистский режим («комиссариат»).

После аннексионного периода великоавстрийские круги Вены пытались решить проблему Хорватии в интересах будущего государя. Шла лихорадочная мобилизация клерикализма. Их поддерживали сильные словенские клерикалы. Вена пыталась мобилизовать правашей и «католических хорватов» для противосербской политики. Но, кроме франковцев, правашаи ненадежны: во время аннексии они колебались. Теперь *Вена с помощью духовенства пыталась создать единую организацию в хорватских землях, Боснии и Герцеговине, Словении* и создать впечатление, что Франц Фердинанд решился на триалистический вариант. Правашаи, ожидая смены на престоле, пошли на блок с клерикалами, так как при Франце Фердинанде те стали бы главной силой. В 1910 г. великоавстрийцы объединили франковцев и хорватских клерикалов в *«Христианско-социальную партию права» с программой 1894 г.,* то есть триализма. Партия поддерживала отношения с боснийскими клерикалами Штадлера.

В Далмации проводилась пропаганда отождествления католицизма и хорватизма, колонов и рабочих призывали создавать кооперативы во главе

с духовенством, чтобы отвлечь их от национального движения, особенно югославизма. Но создать войско, верное престолонаследнику, не удалось. Много священников не поддержало эту политику. Активизация клерикализма вызвала реакцию — появление групп националистической радикальной молодежи. Даже наместник Далмации Н. Нарделли был антиклерикалом, его удалили в начале 1912 г. и назначили немца графа М. Аттемса, не знавшего языка, но исполнявшего все указания круга Франца Фердинанда.

Летом 1911 г. представители Хорватии, Далмации, Истрии, Боснии основали «всеправашскую организацию». Предстояло сотрудничество со словенцами. Лидером стал Миле Старчевич. В действительности правашам предназначалась подчиненная роль, а верховодили клерикалы. Старчевичане («милиновцы») слились с франко-клерикалами Хорватии в единую Партию права (1911—1913).

В январе 1912 г. состоялась конференция всеправашской организации. Но великоавстрийцы недовольны. «Германский централистский клерикализм» (Супило) и *триалистские устремления правашей* не совпадали.

Правашаи годами мечтали: будет сильная единая партия права, и она поведет переговоры с Францем Фердинандом о решении хорватского вопроса. И вот конференция послала меморандум Францу Иосифу и Францу Фердинанду: надо собрать сабор в Загребе из представителей всех хорватских земель для решения вместе с королем отношения Хорватии к монархии на основе государственного *суверенитета* Хорватии! Но этого больше всего боялись великоавстрийцы: не отделится ли такая Хорватия?!

В результате всей потерпевшей провал операции баном был назначен С. Цувай. Он начал с конфискации газет и роспуска сабора. Отпор ему оказали не партии, а студенты, гимназисты, рабочие. Их демонстрации в январе 1912 г. нашли отклик в Истрии, Далмации, Боснии. *В этом особенность национального движения начала XX в.: кроме активности окрепшей буржуазии (коалиция) широкое участие народа, радикализм молодежи, связь с другими землями* (успехи процесса складывания нации), поддержка сербов. Ранение одного гимназиста вызвало демонстрации большинства учеников средних школ Хорватии. Преследования еще усилили движение. Загребская молодежь 12.03.1912 г. призвала к всеобщей стачке средних школ. Власти закрыли школы. Социалисты принимали активное участие в движении. Буржуазия требовала финансовой самостоятельности. «Великоавстрийская» партия сблизилась с «изменнической» коалицией, то есть оторвалась от клерикалов. Таков пока что результат провала великоавстрийского плана. В апреле 1912 г. провозглашен комиссариат Цувая, то есть приостановлено действие конституции (так было только в 1883 г.). Печать поставлена под жестокий контроль, запрещены собрания, полиция контролирует администрацию городов. Это вызвало в Сплите и

Шибенике демонстрации и стачки солидарности. В рейхсрате выступления хорватов поддержали чехи и словенские либералы. Австрийский премьер Штюргк потребовал восстановить конституцию в Хорватии. Венгерский премьер Л. Лукач протестовал против вмешательства «иностранной державы».

В 1904 г. дипломы Загребского университета были признаны в австрийской части монархии, и аудитории наполнились молодежью из Далмации, Истрии, Боснии и Герцеговины. Университет стал рассадником новых идей вне Хорватии, их наиболее активные пропагандисты — из Далмации. Самостоятельное молодежное движение, без связи с партиями, началось после аннексионного кризиса как реакция на политику властей, клерикализм, капитуляцию прогрессистов. В сфере культуры идеал националистической молодежи — единая югославянская культура. В живописи преобладали сначала «косовские» и «видоданские» темы, то есть борьба югославян против османского рабства, а потом и политики Австро-Венгрии. В 1909 г. группа молодежи посвятила себя просвещению «простого народа». Крах демократов-прогрессистов дал импульс выступлениям в югославистском духе. Часть молодежи верила в существование единой югославянской нации, цель которой — независимая республика.

В 1911 г. в Сплите выступает «Хорватско-сербская прогрессивная молодежь» — за демократию, против клерикализма. Цель — достижение хорватско-сербского национального единства, культурного и экономического сближения с болгарами и словенцами. В конкретной деятельности — разные варианты — от старого «прогрессизма» до террора.

Убеждение в том, что мирные средства борьбы неэффективны, побудило перейти к тактике террора. Осуждались парламентаризм, «малые дела», колебания старшего поколения. Молодежь разных взглядов посетила Белград и укрепились в своих взглядах. Ширилось увлечение русской и итальянской анархистской и революционной литературой. Зачитывались С. М. Степняком-Кравчинским, Гарибальди, Кропоткиным. Росло убеждение, что «югославянскую нацию» можно подготовить к революции террором, самопожертвованием — и так довести дело до восстановления и республики.

Еще в 1910 г. серб Богдан Жераич стрелял в наместника Боснии генерала Варешанина, но, потерпев неудачу, застрелился. Жераич стал символом движения. С этого времени возникают группы «Молодой Боснии». 8. 06. 1910 г. хорват из Боснии Лука Юкич стрелял в Цува, но смертельно ранил ехавшего с ним чиновника. Судили 12 человек возрастом от 15 до 25 лет. Юкич был приговорен к повешению, замененному пожизненным заключением. И. Планиншчак еще раз покушался на Цува, снова неудачно, и, как и Жераич, покончил с собой. Но часть молодежи отстаивала старые мирные методы.

В Далмации создается группа «Объединенная националистическая молодежь», пропагандирующая национальное единство сербов, хорватов и словенцев. Эта группа грозит уничтожением всем «исключительным» националистам, клерикалам, великоавстрийцам (1912 г.). Балканская война способствовала ее активизации. Наряду с националистами социалисты тоже выступили с унитаристскими («интегральными») взглядами: сербы, хорваты и словенцы — уже одна нация (искренно мало кто в это верил), или должны ею стать. Эти идеи в разной форме и степени были присущи хорватским югославистам от иллиров, сербским самосталцам С. Прибичевича. В этих идеях — обычное противоречие: то сербы и хорваты — один народ (иногда и словенцы), но «два» (или «три») племени, то подчеркивали их равноправие как народов и политическую индивидуальность, как уже бывало в XIX в. Иногда просто игнорировали убедительные факты о развитом национальном самосознании каждого народа, иногда *выдавали настроения групп романтиков за сознание всего народа*. Характерны и колебания между разными взглядами. Но плану революционного решения проблемы «отвечала» идея национального единства.

Итак, к началу мировой войны среди хорватской и сербской молодежи Хорватии циркулировали идеи: 1) югославянского сотрудничества при наличии слабых унитаристских элементов; 2) непоследовательный унитаризм с некоторым сохранением национальных чувств; 3) последовательный «интегральный» унитаризм, то есть идея полного слияния в «югославянскую» нацию [13]. Унитаристы намеревались привлечь в свой лагерь и словенцев. Это уже национально-революционная молодежь. Существовала даже группа правашей-великохорватов — «Млада Хрватска» — («хорваты трех вер»), перешедшая к интегральному югославизму [14].

В Балканских войнах (1912—1913) целью Сербии было изгнание османов из Европы и обеспечение себе *выхода к морю через Албанию* (которой в начале войны еще не было как суверенного государства). Война балканских союзников против Турции началась 17.10.1912 г. Успехи союзников вызвали воодушевление югославян Австро-Венгрии и уныние ее правящих кругов. Монархия провела частичную мобилизацию.

В конце ноября сербские войска заняли Драч, выйдя к Адриатике. Монархия и Италия стремились удалить сербов от моря, и это создало опасность их военного вмешательства. Чтобы успокоить Хорватию, Цувай был отправлен в «отпуск» и на время заменен чиновником. Комиссарият был сохранен на время войны на Балканах, что делало невозможными публичные выступления солидарности с балканскими союзниками. Но в Хорватии собирали средства для сербского Красного Креста. В Далмации же антиавстрийская атмосфера достигла своего апогея. С молтака в венском рейхсрате воскликнул: «Это наша священная война!» В связи со взятием Салоник греками в Сплите и Шибенике прошли демонстрации

во главе с градоначальниками, депутатами сабора и рейхсрата. Советы этих городов были распущены. Это вызвало манифестации в Задаре и Дубровнике, волнения в ряде городов. Воодушевление вызвало наступление черногорцев на Шкодер (Скадар), но державы заставили черногорцев отойти.

Чрезвычайные меры были проведены властью и в Боснии.

В Далмации утвердилось понятие «югославского национализма». Радикализировались прогрессисты, сблизившиеся с «националистической молодежью». Их газета «Слобода» под редакцией О. Тарталья стала органом молодежи, подвергавшейся арестам и другим преследованиям.

Чтобы противостоять Балканскому союзу и югославизму, словенские клерикалы на хорватско-словенской конференции 10.10.1912 г. провели резолюцию о «хорвато-словенском народе» в рамках монархии и ждали от монархии взаимности.

Но даже консервативные праваши и большая часть католического духовенства в Далмации не были надежной опорой династии. Все усилия великоавстрийцев по созданию опоры в виде всеправашско-клерикальной организации не привели к успеху. Организация возникла на конференции 20.10.1912 г., но энтузиазма она не проявила.

В марте 1913 г. конференция правашей Хорватии заключила, что победы союзников должны стимулировать борьбу за хорватское государственное право; вместе с тем праваши заявили о намерении сотрудничества с коалицией, о том, что в своих надеждах они полагаются только на хорватский народ. Это было поражением венских великоавстрийцев. Праваши заявили, что «националистическая молодежь» — утописты, но что *они, праваши, являются последним поколением, ожидающим решения национального вопроса в рамках монархии.*

Завершение войны на Балканах сделало возможным соглашение коалиции с Венгрией. Летом 1913 г. комиссаром был назначен И. Шкерлец с заданием подготовить соглашение. К тому же сербское правительство хотело бы оттянуть ставшую неизбежной войну с Австро-Венгрией, и это влияло на поведение лидера коалиции Прибичевича. Коалиция должна быть у власти! Она перестала требовать ревизии соглашения и подчеркнула свою позицию защиты его. Неожиданно рабочий С. Дойчич, вернувшийся из Америки, совершил покушение на Шкерлеца, ранив его в руку. Идеи «националистической молодежи» проникли в среду эмиграции. Но это не остановило сближения коалиции с Венгрией. Коалиция обещала премьеру Тисе, что не будет поднимать никаких спорных вопросов, а К. Тиса — что уберет пункт о языке в прагматике. В декабре 1913 г. Шкерлец назначен баном. На выборах в сабор коалиция с помощью власти победила. Идея триализма правашей была отодвинута в сторону, о финансовых правах коалиция молчала. Но в банском правительстве был со-

здан отдел экономики... Бана и начальников отделов Будапешт вновь назначил из доверенных чиновников, а не из членов коалиции. Полного доверия к ним не было. «Гармонию» с капитулировавшей коалицией нарушил венгерский проект закона о праве экспроприации хорватских земель на морском побережье. Проект вызвал возмущение оппозиции и новое покушение на Шкерлеца.

Всего через месяц после этого серб *Гаврила Принцип* из организации «Млада Босна» в Сараеве застрелил Франца Фердинанда (и, случайно, его жену). Это произошло 28 июня 1914 г., в Видов дан.

Давно ожидаемый австро-венгерским генштабом повод для нападения на Сербию оказался кстати.

После 1903 г., успешной для Сербии таможенной войны с монархией (1906—1911) и особенно после Балканских войн югославизм, изобретенный в Хорватии в XIX в., впервые в начале XX в. широко использовался Сербией, ее внешней политикой, в своих интересах. Особенно с 1913 г. утверждается уверенность сербских правящих кругов в том, что именно Сербии предстоит возглавить югославянское государство. Международная обстановка все более убеждала югославян в том, что положение Габсбургов опасно, а нараставший внутриполитический кризис Австро-Венгрии еще укреплял это убеждение. Но драма югославизма состояла в том, что сербская буржуазия и правящие круги Сербии, верившие в свою миссию еще с 40—60-х годов XIX в., и не думали корректировать свои взгляды. Великосербская концепция господствовала. Югославизм фактически все более заполнялся сербским национальным интересом. Это усиливало оппозицию югославизму в других землях — особенно хорватских, но также в Словении и в Боснии и Герцеговине. Не было никаких идей равноправной федерации государств, о чем столько говорилось и писалось в XIX в. Только одно: объединение «югославянского народа» под руководством «сербского племени». Это — важнейшая особенность югославизма начала XX в.

Политические устремления национально-революционной молодежи разных народов подводили к идее единства: только так возможно «устранение» национальных противоречий, которыми пользуются правители монархии, только единство (но не союз, не сотрудничество равных) в борьбе якобы может подготовить «народную революцию».

Югославизм в Австро-Венгрии выступал под формой демократии и прогресса. Его противники — под формой австрийского монархизма и клерикализма. Но в реальной жизни югославизм вовсе не содержал того демократического заряда, который ему придавали романтики югославизма, того бесконфликтного процесса, который считали его свойством те же романтики. Романтизм в политике не мог не привести к тяжелым последствиям.

Не случайно лидером оппозиции романтическому югославизму со временем стал С. Радич, испытывавший влияние настроений массы крестьянства. Он, как в фокусе, сосредоточил опасения и недовольство представителей разных слоев, почувствовавших, что идея национального единства — политический самообман, а следовательно, чревата драмой на Балканах.

Глава основана на материалах труда *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskog naroda. G. 1860—1914. Zagreb, 1968*. В этом труде текст по началу XX в. написан М. Гросс. Текст по истории Истрии — Д. Шепичем. В главе в разной мере использован материал нашего исследования истории Хорватии и Славонии (опубликованный частично).

Глава 10

В монархической Югославии. 1918—1941 гг.

Политическая деятельность хорватов во время войны 1914—1918 гг. В истории Хорватии периода мировой войны надо выделить активность *Югославянского комитета*. Ряд крупных хорватских деятелей, а также несколько сербов и словенцев перешли в нейтральную до весны 1915 г. Италию (частично нелегально). Из хорватов наиболее авторитетными были известные читателю А. Трумбич и Ф. Супило, а также скульптор И. Мештрович и политический деятель и публицист Х. Хинкович. Итальянская дипломатия в Лондонском договоре 25 апреля 1915 г. добилась от Антанты передачи Италии в случае победы ряда австрийских территорий и на этих условиях вступила в войну (23 мая 1915 г.). В частности, имелись в виду хорватские территории: Истрия (частично словенская), средняя Далмация и многие острова. Содержание договора стало известно югославянским эмигрантам, прежде всего Ф. Супило. В Лондоне ими был организован Югославянский комитет во главе с Трумбичем, поставивший задачу разъяснения дипломатам стран Антанты истинного положения «обещанных» территорий — их истории, этнического состава и стремлений населения. Комитет существовал на средства хорватских эмигрантов в США. Он выступал за ликвидацию австро-венгерской монархии и независимость югославян. Одновременно комитет боролся против планов сербского правительства создать «Великую Сербию» путем присоединения к Сербии не только сербских, но и части других территорий. В Нишской декларации от декабря 1914 г. (в Ниш переехало из прифронтового Белграда сербское правительство) сербская скупщина провозгласила целью войны освобождение от габсбургской власти всех югославян,* но Н. Пашич

* Заявление правительства Сербии в скупшине 7.12.1914 г.: «Правительство Королевства... считает своей единственной задачей обеспечить успешное завершение этой великой войны, которая с момента возникновения стала одновременно борьбой за освобождение и объединение всех наших несвободных братьев сербов, хорватов и словенцев» [1].

и особенно престолонаследник Александр все-таки мечтали о расширении Сербии, в частности, получении ею выхода к морю. В этом их поддерживало прежде всего правительство России и лично Николай II. Италия возражала против создания крупного объединенного югославянского государства и предпочитала разделить восточное побережье Адриатического моря с Сербией.

В ответ на нажим России, Франции и Англии на Сербию — в самом начале войны — с целью добиться от нее территориальных уступок Болгарии (в Македонии) сербы ответили, что после победы они бы согласились «уступить часть своей территории» в обмен на «сербско-хорватские территории с прилегающим побережьем» [2]. Итак, Сербия расширила свои претензии (ранее она удовлетворялась Боснией и Герцеговиной, но тоже с выходом к морю). Но сам принцип «компенсаций» с целью получить выход к морю возмутил Ф. Супило. Никакой югославистской программы здесь не было.

Ввиду неясности позиции Пашича Супило выдвинул программу создания на месте монархии Габсбургов югославянских государств и затем их объединения с Сербией на основе федерации с гарантией равноправия. Но большинство комитета, и особенно Трумбич, считало, что главное — объединение югославян, которым в случае их раздробленности грозит Италия и, возможно, другие государства. Кроме того, Антанта может рассматривать их территорию как часть владений противника, что сказалось бы на условиях мирных договоров. После объединения, считал Трумбич, можно будет сосредоточить силы на борьбе за равноправие, автономию, может быть, федерацию и т. п. В связи со всем этим простое расширение Сербии Трумбич с хорватской точки зрения считал национальной катастрофой. В знак протеста против позиции большинства комитета Супило покинул его в 1916 г. (вскоре, в 1917 г., он умер). Перед разрывом с комитетом Супило подготовил меморандум британскому правительству. Он писал, что условием равноправного объединения является серьезная реформа Сербии — «политическая, конституционная и моральная», то есть ее готовность к федеративному государству. Если же этого не случится, то «для хорватов и словенцев дело бы не шло об освобождении, объединении и фузии с Сербией: но они оказались бы перед попыткой захвата и господства...» В этом случае «осуществление единства (югославян. — В. Ф.) следовало бы отложить до более благоприятного времени» [3, 4]. Супило полагал, что австро-венгерские югославы могли бы в этом случае создать свое государство (это было в 1916 г., обстановка, сложившаяся в конце 1918 г., не благоприятствовала этой идее).

Итак, даже во время общеевропейской катастрофы 1914–1918 гг. хорватские и словенские политические деятели, выступавшие за создание югославского государства, имели в виду уважение «племенных качеств» в рамках «троименного народа» и сохранения специфики исторических

земель [5]. От собственной нации «абстрагироваться» они не могли, хотя политическая ситуация способствовала пропаганде идеи единого народа.

У Пашича уже в 1914 г. — до Нишской декларации — присутствовала мысль о необходимости освободить всех югославян Австро-Венгрии, так как иначе невозможно освободить все территории, населенные сербами (интерес объединения сербов, естественно, доминировал). Поддержку хорватов и словенцев было важно получить в связи с подготовкой Италии к вступлению в войну. Если хорваты частично проживали чересполосно с сербами, то словенцы занимали предполье на границе с Италией. Особенно определенно Пашич стал придерживаться взгляда на объединение югославян после Февральской революции в России. «Югославизм» Пашича был развитием его великосербских взглядов: сильная и авторитетная среди союзников Сербия в своих интересах должна объединить югославян. 20 апреля 1916 г. престолонаследник Александр заявил: «Мы будем бороться за Сербию, которая объединит всех сербов и югославян» [2]. В этом сущность политики сербской монархии.

После оккупации австро-германцами Сербии (октябрь 1915 г.) хорватские политики стали подчеркивать центральную роль Хорватии в сплочении югославян. «Если Хорватия станет центром собирания югославян, то все остальные югославянские земли будут идти в ее фарватере», — писал Югославянский комитет французскому правительству в марте 1916 г. Хорваты полагали, что после падения Сербии положение Хорватии и Сербии сравнялось. Какое бы государственное устройство было предложено хорватами, остается загадкой. Но, разумеется, и после эвакуации сербских войск на о. Корфу положение Сербии и Хорватии не было равным. Тем не менее в мартовском хорватском меморандуме 1916 г. говорилось: «Столицей будущей Югославии должен стать Загреб, а не Белград» [2].

В 1917 г. Югославянский клуб рейхсрата, то есть парламента Цислейтании (Австрии), состоявший из хорватов Далмации и Истрии, а также словенцев, в своей декларации от 30 мая потребовал объединения всех югославянских земель Австро-Венгрии в особое, равноправное Австрии и Венгрии государство на основе естественного права народов и хорватского исторического государственного права (так называемая «майская декларация»). Речь шла о реформе монархии на основе триализма. Наследник умершего в 1916 г. Франца Иосифа император Карл подчас вел игру со славянами, обещая разные реформы, но венгерские правящие круги об этом не хотели слышать.

Это хорошо понял С. Радич, лидер крестьянской партии. Уже в связи с коронацией Карла I (30.12.1916 г.) и его присягой верности существующему государству С. Радич в саборе произнес неслыханную в условиях войны речь: «Хорватская верность не может означать верность венгерско-немецкому дуализму, и если от нас потребуют, чтобы мы остались верными

такому государственному устройству, я первым воскликну: „Долой Габсбургов!“, будучи уверен, что за мной в этом последуют все хорватские солдаты на хорватском фронте» [6]. Радич был, вероятно, первым подданным Австро-Венгрии, сказавшим Габсбургам в 1917 г.: «Долой!».

После Февральской революции в России крайние сторонники великосербской программы потеряли поддержку царя. Кроме того, Пашич беспокоила активность авторов «майской декларации». Поэтому Пашич на острове Корфу, где находилось сербское правительство, провел переговоры с представителями Югославянского комитета, деятельности которого ранее Пашич не придавал особого значения. В июле 1917 г. Пашич и Трумбич подписали «Корфскую декларацию». Здесь впервые определенно говорилось о том, что после войны будет создано новое общее (югославянское) государство — конституционная, демократическая и парламентская монархия во главе с династией Карагеоргиевичей. Ее конституцию примет специально избранное учредительное (конституционное) собрание. Таким образом, Хорватия вступила бы в состав нового государства не как самостоятельный политический субъект. Но именно предварительное утверждение самостоятельности, равноправие, а также объединение земель Хорватии предусматривали югослависты второй половины XIX в. в качестве условия федеративного равноправного объединения югославян, правящие же в XIX в. вообще не желали объединения. Но Трумбич пошел на это в условиях 1917 года. Пашич же позднее (1918 г.) признавался, что Корфской декларацией хотел лишь «произвести впечатление на европейское общественное мнение».

В начале 1918 г., когда США и Великобритания стали допускать возможность сохранения Австро-Венгрии, Пашич попытался обеспечить Сербии Боснию — и этим был вынужден ограничиться, но когда вновь победила идея раздела монархии Габсбургов, Пашич вернулся к «югославизму», то есть югославистскому унитаризму во главе с Сербией.

28 июня 1918 г. президент США В. Вильсон выступил за освобождение славян от немецкого и австрийского господства, а 28 октября 1918 г. подтвердил «справедливость национальных стремлений югославян к свободе».

29 октября хорватский сабор заявил о разрыве «всех государственно-правовых отношений и связей Королевства Хорватии, Славонии и Далмации» с Венгрией и Австрией. Далее: «Далмация, Хорватия, Славония и Риека провозглашают себя государством, полностью независимым от Венгрии и Австрии, и в соответствии с современным принципом национальности, на основе национального единства словенцев, хорватов и сербов (сербов Австро-Венгрии. — В. Ф.) вступают в общее национальное суверенное государство словенцев, хорватов и сербов на всем этнографическом пространстве этого народа, независимо от каких-либо территориальных и государственных границ...» (итак, объединение одного народа).

Вслед за этим словенский Национальный совет заявил об отделении Словении от Австрии и вхождении ее в государство словенцев, хорватов и сербов. В Загребе был создан верховный орган власти этого государства — Народное вече. 31 октября 1918 г. оно разослало государствам Антанты ноту, оповестив, что не находится в войне с ними. Но это государство просуществовало чуть более месяца.

В начале ноября 1918 г. Италия приступила к оккупации Словенского приморья. Далматинского побережья — итальянские войска вторглись в Хорватию и Словению... В Хорватии царствовал хаос (бунты крестьян, вернувшихся из России пленных и т. д.), и средние слои ждали прихода французской и сербской армий как спасения. Началась подготовка к поездке делегации хорватов, словенцев и сербов в Белград, где уже установилась власть короля и правительства. Лишь некоторые хорватские деятели понимали, то прекращение заседаний хорватского сабора, фактически потеря сабором власти (передача ее Народному вечу), так же как прав бана, чреваты угрозой традиции хорватской государственности. Хорвато-сербская коалиция, имевшая большинство в Народном вече, стремилась скорее объединить «троименный народ» с Сербским королевством. 24 ноября Народное вече приняло декларацию об объединении с Сербией.

Обращает на себя внимание приводившийся выше неоднократный обмен мнений между Венгрией и Хорватией по конституционным спорным вопросам, хотя до 1848 г. имеется в виду только сословная конституционность. Длительная история создала традицию политической культуры, присущую монархии Габсбургов вообще как центрально-европейскому государству. Долгое время (до 1867 г.) Хорватия использовала возможности политического лавирования между Габсбургами и Венгрией. Конечно, в ход истории врывались мятежи, гражданские войны, революции, волнения (XVII–XVIII–XIX века). Но в целом Хорватия прошла историческую школу государственного права. Это надо иметь в виду, знакомясь с событиями после 1918 г., когда хорваты вдруг это право утратили и не могли примириться с таким ходом дел. 1918 г. — переломный момент в истории Хорватии, но это не означает, что тогдашние события несли в себе только нечто отрицательное. Исторически для хорватов это было полное противоречий длительное развитие к национальной самостоятельности.

1 декабря 1918 г. Александр Карагеоргиевич, наследник сербского престола, провозгласил создание *Королевства сербов, хорватов и словенцев* (СХС). Присутствовал старый король и представители трех народов. Хотя от воплощения в жизнь программы правашей (независимость) и югославистов (объединенное хорватское государство как федеративный субъект Югославии) было безнадежно далеко, все же впервые почти все хорватские

земли оказались в одном государстве. Политический, демографический и экономический удельный вес Хорватии в новом государстве был несравненно выше, чем в Австро-Венгрии. Сторонникам объединения казалось, что правящие круги будут вынуждены считаться с хорватами. Так, в Австро-Венгрии Хорватия составляла примерно 6 % населения, в Югославии — 20,5 % (1981 г.), а в 1921 даже 27,3 %. Кроме того, при Габсбургах хорватские земли были разбросаны по Австрии и Венгрии (особенно во время дуализма). Объективно все это означало продвижение к цели, поставленной национально-интеграционной идеологией XIX в.

Но более неудачный способ объединения югославян, чем тот, который был осуществлен, придумать было трудно. Хорватия, как и Словения, пришла с многовековым опытом исторического развития средневропейского типа, связанного с западной цивилизацией, влиянием немецкой и венгерской культуры. В последние десятилетия Австро-Венгрии при всех отступлениях от либерализма (особенно в Венгрии) в монархии преобладал конституционный порядок. Таким образом, между отдельными объединившимися странами пролегли «цивилизационные барьеры» [5].

Вековая хорватская государственность в лице бана, сабора, жупанийских собраний, суда всех степеней, несмотря на консерватизм, привилегии магнатов (остатки феодальной эпохи), являлась важным элементом общественно-политической жизни и сознания народа (особенно в либеральный период 1860–1918 гг.). Фантастическая идея единого «троименного» народа — достояние части интеллигенции — стала основой официальной идеологии. Новое, в действительности многонациональное, государство рассматривалось как «национальное», как воплощение «национального принципа».*

Суущественно, что югославы бывшей Австро-Венгрии вместе с Сербией и Черногорией теперь претендовали на положение победителей, освобождаемых от ответственности за политику Габсбургов. Это повышало авторитет Королевства СХС.

Создание югославского государства было вынужденным в условиях распада Австро-Венгрии, итальянской экспансии в Приморье, глубокого социального кризиса в югославянских землях бывшей монархии Габсбургов. Хорватия была потрясена крестьянскими волнениями. Помещики находились в панике. Сербские районы Боснии, Воеводины, Славонии провозглашали присоединение к Сербии. Создание нового государства происходило не в обстановке спокойных кабинетных дискуссий, а в условиях, когда стены «здания» рушились. Так что идеи Ф. Супило (1916 г.) были неосуществимы.

* Кроме трех «основных» частей «троименного» народа в Королевстве СХС было много национальных меньшинств: это — венгры, немцы, румыны, словаки, чехи, болгары, итальянцы, турки, греки; македонцы, босняки (мусульмане), черногорцы особыми народами не признавались.

Но централистское устройство Королевства СХС, которое было создано, стало причиной перманентного кризиса государства в течение всего его недолгого существования.

Проблема границ сразу же стала перед королевством. Она затрагивала в основном интересы Хорватии и Словении. Было необходимо решить разногласия с Италией, Австрией и Венгрией.

Дипломатическое признание Королевства СХС Соединенными Штатами, затем Англией и Францией стало при этом важным обстоятельством. Спорный участок границы с Австрией находился в Каринтии. Несмотря на то, что большинство его населения составляли словенцы, при голосовании (плебисцит был проведен в 1920 г.) около $\frac{3}{5}$ населения высказалось за Австрию. В южной Каринтии во времена Австро-Венгрии упорно проводилась политика германизации. На улицах гимназистам запрещалось говорить по-словенски. На предприятиях использовался немецкий язык. Отсталая, преимущественно аграрная область тяготела к Австрии. Католическая церковь, пользовавшаяся абсолютным влиянием на крестьянство, выступала за Австрию, так как опасалась попасть в государство с преобладанием православных и мусульман. Либеральная югославистская партия отсутствовала. Все это сказалось на результатах плебисцита.

По миру с Венгрией Королевство СХС получило Бачку и часть Барани и Баната. В Бачке из 800 тыс. населения было 165 тыс. сербов и 156 тыс. хорватов, в Баране из 183 тыс. населения было сербов — 51 тыс., хорватов — 24 тыс. Сложным был старый этнотерриториальный конфликт Хорватии и Словении с Италией. В начале ноября 1918 г. итальянцы оккупировали Истрию и часть Далмации, а вскоре подошли к городам Риеке и Любляне. Итальянская дипломатия ссылалась на то, что по переписи 1910 г. в Риеке имелось 24 тыс. итальянцев и 15 тыс. югославян. По миру с Австрией Италия получила Триест, Истрию и Юлийскую Крайну, а из далматинской территории — Задар и четыре острова. Риека была объявлена свободным городом, но в 1919 г. отряд итальянских авантюристов во главе с поэтом Д'Аннунцио захватил город и в результате плебисцита присоединил его к Италии. Фактически под контролем Италии она находилась до 1943 г. Всего Италия сохранила власть над территориями с полумиллионным хорватско-словенским населением.

Политический кризис 1919–1920 гг. В Хорватии крайние националисты (бывшие франковцы) не желали образования Королевства СХС. ХНКП соглашалась только на конфедеративное государство с максимальной самостоятельностью национальных образований. В оппозиции ХНКП ощущалась враждебность широких слоев крестьянства к сербскому высшему чиновничеству, генералитету, финансистам — к властям, — на сознание которых масса народа не могла оказывать никакого влияния. Оппозиция ХНКП имела национальный и социальный характер.

С. Радич отказался поехать в Белград на акт провозглашения государства и призвал народ продолжать борьбу. С 1919 г. влияние ХНКП росло с невиданной быстротой. Этому способствовало введение всеобщего избирательного права, понимание Радичем, что все устройство государства приспособлено к интересам великосербских кругов, беспощадно преследовавших — силами жандармов — хорватское крестьянство. Насилия, грабежи, аресты крестьян, все поведение полиции в Хорватии, как в оккупированной стране, укрепляло ХНКП, к которой присоединялась все большая часть горожан.

Уже накануне провозглашения Королевства СХС С. Радич созвал первый съезд партии (3 тыс. человек). Было решено отстаивать требование «нейтральной крестьянской республики». Прошли демонстрации под лозунгами: «Да здравствует республика!», «Да, здравствует самостоятельная Хорватия!» В марте 1919 г. на Главную скупшину ХНКП собралось до 8 тыс. человек. Радич заявил, что «худшие люди» из хорватских и сербских господ объединились и признали династию. Р. Хорват, историк, заявил: «Серб нам не господин, а брат». В. Мачек призывал к созданию конфедерации равноправных Сербии, Хорватии и Словении.

Противники нового государства в Хорватии, Черногории и Македонии сохранили оружие и периодически вступали в стычки с жандармерией. Разруха, безработица и забастовки — вот обстановка в новом государстве в первые годы его существования. Хорватская деревня не раз подвергалась расправам. Положение в бывших австро-венгерских областях было особенно острым: крестьяне требовали ликвидации помещичьего землевладения. Во время гражданской войны в России ХНКП радикализировала свою программу и потребовала передачи всей пахотной земли и лесов крестьянам (формально — за выкуп, но на условия выкупа могли влиять крестьяне). За предоставление мирной конференции в Париже петиции с требованием республики Радич без суда провел в заключении больше года.

В январе 1919 г. восстание вспыхнуло в Черногории, здесь действовали сторонники прежней династии Петровичей, в Боснии происходили столкновения между сербами и мусульманами. В Косово возник комитет национальной защиты.

В первое правительство С. Протица (20.12.1918 г.) вошли 13 сербов, 4 хорвата, 2 словенца и 1 боснийский мусульманин. Хорват А. Трумбич стал министром иностранных дел, как личность наиболее подходящая для отстаивания границ Хорватии и Словении. Н. Пашич был послан представителем на мирную конференцию в Париж. Министром внутренних дел бы назначен серб С. Прибичевич. Он беспощадно подавлял рабочее и крестьянское движение, особенно страшась событий в соседней Венгрии. В феврале 1919 г. он, бывший лидер хорватско-сербской коалиции, за-

явил: «Хотим единого... государства, ни в коем случае не государства сербской гегемонии и провинциальных интересов хорватов и словенцев, потому что мы против какой-либо гегемонии и какого-либо сепаратизма» [7]. Сторонник теории единого народа, Прибичевич теперь пытался дубинками, штыками и тюрьмами убедить хорватов в своей правоте, что окончательно подорвало влияние идеи югославизма.

В начале 1919 г. собрался Временный парламент, составленный из депутатов предвоенной сербской скупщины 1911 года и приглашенных сторонников Югославии из других земель. Он насчитывал 137 человек, из них 84 серба, 62 хорвата, 32 словенца и др. Македонцев власти уже с 1912 г. (с I Балканской войны), а фактически и ранее считали «южными сербами», боснийских мусульман сербы, как отмечалось, считали сербами-мусульманами, а хорваты — хорватами-мусульманами. Парламент принял первые законы: о календаре, о Люблянском университете, о школах, судах присяжных, о выборах в конституционное собрание. Особо отметим учреждение Люблянского университета. В Австро-Венгрии словенцы мечтали (и безрезультатно ходатайствовали) об этом десятилетия. Королевство СХС избавило словенцев от германизации и немедленно осуществило их мечту. Тем самым был сделан шаг вперед в формировании словенской нации. Представитель югославистских кругов среди словенских клерикалов А. Корощец сотрудничал с режимом и неоднократно входил в состав правительства.

В течение еще двух лет продолжали действовать провинциальные правительства в Хорватии, Словении, Боснии и Далмации, подчиненные министрам в Белграде. После Временного парламента влияние ХНКП продолжало быстро расти. В 1920 г. это уже сильнейшая партия Хорватии. Ввиду неослабевающих выступлений крестьян правительство Проти́ча обещало провести аграрную реформу. В 1920 г. большинство на выборах управы Белграда и ряда других городов Сербии, Македонии и Косово получили коммунисты. Власти разогнали коммунистические муниципалитеты.

Несмотря на все усилия властей, сербскую армию лишь формально удалось превратить в югославскую, «единый дух» в армии не возобладал. Не удавалось и сблизить, а тем более слить в единый разные народы. «Хорватские, словенские и мусульманские политические партии... создавали в рамках своего этноса единый политический фронт, защищая свои национальные интересы и непрерывно противодействуя строительству нового государства» [8]. В течение всего существования югославского государства не было политической проблемы, в которой бы не проявились национальные противоречия.

Характеристика экономики межвоенной Хорватии несколько противоречива. В 1918 г. Хорватия оказалась в составе отсталого государства с

пережитками докапиталистических отношений в сельском хозяйстве — причем в разной мере в балканских землях и в бывших габсбургских владениях. На Балканах не было знатного сословия (за исключением Далмации и мусульманских верхов в Боснии и др.). Но даже в Сербии было распространено ростовщичество, отработки и пр. В Хорватии и Воеводине сохранились средневековые латифундии, кабальная аренда, ростовщичество, сословные привилегии крупных помещиков — не только экономические, но и политические. Но именно крупные поместья в наибольшей мере развили торговое хозяйство.

Столица страны Белград в начале 30-х годов насчитывала 266 тыс. жителей, Загреб — 185 тыс., Любляна — 79 тыс., еще один город сельского типа — Суботица в Воеводине — может быть отнесен к крупным (100 тыс. человек). Итак, всего четыре значительных города.

Земли бывшей Австро-Венгрии явно превосходили остальные в развитии, и сближение их уровня в 20–30-х годах не происходило. В начале 20-х годов перед властью стояла непростая задача введения единых денег — вместо австро-венгерских, черногорских, болгарских. Обмен их на сербские приводил к большому ущербу для земель вне «малой» Сербии (в границах 1911 г., т. е. до Балканских войн). Также неравноправной была система налогов.

Хорватский историк Р. Ловренчич обратил внимание на крайне трудные условия, в которых возникло королевство СХС, условия, имевшие «долгосрочные отягощающие последствия». Это — большие человеческие потери (особенно Сербии и Черногории) во время войны, разоренное хозяйство, гетерогенность, неблагоприятные внешние обстоятельства — отсутствие возможности получать внешнюю поддержку. Наконец, разрыв в результате войны даже тех скромных экономических взаимосвязей, составивших Югославию, которые существовали раньше [9].

Аграрная реформа, особенно необходимая в Хорватии, Воеводине, Боснии, Далмации и обещанная правительством, затянулась до начала 30-х годов, и ее условия пересматривались в неблагоприятную для крестьян сторону. Лишь в Боснии и Герцеговине, Македонии, Косово, Санджаке феодальные отношения, зависимость крестьян от мусульманских землевладельцев были отменены без промедления (барщина и т. п. были заменены денежной рентой, которую выплачивала казна).

В Хорватии и Славонии в 1895 г. 0,14 % землевладельцев (589 помещиков) имели 26,11 % частнособственнической земли (на бывшей Военной границе большие площади лесов принадлежали государству), тогда как 180175 крестьянских хозяйств площадью от 1 до 5 ютров (йохов),* или 44,23 % общего числа хозяйств, имели 8,46 % площади земли. Мельчайших хозяйств (до 1 ютра) было около 54 тысяч, и они составляя 13,24 % хозяйств, владели 0,51 % земли.

* Напоминаем, что кадастровый йох (=ютро) = 0,57 га.

После 1895 г. богатая часть крестьян, а также чиновники, адвокаты и пр. купили часть магнатской земли, но картина землевладения существенно не изменилась: в 1910 г. 4,4 тысячи собственников имений более 100 ютров владели 3223065 ютрами. Крупнейшие лесные массивы по-прежнему остались в собственности магнатов (князь Турн-Таксис имел 33234 гектара и т. д.). Государство (казна) и другие коллективные владельцы (общины на бывшей Границе и в Провинциале) имели больше земли, чем все вместе категории крестьян, владевших до 20 ютров. Сохранились и чисто феодальные комплексы (компосесораты и фидеикомисы). Церковь имела в 4 раза больше земли, чем капиталистические предприятия. Кроме того, северо-западная Хорватия и Хорватское Приморье страдали от перенаселенности, а в ряде районов бывшей Границы густота населения была в 3–4 раза меньше. В некоторых районах Славонии магнатские латифундии имели больше земли, чем все остальные категории владельцев вместе взятые и т. д. Это лишь часть проблем, которые предстояло решить путем аграрной реформы, обещанной наследником Александром после войны. Это обещание способствовало преодолению революционной ситуации в хорватской деревне.

Хорватия и Славония, таким образом, резко выделялись своими отношениями земельной собственности из остальных краев Югославии (ближе к ним была Воеводина). Развитие капиталистического земледелия в крупнейших поместьях не устраняло серьезных остатков полуфеодальных отношений (отработка, натуральная аренда и пр.).

В Далмации сохранялись полуфеодальные отношения (колонат) и феодализм в чистом виде (кметство), крайняя парцеллированность владений и др., препятствовавшие рациональному хозяйствованию.

Ликвидация латифундий, принадлежавших инонациональным владельцам, имела цель — усилить национальный элемент, упрочить социально-политическую основу режима.

В Далмации колонаты стали собственниками земли (за выкуп с помощью банков). В Словении, Хорватии и Воеводине к 30-м годам (когда реформа была завершена) крупным землевладельцам было оставлено ок. 74 % земли, или 1,56 млн ютров. Число местных жителей округов Загреб, Вараждина, Осиека и Вуковара, воспользовавшихся реформой, составило соответственно 31,6 тыс., 34,7 тыс., 23 тыс., 14,2 тыс., то есть всего в Хорватии и Славонии местных жителей, получивших землю, насчитывалось более 100 тыс. (семей). Кроме того, очень сложной была проблема наделения земель сербских добровольцев (мировой войны), разных колонистов, переселенцев и т. п. В указанных округах было всего передано земли соответственно 26 тыс. ютров, 37,2 тыс. ютров, 90 тыс. ютров, 38,8 тыс. ютров, итого более 190 тыс. ютров.

В процессе реформы органы, ее проводившие, по разным причинам сокращали площадь земель, подлежащих реформе. «Это уменьшило первоначальный объем реформы, касавшейся крупного землевладения более

чем на 50%, и крупные землевладельцы могли в определенной мере вернуть потерянные позиции в обществе. Их экономическое положение ошутимо ослабело, но не настолько, чтобы им пришлось существенно изменять прежний образ жизни» (М. Эрич).

Огромное место в процессе реформы заняли коррупция и казнокрадство. И. Рибар, впоследствии участник Народно-освободительной войны, писал: «Доверенные лица, вначале неимущие, неспособные, без подготовки и опыта... за краткое время обогатились, а позднее стали депутатами от радикалов и министрами». Реформа сопровождалась произволом высшего эшелона. Так, премьер Н. Пашич приобрел 3 тыс. га в Македонии и 1,5 тыс. га в Косове [6].

При всем том был сделан заметный шаг вперед в капиталистическом развитии аграрных отношений и общем движении страны по пути капитализма. Что касается Хорватии (с Далмацией), то на 31.03.1931 г. (то есть после завершения реформы) картина землевладения была следующей.

Гектар	Тыс. хозяйств	% хозяйств (округленно)
До 2	220,2	41,6
От 2 до 5	192,6	36,4
От 5 до 10	88,5	16,7
От 10 до 20	23,7	4,5
Более 20	4,7	0,8
Итого	529,738	100,0

Разумеется, отношения рынка продолжали действовать, и это сказывалось на соотношении разных групп земельных собственников в 30-х годах.

Все сложнейшее исследование целей, методов и результатов аграрной реформы в Югославии в целом и, в частности, в Хорватии осуществлено Миливоем Эричем, из труда которого здесь приведены небольшие выборки [10].

При незначительной промышленности огромные размеры имела скрытая безработица и эмиграция, начавшаяся еще в последние десятилетия XIX в. В 20-х годах только в США уехало $\frac{3}{4}$ миллиона человек, в том числе 350 тыс. хорватов, 300 тыс. словенцев, но лишь 60 тыс. сербов (в Сербии масса крестьян имела хотя бы небольшие участки). Эмигранты направлялись также в Австралию и Аргентину.

С 1925 г. начал ощущаться аграрный кризис, падение цен на сельскохозяйственные продукты. Крестьяне были не в состоянии платить налоги, задолженность стала невыносимой. Все это вызвало общее обостре-

ние социально-политических противоречий в стране, тем более в Хорватии, где крестьянское движение получило организованный характер. В 1927 г. Далмация, Герцеговина и Черногория пострадали от неурожая и голодали. Низкая урожайность, трудности экспорта парализовали экономику. В Боснии и Македонии невыносимые для крестьян условия создавала казенная монополия на табак.

И все же экономическое положение Хорватии и Словении отличалось: это были наиболее развитые в промышленном отношении страны Королевства СХС, и они приобрели более широкий, чем раньше, рынок и возможности промышленного развития. Правда, в Хорватии преобладали текстильная и пищевая отрасли. Металлические ископаемые использовались слабо. Но, например, по вывозу меди Югославия лидировала в Европе. В ряде отраслей преобладал иностранный капитал (производство цемента, добыча нефти, химия, лесобработка, кожевенное дело и др.). Наиболее значительными были французские вложения, затем английские, германские, итальянские, чехословацкие. Югославия была очень выгодным полем для активности иностранного капитала. Правительство способствовало притоку инвестиций и получило ряд займов из Франции и США. 10 млрд долларов королевство получило в виде военных репараций. До 30-х годов крупнейшим финансовым центром королевства был Загреб, а хорватская буржуазия была наиболее сильной.

Но в целом Югославия являлась весьма неблагополучной страной. Так, по смертности от тяжелых болезней, особенно туберкулеза, Королевство СХС оказалось во главе самых отсталых стран Европы, «обогнав» в этом отношении только Румынию. Разрыв в уровне жизни и культуры (та самая гетерогенность, упомянутая Ловренчицем) характеризовался хотя бы тем, что в Словении было 9% неграмотных (и вообще Словения была средне-развитой страной Европы), а в Македонии — 84%; турецкое население практически было сплошь неграмотным.

Первые же выборы в конституанту дали невиданный ранее успех ХНКП. За самостоятельную республику проголосовало 230 тыс. избирателей. Партия получила 50 мест. Только избирательная геометрия помешала большему успеху ХНКП. Так, в сербских областях для избрания одного депутата было достаточно 2–3 тыс. избирателей, в Хорватии и Далмации — 4,5–4,7 тыс. К тому же ХНКП пока что боролась только в Хорватии и Славонии, тогда как за нее голосовали бы многие хорваты в Герцеговине, Далмации и др. Но и при этом ХНКП стала четвертой партией в Королевстве СХС. После выборов ХНКП включила в наименование слово «республиканская» (ХРКП).

С 1920 г. по 1925 г. ХРКП бойкотировала скупшину, так как партия отказывалась принести присягу королю. Пашич привлек мусульман обещанием возмещения за конфискованную у бегов землю, словенцев — предоставлением чиновничьих должностей.

Второй партией Хорватии стало Хорватское сообщество, объединившее Старчевичеву партию права и Прогрессивную демократическую партию (И. Лоркович, историк Д. Шурмин). Но оно получило только 11 мест, в том числе в Боснии и Герцеговине — 7, в Хорватии — 3, в Далмации — 1. Католическая Хорватская народная партия — 3 места, Хорватская партия права — 3, от Далмации прошел также внепартийный Анте Трумбич, когда-то один из популярных лидеров хорвато-сербской коалиции и горячий сторонник Югославии в эмигрантском Югославянском комитете времен войны. Демократическая партия С. Прибичевича (сербы) — сторонники унитаристского югославизма — получила в Хорватии 19 мест. Радикалы Н. Пашича получили в Хорватии 9 мест.

В начале 1919 г. раскололась Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии. Левые резко возражали против вступления лидера партии В. Корача в правительство (в качестве министра социальной политики). Кстати, Корач был убежден, что длительное проживание разных югославянских «племен» в одном государстве в условиях быстрого роста промышленности приведет к полному культурно-политическому слиянию их в одну нацию вопреки «провинциальному» сепаратизму. Особенно он подвергал нападкам С. Радича за «отсталость», «реакционность», национализм. Свою же линию сотрудничества с королевским режимом он считал примером интернационализма [11].

20–23 апреля 1919 г. левые социал-демократы на съезде в Белграде создали Социалистическую рабочую партию Югославии (коммунисты). В 1920 г. на съезде в Вуковаре она получила название Коммунистической партии Югославии (КПЮ). Вскоре партия одержала победу на ряде общинных выборов, завоевав относительное большинство и в Загребе. В конституанте коммунисты получили 7 мест (31 тыс. голосов) и стали второй партией Хорватии после ХРКП. Все эти результаты были аннулированы правительством. Крестьянская партия отбросила принцип национального единства «триплеменного народа» югославян и выдвинула требование признания прав македонского народа. ХРКП и КПЮ стали главными противниками режима.

Конституция или «обзнана»? Когда ХРКП, праваши, Югославский клуб отказались своим голосованием утвердить конституцию и конституанта лишилась необходимого для этого большинства, правительство радикалов и демократов (Пашич—Прибичевич) решило считать голосование действительным, если конституцию поддержит больше половины депутатов. В обмен на уступки этот трюк поддержала ЮМО (Югославская мусульманская организация) и 10 депутатов словенских «земледельцев» во главе с Б. Вошняком (Кметийская странка), а также несколько турок. Однако вскоре скупшину покинули коммунисты (52 депутата) и ЮМО. Порвал с властью и А. Трумбич, недавний министр иностранных дел. Правитель-

ство собрало 233 голоса, против было 35, отсутствовало 161. Так 28 июня 1921 г. была принята конституция, тут же прозванная Видовданской [1], «Видов дан» (день св. Вита) был трагическим днем истории сербского народа, но ему был придан характер национального праздника. 28 июня 1389 г. сербское войско было уничтожено османами, что привело к гибели средневекового сербского государства. 28 июня 1914 г. Г. Принцип застрелил австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда... Что обещал Сербии и Королевству СХС новый Видовдан?

Еще до принятия конституции, 29–30 декабря 1920 г., было опубликовано «извещение» («обзнана») — закон, которым вводились жестокие наказания за коммунистическую активность. Фактически он применялся уже раньше. Сторонники коммунистических взглядов не имели права учиться в высших школах и занимать должности в администрации. Прибичевич создал погромную «организацию югославских националистов», действовавшую под покровительством полиции. Активное участие в этом принимал один из бывших лидеров хорватской социал-демократии Ю. Деметрович (теоретик национального вопроса в духе «югославского единства»). Летом 1921 г. он стал заместителем в Хорватии. В 1922 г. Деметрович распустил национальные общества: спортивное, женское, художественное, закрыл ряд газет, изгнал со службы 400 учителей и профессоров. Против преследований в Хорватии выступила часть сербских деятелей культуры и Сербской демократической партии Л. Давидовича. Террор обрушился также на албанцев и македонцев.

Основное содержание конституции [12]. Государство было объявлено парламентарной централизованной монархией. Король командовал армией, назначал и снимал премьер-министра, созывал и распускал парламент, предлагал и утверждал законы, назначал высших чиновников и нес представительские функции. Формально были гарантированы политические свободы. Введено всеобщее избирательное право. Часть сербских радикалов выразила недовольство включением в государство хорватов и словенцев.

Через день после принятия конституции рабочий С. Стеич бросил бомбу в наследника престола, через месяц коммунист А. Алиягич застрелил бывшего министра внутренних дел — инициатора «обзнаны». Вскоре был принят «закон о защите государства», предусматривавший 20-летнее заключение или смертную казнь за антигосударственную деятельность. Закон 1921 г. имел в виду прежде всего коммунистов и хорватскую оппозицию. Вместо регионов было создано 33 области, разделенные на округа. Великих жупанов областей назначал король. Хотя конституция предусматривала деление в соответствии с «естественными», «социальными» и хозяйственными условиями, власти особенно постарались «неестественно»

разделить Хорватию. Загреб, в прошлом город с избираемым магистратом, столица автономной Хорватии, стал центром рядового округа.

В 1923–1924 гг. С. Радич пытался ознакомить общественность Лондона, Вены и Москвы с «хорватским вопросом». Но только в Москве его выслушали. ХРКП вступила в Крестьянский интернационал, за что Радича на родине обвинили во вступлении в Коминтерн [13]. Когда правительство возглавил Л. Давидович, Радич вернулся и приступил к кампании митингов, на которых критиковал режим, не шадя и короля. К власти вскоре пришли Пашич и Прибичевич. В начале 1925 г. ХРКП была объявлена коммунистической и все ее руководство арестовано. В Хорватии жандармерия учинила невиданный произвол. За два месяца 1925 г. было больше преследований, избиений палками, арестов, чем за предыдущие пять лет режима [13]. Лига наций игнорировала поток жалоб («большевиков», как сообщали югославские власти) из Хорватии.

В 20-е годы политический режим был очень неустойчив: сменилось более 20 правительств. Ставший в 1921 г. королем Александр оказался весьма властолюбивым. Он опирался на реакционное офицерство и получил опору в бывших мусульманских землевладельцах, предоставив мусульманам права в сфере культуры. Но мусульманское крестьянство страдало от «патриотических» банд, якобы мстивших мусульманам за вековое угнетение.

Новый зигзаг в политике С. Радича заключался в объединении хорватской оппозиции вокруг ХРКП в Хорватский блок, который собирал все национальные силы (хорватское сообщество, партия права). Блок обратился к «цивилизованному миру» с призывом создать хорватское государство в рамках Королевства СХС. Как и прежде, ответом было молчание: ведь королевство являлось одной из опор Версальской системы. Тем более что правительство повело политику сближения с Италией.

В 1924 г. Н. Пашич подписал с Муссолини «Римский протокол»: Италии официально была передана Риека, которую уже захватили итальянские фашисты. Антифашистская хорватская молодежь организовала демонстрацию протеста. В ответ был убит Владимир Гордан, ставший в это время символом хорватского сопротивления [14].

ХРКП решила испытать себя в скупшине. На выборах 1923 г. ХРКП собрала 473,7 тыс. голосов и получила 69 мандатов. Расширение влияния ХРКП на словенцев и мусульман побудило Пашича подписать с Радичем «Марков протокол», где он обещал пересмотреть политику «парцелляции Хорватии» (как ее назвал Радич).

На выборах 1925 г. Радич руководил кампанией партии из тюрьмы, куда его заключили по «закону о защите государства». Несмотря на насилие и даже стрельбу полиции в избирателей, ХРКП в союзе с Хорватским сообществом получила 533 тыс. голосов и 67 мест в скупшине. К «комму-

нисту» Радичу присоединился Трумбич со своей либерально группировкой (Хорватское единство) и либерал И. Лоркович со своей группой. В дальнейшем Трумбич весьма радикально выступал в рядах оппозиции. Радич неутомимо руководил партией из тюрьмы. 27 марта 1926 г. Павле Радич, племянник лидера и депутат, заявил в скупшине, что партия признает «все нынешнее положение согласно Видовданской конституции с династией Карагеоргиевичей во главе» и собирается вести «позитивную политику», а изменение государственного устройства возможно путем «соглашения между сербским, хорватским и словенским народами».

В тюрьме Радича посетил представитель короля и предложил ему «участвовать в политической жизни», так как влияние Радича-заключенного было опаснее! ХРКП признала династию, конституцию и вступила в скупшину, призывая к «национальному согласию». Радич был освобожден из тюрьмы. Определение «республиканская» из названия партии было изъято, о Крестинтерне — никаких упоминаний. На вопросы друзей Радича: что это — политический крах? — лидер партии отвечал: одержав успех на выборах, надо испытать легальный путь.

Так как правительство не имело в скупшине большинства, король решил на отставку Прибичевича (как мешавшего «национальному согласию») и сформировал правительство Пашича—Радича. Хорватский лидер стал министром просвещения. В этих условиях хорваты торжественно отметили 1000-летие своего королевства. Присутствовали и король с королевой. С. Радич был послан представителем государства в Лигу наций. Пашич обещал снизить налоги в Хорватии, ускорить аграрную реформу, ввести местное самоуправление. Но ничего сделано не было. В связи с коррупционным скандалом, в котором были замешаны «знатные господа», Радич в 1926 г. покинул правительство, соглашение радикалы—ХКП было разорвано.

В это время умер Никола Пашич, крупнейший сербский политический деятель с 1903 г., главный «автор» Королевства СХС. Для радикалов Пашича «Великая Сербия» означала государство, как минимум, включающее всех сербов, в том числе живущих анклавами среди других народов (при этом были присоединены Косово и Македония). Что касается всей Югославии (Королевства СХС), то она рассматривалась как расширенная «Великая Сербия», достигшая внешних рубежей югославян. Несмотря на опасения многих сербских радикалов, Пашич и его последователи полагали, что Сербия справится с нелегкой задачей освобождения и подчинения югославян, не признавая их равноправия. Пашич не перестал быть великосербским идеологом, он лишь попытался совместить «югославизм» с этой национальной сербской идеологией. В настоящее время (в конце XX — начале XXI в.) некоторые сербские авторы, как и хорватские, отзываются об идее югославизма как о роковой ошибке как хорватов, так и Пашича, как о несчастье, постигшем югославянские народы.

Отставка Прибичевича побудила его задуматься о многом. Он понял, что идея создания новой «единой» нации неосуществима и вредна, что это результат добронамеренной фантазии. Фактически же она направлена на укрепление великосербского режима, господство Белграда и Сербии, игнорирование сербов вне «малой Сербии», которых двор использовал как свое орудие — из них рекрутировались полицейские, чиновники, террористические отряды ОРЮНА, тогда как высшие чины подбирались из «малой Сербии». Все это означало крах его многолетней деятельности.

Король воспринял эволюцию Прибичевича как поражение режима, как предвестие еще худшего. 4 октября 1927 г. Радич посетил Прибичевича: «Добар дан, Светозаре», — «О, здорово, како си, Стјепане». И все [5]. После многих лет Радич встречался с Прибичевичем, как иронизировал лидер ХКП, как «старые друзья (они сотрудничали в 90-х годах XIX в. — В. Ф.) и новые сотрудники» и создали «Крестьянско-демократическую коалицию» (Прибичевич был лидером сербской Независимой демократической партии), то есть коалицию хорватов и сербов (из бывших австро-венгерских земель); их называли «пречанскими» от слова «преко», то есть за «старой сербской границей». Сербские авторы отмечали, что «пречанские» сербы по умонастроению ближе хорватам, чем белградским сербам! Прибичевич, бывший столп режима, представлял именно «пречанских»... Он увидел, что большое многонациональное государство имело провинциальное правительство, руководствующееся идеями начала века.

Крестьянско-демократическая коалиция (КДК) 1927 г. была выражением недовольства, охватившего не только хорватское, но и сербское население бывших австро-венгерских областей — Славонии, Воеводины, Боснии и Герцеговины, Далмации. КДК решила поддерживать только те правительства, которые будут держаться принципов демократии, равноправия народов, парламентаризма. По всей стране деятели КДК пропагандировали равноправие в сфере налогов. В феврале 1928 г. Прибичевич выступил за пересмотр конституции, против областного деления. Радич требовал объединить Хорватию, Славонию и Далмацию. КДК стала «пречанским фронтом», получила широкую опору в крестьянстве, в населении городов. Преследования КДК имели и социальные причины. С. Радич не уставал повторять, что гегемонизм, коррупция, грабеж — сущность политики власти [13]. Разгорелась яростная полемика в печати. В июне 1928 г. Радич снова выступил за конфедерацию. Газета «Единство» призвала уничтожить Радича.

20 июня 1928 г. сербский радикал П. Рачич, выступая с трибуны парламента, *стрелял в хорватских депутатов*. Двое были убиты, депутат Иван Гранджа пытался прикрыть Радича, но лидер ХКП был тяжело ранен. Через несколько дней, когда, казалось, наступило улучшение, Радич был перевезен в Загреб. Вся страна застыла в ожидании событий. Но порядок был сохранен. КДК покинула скупшину, заявив, что произошло запла-

нированное политическое убийство. На панихиде убитых депутатов Павла Радича и Дж. Басаричека Прибичевич заявил, что хорватский народ имеет право на свою государственность. Во время болезни Радича Прибичевич выступал на митингах и в печати. Неоднократно он разговаривал с королем, утверждая, что федерация — единственное спасение государства и необходимо пойти навстречу хорватам. Александр заявил, что федерация для него неприемлема, но в крайнем волнении он сказал, что готов пойти на «раздел» государства, отделение Хорватии: «Так как мы не можем остаться вместе, лучше мирно разделиться, как Швеция и Норвегия. Если Радич принимает мое предложение, может завтра объявить об отделении». Ошеломленный Прибичевич ответил, что это предложение — «государственная измена», что король не может так говорить. Александр продолжал: «Не было бы больших трудностей, как Вы думаете. Огромное большинство сербов осталось бы в своем государстве, меньшем, но гомогенном, сильнее нынешнего...» [13].

С. Радич одобрил ответ Прибичевича. Оба они опубликовали заявление, что КДК энергично отклоняет мысль, что она противник государства. Речь может идти о законном изменении конституции и «обеспечении равноправия всех провинций и всех частей нашего народа». При новой встрече с Прибичевичем король предложил создать нейтральное правительство. Радич с этим согласился, но тут же добавил: ничего из этого не выйдет, мы — честные люди, а это шакалы... Еще на одной аудиенции — со старым югославистом словенцем Г. Жерявом король вновь заговорил об «ампутации» (разделе) страны. Тот ответил: «Ваше величество, вижу один выход — и это ваше отречение», за что был изгнан из кабинета... [15].

В августе 1928 г., во время этих переговоров, умер Степан Радич. Депутаты КДК в знак протеста против преступления покинули скупшину и отказались считать законными ее решения. Эту бумагу еще успел подписать Радич. В проходах Радича участвовали сотни тысяч людей, поклявшихся бороться за свободу. Смерть Степана Радича явилась поводом для углубления общегосударственного кризиса и огорчения хорватского народа. Не только сторонники ХКП, но весь народ пришел в движение. Похороны С. Радича в Загребе (22 августа 1928 г.) превратились в политические манифестации народа против режима. В схватках с полицией были погибшие.

В Хорватии распространялось мнение, что решение устранить Радича было принято королем, что, во всяком случае, он являлся подстрекателем преступления.

Председателем ХКП и крестьянско-демократической коалиции стал Владко Мачек, адвокат, ранее — заместитель Радича. Он заявил о продолжении борьбы за то, чтобы «хорват был единственным господином на хорватской территории», имел свой сабор и правительство. Ситуация оставалась напряженной. В день десятилетия Королевства СХС жандармы стреляли в демонстрацию студентов.

6 января 1929 г. король Александр Карагеоргиевич провозгласил монархическую диктатуру. Король заявил, что демократия оказалась несостоятельной, что «нормальные отношения» между партиями стали невозможными, что между королем и народом не должно быть посредника (парламента), что парламент стал препятствием любому «плодотворному труду». Видовданская конституция была отменена, парламент распущен. Главой правительства и министром внутренних дел был назначен генерал П. Живкович, командир королевской гвардии. Правительство было подобрано из малоизвестных лиц, в том числе хорватов. Государство получило новое название «Королевство Югославия», что должно было подчеркнуть единство всего народа, полное равноправие всего населения. Рептильная печать наполнилась славословиями по адресу короля.

В 1929–1935 гг. на хорватского крестьянина обрушился мировой аграрный кризис, катастрофически упали цены на зерно и мясо, не было возможности продать добытый тяжким трудом урожай, не было и возможности прожить, нанявшись работать в промышленность. В первые годы кризиса даже обычный для хорватского крестьянина путь — эмиграция в Америку — не сулил ничего, так как невиданной ни раньше, ни позже «депрессией» были поражены и Соединенные Штаты. По-видимому, не только тупик национальных противоречий привел правящие круги к королевской (фактически военно-монархической) диктатуре, но и страх перед последствиями кризиса, перед исстрадавшимся народом (данные о кризисе см.: [16]). На это обстоятельство обращалось внимание меньше, чем следовало.

Был произведен новый передел страны. Вместо 33 областей создано 9 бановин: Дравская (с центром в Любляне), Савская (Загреб), Врбасская (Баня Лука), Приморская (Сплит), Дринская (Сараево), Зетская (Цетинье), Вардарская (Скопье), Моравская (Ниш), Дунайская (Нови Сад). Банов назначал король. Хорватская территория была разделена между четырьмя бановинами. Так же были разделены Босния и Герцеговина.

Продолжалась политика репрессий. За два года диктатуры жандармами было убито 76 хорватов. Производились многочисленные аресты. Был арестован и Светозар Прибичевич, один из «отцов» Королевства СХС. Больной туберкулезом, он был освобожден по ходатайству президента Чехословакии Т. Г. Масарика и эмигрировал в Прагу, Париж и снова в Прагу, где вскоре умер. В «Письме сербам» он призывал сербов Хорватии и Боснии не служить режиму диктатуры, так как это было бы изменой тем странам, в которых они живут. Он успел издать книгу «Диктатура короля Александра», разоблачавшую режим в Югославии, — это важный источник по межвоенной истории страны.

В январе 1929 г., после провозглашения диктатуры, депутат скупщины Анте Павелич основал движение отпора (усташи). Уехав за границу, он и небольшая группа его последователей издавали газеты, в которых пропагандировали борьбу за независимость. Постепенно возникли вооруженные группы усташей. Всего за пределами Югославии скопилось свыше тысячи членов усташских организаций, в основном ориентировавшихся на Муссолини и небольшая часть — на Гитлера. Усташи были связаны с австрийской и венгерской разведкой. Небольшие группы усташей возникли в ряде стран Европы и в Америке. Усташи были крайне правой, шовинистической, черносотенной организацией. Их составляли великохорватски настроенные интеллигенты, студенты, отставные офицеры, чиновники, немного представителей духовенства [7]. В 1932 г. был написан «Устав» движения. Задачей движения была провозглашена вооруженная борьба за освобождение Хорватии, включая Боснию до Дрины. Усташи спекулировали на имени основателя партии права А. Старчевича, который, в отличие от них, был сторонником демократического строя, и Э. Кватерника, сторонника, по его словам, «самых либеральных учреждений».

В середине 30-х годов, предвидя приближение войны, Павелич сочинил записку фюреру, в которой описал положение хорватов в Югославии и предложил свои услуги рейху. Этот листок лежал без движения до войны, когда услуги Павелича были востребованы. Павелич был готов исполнить любое указание немецкого фюрера. Уже в этом была заложена основа предательской политики, не имевшей общего с заветами А. Старчевича, сторонника полного государственного суверенитета Хорватии. Конечно, националистические выступления основателей партии права (60-х годов XIX в.) были использованы фашистскими преступниками. Но нелепо полагать, что без этих выступлений не было бы фашистских преступлений коллаборационистов в 40-е годы XX в. Зародыши хорватских эмигрантских шовинистических организаций появились вскоре после возникновения Королевства СХС.

С 1929 г. Югославия, как отмечалось, была охвачена экономическим кризисом. Продолжались убийства оппозиционных деятелей, судили группу коммунистов во главе с Тито, был арестован В. Мачек, усташи производили диверсии из Италии и Венгрии. Правящие круги Франции были обеспокоены положением дел у своего союзника Югославии, члена Малой Антанты. Король Александр был вынужден, хотя бы для видимости, восстановить конституционный режим. В 1931 г. король продиктовал новую конституцию: предусматривался двухпалатный парламент, но правительство было ответственно только перед королем; централистский режим был сохранен.

В ответ на эту политику крестьянско-демократическая коалиция 7.11.1932 г. выступила с так называемыми «Загребскими пунктациями», основным автором которых был А. Трумбич. Сербская гегемония, говорилось здесь, навязанная Хорватии с самого начала (существования Югославии), угрожает развитию народа. Поэтому надо вернуться к 1918 г. и устранить сербскую власть из Хорватии. Затем заново обустроить государство и обеспечить прогресс всех народов. Пунктации встретили широкий отклик, в них видели федеративную или конфедеративную программу. Пунктации были поддержаны в Черногории, Словении, мусульманами Боснии. Они стали программой ХКП и КДК (в том числе ее сербской части, то есть большинства «пречанских» сербов). В. Мачек за участие в подготовке «Пунктаций» был присужден к 3-м годам тюрьмы.

Усташь, решив отомстить за Радича, стали охотиться за королем Александром. Покушение, подготовленное в 1933 г., было раскрыто и его организаторы повешены. Вскоре представилась другая возможность. Король отправился для переговоров во Францию морским путем, но в Марселе и Париже его ждали группы усташей и македонских националистов. 9 ноября 1934 г. в Марселе Александр и французский министр иностранных дел Луи Барту, оба противники германского реваншизма, находясь в автомобиле в центре приветствовавшей их толпы, были застрелены македонским террористом. Павелич и его близкий сотрудник, как вдохновители преступления, были заочно приговорены к смертной казни, но итальянцы их скрыли [13].

На пути к Бановине Хорватии. В Югославии при малолетнем наследнике Петре власть перешла к наместничеству, но фактически государство возглавил князь Павел, либерал и англофил. Был освобожден Мачек и на май 1935 г. назначены выборы в скупшину. На них оппозиция получила 37,4% голосов. Премьером стал сербский радикал М. Стоядинович. Он создал проправительственную коалицию — Югославское радикальное общество. Впервые с 1918 г. власти признали существование «хорватского вопроса» и необходимость его решения. Но об этом не хотели и слышать сербские фашисты — «Збор» во главе с Д. Лётичем. При попустительстве местных властей они терроризировали население Хорватии и Боснии. Жандармерия вновь стала расправляться с крестьянами, избивая их дубинками. В 1935, 1937 и 1938 годах жандармы убили и ранили десятки крестьян. В 1937 г. жандармы стреляли в большую группу молодежи, собравшуюся в Сене под хорватским флагом на концерт сараевского Певческого общества, — было убито семь человек.

В связи с исключительной ролью, которую сыграла КПЮ во главе с И. Броз Тито в Народно-освободительной войне 1941–1945 гг., необходимо обратить внимание на изменение взгляда компартии на национальную про-

блему в монархической Югославии. До 1936 г. компартия придерживалась взгляда, что Югославия как «детище Версаля» (и опора антисоветских сил на Балканах) должна быть ликвидирована, однако в связи с быстро нараставшей гитлеровской угрозой — смертельной угрозой для балканских и особенно югославянских народов — КПЮ (1936 г.) призвала к сплочению всех антифашистских сил Югославии, настаивала на необходимости путем массовых действий, устранив существующий консервативный режим, добиться свободы всех народов страны. Была выдвинута идея «созыва Конституанты», которая бы «свободно и без майоризации решила все вопросы взаимоотношений разных национальностей в рамках *свободного демократического федеративного государства*» (выделено мной. — В. Ф.). Здесь вновь прозвучала программа федерации.

Тогда же была организована компартия Хорватии (КПХ), также имевшая целью «суверенную Конституанту», чтобы достичь «демократического соглашения» между народами. Это был новый федеральный коммунистический югославизм. Партия выступила против фашистских демагогов, предателей Павелича и др.; вспомнила крестьянина М. Губеца (представителя народа) и его врагов [17].

КПЮ объективно была неспособна, при всей доброй воле народов Югославии, простых людей, боровшихся с фашистскими оккупантами и их местными слугами, создать демократическую федерацию, ее лидеры хотели власти, но она сделала шаг в направлении, которое вопреки утопии КПЮ открыло возможность национального суверенитета и независимости народов на демократической основе. Это была неисповедимая поступь самой Истории (хорватские христиане сказали бы: неисповедимы пути Господни).

В 1937–1938 гг. В. Мачек, опираясь на растущую оппозицию, безуспешно добивался от Стоядиновича коренных реформ политического устройства в духе программы ХКП и КДК. На выборах 1938 г. оппозиция во главе с Мачеком получила 44% голосов (максимальное число с 1918 г.), а правительство — 54%. Вокруг ХКП объединился почти весь хорватский народ. Мачек доказывал Павлу, что без смены правительства политический кризис не устранить. Стоядинович ушел в отставку. Князь Павел и правительство Д. Цветковича в условиях надвигавшейся мировой войны намеревались наконец решить хорватский вопрос. Уже была предана и погибла Чехословакия. Силы рейха, оккупировав Австрию, стояли на границе Югославии. Дорог был каждый день для достижения соглашения с хорватами. Компромисс был необходим для существования государства. Но чтобы понять это, правящим кругам потребовалось 20 лет политического кризиса.

Князь Павел заявил, что национальный и государственный унитаризм нетерпимы. В апреле 1939 г. начались сербско-хорватские переговоры.

Поездка в Рим и Лондон убедила князя Павла в близости войны. Вернувшись, он настоял на ускорении переговоров вопреки давлению велико-сербских кругов. Текст «Соглашения Цветкович—Мачек» был опубликован 26 августа 1939 г., за пять дней до нападения гитлеровцев на Польшу. Для установления добрых нормальных отношений между сербами и хорватами времени было недостаточно.

Хорваты вошли в новое правительство в Белграде, сразу же был опубликован «Закон о Бановине Хорватии».

Бановина Хорватия получила власть в областях: земледелие, торговля, промышленность, лесное и рудное дело, строительство (сельское), социальная политика, здравоохранение, просвещение, физическое воспитание, внутренние дела. Власть хорватского правительства практически распространялась на всю территорию, населенную хорватами, а также на сербские анклавы. Был восстановлен сабор, администрацию возглавлял бан, назначаемый королем, но ответственный перед сабором и королем. Хорватия могла самостоятельно собирать налоги. Центральное правительство в Белграде ведало обороной, иностранными делами, внешней торговлей, транспортом, связью. Спорные вопросы решал конституционный суд [7].

С прежним «югославизмом» и унитаризмом было покончено. Возможно, дальнейшие реформы привели бы к федеративному устройству Югославии. После Соглашения 1868 г. создание Бановины стало крупнейшим событием в устройстве Хорватии, если не считать 1918 г. Но компетенция Бановины 1939 г. была шире, чем Хорватии и Славонии в 1868 г. Первым баном был назначен Иван Шубашич. Идея А. Трумбича 1916–1918 гг. (сначала Югославия, потом переговоры) осуществилась, но ее автор скончался в 1938 г.

Главным пороком идеи Бановины было игнорирование интересов мусульманского народа Боснии и Герцеговины, который был разделен между Бановиной и остальной Югославией.

ХКП, отражая настроения огромного большинства хорватского народа, в ожидании войны высказалась за нейтралитет, продолжение реформ в Югославии и сохранение в ней Хорватии как субъекта политики. КПЮ была намерена соединить борьбу с фашистскими агрессорами с социалистической революцией. Задачи КПЮ на случай войны обсуждались на 5 конференции КПЮ в Загребе осенью 1940 г.

Под нажимом фашистского блока 25 марта 1941 г. был объявлен договор о вступлении Югославии в Тройственный союз, но 27 марта в результате государственного переворота и народного восстания к власти пришли прозападные офицеры. Лозунгом народа было: лучше война (по-сербски — рат), чем пакт! У власти был поставлен юный Петр II, в правительство вошел и Мачек.

Глава 11

В федеративной Югославии. 1945–1991 гг.

6 апреля Германия напала на Югославию, которая капитулировала 17.04.1941 г. В Хорватии очень многие, по крайней мере вначале, приветствовали возникновение нового хорватского государства, о чем 10 апреля провозгласил один из усташских «вождей» генерал С. Кватерник. Но никогда большинство народа не было довольным тем, что «Независимое государство Хорватия» возникло в тесной связи с итальянским и германским фашизмом. Масса хорватских крестьян не симпатизировала фашизму, исключение составили небольшие группы, пошедшие, да и то не сразу, за усташами. Мачек и ХКП были уверены в победе западных союзников, но лидер ХКП призвал народ к непотворению оккупантам и все военное время держался пассивно. КПЮ же начала готовить народное восстание против фашистских захватчиков — войну на их истребление.

Предатели, захватившие власть и под флагом патриотизма служившие нацистам, имелись в ряде стран Европы, особенно малых стран, где некоторые политики, возможно, таким путем хотели избежать судьбы Сербии, Чехии, Польши, Греции, другие — осуществить вековую мечту о национальном государстве. Хотели добиться национальной самостоятельности на службе фашизму! Несбыточные мысли... В «лучшем» случае это был самообман.

Павелич и его группа, находившиеся на содержании Муссолини, стремились создать режим, который был бы копией порядков в гитлеровском рейхе (даже между фашистскими режимами имелись различия, подчас немалые). Усташа являлись фашистскими преступниками, выполнявшими малейшие желания немцев. «Независимое государство» было всего лишь вывеской. Ни в чем усташа не были независимы от фашистских держав. Павелич расплачивался с Муссолини хорватской землей (Далмация и др.). Сама НДХ была в «сфере ответственности» Италии. Только коллаборационисты могли по приказу «сверху» пойти на самоубийственный шаг — объявить войну Соединенным Штатам и послать воинскую часть против Советского Союза...

В 1941–1945 гг. вожди «Независимого государства Хорватии» совершили бесчисленные преступления против народов Югославии, против сербов и самого хорватского народа, и никакая правда о преступлениях четников сербского генерала Драже Михайловича в отношении хорватов не служит оправданием вождей усташей.

Хорваты спасли свою честь массовым участием в освободительной борьбе. В Югославии, в том числе на земле Хорватии и Боснии (Босния была присоединена к Хорватии), развернулась самая ожесточенная в оккупированной Европе антифашистская война, в которой участвовали все народы Югославии, прежде всего хорваты и сербы. По приблизительным данным, в этой войне 1941–1945 гг. погибло свыше 1 миллиона человек [7].

15 июня 1941 г. НДХ («Независна држава Хрватска») присоединилась к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии, а 22 июня был организован почти сплошь из хорватов антифашистский Сисакский партизанский отряд — первый в Хорватии, Югославии и Европе. Большинство активистов крестьянской партии ушло в партизаны, незначительное меньшинство — к усташам. 6–14 декабря компартия Хорватии поручила своим членам создавать народно-освободительные комитеты — органы новой власти. В конце декабря был создан штаб Народно-освободительных отрядов (НОО) Далмации. В марте 1942 г. главный штаб НОО Хорватии основал пять оперативных зон антифашистского движения. 26–27 ноября 1942 г. состоялось первое заседание Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) — высшего органа партизанского движения. Председателем стал хорват Иван Рибар. 22 апреля 1943 г. первая группа наблюдателей стран-союзников по антигитлеровской коалиции прибыла в Главный штаб Хорватии. 13 июня 1943 г. состоялось первое заседание Земельного антифашистского вече народного освобождения Хорватии (ЗАВНОХ). Председателем исполкома был избран известный писатель Владимир Назор. Уже в преклонном возрасте он перешел к партизанам. 8 июня 1943 г. капитулировала Италия. Это вызвало всеобщее восстание на побережье Адриатики от Истрии до Котора и установление здесь национальной власти, аннулировавшей все договора усташских предателей с Италией. 20 сентября ЗАВНОХ отменила договора Югославии и НДХ с фашистской Италией, на основе которых некоторые хорватские земли были переданы Италии. В частности, возвращены Хорватии Истрия, Риека и Задар. 29–30 ноября 1943 г. в Яйце 2-я сессия АВНОЮ подтвердила решение ЗАВНОХ о возвращении территорий, когда-либо занятых Италией. АВНОЮ было объявлено верховным представительным органом (законодательной властью. — В. Ф.), а Национальный комитет — первым правительством будущей Югославии. 8–9 мая 1944 г. на III сессии ЗАВНОХ провозгласил себя высшим законодательным и исполнительным органом Хорватии. Доклад прочитал секретарь ЦК КПХ Андрия Хебранг. 14–16 июня состоялись переговоры Иосипа Броз Тито, председателя Национального комитета (правительства), с И. Шубаши-

чем — представителем лондонского эмигрантского правительства. Было заключено соглашение Тито—Шубашич: лондонское правительство обязалось поддержать национально-освободительное движение и прекратить поддержку четников. 30 августа 1944 г. функционеры НДХ М. Лоркович и А. Вокич организовали неудавшийся путч с целью переориентации НДХ на западных союзников. Они были убиты по приказу Павелича в 1945 г. во время отступления войск НДХ в Словению и Австрию. 1 ноября Тито и Шубашич подписали второе соглашение о создании общего правительства, при этом было подтверждено решение о запрете возвращения короля. 26 ноября — 5 декабря 1944 г. шли тяжелые бои за Книн против немцев и четников; после падения Книна завершилось освобождение Далмации. 7 марта 1945 г. в Белграде создано временное правительство Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ) во главе с Тито. 14 апреля в Сплите создано первое правительство Федеральной Хорватии во главе с В. Бакаричем. 8 мая Югославская народная армия заняла Загреб. Среди первых находились части 10-го Загребского корпуса. 9 мая части Югославской армии заняли Марибор. В Словении германское командование (генерал А. Лер) подписало безоговорочную капитуляцию [1]. Тогда же британское командование отказалось взять в плен множество отступавших хорватов и других лиц, последовала передача усташей, других вооруженных частей НДХ (домобраны), представителей других национальностей, небольшого числа гражданских лиц, опасавшихся партизан (т. е. коммунистов). Многие были расстреляны или погибли позднее.

7–10 августа 1945 г. в Белграде на 3-й сессии АВНОЮ провозгласило себя временной народной скупщиной Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ). 11 ноября список Народного фронта, как и на всех выборах, руководимых коммунистами, получил более 90% мест в скупшине. 31 января 1946 г. Конституционная скупщина в Белграде провозгласила конституцию ФНРЮ как федеративного государства в составе шести республик и двух автономий. Хорватия — одна из федеральных республик. 26 февраля президиум Национального собрания Хорватии постановил называть Хорватию Народной Республикой Хорватией.

В 1941–1945 гг. в Югославии одновременно имели место три войны: 1) народно-освободительная война всех народов страны против фашистских захватчиков и служивших им национальных предателей (в Хорватии — усташей); 2) тяжелый межнациональный конфликт, развязанный националистическими силами сербов, хорватов и мусульман; 3) народное партизанское движение за социалистическую революцию (как ее представляли коммунисты — руководители движения).*

После победы Народного фронта власть в ФНРЮ сосредоточилась в руках группы коммунистов во главе с Тито. Быстро сформировался тоталитарный

* Хронологическая выборка времени войны 1941–1945 гг. сделана по кн. [2].

режим. На октябрьских выборах 1945 г. компартия выступала по существу монопольно, поддерживая кандидатов Народного фронта. Оппозиция — Демократическая партия, часть ХКП, социал-демократы и др. — выборы бойкотировала. По официальным данным, из 89% избирателей, участвовавших в голосовании, 88% голосовало за КПЮ. 29 ноября 1945 г. парламент провозгласил Федеративную Народную Республику Югославию. Принятая конституция была подобием советской конституции 1936 г. Но в отличие от ряда стран формирующегося восточного блока власть опиралась на поддержку подавляющей части населения. Победа в освободительной войне, создание социалистического федеративного государства равноправных народов (осуществление федеративной мечты) подняли популярность КПЮ на невиданную высоту. Партия, как она обещала, вела к ликвидации бедности, острых социальных и национальных противоречий. Это был бы выход из кризиса, характерного для довоенной Югославии. Националистические принципы буржуазных партий развенчали себя в ходе войны, потерпели крах коллаборационисты. Сильного общегославского демократического течения, которое могло бы составить конкуренцию КПЮ, не было.

Фактическая широкая культурная автономия действовала вдохновляюще на интеллигентные слои. Впервые было признано существование и равноправие македонского народа, полноправие черногорцев, мусульман Боснии и Санджака. Все права в сфере культуры получили национальные меньшинства (исключением были немцы, высланные из страны).

Раздробленность территории некоторых народов была устранена (наиболее важный пример — Хорватия, присоединившая Далмацию, Истрию, Меджумурье, Риеку, Задар). Атмосфера в области национальных отношений быстро менялась к лучшему, и это служило упрочению коммунистической власти, системы авторитаризма. Характерной чертой политики КПЮ было уважение (за редкими и небольшими и, скажем, оправданными исключениями) исторических границ республик (земель). Например, хорватско-боснийская граница существовала более полутора столет. В Герцеговине жили хорваты, но Босния и Герцеговина не были раздроблены по национальному принципу. Сербь, жившие в анклавь в Хорватии, не получили автономии, но были признаны «государствообразующим народом». В Воеводине все официальные тексты (в частности, названия центральных учреждений) печатались на языках всех народов, населявших край. И все же федерация была авторитарным государством, руководствовавшимся коммунистической идеологией. Демократическая федерация в сложившейся обстановке не могла быть создана.

В конце 1946 — начале 1947 г. в результате репрессий деятельность всякой оппозиции была подавлена на целых 40 лет. КПЮ консолидировала свое господствующее положение. Были созданы все органы власти, приущие (формально) парламентарной республике (парламент etc.). Фактически власть находилась у Тито, Э. Карделя, А. Ранковича, М. Джиласа

(последние двое ведали тайной полицией и идеологией). «Второй эшелон» элиты составляли 30–40 человек, полностью преданных идеям И. В. Сталина и стремившихся скорее создать в ФНРЮ сталинскую систему власти [1]. Был использован и соответствующий опыт: в Словении в хозяйственных неудачах были обвинены и расстреляны 11 руководителей, якобы связанных с иностранной разведкой.

Экономические проблемы послевоенной Югославии были трудноразрешимыми. Разруха царила в промышленности и на транспорте. Даже в плодородных Воеводине и Славонии наступал голод. Правительство конфисковало в первую очередь предприятия, принадлежавшие странам, участвовавшим в интервенции, и лицам, сотрудничавшим с оккупантами или коллаборационистами. Таким образом, уже к середине 1945 г. государство распоряжалось $\frac{3}{4}$ промышленной продукции. В конце 1946 г. был принят закон о национализации крупных и средних предприятий. Для развития индустрии в полной мере был использован энтузиазм молодежи. Недостаток средств восполнялся за счет сельского хозяйства и снижения жизненного уровня населения. Это привело к стагнации сельского хозяйства и трудностям снабжения городов.

Конфликт с Советским Союзом стал созревать вскоре после 1945 г. Тито приобрел авторитет в странах складывавшегося Восточного блока и вынашивал идею общевосточной федерации (включая Болгарию, Албанию и, возможно, Грецию). Сталин выступил против, поскольку объединение балканских стран еще более укрепило бы политическую самостоятельность Тито. Во внешней политике Тито начинал действовать самостоятельно, тогда как Сталин видел в лидерах «стран народной демократии» лишь исполнителей его воли. По неясной причине Сталин сначала (1948 г.) подталкивал Югославию и Болгарию ускорить создание федерации, но вскоре выступил против этой идеи. 1 марта 1948 г. Политбюро КПЮ решило, что по ряду причин немедленное объединение невозможно. В ответ на это (новое!) непослушание из югославской армии были отозваны советские советники, а затем и гражданские специалисты. В письме Сталина и Молотова югославских руководителей обвиняли в раздувании атмосферы антисоветизма и великодержавного шовинизма, поддержке капиталистических тенденций в сельском хозяйстве, во всемерии органов безопасности и др. Тито понимал, что в конечном счете речь идет о судьбе Югославии как суверенного государства. Пленум ЦК КПЮ в апреле 1948 г. отклонил все обвинения, предложил послать в Югославию делегацию для ознакомления с положением дел. Однако Ранкович обвинил крупных деятелей Югославии — серба С. Жуйовича и хорвата А. Хебранга в тайных связях с руководством СССР. В очередном письме Сталин обвинил Тито в антисоветском курсе (4.04.1948 г.), преувеличении роли Югославии в антифашистской борьбе и принижении успехов других компартий.

Югославское руководство заняло решительную позицию. ЦК КПЮ ознакомил с ситуацией партийный актив и на июль 1948 г. созвал съезд.

КПЮ отказалась обсуждать проблему на заседании Информбюро некоторых компартий. Жуйович и Хебранг были исключены из партии и арестованы, так как руководство опасалось, что они эмигрируют и примут участие в заседании Информбюро. В июле Информбюро подтвердило советские обвинения, Югославия была исключена из его членов и «семьи компартий»... ЦК КПЮ категорически отклонил все обвинения. V съезд КПЮ поддержал руководство и объявил о верности учению Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Югославское руководство усилило процесс коллективизации деревни и национализировало мелкое производство. Тито еще пытался спасти отношения с ВКП(б).

Но с конца лета 1948 г. отношения еще более обострились. Восточный блок сворачивал экономические связи с ФНРЮ. В 1949 г. на границах с соседними с Югославией странами стали вспыхивать инциденты. Началась взаимная высылка дипломатов. Впервые компартия воспрепятствовала вмешательству Сталина во внутренние дела своей страны. Конфликт превратился во «всенародную защиту независимости Югославии» [1]. Вторая резолюция Информбюро (октябрь 1949 г.) называлась «Югославская компартия в руках убийц и шпионов». Тито был назван агентом империализма и вместе со своими сотрудниками — фашистом... Вплоть до Корейской войны (1950 г.), а возможно, и позже, существовала опасность нападения на Югославию.

В Югославии прекратилась пропаганда культа Сталина и была пересмотрена положительная оценка социалистического строя в СССР. Страна усиленно готовилась к отражению агрессии. В самой Югославии сторонников Сталина подвергли репрессиям (известно место массовой ссылки — концлагерь Голиоток).

Началось *улучшение отношений с Западом*. США поняли, что поддержка Югославии — важный элемент «холодной войны». Постепенно были нормализованы экономические отношения. Спор ФНРЮ—СССР был перенесен в ООН (1949 г.), осудившую политику СССР. Югославия была избрана в Совет Безопасности. С конца 1949 г. стал расти торговый обмен с Западом. Вскоре Югославия стала получать крупные займы (1950, 1951 гг.).

Поиски новой модели экономики в этих условиях стали неизбежными. Выход был найден в идеях самоуправления на производстве и отмирания государства при социализме. В 1949 г. начали возникать — в порядке опыта — рабочие советы для управления предприятиями. В 1950 г. был принят закон о самоуправлении. Речь шла об устранении централистского руководства во всех сферах общества, о развитии инициативы снизу, о... «начале отмирания государства». Но реальные возможности советов были ограниченными. Принципиальные проблемы остались в ведении центральных органов. Рабочие советы остались под контролем партийной бюрократии. Политбюро и ЦК КПЮ сохранили всю власть, а ее авторитарный характер в борьбе против Сталина еще усилился.

Но путь к реформированию югославского общества в определенных ограниченных пределах был открыт. Были установлены связи с социалистическими партиями, особенно скандинавскими. Однако не было исключено и возвращение к тоталитаризму.

На VI съезде КПЮ в Загребе в 1952 г. было заявлено об отказе партии от прямого руководства обществом, свои намерения партия должна была осуществлять путем активности отдельных коммунистов и идейным влиянием. В связи с этим партия была переименована в Союз коммунистов Югославии (СКЮ). Но еще по-прежнему господствовали коммунистические методы обсуждения проблем. Вообще между прокламациями и конкретными делами оставался разрыв, еще действовал принцип «единогласия». Но VI съезд был шагом к большей свободе в рамках системы.

В январе 1953 г. была принята новая конституция. Она принесла значительные формальные перемены. Компетенция республик и местных органов (комитетов) была расширена за счет центра. Но конституция не затронула абсолютной власти партийного руководства. Наоборот, Тито получил функции президента с большими полномочиями. Однако монолитное единство югославского руководства было поколеблено. Конфликт демократической тенденции на словах и стабилизации авторитаризма на деле вскрылся в СКЮ на рубеже 1953–1954 гг.

После Сталина в югославском руководстве наиболее радикальные перемены предлагал М. Джилас: разрыв со сталинизмом требует фундаментальных перемен в системе власти. Не должно быть бесконтрольной власти партийных верхов, и необходима свобода деятельности легальной оппозиции. Тито считал возможным прекращение реформ и постепенный возврат к положению до 1948 г. Реформы могли угрожать его личной власти. У руководства вызывало беспокойство стремление части интеллигенции последовательно реализовать программу реформ. Раздавались требования — вопреки VI съезду — усилить роль партии. С другой стороны, Джилас в «Борбе» доходил до идеи смены системы. Джиласу симпатизировала часть руководства, считая его идеи разработкой теории, не касающейся практики. *Говорить* о реформах считал выгодным и Тито (с внешне- и внутренинеполитической точки зрения). Но вместе с Пияде и Карделем он обвинил Джиласа в ревизионизме.

Пленум ЦК в январе 1954 г. обвинил Джиласа в правом оппортунизме и исключил его из СКЮ. Это был конец кокетства с фундаментальными переменами авторитарной системы.

В разной степени нормализовались отношения ФНРЮ со странами Варшавского договора. В начале июня 1955 г. Н. С. Хрушев подписал «Белградскую декларацию», подтверждавшую полный суверенитет Югославии. Сближение с Востоком и Западом стало политикой Югославии. Но, опасаясь воздействия венгерских событий на Югославию и в связи с этим возможности ослабления влияния СКЮ и появления по соседству нацио-

налистического реваншистского режима, Тито поддержал советское вмешательство в Венгрии в ноябре 1956 г.

С конца 50-х и в первой половине 60-х годов режим Тито был на вершине успехов. Экономика развивалась высоким темпом благодаря западным и советским инвестициям, жизненный уровень повышался. Со второй половины 50-х годов был виден промышленный подъем. Повышению жизненного уровня способствовало развитие туризма на Адриатическом побережье Хорватии. Опыты коллективизации деревни были прекращены. Крестьяне получили землю и право торговли. Новая система экономики сложилась в 1953—1958 гг. и существовала три десятилетия. Расширились источники информации. Со временем в страну хлынула иностранная литература и печать. В сфере культуры была провозглашена свобода творчества, покончено с принципом «социалистического реализма». Автор этих строк не раз бывал в Югославии в 60—70-е годы. Помню, с каким интересом слушал дискуссии коллег по поводу достоинств лондонских и парижских театров, как не мог оторваться от книжных полок в магазине небольшого степного города. Любой гражданин Югославии мог получить «выездной» паспорт, и историки досыта работали в иностранных архивах и университетах. На субботу и воскресенье люди уезжали в Италию. Флоренция и Венеция были доступны в любой момент. Тито дал Югославии свободу, немыслимую в других социалистических странах. Но была и нездоровая основа экономического подъема: расчет на зарубежную помощь, самоуспокоенность. Иностранные средства часто использовались нерационально, кроме того, югославские товары не выдерживали западной конкуренции. Нарастал внешний долг, а в связи с этим росла инфляция. Но бесценной была многолетняя политическая стабильность, ослабление социального неравенства. Югославские «гастарбайтеры» способствовали выравниванию валютного баланса.

Однако постепенно нарастали элементы противоречий. Росла эмиграция. В частности, ее стимулировала обеспокоенность авторитарным характером государства. Это было тихой индивидуальной формой протеста.

Условием стабильности был национальный мир. Проявления национальной вражды подавлялись беспощадно. Экономика плюс стремление предоставить каждому народу (и меньшинству) условия культурного развития обеспечивали успех. Господствовала доктрина: «Братство и единство народов Югославии», и это не было пустыми словами. Меньше вспоминать о преступлениях времен войны — эта политика служила стабильности. В сравнении с довоенным прошлым режим был относительно толерантным. Это способствовало чувствам и настроениям общегославской принадлежности народов, сближению народов в условиях формирования наций, запаздывавших в своем развитии.

Конечно, идеала не было. Воспоминания о прошлом и зачатки будущих противоречий (неравномерное экономическое развитие, разная рождаемость) нарушали спокойствие. Но конец 50-х — первая половина 60-х

годов — самое благоприятное время в межнациональных отношениях за все время существования югославского государства.

Тем не менее у французского слависта (историка и филолога) Поля Гарда первое посещение Югославии в 1957 г. оставило следующее впечатление: «Я понял, что словенцы — это словенцы и им все равно, что происходит в других частях государства. То же самое — хорваты, то же самое — сербы. Я уже тогда понял, что каждый югославянский народ живет своей жизнью, имеет свои собственные интересы, а общие интересы Югославии учитывает только в той мере, в какой это соответствует его собственным интересам. Я уже тогда мало верил в будущее Югославии» («Русская мысль», 3–9 декабря 1992 г., с. 9; беседа с корр. газеты С. Романенко).

Обе великие державы были заинтересованы в стабильности Югославии. С 1961 г. началось «Движение неприсоединения», в котором Югославия играла одну из главных ролей. Хотя экономически ей это было невыгодно (займы развивающимся странам не возвращались), но добавляло престиж ее политике в 60–70-х годах.

В 1963 г. была опубликована новая конституция, изменившая название государства на «Социалистическую Федеративную Республику Югославия». Тогда же был принят принцип ротации кадров (занятие должности — только два срока). Впрочем, все зависело от воли Тито. В 1966 г. были сняты с должностей (вице-президента и др.) А. Ранкович и его группа, формально — за нарушение законности тайной полицией, которой Ранкович ведал с 1944 г., в частности, прослушивание разговоров руководящих лиц (даже Тито). Ранковича, возможно не без оснований, обвиняли в сербском национализме и унитаризме. Обвиняемые были помилованы Тито.

Но устранение Ранковича повлияло на развитие событий. Были уволены десятки полицейских чинов. Усилилось влияние республиканских служб, так как Тито опасался сосредоточения власти в руках одного человека. А это, в конечном счете, привело к началу кризиса.

Этнический состав СКЮ и населения (в %)

	1957		1971		1988	
	СКЮ	население	СКЮ	население	СКЮ	население
Сербы	54,5	41,7	49,4	41,7	44,2	38,4
Хорваты	19,0	23,5	17,4	22,9	12,6	20,5
Словенцы	7,7	8,7	6,4	8,6	4,8	8,0
Македонцы	6,4	5,2	6,2	5,6	7,5	5,9
Албанцы	2,4	4,5	3,4	4,7	4,7	5,6
Черногорцы	6,7	2,1	6,4	2,4	5,5	2,5

Итак, с 1957 по 1988 г. непропорционально высокое представительство сербов и черногорцев в СКЮ постепенно снижалось. Но представительство хорватов и словенцев снижалось более резко.

Изменялся этнический состав командования ЮНА. Состав армии стал более равномерным; но превосходство сербов и черногорцев сохранилось (при высоком проценте мусульман).

Данные за 1991 г. (в %)*

	Армия	Население
Сербы	60	36
Хорваты	13	20
Словенцы	3	8
Черногорцы	7	3
Мусульмане	21	9
Албанцы	1	8

Характерно относительно низкое представительство хорватов и словенцев и незначительное представительство албанцев.

С конца 60-х годов республики стали добиваться некоторых полномочий, принадлежащих органам федерации. Тито считал это выгодным, ибо это облегчило бы его контроль над чиновниками. Но это же означало возвращение национализма на политическую сцену. Национальный мир с 1945 г. покоем, во-первых, на широком просторе для развития всех народов, во-вторых, на сосредоточении ключевых полномочий у правящей группы. Перераспределение компетенций (1969—1971) нарушило национальную стабильность. При авторитаризме права доставались правящим группам в республиках. Местные властные группы (в том числе в Косово и Воеводине) использовали национальные чувства для усиления своих позиций и открывали дверь местному национализму. К этому добавились политические разногласия. Часть либерально ориентированных лидеров утверждала, что удалением консерватора Ранковича будут продолжены демократические реформы. Но двадцать лет разговоров о трансформации югославского социализма, о демократии завершились косметическими изменениями. Титоизм сохранился, и Тито не намеревался уступить что-либо от своей личной власти.

Сторонникам реформ оставалось одно средство: опираясь на национальные чувства, получить поддержку реформаторским проектам. Но ортодоксальные титоисты тоже поняли выгоды опоры на национализм и стали

* Данные получены автором публикации (3) из югославских печатных материалов.

выступать как защитники национальных интересов. Однако это факторы второстепенные и они не могли бы повлиять на настроения народа.

Быстрое возрождение национализма обусловили первые признаки начинавшегося в середине 60-х годов экономического, социального и демографического кризиса. Экономический рост затормозился. Рационализация производства дала малый эффект, но привела к росту безработицы. Сельское хозяйство сильно отставало от западного. Вообще обширные связи с западными странами позволяли проводить сравнение экономической ситуации, и результат был далеко не в пользу Югославии.

Общественный продукт на единицу населения в отдельных регионах
(производство в Югославии на единицу населения
принимается за 100 %) [3]

	1947	1953	1965	1975	1988
Словения	163	161	183	205	208
Хорватия	104	116	120	124	128
Сербия (без автономных краев)	101	97	96	97	101
Воеводина	100	100	113	115	119
Босния и Герцеговина	86	86	71	66	68
Македония	70	68	67	68	64
Черногория	94	75	76	69	74
Косово	49	46	36	34	27

Экономические диспропорции отдельных регионов углубились. В 50-х годах удалось смягчить разницу в оплате труда и уровне развития республик. В 60-х годах эти различия снова стали расти. Более резко обозначилась граница между богатым Севером (Словения, Хорватия, Воеводина) и намного более бедным Югом. Север полагал, что его средства уходят на Юг, последний, наоборот, что его эксплуатируют. Южные республики обвиняли Север в том, что он продает свои изделия чересчур дорого, а покупает сырье неоправданно дешево [4].

Кроме того, в Словении, Хорватии, частично в Сербии снизилась рождаемость, среди мусульман Боснии сохранился традиционный уровень, тогда как албанцы Косова и Македонии переживали демографический взрыв. Это изменило этническую структуру некоторых регионов, особенно Косова. Доля населения Косова во всем населении Югославии с 1948 по 1991 г. возросла с 4,6 % до 8,3 % [3].

В 1967 г. в Загребе была издана «Декларация о положении и названии хорватского литературного языка». Здесь выдвигалось требование

ликвидировать языковой союз с сербами, черногорцами и мусульманами, учрежденный в 1954 г. Меморандум подписали десятки деятелей культуры, включая крупнейшего писателя М. Крлежу.

За филологией скрывалась оппозиционная акция, направленная против режима и имевшая цель показать самобытность хорватского народа и его право на большую самостоятельность. Кардель, а затем и ЦК СКХ осудили акцию. Было уволено несколько лиц, и, казалось, особых последствий ожидать было нечего. Но через несколько месяцев возбуждение проявилось среди интеллектуалов Сербии, причем в связи с обстановкой в Косово, где группа консервативных коммунистов, пришедших к власти, явно давала привилегии албанцам. На ЦК СК Сербии выступили с предупреждением об албанской угрозе сербские писатель Д. Чосич, историк А. Марьянович. Их выступление было первым сигналом растущей межэтнической напряженности в Косово. Оба были исключены из ЦК.

В конце 60-х — начале 70-х годов под национальными лозунгами прошли массовые выступления в некоторых регионах. Началось в 1968 г. со студенческих демонстраций в Любляне, Загребе и Белграде, связанных со студенческими волнениями на Западе. Особенно бурные события произошли в Белграде, где имели место выступления против коррупции высоких чинов и за дальнейшие реформы. Движение (в том числе стачки) приняло левоанархический характер. Власти увидели в этом угрозу режиму Тито. Но Тито в выступлении по телевидению признал правоту студентов. Стачка студентов прекратилась, но перемен они ждали напрасно.

В ноябре 1968 г. албанцы, подстрекаемые националистами, сторонниками «Великой Албании», на бурных демонстрациях потребовали статуса республики и включения в нее районов в Македонии и Черногории, где албанцы составляли большинство. Движение было подавлено армией, но проблема осталась. И в социальном плане в Косово нарастал кризис: жизненный уровень албанцев отставал даже от уровня сербов Косова. А статус республики означал бы выход Косова из Федерации. Правительство выбрало средний путь: расширило автономию Косова и Воеводины, и с 1974 г. оба края фактически имели компетенцию республик. Был создан фонд экономической помощи для Косова и других районов. Миллиарды динар были почерпнуты из средств развитых республик, но использованы малоэффективно. Ситуацию временно удалось смягчить, но с 80-х годов она обострилась еще более. А сама финансовая операция вызвала недовольство в Хорватии и Словении.

Политический кризис проявился в начале 70-х годов, особенно в Хорватии. Либерально настроенное руководство СКХ (Савка Дабчевич-Кучар), поддержанное секретарем ЦК СКЮ М. Трипало, стремилось обеспечить республике большую самостоятельность. Хорватские лидеры считали, что Хорватия оплачивает другие республики, особенно Сербию, требовали изменения бюджетной политики, в особенности права распоряжаться

доходами от туризма (на побережье Адриатики), вообще большей свободы при решении экономических проблем.

Хорватия (как и Словения) все более была заинтересована прежде всего в экономических связях с Западом, что ослабляло и подрывало ее политическую и духовную привязанность к Югославии.

По мнению ряда авторов [1], Дабчевич и Трипало полагали, что освобождение от зависимости от Белграда даст возможность проводить прогрессивные реформы, которые необходимы для всей Югославии. Они получили широкую поддержку прежде всего образованных слоев и молодежи. Но радикальным движением воспользовались националистические круги. Раздались требования самостоятельной хорватской армии и независимости. Это сильно возбудило сербское население, занимавшее анклавы в Хорватии: оно начало вооружаться [1]. 22 ноября 1971 г. началась бессрочная забастовка 30 тысяч хорватских студентов и гимназистов в поддержку национальных требований. На заседании президиума СКЮ 1–2 декабря 1971 г. Тито пригрозил применить силу против хорватского движения. Дабчевич, Трипало и их сторонники были сняты со своих постов. Внешне обстановка нормализовалась.

Тито провел в Хорватии широкую чистку СКХ, более 300 ключевых должностей в аппарате власти и сфере культуры было занято людьми, преданными Тито. Но национальная ситуация не стабилизировалась, жесткую линию новых чиновников особенно проводили сербы (например, Д. Драгосавац). Много участников движения эмигрировало, десятки были отданы под суд и наказаны. Дело не ограничилось Хорватией.

В Сербии ряд лидеров также сочувствовал либеральным реформам, изменениям в руководстве экономикой и демократизации. Кроме национального вопроса позиции сербов и хорватов во многом совпадали. Ряд руководителей Сербии (Латинка Перович и др.) отклонял сербские националистические концепции, в частности, в отношении Косово. Тито добился отставки сторонников реформ (1972 г.) и замены их лояльными ему людьми. Смена кадров была проведена в Белграде, Скопье, Любляне, Сараево. Изгонялись сторонники модернизации политической и экономической жизни.

Ужесточение авторитарного режима продолжалось несколько лет. В 70-х годах реформы, связанные с разрывом со Сталиным, уже были недостаточны, и режим все более опирался на силу, диктат. Откладывание реформ оказалось роковым для Югославии.

В 1974 г. была принята новая конституция. Компетенции республик были расширены. Цель заключалась в обеспечении стабильности государства после ухода Тито. Высшая государственная и исполнительная власть была передана коллективным органам. Все восемь субъектов Федерации получили фактически одинаковые права. В этом руководство видело гарантию против военной или личной диктатуры или гегемонии

одной нации. Была введена сложная процедура при принятии важных решений — при этом требовалось согласие всех восьми, что затрудняло действия федерального правительства и президиума (коллективного главы государства). Тито занимал пост президента пожизненно (фактически находясь на положении монарха).

Но личная свобода граждан была относительно широкой. Свобода творчества, науки, взглядов была больше, чем в любой стране Восточного блока. Однако власть стояла на страже системы и без колебаний репрессировала людей за ее критику.

В 1968 г. Югославия протестовала против оккупации ЧССР, ибо опасалась аналогичных действий против СФРЮ. Народы Югославии участвовали в акциях протеста стихийно. В 70-х годах отношения СФРЮ—СССР нормализовались.

Последние годы власти Тито прошли под знаком застоя. Темп роста экономики систематически снижался. Огромные суммы шли на выплату иностранных долгов. Но оплата труда некоторых слоев (интеллигенции) росла. Население охотно получало займы, ценность которых падала из-за инфляции. Все это, в конечном счете, грозило кризисом.

И. Броз Тито умер в 1980 г. Он стал символом послевоенных успехов, защиты государственного суверенитета, устранения национальной дискриминации и длительного мира. Однако, как это ни парадоксально, сложившаяся ситуация готовила длительную прелюдию трагического распада Югославии в результате национальных противоречий. Оказалось, что югославское государство держалось лишь в условиях режима личной власти.

После смерти Тито все важнейшие решения принимались путем подчас длительных поисков компромисса между правительствами и партийным руководством всех восьми субъектов Федерации. Но первые годы после Тито, несмотря на все проблемы, режим пользовался поддержкой широких слоев населения. Все-таки коммунистическая власть здесь не была навязана извне, а создана народом в освободительной войне, традиции партизанского движения пользовались уважением. Кроме того, многие верили в возможность демократических реформ. Связи Югославии с Европейским Сообществом возрастали. По уровню свободы Югославия далеко превосходила страны Варшавского договора. «Твердых» сталинистов и националистов преследовали жестче, чем прозападных интеллектуалов.

Наиболее глубоко коренились идеи хорватской государственности. В Хорватии симпатизировали лидерам, подвергшимся преследованиям в 1971 г. Ф. Туджман и многие критики режима, оказавшиеся в тюрьмах, имели ореол народных мучеников. Вся многовековая история Хорватии объясняет эти чувства народа. Их поддерживала и католическая церковь. О государственном суверенитете как цели в Хорватии не забывали. Характерно, что историческая наука почти не занималась А. Старчевичем и

Э. Кватерником (примерно до 1970 г. под давлением режима не могла заниматься).

Западные державы до середины 80-х годов не были заинтересованы в сильной оппозиции в Югославии, наоборот, они поддерживали ее внутреннюю стабильность, имея в виду равновесие между блоками в Европе. Но в эмиграции в западных странах сформировались сильные реакционно-националистические экстремистские группы. Среди хорватов — сторонники бывшей НДХ. Сербские группы были слабее.

Представляет интерес деятельность в эмиграции немногих противников национализма, желавших реформирования Югославии в современную демократическую федерацию («Демократическая альтернатива»). Их взгляды заслуживают внимания и должны быть рассмотрены специалистами.

В стране особенно неблагоприятным было положение в Косово, где, несмотря на обильную помощь Белграда, жизненный уровень был в восемь раз ниже словенского. Особенно сильной была безработица. В этих условиях население идеализировало положение в Албании, где диктаторствовал Э. Ходжа. Бурные выступления в Косово происходили в марте 1981 г. По-прежнему главным был лозунг «Косово — республика». Движение было жестоко подавлено.

Несмотря на внешнее благополучие, в экономике назревали серьезные осложнения. Росли диспропорции между республиками. Не без влияния конституции 1974 г. единая экономика стала распадаться на 6 и даже 8 комплексов, все слабее связанных между собой. Усиливались различия в ситуации социальных слоев, положение лиц низкой квалификации особенно ухудшалось. Безработица превышала 10 % и стала постоянным фактором жизни. Это сильно затронуло и людей с высшим образованием.

Множество крестьянской бедноты, особенно в пассивных районах, едва держалось на плаву. Горные районы пустели. Долги зарубежным странам к 1983 г. возросли с 1975 г. в три раза. Продолжалась широкая эмиссия бумажных обесцененных денег. Экономический рост застопорился. «Самоуправленческий социализм» функционировал плохо, плодил лишь множество чиновников, прежде всего интересовавшихся своими доходами.

С середины 80-х годов скрытые до того противоречия начали перерастать в открытую напряженность. Приход к власти в СССР М. С. Горбачева имел широкие последствия в мире. В частности, ускорилось развитие кризиса в Югославии. События в СССР лишили сторонников наследия Тито ореола борцов за демократию. Пало значение межблокового балансирования лидеров СФРЮ. Исчезла заинтересованность Запада в стабильной Югославии.

Тито стремился избежать судьбы королевской Югославии, когда народы страдали от господства бюрократии наиболее многочисленной нации —

сербской. Условием сильной Югославии Тито считал относительно «слабую» Сербию, то есть республики не должны были ощущать давления Белграда (Сербии). Тито, не колеблясь, подавлял любой местный национализм. Государство строилось на принципе «братство — единство» народов СФРЮ. Децентрализация, осуществленная в 1974 г., не казалась опасной: власть в стране принадлежала Тито и авторитарной узкой группе вокруг него. Иное направление постепенно приняла политика центра после Тито (1980 г.), особенно с приходом к руководству в Сербии Слободана Милошевича и его националистического окружения (1986 г.). Волну сербского национализма он использовал для упрочения личной власти сначала только в многонациональной федеральной республике Сербии, но с тенденцией распространить ее на всю Югославию. А это уже во второй половине 80-х годов стало угрожать целостности югославского государства [5].

В период мирного перехода стран Восточного блока к либеральной экономике (конец 80-х — начало 90-х годов) у Югославии имелись, казалось бы, особенно благоприятные условия для такого перехода, так как, во-первых, там уже существовали очаги рыночной экономики, во-вторых, имелись элементы соответственной политической структуры (права граждан, относительно широкие возможности информации и т. д.). Главной бедой страны было традиционное, глубоко укоренившееся недоверие разных наций друг к другу, накопившееся в период Новой истории в связи с формированием националистической идеологии, неоднократно проявлявшимися межнациональными противоречиями и вспыхивавшими конфликтами. Особенно тяжелый политический груз создавало наличие целого ряда спорных территорий со смешанным этническим составом населения. При всем том гражданская война не являлась неизбежностью: люди сами делают свою историю. Несмотря на тяжелое прошлое, такие средства, как действительное равноправие республик, областная и национально-культурная автономия, могли дать многое для сохранения мира. В крайнем случае, даже ликвидация федерального государства могла осуществиться мирно.

Конституция 1974 г. не работала. Начались конфликты между центром и республиками. Вскрылось несколько крупных финансовых преступлений в «верхах». Олигархия СКЮ стала разваливаться. В Словении и Хорватии все большее влияние приобретали лица, понимавшие бесперспективность социалистической системы. Раздавались требования фундаментальных экономических перемен (развития рыночной экономики) и демократизации, и если это не удастся в государстве в целом, провести модернизацию в своей республике. «В политике большой акцент приобрела национальная точка зрения» [1]. Лидеры ЦК — в Словении М. Кучан, в Хорватии И. Рачан, действительно стремились к либерализации системы, но тем самым подрывалась основа единой коммунистической

Югославии. Большинство сторонников межнациональной гармонии (И. Стамболич и др., в том числе последний председатель СКЮ хорватский деятель С. Шувар) принадлежали к «истинному титоизму», т. е. консервативному крылу партии. Но это поколение сходило со сцены. Старые руководители не были способны к гибкой политике, и это дискредитировало югославское сотрудничество. Во второй половине 80-х годов общественность северных республик переживала утерю иллюзий. Застой в стране и, наконец, распад Восточного блока оттолкнули от режима множество его бывших сторонников.

В 1986 г. председателем СК Сербии стал Слободан Милошевич. В начале 1988 г. он был избран главой Сербской республики — председателем ее президиума. Милошевич тоже говорил о необходимости реформ, но всегда связывал это с национализмом. Его группа твердила о необходимости укрепления позиций сербов в Косово, Воеводине, Черногории, а также в Хорватии, Боснии, запугивала сербов Хорватии возможностью «нового геноцида». Милошевич раздувал национализм для укрепления личной власти. С этой целью он использовал острый конфликт в Косово. В 1987 г. он неожиданно решительно поддержал косовских сербов. Это по времени совпало с выступлением части членов Сербской академии наук и искусств с декларацией, в которой выражалась тревога за будущее сербского народа («меморандум»), говорилось о неравноправии Сербии и сербского народа в СФРЮ. Выдвигалось требование демократизации и одновременно ограничения автономии Косово и Воеводины, восстановления их сербского характера, сербского национального возрождения, расширения прав сербов в Хорватии и Боснии (1986). Этот документ «открыл простор быстрому развитию сербского национализма» [1]. Подняли голову сторонники самых различных взглядов, объединенные идеей радикального усиления позиции Сербии в СФРЮ. Были организованы массовые националистические манифестации (1988–1989 гг.), связанные с 600-летием Косовской битвы, но формально (при неведении участников об истинном назначении митингов) — против бюрократов, коррумпированных чиновников и за чистоту общественной жизни. После изгнания авторитетных албанских лидеров ситуация стала критической. С 1988 по 1991 г. в Албании продолжались массовые стачки и демонстрации протеста албанцев. Десятки людей были убиты. Политика Милошевича резко ухудшила обстановку. В 1989 г. автономия Косово и Воеводины фактически была отменена. Политика Милошевича способствовала нараставшему процессу подрыва устоев югославской Федерации. Но националистическая пропаганда все более активно велась и в других республиках.

В конце 80-х годов активизировались антикоммунисты, — раньше всего в Словении. Здесь множество людей выступило в защиту преследуемого оппозиционного журналиста и свободы печати. Впервые средства информации стран НАТО оказали оппозиции поддержку. Это значило,

что отношение НАТО к СФРЮ изменилось. Демократическая программа совмещалась в Словении с национальной: словенцы были напуганы шовинизмом сербского руководства и опасностью диктатуры Белграда. Проти­вокоммунистические силы Словении со всей энергией использовали ситуацию, доказывая, что в такой обстановке лучший выход для Слове­нии — покинуть Югославию. Действительно, Милошевич мечтал о лич­ной власти в Сербии, а затем и во всей Югославии. Для этого он стремил­ся ограничить права республик. В качестве средства он пытался исполь­зовать сербов в Хорватии, а также в Боснии и Герцеговине. Вместе с антикоммунистами окружение Милошевича развернуло пропаганду о якобы постоянной дискриминации сербов в Хорватии и Боснии. Бел­градская печать заполняла свои страницы рассказами о зверствах уста­шей, одновременно пытаясь реабилитировать четников. «Белградские на­ционалисты утверждали, что если положение не изменится, хорватских и боснийских сербов снова ожидает геноцид» [1]. Многие хорватские сер­бы, испытавшие ужасы НДХ, верили националистической пропаганде. На митинге в Книне в память Косовской битвы раздались требования изменения прав сербской общины в Хорватии. Арест нескольких органи­заторов митинга хорватской полицией лишь ухудшил обстановку. В 1989 г. ситуация в Югославии быстро осложнялась.

17 января 1989 г. СК Словении после дискуссии разрешил деятельность разных партий. Возник ряд группировок разных направлений, в том чис­ле Социал-демократическая партия. Парламент Словении утвердил прин­ципы политического плюрализма, равноправия форм собственности, принял закон о правах человека и, наконец, о праве Словении на полное самоопределение. Белград обвинял словенцев в измене югославской идее, попытался запугать их итальянской и германской опасностью. Целью этой пропаганды была подготовка насильственного вмешательства, как это произошло в Косове, Воеводине, Черногории. Был объявлен бойкот сло­венских товаров в Сербии. Но от этого пострадала прежде всего Сербия, а масса словенцев все более проникалась идеей независимости как га­рантии экономического подъема.

По мере распада партийной структуры в Югославии возросла роль центрального правительства. Премьером в марте 1989 г. стал хорватский экономист Анте Маркович. Экономический кризис быстро углублялся. Во второй половине 80-х годов резко возросла внешняя задолженность, инфляция достигла 50% в месяц. В разных местах вспыхивали стачки. А. Маркович видел необходимость коренных реформ для сохранения Югославии и понимал опасность стихийного распада СФРЮ. Он стре­мился провести глубокую финансовую реформу. Предполагалась широ­кая приватизация. При переходе к рыночному хозяйству Маркович рас­считывал на помощь США и ЕС. Но пока что экономическое положение массы народа продолжало ухудшаться.

Успокоить политическую ситуацию также не удалось. Репрессии в Косово, сербско-словенская напряженность были дополнены международными событиями — распадом Варшавского блока, падением Берлинской стены, концом коммунистической власти в Болгарии и ЧССР.

Еще в 1982 г. хорватский философ и публицист П. Матвеевич в книге «Современный югославизм» попытался обосновать югославизм и необходимость объединенного югославского государства. Он, как и многие до него, отказался от обоснования Югославии национальным «единством», родством народов, единством или близостью их языков, а исключительной причиной необходимости Югославии назвал интересы ее народов: «Вне Югославии ни для кого из нас нет (и это основная предпосылка данного исследования) положительной альтернативы: национальной, государственной и социальной» [6]. В первой половине XX в. малые страны Европы опасались агрессии со стороны сильных соседей. Сейчас ситуация принципиально изменилась. Еще в 1918 г. Словения мечтала об объединении с другими югославянами ввиду экспансии Италии. Хорватия также опасалась остаться одинокой. В 1945 г. этот факт продолжал играть определенную роль. Но сейчас никто не угрожает Словении или Хорватии. Поэтому республики смелее стали выступать за самостоятельность.

Интересен обзор событий, сделанный В. Вуяичем, сербским социологом, работающим в США. Автор отмечает, что постепенный переход республик под контроль местных кадров в 1950–60-х годах стимулировал этническое самосознание народов. Но политика «выравнивания» республик имела успех лишь в сфере культуры и формирования этнических элит. В сфере же экономики эта политика потерпела неудачу ввиду низкой производительности труда в южных районах, отсутствия их четких обязательств по использованию средств, наконец, демографических различий. В этих условиях республиканские (этнические) элиты, раздраженные неэффективностью экономической политики, в частности иностранных вложений, стали стремиться к автаркии, укреплению своей экономической базы. Кризисные явления проявились в конце 1960-х годов. В начале следующего десятилетия в условиях огромного авторитета сильного центра (Тито и др.), полагает Вуяич, можно было предпринять рыночную реформу при курсе на демократизацию и экономическое процветание. «Но это противоречило логике режима». В условиях же кризиса (застоя) 1980-х годов и превращения СФРЮ в «рыхлую конфедерацию» реформа уже была невозможна. Национальная политика СКЮ в период быстрой индустриализации способствовала интеграции национальностей, в период же застоя рождала этническую мобилизацию и «этнизацию власти». Вуяич отмечает, что известная попытка Анте Марковича была сорвана республиками. Вывод Вуяича заслуживает особого внимания: «Усиление национально-территориального принципа в сфере управления привело

к созданию предпосылок для формирования полноценной республиканской государственности, т. е. конституционно-гарантированного суверенитета республик» [10].

В январе 1990 г. прошел XIV съезд СКЮ. Острый спор о будущей роли партии разгорелся между сербской делегацией, с одной стороны и словенцами и частью хорватов — с другой. После отказа пленума построить партию на основе конфедерации словенцы покинули заседания. Де-факто это означало ликвидацию СКЮ. Со съезда ушла и хорватская делегация. Центр власти, 45 лет решавший судьбу страны, был ликвидирован.

Очень быстро распалась власть коммунистов в Хорватии. С 1990 г. возросло влияние Хорватского социально-либерального союза и восстановленной крестьянской партии. Но наиболее популярным стало Хорватское демократическое сообщество (ХДС) во главе с бывшим генералом югославской армии Франьо Туджманом. В 60-х годах, будучи директором загребского института истории рабочего движения, он примкнул к националистам. В 1971 г. был снят с должности и дважды попадал под арест. Туджман и его группа пропагандировали антикоммунизм и национализм. Хорватское общество было напугано нескрываемой угрозой захвата власти в СФРЮ сербскими националистами и в программе Туджмана видело выход. «Хорватский народ, как и словенцы, никогда целиком не принимал югославистскую идею» [1]. Перспектив решения хронического кризиса в условиях Югославии не было, поэтому возрастала привлекательность традиций хорватской суверенной государственности. В Хорватии, всегда сохранявшей идейные традиции национальной государственности, сложившаяся ситуация способствовала активизации стремления к независимости. Идея национального самоопределения вырвалась на первый план, как только связывающий ее режим оказался на грани краха [11].

В начале 90-х годов 12 % населения Хорватии составляли сербы. В ряде областей сербов было большинство (Сев. Далмация, Лика, Кордун, Бания, Срем). Сторонники Туджмана утверждали, что СФРЮ принесла лишь страдания хорватам, которые содержали за свой счет других. О том, что их народ подвергался наибольшей дискриминации в СФРЮ, твердили националисты всех республик. В Хорватии вновь стали слышны голоса о сербах как ленивой низшей расе. Нелепость подобных выхонок очевидна. Но дело было серьезнее. Началась кампания реабилитации НДХ. эту кампанию поддерживала и ХДС. В Хорватию из заграницы хлынул поток идейных «потомков» усташей. Группе Туджмана они были нужны как яростные сторонники вооруженной борьбы с сербами, т. е. как солдаты. Это вызывало паническую реакцию среди местных сербов, но реакцию тоже националистическую: надежды на восстановление сербского господства в стране, как это было при короле Александре, или на присоединение сербских анклавов, регионов с сербским большинством — к Сербии. Хорватские крайние националисты хотели изгнать сербов из

Хорватии, сербские крайние националисты стремились соединить всех сербов (в том числе хорватских) в составе «Великой Сербии».

Обе стороны разжигали взаимное недоверие, что во время последовавшей войны увеличило страдания народов и количество жертв.

В 1990 г. первые свободные (после 30-х годов!) выборы в парламент Словении проходили в антикоммунистической атмосфере. Большинство получил ДЕМОС (Демократическая оппозиция Словении) с программой независимой Словении. Коммунисты сменили название на «Партия демократического обновления» и получили 17%. Одновременно президентом был избран Милан Кучан, в 1989 г. вышедший из СКЮ и решительно защищавший национальные интересы. Л. Петерле — христианский демократ из ДЕМОСа — стал главой правительства.

2 июля 1990 г. парламент принял «Декларацию о суверенитете Республики Словении»: федеральные законы могли иметь силу только при соответствии их правовым принципам Словении. Ускоренно формировалась армия. Референдум в декабре 1990 г. при почти 100 % участии голосовавших дал 88 % за полный суверенитет республики. «Выход из Федерации подавал максимум надежды на защиту словенского народа от гегемонистского давления белградских националистов» [1]. Пример Словении вдохновил хорватов.

На выборах в Хорватии в апреле–мае 1990 г. потерпела тяжелое поражение Партия демократических перемен (бывшие коммунисты). Провалилась и Сербская демократическая партия, претендовавшая на представительство всех сербов в Хорватии, — часть сербов голосовала за коммунистов как сторонников национальной терпимости (хранительницу партизанских традиций). Две трети мест получило ХДС (41 % голосов). Председателем президиума Хорватии стал Ф. Туджман. ХДС готовило скорейший выход Хорватии из СФРЮ. Началось изгнание сербов из государственных учреждений, полиции. В поправке к конституции в июне 1991 г. хорватское государство было провозглашено суверенным государством хорватов и других народов, т. е. статус сербов как государствообразующего (конститутивного) народа, установленный в 1945 г., был отменен. В конституции они даже не упоминались. Конфликт с сербами помог Туджману сплотить хорватов и быстрее достичь независимости. Признание сербов конститутивным народом — ввиду исключительно важного стратегического положения сербских анклавов — открывало возможность такого территориального раскола Хорватии, который делал *само существование этого государства как целого невозможным*. Конститутивность сербов в Хорватии при авторитарном режиме Тито ничем никому не угрожала, так как власть была в руках ЦК КПЮ. Иное дело в посткоммунистическом государстве. Без учета этого обстоятельства понять политику Хорватии в

сербском вопросе невозможно. Иначе говоря, в Хорватии сложилась совершенно особая национально-политическая обстановка.

Националистические лидеры в сербском анклав (так называемая Краина) под влиянием великосербской пропаганды из Белграда отказывались от какого-либо компромисса с хорватами, что было самоубийственной политикой, рассчитанной на установление великосербского режима в СФРЮ. Только хорвато-сербский компромисс мог спасти положение — результат многовековой истории.

Особая острота положения в Хорватии была вызвана тяжелым наследием хорвато-сербских отношений времен 2-й мировой войны — усташской политикой геноцида, что не могло исчезнуть из сознания сербского населения Хорватии. Однако выход, который был предложен сербским национализмом в ответ на это («Великая Сербия», «все сербы — в одном государстве»), попытка ради свободы сербов захватить Боснию (с ее мусульманско-хорватским большинством) и соединиться с сербскими анклавами в Хорватии, разрушив Хорватскую республику, — все это могло придать событиям еще более трагический характер. Важно, что для Сербии, в отличие от Хорватии, угрозы разрушения государства в 1991 г. не было.

В этом существенное различие между двумя национальными движениями, хотя во главе обоих находились националисты. Несомненно, население сербских анклавов в Хорватии искренне выступало за национальную самостоятельность, за соединение с другими сербами, верило, что участвует в национально-освободительном движении. Но историк обязан оценивать объективное содержание каждого движения, его цели и возможные последствия. Что если движение, в котором народ искренне ищет спасения, вместе с тем для своего успеха готово погубить соседнее государство? И захватить большую часть его территории? Пригодно ли в этом случае определение «освободительное»? Скорее подходит *mor tuum — vita mea*.

О политике геноцида в Хорватии в 90-х годах не могло быть речи. Туджман — националист, но не фашист, и ориентировался он на либеральные Германию и США, зависел от них во многих отношениях. Милошевич спекулировал на естественной тревоге простых людей, на мрачных воспоминаниях сербского населения Хорватии и Боснии.

В сербских районах стали возникать автономные административные учреждения. Центром сербского сепаратизма в Хорватии стал город Книн (на севере Далматинской Загоры). Созданный там Сербский национальный совет стал выступать как представитель всех сербов Хорватии. Сербская полиция не выполняла приказы Загреба. Начались перестрелки. Сербы блокировали железнодорожное сообщение и электропередачу между северо-западной (или центральной) Хорватией и Далмацией. В декабре 1990 г. в Книне была провозглашена «Сербская автономная область»

Краина». Затем то же было сделано на востоке Хорватии. Хорватия оказалась раздробленной на три части. Группа Милошевича рассчитывала на то, что конфликт с сербской общиной настолько ослабит режим Туджмана, что его нетрудно будет заменить политиками, лояльными Белграду [1].*

В Сербии в 1990 г. была принята конституция, предоставившая президенту решающую власть. Сформировалась оппозиция. «Демократическая партия» (Д. Мичуновича) стремилась к государству западного типа. «Сербское движение обновления» (В. Драшкович) — антикоммунистическое и радикально-националистическое. «Обновление» заключалось бы в восстановлении позиций Сербии до 1941 г. В. Драшкович написал роман, где восхвалял генерала Д. Михайловича, лидера четников во время войны. «Сербская радикальная партия» В. Шешеля стояла на шовинистических позициях. Итак, две оппозиционные партии из трех придерживались более националистических взглядов, чем Милошевич. Последний в декабре 1990 г. на президентских выборах получил 65%. Социалисты (т. е. коммунисты) получили в скупшине $\frac{1}{3}$ мест.

Выборы в Боснии и Герцеговине дали четкий результат: победили три национальные партии: мусульмане — 40%, сербы — $\frac{1}{3}$, хорваты — $\frac{1}{6}$. Президентом стал мусульманин А. Изетбегович. Но компромисс в Боснии был шатким.

Союзная скупщина фактически утратила законную базу, т. к. выборы в нее не были проведены. В начале 1991 г. судьба Югославии была мрачной. Словения быстро ликвидировала связи с центром. Основное напряжение коренилось в хорватско-сербских отношениях. В первые недели 1991 г. начались вооруженные столкновения из-за спорных территорий. Хорватское население стало покидать районы под сербской властью, сербы устремились в Серию.

25 марта 1991 г. Милошевич и Туджман тайно встретились в Воеводине и договорились не препятствовать друг другу занять сербские и хорватские районы Боснии и Герцеговины. Но договориться о Краинах в Хорватии не удалось.

В апреле—мае 1991 г. на рубежах Сербской Краины в Хорватии sporadические перестрелки переросли в полномасштабную войну. И сразу же начались преступления против гражданского населения. Изгнание коренного населения из родных мест осуществлялось обеими воюющими сторонами. В апреле Хорватия стала спешно комплектовать армию. Частью югославской армии (ЮНА) вначале было приказано развести враждующие стороны, но фактически она вскоре перешла на сторону сербов. Хорватские подразделения вступали в бои с ЮНА.

* Этнический состав Югославии и Хорватии, территориальное размещение хорватов и сербов, соотношение численности народов и пр. см. [5, 9]. Хорваты в Хорватии (1991 г.) составляли 78,1 %, сербы в Хорватии — 12,2 % [9].

Заключительная фаза развала югославского государства формально началась 25 июня 1991 г., когда Словения и Хорватия провозгласили полную независимость. Хорваты этим пока что ограничились, а вооруженные отряды территориальной защиты Словении немедленно напали на части ЮНА, охранявшие границу с Италией и Австрией и не имевшие приказа открывать огонь. За 10 дней боев погибло шесть словенцев и 39 солдат ЮНА. Милошевич решил не препятствовать уходу Словении из Федерации. Под давлением ЕС было заключено перемирие. ЮНА согласилась покинуть Словению, а словенское правительство обязалось отложить окончательный разрыв с СФРЮ на три месяца. Но фактически Словения с июня 1991 г. стала независимой. Между тем в Хорватии уже шли ожесточенные бои. Туджман был в нерешительности. Ведь Хорватия была почти безоружной перед лицом ЮНА. 25 июня, объявив о независимости, хорватский сабор прокламировал широкие национальные права сербов. Через несколько дней сербам была обещана широкая политическая автономия в рамках Хорватии. Но было поздно. Сербь хотели во что бы то ни стало порвать с Хорватией.

Летом 1991 г. бои распространились на все области Хорватии, граничившие с Боснией, Черногорией и Воеводиной. В руках югославской армии и сербских повстанцев оказалась треть территории Хорватии. Ввиду блокады хорватами гарнизонов ЮНА в глубине страны бои переместились и в центральные районы Хорватии.

В этих условиях народ проникся мыслью о ведении справедливой отечественной войны. На Западе пришли к заключению, что сохранение Югославии невозможно, а выход — в признании новых республик. На эту эволюцию сильно повлияла Германия, с самого начала ставшая на сторону Хорватии и Словении. Иностранные дипломаты пытались остановить войну. В октябре 1991 г. ЕС объявило экономические санкции Югославии (фактически — Сербии и Черногории). Постепенно сербское руководство склонялось к отказу от плана захвата всей Югославии (кроме уже ушедшей Словении) в пользу идеи уменьшенной Югославии (состоящей из Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Македонии и областей Хорватии, захваченных местными сербами), а возможно, и без Македонии и Боснии (но при сохранении за Белградом сербских районов).

Главное внимание властей Милошевича переключилось на консолидацию сербских территориальных приобретений и их присоединение к Сербии. 19 декабря 1991 г. в Книне была провозглашена «Сербская Республика Краина».

В 1991 г. резко обострилась ситуация в Боснии и Герцеговине. 15 октября 1991 г. боснийский парламент провозгласил суверенитет. Сербская часть (т. е. 1/3 депутатов) была против, покинула парламент и организовала свою скупшину.

23 декабря 1991 г. Хорватия, Словения, Македония и Босния и Герцеговина обратились в Европейский союз с просьбой о дипломатическом признании их независимости. 7 января 1992 г. Милошевич и Туджман согласились прекратить огонь. Уполномоченный ООН Сайрус Вэнс предложил план размещения «голубых касок» ООН в Хорватии для контроля над соблюдением мира. План был принят Белградом и Загребом. Кончился первый этап войны.

В январе 1992 г. большинство европейских государств и ряд внеевропейских стран признали суверенитет и независимость Словении и Хорватии. Таким образом, в январе 1992 г. СФРЮ перестала существовать и формально. Но трагические события еще были впереди.

Проявления национализма имели место во всех трех «главных» республиках, но ответственность за распад Югославии лежит прежде всего на сербских националистах, претендовавших на власть во всей Югославии или, по крайней мере, на расширение своей власти. Это утверждает Б. Денич, американец, серб по происхождению, публицист глубоко демократического направления. Денич выступал как сторонник сохранения Югославии на демократических началах, поэтому он говорил об ответственности лидеров трех республик за распад Югославии [8]. Предлагаем читателю решить вопрос, можно ли винить словенцев за стремление к суверенитету, независимости от скомпрометировавшей себя власти? Что касается Туджмана, при всех его националистических пороках он сыграл на стремлении народа воплотить вековую мечту хорватов о суверенном государстве. Думается, что данная книга убеждает в том, что хорваты тысячелетие были преданы идее своего государства.*

Остается кратко сказать о восстановлении целостности территории Республики Хорватии.

Весной 1992 г. войска ООН разместились на хорватских границах. Это обеспечивало безопасность, но в то же время грозило консервацией существующего положения, когда одна треть страны была потеряна. Предложения Загреба автономии сербов были пропагандистским, тактическим приемом, тем более что сербы не уступали, а наоборот, мечтали о расширении территории Краины. Милошевич планировал аннексию Сербией Краины.

Как было отмечено, Хорватия стала усиленно вооружаться и формировать хорошо обученную армию. Вопреки эмбарго вооружение секретно поставляли Германия и США; Германия финансировала Загреб еще до начала войны.

* В главе широко использован материал новейшего чешского обобщающего труда *Dějiny Jihošlovanských zemí*. Praha. 1998, а также обширные сведения из кн.: Мартынова М. Ю. [9]. Наряду с этим автор «Истории Хорватии» свободно излагал свои мысли. Ответственность за содержание книги, естественно, несет автор.

С 1992 г. началась война в Боснии и Хорватия освободилась от угрозы вторжения. В 1992 г. ЮНА покинула южную Далмацию. Мусульмане же оказали упорное сопротивление сербским войскам.

Туджман еще в 1990 г. поддерживал те силы в Боснии, которые стремились к отделению страны от СФРЮ. Боснийские хорваты поддерживали независимость Боснии, считали ее этапом к присоединению здешних хорватов к Хорватии. Туджман в соответствии с великохорватской традицией стремился осуществить план присоединения Боснии и Герцеговины или их части к Хорватии. Федерация мусульманско-хорватских Боснии и Герцеговины с Хорватией была одной из таких возможностей. Этот план сочетался с задачей ликвидации Сербской Республики Краины. В 1994 г. был заключен договор о мусульmano-хорватской федерации в Боснии и Герцеговине и о возможной конфедерации Боснии и Герцеговины с Хорватией.

В целом 1992–1994 гг. прошли в обстановке вялых переговоров между Сербией и Хорватией и интенсивной подготовки хорватов к продолжению войны. В 1995 г. хорваты в результате двух молниеносных ударов ликвидировали Краину, кроме сектора «Восток» — восточной Славонии, западного Срема и Барани, находившихся в сербских руках. По сербско-хорватскому соглашению эти районы были мирно заняты хорватами в 1998 г. Территориальная целостность Хорватии была восстановлена [9, 5]. Но уже в 1995 г. статус Хорватии был обеспечен.

Военные действия остались позади, но нельзя забыть о невинных жертвах — мусульманах, хорватах и сербах, страданиях сотен тысяч беженцев.

Чешские историки заключают: «Было бы большой иллюзией верить, что после гибели коммунистической системы в югославянских республиках удастся быстро построить демократическое общество». Националисты в борьбе за власть заменили коммунистическую доктрину «новой коллективистской идеологией — национализмом. Хаотический распад многонационального государства, этнические чистки, политические преследования... все это во время кризиса угрожало и доньше угрожает целым национальным сообществам. В этих условиях национальной пропаганде относительно легко удалось убедить большую часть населения, что только национально ориентированные партии и программы могут гарантировать их свободу и защитить их интересы». В значительной мере от внешнего мира зависит, удастся ли путем систематической помощи вытащить этот кризисный район «из политического, хозяйственного и общественного маразма...». «Но самая интенсивная внешняя помощь не в состоянии предохранить югославянский регион от дальнейших национальных конфликтов, пока об этом не позаботятся сами здешние народы» [1]. (О том же см. [11].)

К этому анализу уже можно добавить, что в январе 2000 г., вскоре после ухода Туджмана, на выборах в парламент националистическое ХДС потерпело катастрофическое поражение; подавляющее большинство мест хорватский народ отдал двум группировкам: социал-демократам и демократической партии. После этого лидер демократов Ст. Месич был избран президентом Республики Хорватия. Все это подает добрые надежды [1].* Крах режима Милошевича в СР Югославии в решающей мере их усиливает.**

* Подробно о процессе кризиса СФР Югославии и ее распада см.: Мартынова М. Ю. [9]; Романенко С. А. [11].

** Необходимое пояснение: объективно сербское национально-освободительное движение в Хорватии стало бы возможным с 1995 г., если бы пришлось оттаивать права в области языка, религии, культуры, самоуправления и пр.

Заключительное слово

Трудный извилистый путь прошел хорватский народ к суверенному государству. Возникновение первой (монархической) Югославии в 1918 г. было неизбежностью. При всех драматических поворотах ее истории, при всей справедливой критике в ее адрес именно тогда была сформирована Бановина Хорватия (1939) — первый опыт *объединенного* автономного хорватского государства.

Вторая — федеративная (хотя и авторитарная) Югославия стала крупным шагом в достижении вековой цели хорватов — суверенного государства. Впервые в Новой истории в составе Югославии было создано объединенное, по конституции — *равноправное* хорватское государство. И это произошло всего через три десятилетия после развала Габсбургской монархии. Была создана почти вся система государственной власти и оставалось — когда созреют исторические условия — провозгласить суверенитет Хорватии (1991 г.). Со времени войны 1991–1995 гг. боснийские хорваты также находятся в связи с Хорватией.

Югослависты видели конечную цель национального движения в федерации (или конфедерации) равноправных государств, праваши — в независимом государстве. Но ни югослависты, ни праваши, ни коммунисты не могли предугадать такого пути Хорватии — через федерацию к независимости.

Со временем утихнут страсти, и хорваты, взглянув на свое прошлое, несмотря на все драматические события, смогут оценить историческое место Югославии как этапа к Республике Хорватия.

Примечания

К главе 1

1. Ракова С., Матанов Х. Процессы государственного развития у хорватов и сербов в IX—XII вв. // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991.
2. Акимова О. А. Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв. М., 1985.
3. Margetić L. Neka pitanja etnogeneze Hrvata // Radovi. Zavod za hrvatsku povijest. Vol. 28. Zagreb, 1995.
4. Наумов Е. П. Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982.
5. Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. Zagreb, 1916.
6. Pavličević D. Hrvatske kućne zadruge. I (do 1881). Zagreb, 1989.
7. Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964.
8. Historijska čitanka za hrvatsku povijest. I (J. Šidak). Zagreb, 1952.
9. Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. I (М. Фрейденберг). М., 1987.
10. Antoljak S. Pacta ili concordia od 1102god. Zagreb, 1980.
11. Исламов Т. М., Пушкаш А. И., Шушарин В. П. История Венгрии: В 3 т. Т. I. М., 1971.
12. Črnja Z. Kulturna historija Hrvatske. Zagreb, 1965.

К главе 2

1. Исламов Т. М., Пушкаш А. И., Шушарин В. П. Краткая история Венгрии. М., 1991.
2. Pavličević D. Povijest Hrvatske. Zagreb, 1994.
3. История Венгрии: В 3 т. Т. I. М., 1971.
4. Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. Zagreb, 1916.
5. Črnja Z. Kulturna historija Hrvatske. Zagreb, 1965.
6. Акимова О. А. Развитие исторического самосознания хорватов в XII—XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.

7. *Акимов О. А.* Историческая мысль Далмации в XIII в. Хроника Фомы Сплитского. Реферат. М., 1984.
8. *Акимов О. А.* Этническое и культурное самосознание хорватов в XV столетии // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995.
9. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983; см. также: *Фрейдзон В. И.* Нация до национального государства. Дубна, 1999.
10. *Novak G.* Prošlost Dalmacije. I–II. Zagreb, 1944.
11. *Фрейденберг М. М.* Дубровник и Османская империя. М., 1984.

К главе 3

1. *Jelavich B.* History of the Balkans. Vol I. Cambridge etc., 1983.
2. *Pavličević D.* Hrvatske kućne zadruge. Zagreb, 1994.
3. *Valentić M.* Vojna krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom 1849–1881. Zagreb, 1981.
4. Historijska čitanka za hrvatsku povijest. I (J. Šidak). Zagreb, 1952.
5. *Moččanin F.* Vojna krajina do kantonskog uređenja 1787 // Vojna krajina. Zagreb, 1984.
6. *Kruhek M.* Stvaranje i utvrđivanje obrambene granice na Kupi u XVI i XVII stoljeću // Vojna krajina.
7. *Šišić F.* Pregled povijesti hrvatskoga naroda. Zagreb, 1916.
8. *Исламов Т. М., Пушкаш А. И., Шушарин В. П.* Краткая история Венгрии. М., 1991.
9. *Исламов Т. М., Пушкаш А. И., Шушарин В. П.* История Венгрии: В 3 т. Т. I. М., 1971 (автор текста В. П. Шушарин).
10. *Ачади И.* История венгерского крепостного крестьянства. М., 1956.
11. *Adamček J.* Seljačka buna 1573 // Društveni razvoj u Hrvatskoj (ured. M. Gross). Zagreb, 1981.
12. *Бромлей Ю. В.* Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М., 1959.
13. *Šidak J.* Današnja historigrafija o hrvatsko-slovenskoj seljačkoj buni 1573 // Šidak J. Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981.
14. *Adamček J.* Ekonomsko-društveni razvoj u severozapadnoj Hrvatskoj u 16. i 17. stoljeću // Društveni razvoj....
15. *Adamček J.* Ekonomsko-društveni razvoj u Hrvatskoj i Slavoniji u 18 st. // Društveni razvoj....
16. *Bičanić R.* Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji. 1750–1860. Zagreb, 1951.
17. *Freidzon V. I.* Vojna krajina i vojna naselja u Rusiji // Vojna krajina....
18. *Raukar T.* Društvene strukture u Mletačkoj Dalmaciji // Društveni razvoj...
19. *Šidak J.* Počeci političke misli u Hrvata — J. Križanić i P. Ritter Vitezović // Šidak J. Kroz pet stoljeća...
20. *Мыльников А. С.* «Родословие» Лаврентия Курелича // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977.

21. Мильников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1999.
22. Črnja Z. Kulturna historija Hrvatske. Zagreb, 1965.
23. Данилова А. В. От культуры народностей к хорватской национальной культуре// Концепции национальной художественной культуры. М., 1985.
24. Vončina J. O postanku i načelima relkovićeve Nove slavonske i nimačke gramatike// Vojna krajina....
25. Bičanić R. Matija Antun Reljković kao ekonomist// Bičanić R. Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici. Zagreb, 1952.

Главе 4

1. Rieka. Zbornik. Zagreb, 1953.
2. Šidak J. Hrvatske zemlje u razdoblju nastajanja preporodnog pokreta (1790—1827)// Historijski zbornik. 1980—1981.
3. Dokumenti za naše podrijetlo hrvatskoga preporoda (1790—1832) (F. Fancev). Zagreb, 1933.
4. Šipuš J. Temelj žitne trgovine. Predgovor. Zagreb, 1796// Dokumenti za naše podrijetlo....
5. Novak G. Pokret za sjedinjenje Dalmacije s Hrvatskom. 1797—1814// Rad Jugoslavenske akademije. Br. 269. Zagreb, 1940.
6. Bičanić R. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji. 1750—1860. Zagreb, 1951.
7. Pavličević D. O problemu krajiških kućnih zadruga — historiografsko-kritički osvrt// Vojna krajina. Zagreb, 1984.
8. Фрейдзон В. И. Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. М., 1997.
9. Šidak J. Jedno stoljeće u razvoju školstva u hrvatskim zemljama od 1773 do 1874 // Šidak J. Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981.
10. Nemeth K. Zagrebačka akademija uoči Narodnog preporoda// Iz starog i novog Zagreba. 1. Zagreb, 1957; Šidak J. Regia scientiarum academia //Šidak J. Kroz pet stoljeća....
11. Povijest školstva i pedagogije u Hrvatskoj. (F. Franković). Zagreb, 1958.
12. Освободительные движения народов Австрийской империи [т. II]. М., 1981.
13. [Mihanovich A.] Rech domovini od Hasznovitosti Pisanja vu Domorodnom Jeziku. V Bechu, 1815.
14. Strehe F. Predgovor iz «Henriade»... (1826)// Dokumenti za naše podrijetlo....
15. Бершадская М. Л. Становление хорватского национального самосознания в творчестве хорватских просветителей XVIII — начала XIX в. // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984.

16. Данилова А. В. Просвещение в хорватской литературе// Литература эпохи формирования наций. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982.

17. Хорват Ј. Људевит Гај. Београд, 1960.

18. Гај Лј. Horvátov sloga i sjedinjenje// Dokumenti za naše podrijetlo....

19. [Drasković J.] Disertacija iliti razgovor darovan poklisarom zakonskim. (1832)// Dokumenti za naše podrijetlo....

20. Koščak V. Josip J. Strossmayer, Franjo Rački// Strossmayer J. J., Rački F. Politički spisi. Zagreb, 1971.

21. Šidak J. Jugoslavenska ideja u Ilirskom pokretu; Hrvatski narodni preporod — ideje i problemi// Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća Zagreb, 1973.

22. Šidak J. Stranački odnosi u Hrvatskoj prije 1848// Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti XIX stolejca.

23. Historijska čitanka za hrvatsku povijest. I (J. Šidak). Zagreb, 1952.

24. Лещиловская И. И. Иллиризм. М., 1968.

25. Petrović R. Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX stoleću. Sarajevo, 1968.

26. Фрейдзон В. И. Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. М., 1997.

27. Лещиловская И. И. Общественно-политическая борьба в Хорватии 1848—1849. М., 1977; Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848—1849. Zagreb, 1979.

28. Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. II (В. Г. Карасев). Минск, 1989.

29. Jelačić A. Seljački pokret u Hrvatskoj i Slavoniji godine 1848—49 i ukidanje kmetske zavisnosti seljaka. Zagreb, 1925; Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848—49.

30. Novak G. Prošlost Dalmacije. II. Zagreb, 1944.

31. Obad S. Nacionalno pitanje u Dalmaciji 1848—1849// Jugoslavenski istorijski časopis. 1969. № 4; См. также: Butorac P. Boka Kotorska prema narodnomu pokretu u revolucionarnoj godini 1848// Rad Jugoslavenske akademije. knj 260. Zagreb, 1938.

К главе 5

1. Gross M. Počeci moderne Hrvatske. Neoapsolutizam u civilnoj Hrvatskoj i Slavoniji. 1850—1860. Zagreb; Ljubljana, 1985.

2. Stojšavljević B. Šuma i paša u borbi sela u Hrvatskoj i Slavoniji poslije 1848. Zagreb, 1961.

3. Pavličević D. Hrvatske kućne zadruge. Zagreb, 1989.

4. Utiešenović Og. M. Die Hauscommunien der Südslaven. Wien, 1859; см. также: Aranicki O. Ognjeslav Utiešenović Ostrožinski. Zagreb, 1933.

5. Березин Л. В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница. Т. 2. СПб., 1879.

6. Prijedlozi i projekti železničkih pruga u Hrvatskoj. I—II. Zagreb, 1975.
7. *Krešić N.* 50-godišnica trgovačko-obrtničke komore u Zagrebu. 1852—1902. Zagreb [1902].
8. *Plavšić N.* Trgovačko-obrtnička komora za Slavoniju. Osijek, 1904.
9. Rieka. Zbornik. Zagreb, 1953.
10. *Фрейдзон В. И.* Страницы истории национально-освободительного движения в Хорватии (деятельность Е. Кватерника в 1858—1867 гг.). // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965.
11. *Фрейдзон В. И.* О жизни и деятельности Евгения Кватерника // Славянское возрождение. М., 1966.
12. *Šulek B.* Srbi i Hrvati // *Šulek B.* Izabrani članci. Zagreb, 1952.
13. Povijest školstva i pedagogije u Hrvatskoj (ured. D. Franković). Zagreb, 1958.
14. *Matković P.* Hrvatska i Slavonija u svojih fizičnih i duševnih odnošajih. Zagreb, 1973;.
15. *Matković P.* Geografsko-statistički nacrt Austrijsko-Ugarske Monarhije. Zagreb, 1874.
16. Statistisches Jahrbuch der Oesterreichischen Monarchie für das Jahr 1863. Wien, 1864.
17. Denkschrift über die Notwendigkeit und die Bedeutung einer Eisenbahn von Semlin nach Fiume. Wien, 1864.
18. *Фрейдзон В. И.* О некоторых условиях формирования торговой и промышленной буржуазии в Хорватии и Славонии в 50—60-х годах XIX в. // Славянская историография и археография. М., 1969.
19. *Милетић С.* Изабрани чланци. Нови Сад, 1939.
20. [Аксаков] И. С. Аксаков в его письмах. Т. III. М., 1892.
21. *Nehajev M.* Rakovica // *Nehajev M.* Djela. Sv. VII. Zagreb, 1984.
22. [Kvaternik] La Croatie et la confédération italienne. Paris, 1959; перевод части текста: Kvaternik E. Politički spisi. Zagreb, 1971.
23. *Starčević A.* Politički spisi. Zagreb, 1971.
24. *Starčević A.* Nekolike uspomene. Zagreb, 1870.
25. *Valentić M.* Vojna krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom // Vojna krajina. Zagreb, 1984.
26. *Šidak J.* О значенју Војне крајине у хрватској повјести // Vojna krajina. Zagreb, 1984.
27. *Фрейдзон В. И.* К характеристике положения на Хорватско-славонской Военной границе в 50-х — начале 70-х годов XIX в. (кризис и ликвидация военной системы) // Уч. зап. Ин-та славяноведения. Т. XXVI. М., 1963.
28. *Despot M.* Nekoliko dokumentata o postanku i razvoju prve gospodarsko-privredne izložbe u Zagrebu god. 1864 // Historijski pregled. Zagreb, 1958. № 1.
29. *Kvaternik E.* Gorke uspomene // Hrvatska. 1871.
30. *Šesták M.* Revoluční spolupráce E. Kvaternika s J. V. Fričem v letech 1863—1864. Praha, 1965.

31. *Campanella A. P.* Lettere inedite della cospirazione Kvaternik — Garibaldi per la liberazione della Croazia nel 1864// Il Risorgimento. Milano, ottobre 1961.
32. Nagodba. Svi zakoni o Nagodbi. Zagreb, 1906.
33. *Šulek B.* Hrvatski ustav ili Konstitucija godine 1882. Zagreb, 1883.
34. Венгерско-хорватское соглашение 1968 г. СПб., 1910.
35. *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859—1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970.
36. *Starčević A.* Izabrani spisi. Zagreb, 1943 («Borba Iraca»).

К главе 6

1. *Gross M.* Počeci moderne Hrvatske. Zagreb; Ljubljana, 1985.
2. *Smičiklas T.* Nacrt života i djela biskupa J. J. Strossmayera. Zagreb, 1906.
3. *Wendel H.* Aus dem südslawischen Risirgimento. Gotha, 1921.
4. *Freidzon V. I.* Hrvatsko-ruski dodiri 1868—1870// Historijski zbornik 1968—1969.
5. *Smičiklas T., Marković F.* Matica hrvatska. Zagreb, 1892.
6. *Novak V.* Antologija jugoslovenske misli i narodnog jedinstva. Beograd, 1930.
7. *Zelić B.* Prilog diskusiji o Mihovilu Pavlinoviću // Historijski zbornik. 1963.
8. *Milutinović K.* Prvi ideolozi federalističke misli kod Južnih Slovena// Rad Jugoslavenske akademije. Knj. 330. Zagreb, 1962.
9. *Iveković F.* Dr Ante Starčević, značajne crte o njemu. Zagreb, 1905.
10. *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Београд, 1963.
11. *Radić A.* Sabrana djela. Sv. I—XVIII. Zagreb, 1936—1939. Sv. III.
12. *Романенко С. А.* История и историки. Почему возрождается сознание «закрытого общества»? М., 1997.
13. *Орешковић А.* Мало више светлости. Београд, 1895.
14. *Šidak J.* Dva priloga hrvatskoj povijesti od 1866—1867// Historijski zbornik. 1968.
15. *Pavličević D.* Odras bosansko-hercegovačkog ustanka 1875—1878 na gospodarske prilike u Hrvatskoj// Časopis za suvremenu povijest. 1971. № 1.
16. *Smičiklas T.* Život i djela dra Franje Račkoga. Zagreb. 1895.
17. *Jagić V.* Moj prvi dolazak u Rusiju godine 1872// Jagić V. Izabrani kraći spisi. Zagreb, 1948.
18. *Rački F.* Putne uspomene o Rusiji// Hrvatski putopisci XIX i XX stoljeća. Zagreb, 1995.
19. *Фрейдзон В. И.* Исторические корни и сущность югославизма. XIX в. // Новая и новейшая история. 1997. № 3.
20. *Фрейдзон В. И.* Хорватский югославизм в 30—90-е годы XIX в. // Славяноведение. 1998. № 5.

21. *Strossmayer J. J., Rački F.* Politički spisi. Zagreb, 1971.
22. [*Starčević A.*] Djela dra Ante Starčevića. I—III. Zagreb, 1893—1894.
Starčević A. Izabrani spisi. Zagreb, 1943.
Starčević A. Politički spisi. Zagreb, 1971.
Drechsler B. Dr. Ante Starčević, književna studija // Kolo. 1912.
Starčević M. Ante Starčević i Srbi. Zagreb, 1936.
Horvat J. Ante Starčević. Zagreb, 1940.
Ladan T. Ante Starčević // Ante Starčević. Politički spisi. Zagreb, 1971.
Flaker A. Pravaštvo i Rusija // Historijski zbornik. 1958—1959.
23. *Kvaternik E.* Politički spisi. Zagreb, 1971.
24. *Cesarec A.* Kvaternik i ekonomski problemi njegova vremena // Izraz. Zagreb. 1940. № 5.
25. *Фрейдзон В. И.* Общественно-политическая позиция Е. Кватерника // Уч. зап. Института славяноведения. Т. XXX. М., 1966.
26. *Kuntić Lj.* Kvaternik i njegovo doba (1825—1871) // Kvaternik E. Politički spisi. Zagreb, 1971.
27. *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. I. СПб, 1879.
28. *Фрейдзон В. И.* Хорватский национальный радикализм (великохорватская идеология) в XIX веке // Славяноведение. 1998. № 5.

К главе 7

1. *Stančić N.* Hrvatska nacionalna ideologija preporodnog pokreta u Dalmaciji. Zagreb, 1980.
2. *Karaman I.* Privreda i društvo Hrvatske u 19. stoljeću. Zagreb, 1972.
3. *Petrović R.* Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX stoljeću. Sarajevo, 1968.
4. *Macan T.* Ivan Kukuljević i narodnopolitički razvitak Dalmacije // Historijski zbornik. 1974—1975.
5. *Šidak J.* Politička djelatnost Ivana Kukuljevića Sakcinskoga // Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb, 1973.
6. *Novak V.* Natko Nodilo — političar i ideolog // Zadarska revija. 1961. № 4—5.
7. *Korunić P.* Natko Nodilo i narodni preporod u Dalmaciji do 1867 // Historijski zbornik. 1974—1975.
8. *Novak G.* Pitanje sjedinjenja Dalmacije s Hrvatskom 1860—1861 // Historijski zbornik. 1953.
9. *Karlić P.* Matica Dalmatinska. Zagreb, 1913.
10. *Zelić B.* Prilog diskusiji o Mihovilu Pavlinoviću // Historijski zbornik. 1963.
11. *Stančić N.* Hrvatstvo, srpstvo i jugoslavenstvo u Dalmaciji u vrijeme narodnog preporoda // Časopis za suvremenu povijest. 1970. № 11.
12. Ustanak u Boki Kotorskoj 1869. Kotor-Budva, 1969.

13. *Фрейдзон В. И.* Русские консульские донесения из Дубровника о положении в Далмации в 60-х – начале 70-х гг. XIX в. // *Historijski zbornik*. 1976–1977.

14. *Фрейдзон В. И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. М., 1997.

15. *Bertoša M.* Društvene strukture u Istri (16–18 st.)// *Društveni razvoj u Hrvatskoj...*

16. *Šepić D.* Istra od g. 1860 do g. 1870. Istra od g. 1870 do god. 1880 // *Povijest hrvatskoga naroda*. G. 1860–1914. Zagreb, 1968.

К главе 8

1. *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. Zagreb, 1936.

2. *Pavličević D.* Narodni pokret 1883. u Hrvatskoj. Zagreb, 1980.

3. *Flaker A.* Časopis «Svijetlo»// *Zbornik radova Filozofskog fakulteta*. Knj. II. Zagreb, 1954.

4. *Flaker A.* Hrvatski Bazarovi i Neždanovi// *Zbornik radova Filozofskog fakulteta*. Knj. III. Zagreb, 1965.

5. [Klaić]. Iz korespondencije Miha Klaića (T. Macan)// *Historijski zbornik*. 1968–1969.

К главе 9

1. *Barbalić R. F.* Prodiranje hrvatskog industrijskog kapitala u parobrodarstvo duge plovitbe koncem XIX stoljeća// *Jadranski zbornik*. Rieka-Pula, 1956.

2. *Cazi J.* Prva radnička društva u Hrvatskoj (1860–1880). Zagreb, 1957; *ibid.* Počeci modernog radničkog pokreta u Hrvatskoj (1880–1895), knj. I 6. т., knj. II. Zagreb, 1958; *Korać V.* Povijest radničkog pokreta u Hrvatskoj I Slavoniji. I–III. Zagreb, 1929–1933; *Фрейдзон В. И.* Социал-демократия и классовая борьба в хорватской деревне в конце XIX – начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961.

3. *Karaman I.* Privreda i društvo Hrvatske u 19. stoljeću. Zagreb, 1972 (имеется статья и о Далмации начала XX в.).

4. *Gross M.* Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973; *idem.* Nacionalno-integracijske ideologije u Hrvata od kraja ilirizma do stvaranja Jugoslavije// *Društveni razvoj...*

5. *Redžić E.* Austromarksizam i jugoslavensko pitanje. Beograd, 1977.

6. *Lovrenčić R.* Geneza politike «novog kursa». Zagreb, 1972; *ibid.* Ekonomska problematika u Supilovu «Novom listu», 1903–1905// *Radovi Filozofskog fakulteta*. Odsjek za povijest, 3. Zagreb, 1960; *ibid.* Ekonomska problematika u Supilovu «Novom listu», 1906–1914// *Radovi*, 6. Institut za hrvatsku povijest. Zagreb, 1974.

7. *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. Zagreb, 1936.

8. *Trumbić A.* Sutton Austro-Ugarske i Riečka rezolucija. Zagreb, 1936.
9. *Radić A.* Sabrana djela, I–XVIII. Zagreb, 1936–1939 («Dom»: t. II–VI).
10. *Фрейдзон В. И.* Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – начала XX в. М., 1993.
11. *Романенко С. А.* Формирование концепций национальной государственности и проблема сближения славянских народов Австро-Венгрии на рубеже веков (в соавторстве с З. С. Ненашевой) // Балканы в конце XIX – начале XX в. М., 1991; *Он же.* Проблема национальной государственности в программах политических партий Хорватии-Славонии и Воеводины в конце XIX – начале XX в. // Там же.
12. *Gross M.* Vladavina hrvatsko-srpske koalicije. 1906–1907. Beograd, 1960.
13. *Gross M.* Nacionalne ideje studentske omladine u Hrvatskoj uoči I svjetskog rata// Historijski zbornik. 1968–1969.
14. *Zaninović V.* «Mlada Hrvatska» uoči I svijetskog rata// Historijski zbornik. 1958–1959.

К главе 10

1. *Novak V.* Antologija jugoslovenske misli i narodnog jedinstva. Beograd, 1930.
2. *Шемякин А. Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // На путях к Югославии: за и против. М., 1997.
3. *Paulova M.* Jugoslavenski odbor. Zagreb, 1924 (с чешского издания).
4. *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. Zagreb, 1936.
5. *Teichman M.* Vnější a vnitřní faktory vzniku a rozpadu společného jugoslávského státu// Historické souvislosti rozpadu Jugoslávie. Praha. 1996.
5. *Марјановић М.* Стјепан Радић. Београд, 1937.
7. *Dějiny Jihoslovanských zemí* (авторы: М. Šesták, М. Teichman, L. Havlíková, L. Hladký, J. Pelikán). Praha, 1998.
8. *Зечевић М.* Југославија 1918–1992. Београд, 1994.
9. *Lovrenčić R.* Nekoliko ključnih momenata u stvaranju Jugoslavije // Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd. 1989. № 1–4.
10. *Erić M.* Agrarna reforma u Jugoslaviji. 1918–1941 god. Sarajevo, 1958.
11. *Korać V.* Povjest radničkog pokreta u Hrvatskoj i Slavoniji. I–III. Zagreb, 1929–1933. См.: knj. III.
12. *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. 1918–1929. Zagreb, 1938.
13. *Pavličević D.* Povijest Hrvatske. Zagreb, 1994.
14. *Rieka.* Zbornik. Zagreb, 1953.
15. *Pribičević S.* Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1952.
16. *Matička M.* Odras privredne krize (1929–1935) na položaj seljaštva u Hrvatskoj// Radovi. Institut za hrvatsku povijest. Vol. 8. Zagreb, 1976.
17. Исторически архив КПЈ. Т. II. 1919–1937. Београд, 1950.

К главе II

1. Dějiny Jihoslovanských zemí. Praha, 1998.
2. Pavličević D. Povijest Hrvatske. Zagreb, 1994.
3. Hashi I. The Disintegration of Yugoslavia. Regional Disparities and the Nationalities Question// Capital and Class(London), autumn 1992.
4. Teichman M. Vnější a vnitřní faktory vzniku a rozpadu společného jugoslávského státu// Historické souvislosti rozpadu Jugoslaviie. Praha, 1996.
5. Буланджич Д. и др. Хорватия между войной и самостоятельностью. Загреб, 1991.
6. Silber L., Little A. Yugoslavia. Death of a Nation. New York, 1996.
7. Matvejević P. Jugoslavenstvo danas. Beograd, 1984 (переиздание).
8. Denić B. Etnički nacionalizam. Tragična smrt Jugoslavije. Beograd, 1996.
9. Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998.
10. Вуячич В., Заславский В. СССР и Югославия: причины распада // Этнографическое обозрение. 1993. № 1.
11. Романенко С. А. Югославия: от «братства и единства» к войне и распаду // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994; Он же. Хорватское Демократическое содружество президента Франьо Туджмана в первые годы независимости Хорватии// Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997; Он же. Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств. М., 2000.

Индекс

- Акимова О. А., 36, 42
Аксаков И. С., 140
Александр Карагеоргиевич, престолонаследник, король, 233, 235, 250, 251, 252, 274
Александр Обренович, король, 205
Александр I, император, 78
Алексей Михайлович, царь, 86
Алиягич А., 245
Андраши Д., 119
Андрей (Эндре) II — венгерско-хорватский король, 27, 34
Андрейс Т., 84
Аппендини Ф., 95
Аракчеев А. А., 78
Арпад, основатель венгерской династии, 20
Атилла 41
Аттемс М., 225

Бабоници, князь, 29
Бабукич В., 108
Бакач М., 53
Бакунин М. И., 173
Балабин В. П., 141
Барклай де Толли М. Б., 78
Барту Л., 252
Бартич Э., 199, 202
Басаричек Дж., 249
Бастиан М., 188
Баттяни Т., граф, 75
Батый, хан, 30
Бах А., 121, 122, 126, 139
Бах В., 152, 167
Бела IV, король, 29, 34, 43

Бени Ш, епископ, 84
Березин Л. В., 161
Бериславич П., бан, 84
Богданич Ф., 91
Божидаревич Н., 51
Борелли Ф., граф, 139
Борна, князь, 14
Бошкович Р., 87
Брайкович М., епископ, 67
Брибирские, князья, 27
Брибирский Павел, бан, 38
Брлич А. Т., 115
Брлич И., 150
Бромлей Ю. В., 41
Будрович Н., 95
Буковачкий Ф., 64
Бурбоны, 101

Варешанин, генерал, 226
Вербёци И., 93
Ветранович М., поэт, 51
Вешшелени Ференц, 64
Вильсон В., 234
Витезич Д., 189
Витезович П., 86
Владислав, князь, 14
Войнович Вл., русский писатель, 179
Войнович К., 179, 181
Вокич А., 257
Вольтич Й., 94
Вошняк Б., 244
Враз С., 107
Враницани А., 139
Вранчич Ф., 86

- Врбанчич В., 115
 Врховац Максимилиан, епископ, 92, 93, 94, 100
 Вукасович Ф., 94
 Вукотинович (Фаркаш) Л., 107, 110, 116
 Вуячич В., 273
- Габленц К. В., 149
 Габсбурги, 46, 57, 65, 66, 76, 97, 101, 105, 117, 136, 143, 148, 151, 160, 167, 170, 171, 172
 Гавличек-Боровский К., 112
 Гай Л., 102, 103, 104, 105, 106, 107, 115
 Гарашанин И., 160
 Гард П., 263
 Гарибальди Дж., 140, 146, 226
 Гитлер, 251
 Гогенварт К., 187, 206
 Голуховский А., 139
 Гордан В., 246
 Горчаков А. М., 161
 Грабовац Ф., 76
 Гранджа И., 248
 Грегориц И., 69
 Гржанич Й., 199
 Григорий VII, папа, 19
 Гросс М., 135, 215, 230
 Губец М., 69, 253
 Гундулич И., 84
- Дабчевич-Кучар С., 266, 267
 Давидович Л., 245
 Далматин Г., 51
 Дандоло Винченцо, 95
 Дандоло Энрико, дож, 37
 Данило И., 184
 Д'Аннуцио, 237
 Деак Ф., 147
 Денич Б., 279
 Джилас М., 258, 261
 Диоклетиан, 39
 Дмитрий Звонимир, король, 19
 Добрила Ю., епископ, 188
- Добровкий Й., 112
 Дойчич С., 228
 Драгосавац Д., 267
 Драгутин, сербский король, 43
 Драшкович В., 277
 Драшкович Ю., бан, епископ, 69
 Драшкович Янко, граф, 104, 105
 Држич М., 51
- Евгений Савойский, 65, 66
 Екатерина II, 82
 Елачич Й., 113, 114, 117, 118, 122, 165, 191, 203
- Жераич Б., 226
 Жеряв Г., 249
 Живкович П., 250
 Жуйович С., 259, 260
- Звонимир, 10
 Здеслав, 15
 Зелич Г., 93
 Зринские, князья, 29, 40, 68, 75
 Зринский Никола, 54, 55, 185
 Зринский Никола (XVII в.), (потомок героя Сигета), 62, 63, 64, 65
 Зринский Петар, 64, 86
- Изетбегович А., 277
 Иннокентий IV, папа, 40
 Иоанн VIII, папа, 17
 Йосипович А., 109
 Иосиф II, император, король, 57, 75, 80, 81, 82, 91, 122
- Кованин Й., 84
 Коллаи Б., 221
 Карагеоргиевичи, 247
 Караджич В. С., 111, 131, 156, 179, 180
 Кардель Э., 258
 Карл I, император, король, 233
 Карл V Габсбург, 46
 Карл VI (III) император, король, 67, 75

- Карл Роберт Анжуйский, король, 31, 38
 Карл, эрцгерцог, 58
 Качичи, князья, 29
 Качич-Миошич А., 87
 Кашич Б., 86
 Кватерник С., 255
 Кватерник Э., 123, 124, 130, 135, 141, 142, 146, 151, 154, 167, 173, 176, 251, 269
 Кирилл и Мефодий, 17, 39, 163
 Клаич М., 182, 186, 187, 194, 206
 Клапка Д., 119
 Ковалевский Е. П., 141
 Клович Ю., 51
 Коллар Ян., 102, 132
 Коломан (Кальман), венгерский король, 10, 20, 21
 Конрад фон Гётцендорф Фр., 216
 Константин Багрянородный, император, 11, 16
 Копитар Е., 132
 Корач В., 210, 244
 Корвин Матвей, король, 34, 44, 45, 51, 56, 57
 Корошец А., 239
 Кошут Л., 104, 114, 140, 142, 171
 Кошут Ф., 200, 213
 Кошчак Т., 100
 Краль Й., 92
 Крижанич Ю., 86
 Крлежа М., 266
 Кропоткин П., 226
 Кузманич А., 111
 Кукулевич И., 107, 116, 129–130, 131, 141, 180
 Кулин, бан, 43, 48
 Кульмер Ф., барон, 114
 Кумичич Э., 195
 Кучан М., 270, 275
 Кушевич Й., 98
 Кушлан Д., 110, 115, 119, 157
 Куэн-Хедервари К., 193, 197, 198, 199, 203, 204, 211, 214, 222, 223, 225
 Лагиня М., 218
 Ладислав (Ласло) (XI в.), венгерский король, 19
 Ладислав (Ласло) король (XIV–начало XV в.).
 Леопольд, император, король, 65, 66
 Леопольд II, император, король, 112
 Лер А., 257
 Лётич Д., 252
 Лисинский В., 107
 Ловренчич Р., 240
 Лоркович., 244, 247
 Лоркович М., 257
 Луи-Филипп, 101
 Лукач Л., 226
 Лучичи И., 86
 Любиша С. М., 186, 187
 Любомирский Ю., 147
 Людевит (Посавский), князь, 14
 Людовик (Лайош) I, Великий, 26, 35
 Людовик II, король, 45
 Людовик Анжуйский, король, 38
 Людовик Немецкий, король Франков, 15
 Маврикий, византийский император, 11
 Мажуранич А., 107, 129
 Мажуранич И., 141, 144, 145, 146, 152, 190, 198
 Максим, архиепископ, 10
 Мандич Н., 220, 222
 Манчетич Ш., 51
 Мария Терезия, императрица, королева, 72, 76, 77, 78, 79, 80, 90, 91, 133
 Маркович А., 272, 273
 Маркович Светозар, 176
 Мармон А., 95
 Мартинович И., 92
 Марулич М., 39, 85
 Марьянович А., 266
 Масарик Т. Г., 203, 217, 250
 Матас А. К., 181

- Матасич Ф., 173
 Матвеевич А., 273
 Матвей (Матиас), император, 59
 Матвей II, король, 87
 Матич П., 115
 Мачек В., 238, 249, 251, 252, 253, 254, 255
 Матвей, бан, 22
 Месич С., 281
 Меттерних К., 101
 Мештрович И., 231
 Миклошич Ф., 132
 Милетич С., 140, 165
 Милошевич С., 270, 271, 272, 277, 278, 279
 Мислав, князь, 14
 Михаил, князь, 149, 159
 Михайлович Д., 256
 Мигунович Д., 277
 Мишкатович Й., 158
 Младен (Шубич), 31
 Монти Ловро, 177
 Морпурго В., 182
 Мразович М., 160
 Муссолини Б., 246, 251, 255
 Мыльников А. А., 86
 Надажди Ф., 64
 Назор В., 256
 Наполеон, 76, 96
 Наполеон III, 140, 172
 Нарделли Н., 225
 Наумов Е. П., 14, 20
 Николай II, 232
 Николай Модрушский, епископ, 40
 Николич Н., 127
 Нодио Н., 180, 182
 Ожегович М. барон, 116
 Орбини М., 31, 84
 Оршич С., 192
 Павел Карагеоргиевич, князь, 252, 253, 254
 Палевич А., 251, 252, 253, 255
 Павлец Й., 115
 Павлинович М., 157, 179, 181, 182, 184, 185, 186
 Палацкий Ф., 112, 147, 164
 Палмотич Ю., 84
 Панноний Ян (Иван Чесличкий), поэт, 51
 Паскевич И. Ф., 119
 Пашич Н., 231, 232, 233, 234, 242, 244, 246, 247
 Перович Латинка, 267
 Петерле Л., 275
 Петкович К., 179
 Петр, король, 20
 Петр Карагеоргиевич, 212
 Петр II Карагеоргиевич, 254
 Петранович Б., 111
 Петр Крешимир IV, король, 10
 Петровици, черногорская династия, 238
 Пеячевич Л., граф, бан, 191
 Пеячевич Т., бан, 204, 211
 Пияде М., 261
 Планиншчак И., 226
 Погодин М. П., 130
 Попов Н. А., 162
 Прибичевич С., 204, 224, 227, 228, 244, 246, 248, 249, 250
 Принцип Гаврила, 229
 Продан И., 207
 Протич С., 238
 Пулич Ю., 184
 Пыпин А. Н., 176
 Радецкий Й., 117
 Радич А., 159, 211
 Радич Павел, 249
 Радич Степан, 203, 204, 212, 216, 223, 233, 234, 238, 244, 246, 247, 248, 249, 252
 Радичи, 211, 212
 Ракова С., 10
 Раковац Д., 106

- Ранкович А., 258, 259, 263
 Раткай Ю., 86
 Раух Л., 149, 217
 Рачан И., 270
 Рачич П., 248
 Рачкий Ф., 150, 153, 154, 155, 156, 157, 162, 163, 180, 184, 185, 186, 187, 190, 194, 211
 Релькович М. А., 87
 Рибар И., 242, 256
 Ригер Ф., 147, 164
 Ристич Й., 194
 Риттер-Витезович П., 66
 Романенко С., 263
 Рукавина М., 93
 Симон Кожичич, епископ, 40
 Скендер-паша, 45
 Смит Адам, 123
 Смичиклас Т., 154
 Смодек Матия, 102
 Смодлака Й., 212, 215, 217, 224, 227
 Соловьев Владимир, 162
 Спинчич В., 220
 Спасович В. Д., 176
 Срезневский И. И., 130
 Сталин, 259, 260, 261
 Станчич Н., 178
 Старчевич Анте, 130, 132, 135, 142, 144, 152, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 195, 199, 202, 206, 251, 268
 Старчевич Давид, 193
 Старчевич Миле, 216, 225
 Старчевич Шиме, 97
 Старчевичане, 225
 Старчевичи, 194
 Стеич С., 245
 Степняк-Кравчинский С. М., 226
 Стефан, король, 18
 Стефан (Иштван) III, король, 37
 Стоядинович М., 252
 Стратимирович Дж., 114
 Стратимирович С., митрополит, 93
 Стрехе Ф., 100
 Стулли Й., 94, 95
 Суботич Й., 132
 Сулейман I, Великолепный, султан, 45, 53, 54, 57
 Супило Ф., 207, 211, 213, 215, 217, 225, 231, 232, 236
 Тааффе Э., 187, 206, 219
 Тарталья О., 228
 Таттенбах Э., 64
 Тиса И., 202
 Тиса К., 228
 Тито (Броз) И., 251, 252, 256, 257, 259, 260, 261, 263, 267, 268, 269, 270, 275
 Ткалац И., 127
 Тврдко I Котроманич, бан, король, 43, 44
 Томашевич Степан, боснийский король, 44
 Томашич Н., 222—223, 224, 225
 Томислав, король, 16
 Томич Я., 214
 Трбухович А., 103
 Трипало М., 266, 267
 Трпимир, князь, 10, 15
 Трумбич А., 207, 211, 213, 231, 232, 234, 238, 244, 247, 252, 254
 Туджман Ф., 268, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281.
 Тун Л., граф, 133
 Тургенев И. С., 158
 Турн-Таксис, князь, 241
 Фердинанд V, император, король, 109, 117, 118
 Фердинанд Габсбург, эригерцог, король, 47
 Фердинанд II, император, король, 60
 Ференц Ракоци, 64
 Ференц II, Ракоци, 66
 Филипович Ф., 183

- Филипович А., 100
 Фолнегович Ф., 194, 202
 Фома, архидиакон сплитский, 16, 35
 Франк Й., 195, 202, 211, 216
 Франкопан, 56, 62, 68
 Франкопан Ф., 64
 Франкопанка Катарина, 64
 Франц Иосиф, 118, 119, 127, 141, 142, 144, 146, 148, 149, 150, 158, 163, 183, 186, 187, 192, 200, 203, 204, 205, 213, 214, 215, 221, 222, 223, 225, 233
 Франкопан Крсто, 44
 Франкопаны, князья, 27, 40
 Франц I, император, 94, 97, 98
 Франц Фердинанд, эрцгерцог, 214, 216, 217, 225, 229
 Фридьюнг Г., 217
 Фрич И. В., 146

 Сермаж Й, граф, 100

 Тахи Ф., 69

 Хасан-паша, 54
 Хебранг А., 256, 259
 Хекторович П., 84
 Хинкович Х., 231
 Ходжа Э., 269
 Хорват Р., 238
 Хрушев Н. С., 261
 Хурелич (Курелич) Л., 86

 Цанкар И., 211
 Цветкович Д., 253
 Цувай С., 225, 226
 Цервин Э., 39

 Чингрия П., 180
 Чосич Д., 266

 Шафарик П. И., 132
 Шепич Д., 230
 Шешель В., 277
 Шидак Я., 120
 Шижгорич Ю., поэт, 51
 Шипуш Й., 92
 Шишич Ф., 10, 12, 21, 155
 Шкерлец И., комиссар, бан, 228
 Шкерлец Н., 91
 Шмерлинг А., 142, 145, 183
 Шокчевич... бан, 140
 Штадлер Й., 221, 222, 224
 Штросмайер Й.-Ю, епископ, 139, 141, 147, 149, 152, 153, 155, 157, 158, 160, 162, 163, 165, 181, 182, 186, 187, 188, 194, 202
 Шубашич И., 252, 254, 256, 257
 Шубичи, князья, 27
 Шубич Павел, бан, 31, 43
 Шубич Юрий, 31
 Шулек Б., 119, 165, 166
 Шурмин Д., 244

 Эванс А., 124
 Эрдеди Петар, бан, 54
 Эггенберг Руперт фон, 54
 Эрдеди Т., бан, 54
 Эрнст, эрцгерцог, 54
 Эрич М., 242

 Юкич Л., 226
 Юришич Никола 53

 Ягич В., 162
 Янкович Ю., 150
 Янош Запольяи, 47

Vladimir Freidzon.

History of Croatia. A Short Overview from Ancient Times till the Formation of the Republic in 1991

Summary

This book is the first in Russian to analyze major themes in Croatian history over 1400 years. The history of this small Slavic people, living in the Balkans, South-East Central Europe and on the Mediterranean, is exceptionally complex. Among its features are peaceful and belligerent contacts with many peoples, political partition lasting several centuries, and intermixture with Serbs on some territories. The geography of Croatian lands hindered the development of internal links. Varying dialects, and the politics of Magyarization and Germanization were additional obstacles to nation-formation. Overcoming these is central to Croat history. Uninterrupted contact with the centers of European civilization contributed to the creation of distinctive Croatian culture.

Except for short periods, Croats have struggled for extension of autonomy and full sovereignty. Their resistance for two centuries to Ottoman invasion is replete with heroism. In the 19th century, under Hapsburg rule, Croats formulated a national ideology. The Yugoslav monarchy, from 1918–1941, despite its contradictory features, offered additional, favorable conditions for the Croat national liberation movement. After attacking Yugoslavia in World War II, the fascist regimes of Germany and Italy created a puppet «Independent State of Croatia» on the territory of Croatia and Bosnia. But Croats, along with other peoples of Yugoslavia, defended freedom against Nazism and national traitors. The authoritarian Yugoslav federation, from 1945–1991, was the last stage in the development of the Croatian people to independent statehood. The book discusses the complex path of the Croatian people in the 20th century.

The author based his study on primary sources from archives in Zagreb and Moscow, on published archival documents, and on research in Russian (including his own), Croatian and other languages.

Table of Contents

Acknowledgments	5
Introduction	6
Chapter 1. Early medieval Croatia — VII th —early XII th centuries	9
Chapter 2. Croatian feudal autonomy in the Hungarian Kingdom — XII th — early XVI th centuries. Croatia and Venice. Dubrovnik	24
Chapter 3. Under Hapsburg Rule and Against the Ottomans — XV th —XVIII th centuries	52
Chapter 4. National Revival and the Revolution of 1848—1849	59
Chapter 5. On the Way to Dualism: Croatia and Croatian Policy. Austro-Hungarian Dualism (1867) and the Hungarian-Croatian Agreement of 1868. Croatia in 1850—1878	121
Chapter 6. Ideology of the National Movement: Yugoslavism and Croatian Exclusivism (Ante Starcevic)	153
Chapter 7. National Revival in Dalmatia and Istria — 1860—70s	173
Chapter 8. The Popular Movement of 1883. Decline of Yugoslavism. Evolution of the «Party of Rights» — 1880 — early 1890s	190
Chapter 9. The Rise of National Movements in Croatia — late XIX th — early XX th Centuries	197
Chapter 10. In Monarchical Yugoslavia — 1918—1941	231
Chapter 11. In Federal Yugoslavia — 1945—1991	256
Conclusion	283
Bibliography	284
Index	294

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И

Интерьер дворца Диоклетиана. IV в.

Изображение хорватского государя. XI в.

Кафедральный собор в Шибенике. XV в.

Пост на Военной границе

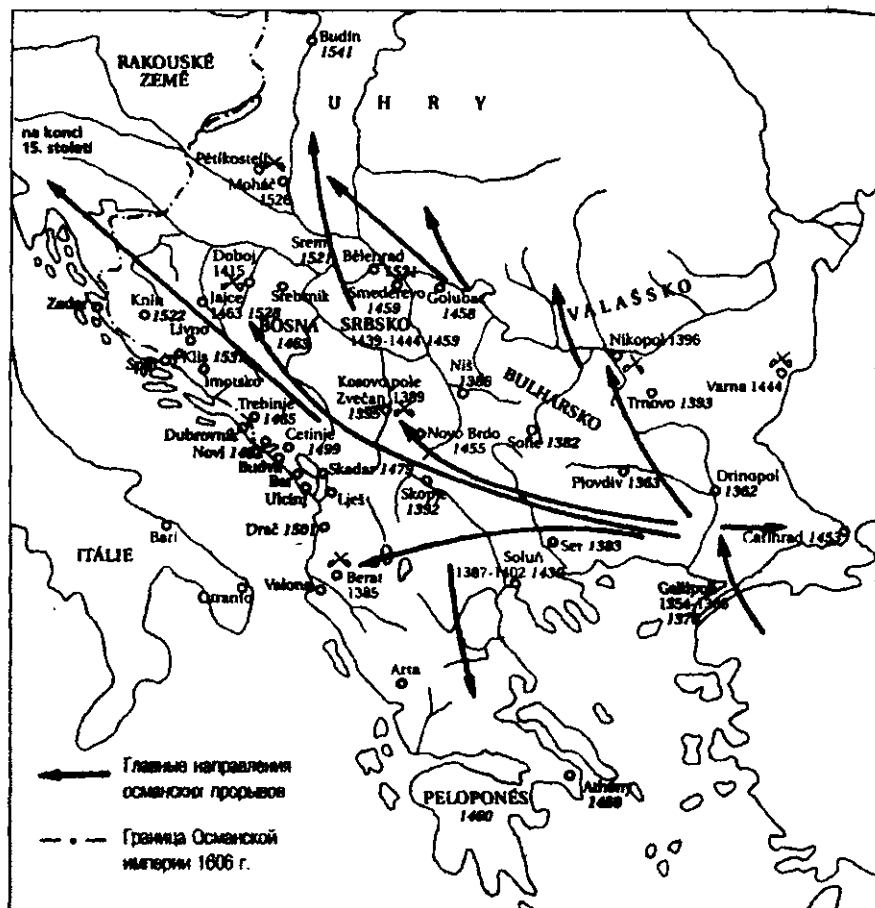
Никола Зринский,
герой обороны Сигета. XVI в.

Петр Зринский. XVII в.

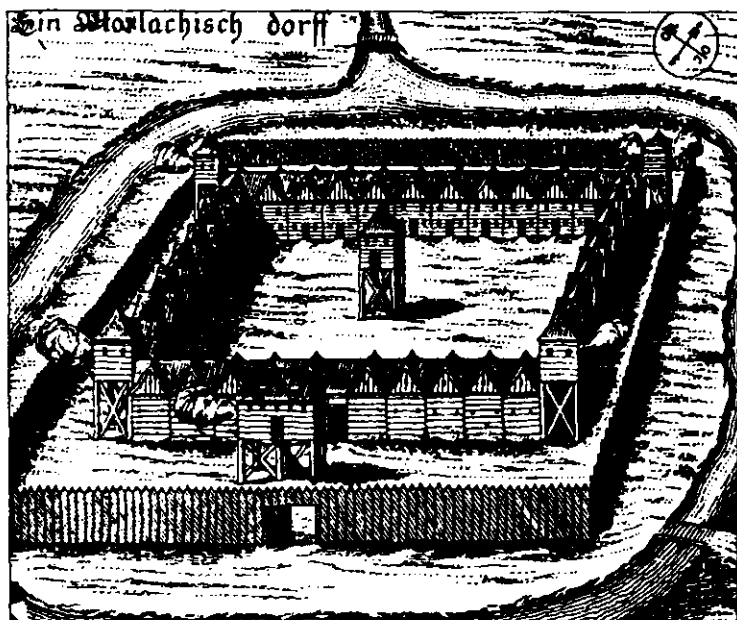
Франьо Крсто Франкопан. XVII в.

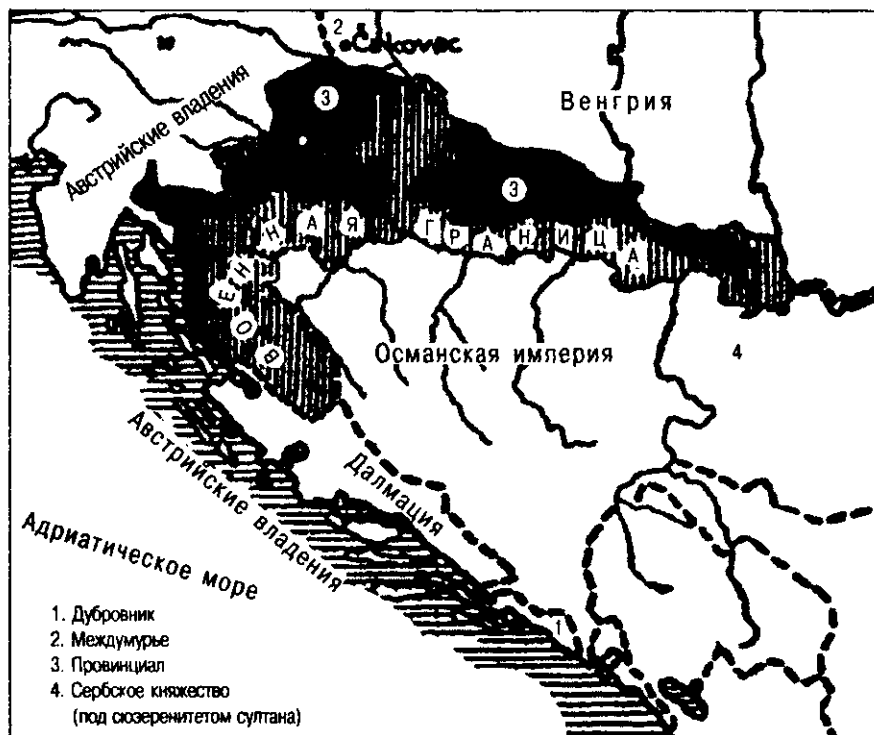
Османское нашествие

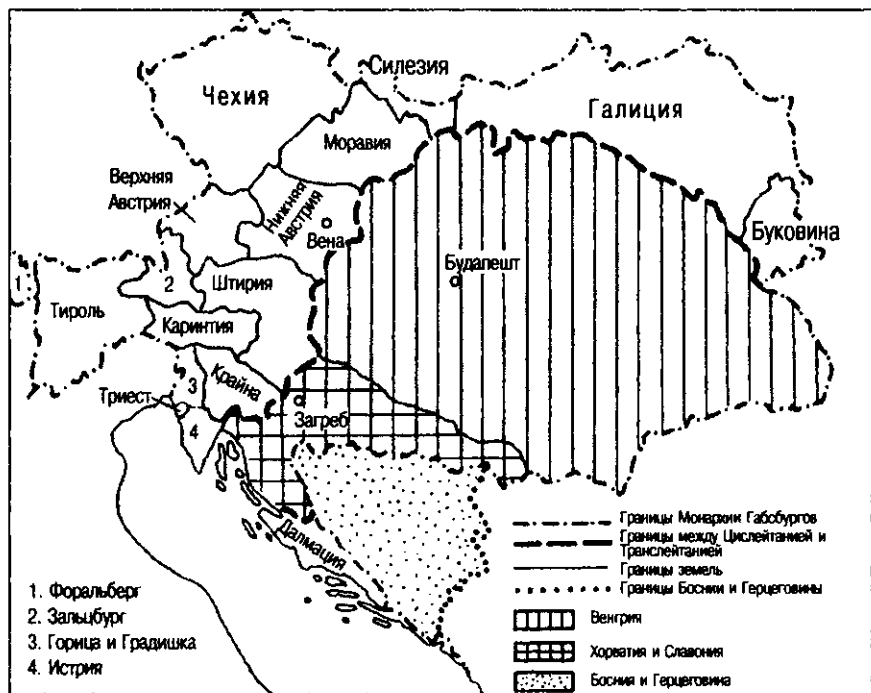
Далмация и Дубровник накануне XVIII века

Укрепленное село на Военной границе

Провинциал и Хорватско-славонская Военная граница в 1848 году

Монархия Габсбургов на рубеже XIX и XX веков

Людевит Гай (1809–1872)

Йосип Юрай Штросмайер
(1815–1905)

Анте Старчевич (1823–1896)

Листовка в честь депутата
Й. Гржанича (1885)

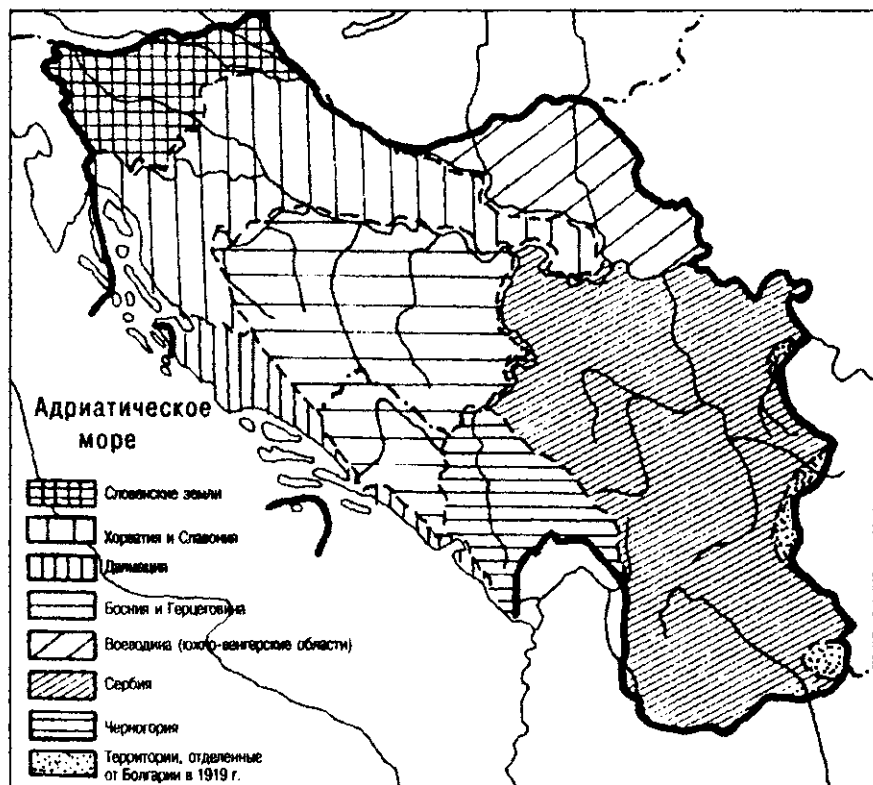
Степан Радич (1871–1928)

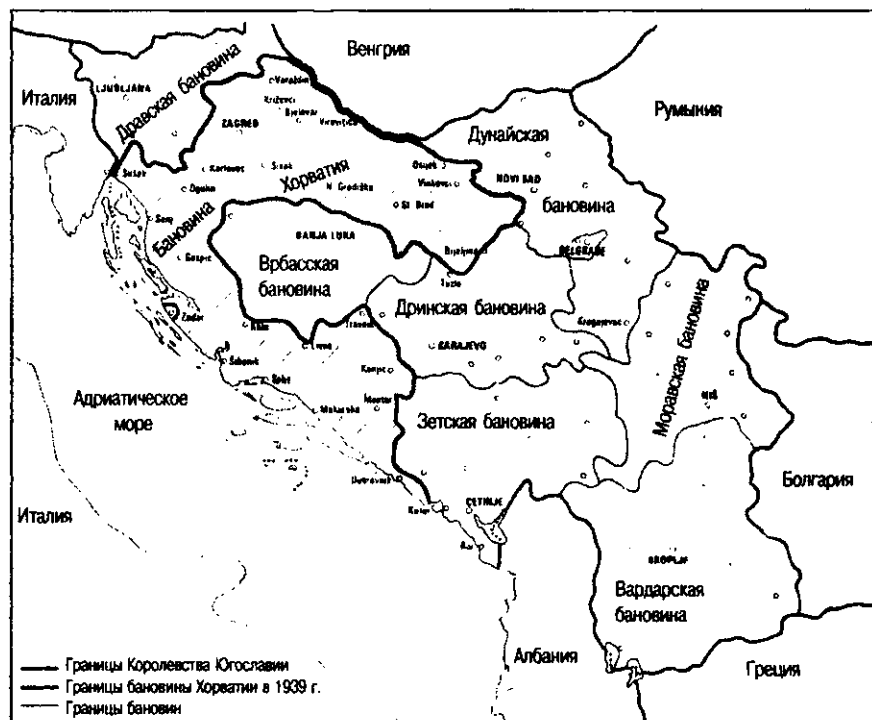
Иосип Броз Тито (1892–1980)

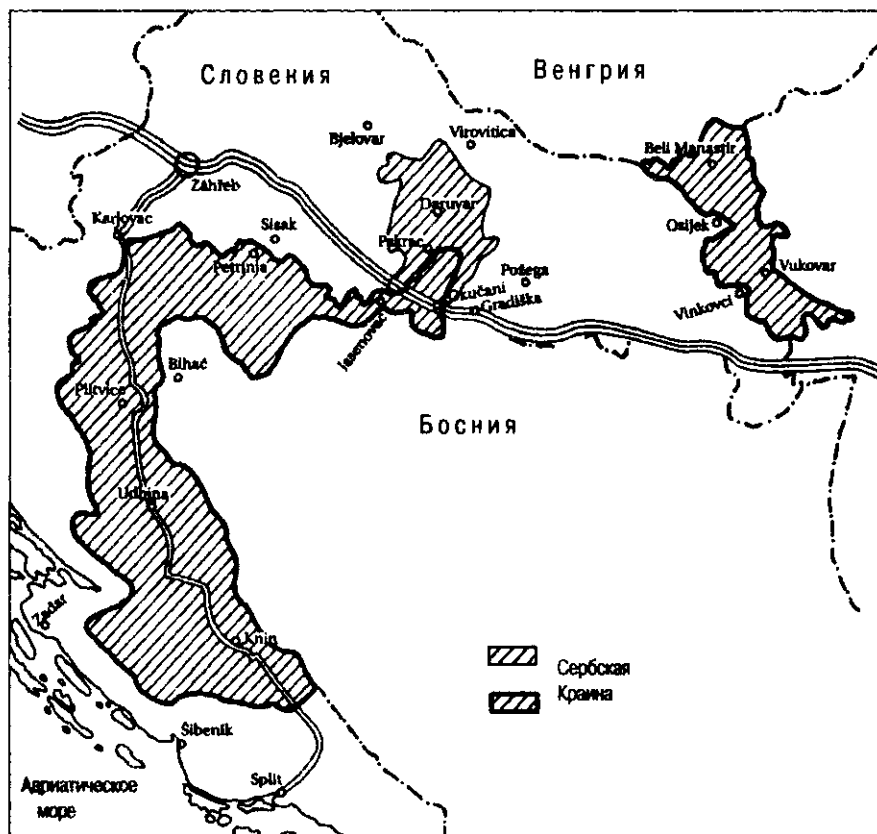
Первый президент Республики Хорватия
Франьо Туджман (1922–1999)

Исторические территории, вошедшие в состав Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев в 1918 г.

Бановина Хорватия. 1939—1941 гг.

Сербская Краина в Хорватии в 1991–1995 гг.

Социалистическая Федеративная Республика Югославия

Содержание

От автора	5
Введение	6
Глава 1. Раннесредневековая Хорватия. VII–XI века	9
Глава 2. Хорватская феодальная автономия в Венгерском королевстве. XII – начало XVI в. Хорваты и Венеция. Дубровник	24
Глава 3. Под властью Габсбургов и в борьбе с османами. XVI–XVIII века	52
Глава 4. Национальное возрождение и революция 1848–1849 гг.	89
Глава 5. На пути к дуализму: Хорватия и хорватская политика. Австро-венгерский дуализм 1867 г. и Венгеро-хорватское соглашение 1868 г. 1850–1878 гг.	121
Глава 6. Идеология национального движения: югославизм и старчевичанство. 60–70-е годы XIX в.	153
Глава 7. Национальное возрождение в Далмации и Истрии в 60–70-х годах XIX в.	177
Глава 8. Народные волнения 1883 г. Упадок югославизма. Эволюция «партии права». 80-е – первая половина 90-х годов XIX в.	190
Глава 9. Подъем национального движения в Хорватии в конце XIX–начале XX вв.	197
Глава 10. В монархической Югославии. 1918–1941 гг.	231
Глава 11. В федеративной Югославии. 1945–1991 гг.	256
Заключительное слово	283
Примечания	284
Индекс	294
Summary	300
Table of Contents	301
Иллюстрации	302

**Некоторые труды В. И. Фрейдзона
(авторство и редактирование — отв. ред.),
относящиеся к тематике книги**

I. Книги

1. Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859—1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970. 20 а. л. Монография.

2. Освободительные движения народов Австрийской империи. Зарождение и развитие. Конец XVIII в.—1849 г. М., 1980. 44 а. л. (коллект. монография) (отв. ред. и соавтор).

3. Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981 (отв. ред. и соавтор). 36 а. л. (коллект. монография).

4. Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX — начала XX в. М., 1994. 11 а. л.

5. Далмация в хорватском национальном возрождении. XIX в. М., 1997. 10 а. л.

6. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII — начала XX в. (монография). Дубна, 1998. 8 а. л.

II. Статьи, обзоры

1. Революционность и реформизм в национальных движениях XIX в. // Сов. славяноведение. 1975. № 2.

2. Представления и идеи славянской общности в I-й половине XIX в. // Вопросы истории. 1979. № 9.

3. К истории боснийско-мусульманского этноса // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

4. Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи // Там же.

5. К проблеме перехода от феодальной народности к нации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Новая и новейшая история, 1983. № 4.

6. Основные этапы развития и типология общественно-политической мысли славянских народов в XIX в. (в соавторстве с В. А. Дьяковым) // Сов. славяноведение. 1984. № 2.
7. Переход от феодализма к капитализму в странах Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Решенные и дискуссионные проблемы (в соавторстве с Т. М. Исламовым) // Новая и новейшая история. 1986. № 1.
8. Основные проблемы формирования национальных государств в Юго-Восточной Европе (в соавторстве с И. С. Достян) // Советское славяноведение. 1987. № 1.
9. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Закономерности, периодизация и типология процесса (в соавторстве с А. С. Мыльниковым) // Вопросы истории. 1987. № 8.
10. Изучение процесса складывания наций в Центральной Европе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 70–80-е годы (исторические заметки) // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1991.
11. Сербь и хорваты (исторические корни конфликта) // Этнографическое обозрение. 1993. № 1.
12. Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов // На путях к Югославии: за и против. М. 1997.
13. Исторические корни и сущность югославизма // Новая и новейшая история. 1997. № 7.
14. Основные тенденции межвоенной историографии югославизма. 1918–1941 годов // Славяноведение. 1997. № 6.
15. О хорватской историографии 1950–1980-х годов по национальной идеологии // Славяноведение. 1999. № 5.

III. Статьи, опубликованные в других странах

1. Hrvatsko-ruski dodiri 1868–1870 // Historijski zbornik. Zagreb, 1970.
2. Trenutci iz djelatnosti E. Kvaternika // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1972. № 1.
3. Русские консульские донесения из Дубровника о положении в Далмации в 60–70-е гг. XIX в. // Historijski zbornik. 1976–1977.
4. Hnutí slovanských národů do dualismu // Československý časopis historický. Praha, 1976. № 5.

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

А. В. Самойлова

Редактор:

Н. П. Дралова

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 20.03.2000. Подписано в печать 10.12.2000.

Формат 60,88/16. 20 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 3930

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии

«Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia